А. К. ДЖИВЕЛЕГОВЪ

АЛЕКСАНДРЪ I
и
НАПОЛЕОНЪ

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

МОСКВА
ИЗДАНІЕ М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ
1915

Москва.— 1915.
ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА.
Петровка, д. 26. Тел. 1-31-34.

ОТЪ АВТОРА.

Выпуская въ разгаръ европейской войны книгу, значительная часть которой посвящена войнамъ начала XIX вѣка, историкъ не можетъ удержаться отъ нѣкоторыхъ сопоставленій.

Войну 1812 года принято называть „отечественной“, и это названіе можетъ быть оправдано тѣмъ, что дѣйствительно приходилось защищать отечество отъ Наполеона. Ее называли, кромѣ того, „народной“, что, наоборотъ, совсѣмъ невѣрно. И если нужны еще какія-нибудь доказательства этому, кромѣ тѣхъ, которыя приводятся въ этой книгѣ, то достаточно сравнить отношеніе различныхъ круговъ общества къ войнѣ 1812 года и теперь. Въ то время, какъ теперь война всколыхнула всю необъятную ширь нашего отечества, въ то время, какъ не осталось ни одной общественной группы — кромѣ, быть можетъ, крайнихъ правыхъ, плаксиво требующихъ мира, — которая не вложила бы душу въ дѣло одолѣнія „тевтонскаго неистовства“,— въ 1812 году война задѣвала только интересы небольшой кучки привилегированныхъ. Теперь побѣда нужна всей Россіи, богатой и бѣдной, темной и просвѣщенной, безправной и надѣленной правами; въ 1812 году побѣда была нужна только помѣщичьему классу. Оттого теперь мы видимъ то, чего никто не могъ видѣть въ 1812 году: что вся Россія стала огромнымъ военнымъ лагеремъ, гдѣ формируются новые и новые кадры воиновъ, гдѣ готовятся припасы, гдѣ лѣчатся раненые. Теперь, когда мы видимъ, какой бываетъ настоящая „народная“ война, можно, мнѣ кажется, со спокойнымъ сердцемъ перестать называть „народной“ войну 1812 года.

Двѣ войны — двѣ политики. Насколько разнятся между со-

бою войны 1812/13 и 1914/15 годовъ, настолько разнится и международная политика теперь и сто лѣтъ назадъ. Тогда внѣшнюю политику дѣлали интересы помѣщичьяго класса и личныхъ симпатій и антипатій правительствующихъ лицъ. Первое обусловливало разрывъ съ Франціей, второе — поддержку Австріи и Пруссіи. Весь XIX вѣкъ, начиная съ Вѣнскаго конгресса, давалъ доказательства тому, какую ошибку сдѣлалъ императоръ Александръ, усиливая Австрію и Пруссію. Много разъ склоняла голову Россія подъ тяжестью этой ошибки: въ 1855 году, когда Австрія „удивила міръ неблагодарностью", въ 1878, когда Бисмаркъ изображалъ „честнаго маклера", въ 1908, когда мы принуждены были спокойно взирать на аннексію Босніи и Герцеговины, въ 1912, когда мы едва не утратили окончательно свое вліяніе на Балканахъ. Только теперь мы нашли правильный путь: съ Англіей и Франціей противъ нашихъ союзниковъ 1813 и 1814 года. Лишить Германію ея сокрушительной силы, которую она съ нашей легкой руки сумѣла накопить за сто лѣтъ — такова правильно понятая задача нашей внѣшней политики.

И подобно тому, какъ „народный" характеръ настоящей войны сдѣлался возможенъ лишь благодаря тому, что Россія жила десять лѣтъ при новомъ политическомъ порядкѣ, такъ и новая политика оказалась осуществимой только потому, что руководители нашей дипломатіи могутъ опереться на народное представительство, на нашу Думу.

Въ обоихъ отношеніяхъ сто лѣтъ не прошли даромъ. Когда послѣ окончанія войны великій международный конгрессъ займется пересмотромъ карты Европы, — нужно вѣрить, что принципы, царившіе на Вѣнскомъ конгрессѣ, во времена Аахена, Троппау, Лайбаха и Вероны будутъ замѣнены другими: прямо противоположными. Иначе вѣдь и война была бы безцѣльной.

Доказательства всѣмъ этимъ соображеніямъ читатель найдетъ въ книгѣ. И я радъ, что она выходитъ достаточно во-время, чтобы дать обществу нѣкоторый матеріалъ для *исторической* оцѣнки настоящей войны.

Въ этой книгѣ я собралъ свои статьи, разбросанныя въ раз-

личныхъ періодическихъ и непеоріодическихъ изданіяхъ: „Книга для чтенія по новой исторіи“, „Отечественная война и русское общество“, „Война и Миръ“, „Русскія Вѣдомости“, „Голосъ Минувшаго“, „Современное Слово“.

Конечно, статьи всѣ пересмотрѣны: большинство изъ нихъ сильно дополнены, многія совершенно переработаны. Я всячески старался устранить повторенія, неизбѣжныя при разновременномъ составленіи статей одинаковаго научнаго содержанія; повторенія, которыя остались, мнѣ кажется, уже не будутъ смущать даже внимательнаго читателя. Еще больше я старался о томъ, чтобы въ книгѣ ярче выступила моя основная научная точка зрѣнія; именно этой цѣли служили дополненія, иногда очень большія, сдѣланныя въ отдѣльныхъ статьяхъ.

Этимъ путемъ книга, части которой связаны между собой лишь внѣшнимъ образомъ, получитъ, нужно надѣяться, нѣкоторое единство.

Я не пытался ввести въ книгу признаки формальнаго единства. Нѣкоторыя статьи снабжены указаніями на матеріалъ, другія—нѣтъ. Въ статью „Война 1812 года“ не внесены очерки о многихъ существенныхъ моментахъ и т. д.

А. Д.

Москва.
Апрѣль, 1915.

Францiя и Европа при революцiи и имперiи.

Вмѣсто введенiя.

I.

Съ самаго начала революцiи было ясно, что она не можетъ остаться чисто французскимъ явленiемъ. Тѣ измѣненiя въ соцiальномъ и политическомъ строѣ, которыя она несла съ собою, задѣвали слишкомъ много могущественныхъ интересовъ во Францiи и еще больше возбуждали могущественныхъ надеждъ внѣ ея. Революцiя была угрозою династiямъ и тѣсно связаннымъ съ династiями владѣющимъ классамъ: дворянству и духовенству. Революцiя была яркою зарею для классовъ безправныхъ и угнетенныхъ и прежде всего для буржуазiи, которая почти всюду играла крупную соцiальную роль, сознавала свое значенiе, но была абсолютно лишена всякаго политическаго влiянiя. Тѣ, кому революцiя угрожала, естественно должны были попытаться вырвать у нея ея жало. Тѣ, кому она возвѣщала зарю новой, болѣе счастливой, жизни, также естественно должны были дарить ей свое сочувствiе, болѣе или менѣе активное.

Такъ образовалось то сплетенiе, которое роковымъ образомъ двинуло къ французскимъ границамъ силы европейскаго стараго порядка, которое подняло всю Францiю на защиту свободы и равенства, которое въ тылу у европейской реакцiи вложило остро отточенный кинжалъ въ руки обездоленныхъ.

Къ концу XVIII в. въ Европѣ, несомнѣнно, имѣлась налицо почва, которая дѣлала необходимымъ вовлеченiе другихъ европейскихъ странъ во внутреннiй французскiй катаклизмъ. Въ XVII в. двѣ революцiи подъ рядъ, разразившiяся въ Англiи, не вызвали никакого сколько-нибудь серьезнаго отзвука на континентѣ. Это понятно: во-первыхъ, англiйская революцiя

не имѣла столь же ярко выраженнаго соціальнаго характера какой съ самаго начала получила французская. Слѣдовательно зараза, если и была, должна была носить чисто-политическій характеръ. Во-вторыхъ, въ XVII в. Англія такъ далеко опередила континентъ на пути политическаго развитія, что сужденія объ англійскихъ революціяхъ въ европейскомъ обществѣ не должны были очень отличаться отъ того, которое ходило на Руси и считало революцію „великимъ злымъ дѣломъ“. Политическіе интересы европейскаго третьяго сословія, отражавшіе его соціальный ростъ, не просачивались еще очень замѣтнымъ образомъ въ его идеологію; эта идеологія, благодаря усиліямъ церкви и школы, отражала интересы династій и союзныхъ съ династіями общественныхъ группъ. Политическія и общественныя ученія противоположнаго характера оставались явленіемъ по преимуществу литературнымъ.

Совсѣмъ иную картину представляла Европа въ концѣ XVIII вѣка. Общественное развитіе привело къ тому, что третье сословіе уже повсюду сознавало необходимость пробиться къ власти. Во Франціи оно оказалось въ силахъ достигнуть этого. Въ другихъ странахъ французскія событія комментировались такимъ образомъ, что правящимъ классамъ и династіямъ приходилось крѣпко задумываться. Наиболѣе передовая часть третьяго сословія разсуждала, что стоитъ произвести нѣкоторыя усилія, и то, что достигнуто во Франціи, будетъ достигнуто и въ другой странѣ. Поэтому ореолъ революціи сразу сдѣлался такъ великъ. Поэтому ее привѣтствовали Шиллеръ и Кантъ, Гердеръ и Клопштокъ, Шериданъ и Мэкинтошъ, Алфіери и Фоксъ, — словомъ, люди, выражающіе классовую точку зрѣнія различныхъ группъ третьяго сословія.

Гете, который былъ свидѣтелемъ подъема, переживавшагося рейнской буржуазіей, припомнилъ о немъ въ „Германѣ и Доротеѣ“.

Кто не сознается, какъ трепетало въ немъ радостно сердце,
Какъ въ свободной груди пульсы всѣ бились живѣе
Въ часъ тотъ великій, когда засвѣтилось вдругъ новое солнце,
Какъ услыхали впервые народы объ общихъ правахъ человѣка,
О вдохновенной свободѣ, о равенствѣ, всѣхъ восторгавшемъ.
Всякій въ то время надѣялся жить безъ помѣхи. Казалось,
Будто оковы, которыми лѣнь съ эгоизмомъ такъ долго
Многія страны собой угнетали, всѣ разомъ распались.

Это повсемѣстное почти сочувствіе революціи въ средѣ вліятельныхъ общественныхъ группъ дѣлало задачу правительствъ, возставшихъ на защиту идеи легитимизма и абсолютизма, очень нелегкой. Правительственная власть въ тѣхъ странахъ, которыя въ первую очередь пошли противъ омоложенной революціей Франціи, — въ Пруссіи и Австріи, — была достаточно сильна, чтобы двинуть арміи вопреки общественному мнѣнію. Но жуткое сознаніе, что за спиною у этихъ армій остаются люди, сочувствующіе принципамъ 1789 года и считающіе походъ за Рейнъ и Бельгію въ угоду хныкающимъ французскимъ эмигрантамъ нелѣпой авантюрой, не позволяла правительствамъ проявлять большую настойчивость. И пока Франція вела войну оборонительную, пока она защищала свои политическіе идеалы, дорогіе буржуазіи всей Европы, иначе быть не могло. Потомъ все перемѣнится, когда революція перейдетъ въ наступленіе и станетъ на путь завоеваній.

II.

Общность политическихъ интересовъ у французскаго третьяго сословія и у третьяго сословія другихъ европейскихъ странъ придавала принципамъ 1789 года огромную силу пропаганды. Революціонный энтузіазмъ французскаго третьяго сословія сообщалъ имъ необычайную силу сопротивленія. Двѣ главныхъ группы третьяго сословія — буржуазія и крестьянство — были кровно заинтересованы въ томъ, чтобы власть, вырванная у династіи и союзныхъ съ нею землевладѣльческихъ феодальныхъ группъ, не вернулась къ нимъ вновь. Буржуазіи это было важно потому, что абсолютизмъ стѣснялъ ей свободу въ дѣлахъ торговыхъ и промышленныхъ и дѣлалъ очень ненадежнымъ помѣщеніе денегъ въ государственные фонды. Для крестьянства реставрація абсолютизма означала возвращеніе земель прежнимъ владѣльцамъ. Съ военной точки зрѣнія особенно важно было настроеніе крестьянства, ибо крестьяне не только давали превосходныхъ солдатъ въ армію, но при первомъ вторженіи пруссаковъ во Францію составляли партизанскіе отряды, добросовѣстно истреблявшіе, особенно во время отступленія, эмигрантскіе батальоны, примкнувшіе къ арміи герцога Брауншвейгскаго. Въ эмигрантахъ крестьяне видѣли уже личныхъ

враговъ и были къ нимъ безпощадны: каждый убитый эмигрантъ сокращалъ количество претендентовъ на земли, пріобрѣтенныя ими изъ фонда національныхъ имуществъ.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что впервые теорія вооруженной пропаганды была выставлена той группой, которая представляла радикальную часть буржуазіи—жирондистами. Эта теорія не могла появиться при Учредительномъ собраніи, потому что оно было слишкомъ занято борьбою съ врагами внутри и не имѣло времени думать о внѣшнихъ осложненіяхъ. Правда, Мирабо въ своихъ размышленіяхъ о томъ, какъ укрѣпить новый порядокъ, думалъ и о внѣшнихъ дѣлахъ; система внѣшней политики занимала очень видное мѣсто въ его планахъ организаціи конституціонной монархіи. Для великаго трибуна упроченіе новаго порядка зависѣло прежде всего отъ того, сумѣетъ ли королевская власть проникнуться идеями революціи, сумѣетъ ли король стать королемъ революціи. Онъ предвидѣлъ многія затрудненія на этомъ пути и считалъ ихъ преодолимыми всѣ, не исключая и гражданской войны. Но одно затрудненіе онъ считалъ губительнымъ: войну съ иностранцами. Трудно сказать, изъ чьихъ интересовъ исходилъ Мирабо, предостерегая короля отъ апеллированія къ иностранцамъ противъ революціи: королевской власти или французскаго народа. Но онъ посылалъ самымъ настойчивымъ образомъ свои предупрежденія. Гражданская война, въ которой король во главѣ части французовъ сражается съ другой частью, не казалась ему противоестественной. Но нашествіе иностранцевъ, въ обозѣ у которыхъ ѣдетъ король Франціи, представлялось ему чудовищнымъ по существу и крайне опаснымъ практически. Поэтому вѣнцомъ его взглядовъ на вопросъ внѣшней политики былъ миръ, миръ во что бы то ни стало, какъ условіе прочности революціи. Всѣ двадцать пять лѣтъ исторіи революціи показали, сколько геніальнаго предвидѣнія и политической прозорливости было въ этихъ простыхъ, какъ элементарный силлогизмъ, заключеніяхъ.

Другіе дѣятели Учредительнаго собранія не глядѣли такъ далеко, какъ Мирабо. Война казалась большинству изъ нихъ опасной не потому, что она могла принести гибель революціи, а потому, что у нихъ были серьезныя опасенія насчетъ арміи: она представлялась имъ ненадежной съ точки зрѣнія револю-

ціи. Эти опасенія первое время не были чужды и Законодательному собранію, но когда ребромъ поставился вопросъ объ опасности со стороны правительствъ Европы, страхъ передъ арміей сталъ проходить. Тѣмъ болѣе, что наиболѣе реакціонная часть офицерства къ этому времени успѣла эмигрировать. Вопросы внѣшней политики мало-по-малу стали въ порядокъ дня. Вотъ тутъ-то и была выдвинута теорія жирондистовъ, провозглашенная впервые Бриссо, Изнаромъ и Кондорсе. Они были убѣждены, что система вооруженной пропаганды явится спасеніемъ въ той опасности, которая грозила Франціи отъ Европы. Они ни на минуту не сомнѣвались, что стоитъ только революціоннымъ войскамъ перейти границу, неся впереди знамя съ начертанными на немъ принципами 1789 года, и народы внезапно, не задумываясь ни надъ чѣмъ, возстанутъ противъ своихъ правительствъ. Возстаніе разстроитъ планы коалиціи и такимъ образомъ спасетъ Францію. Въ этой теоріи было много наивнаго идеализма, и ея стратегическое значеніе было, конечно, очень невелико. Робеспьеръ чувствовалъ это, когда во время преній о внѣшней политикѣ въ якобинскомъ клубѣ въ началѣ 1792 года горячо возставалъ противъ жирондистскихъ идей. Онъ доказывалъ, что „люди не любятъ вооруженныхъ миссіонеровъ“, что вооруженная пропаганда можетъ привести къ результатамъ весьма плачевнымъ, особенно при жалкомъ положеніи французскихъ вооруженныхъ силъ. Эта точка зрѣнія одержала верхъ. Побѣда надъ жирондистами въ этомъ вопросѣ была облегчена для Робеспьера еще и тѣмъ, что многіе считали неблагоразумнымъ втягивать страну во внѣшнія осложненія, не сокрушивъ окончательно королевскую власть.

Такъ, соображенія внѣшней опасности тѣсно переплетались съ мотивами внутреннихъ тревогъ и не выпускали революціонную политику изъ круга жуткихъ колебаній. И были всѣ основанія для тревогъ, ибо Европа не дремала.

III.

Въ началѣ революціи единственнымъ поводомъ для недовольства противъ Франціи у Австріи и Пруссіи была судьба имперскихъ клиньевъ во французской территоріи, подпавшихъ

подъ дѣйствіе декретовъ 4 августа. Но поводы эти были незначительны. Крупныхъ интересовъ они не затрогивали, и потому къ большимъ осложненіямъ не приводили. Изъ-за того, что въ какомъ-нибудь Мемпельгардѣ у князя были отняты феодальныя права, трудно было ожидать объявленія войны. Варенскія событія сдѣлали положеніе болѣе серьезнымъ. Арестъ пытавшагося бѣжать за границу короля и насильственное, не слишкомъ почтительное, возвращеніе его въ Парижъ въ глазахъ старой Европы были тяжкимъ оскорбленіемъ не только Людовика XVI, но королевской власти, какъ священнаго института. Равнодушно относиться къ этому ни въ Пруссіи, ни въ Австріи не могли. Приготовленія въ Германіи приняли вслѣдствіе этого настолько вызывающій характеръ, что партія мира во Франціи потеряла почву. Въ мартѣ 1792 года образовалось такъ называемое жирондистское министерство, руководимое г-жой Роланъ и насквозь пропитанное иллюзіями Бриссо; уже 20 апрѣля оно заставило Людовика объявить войну „королю Венгріи и Богеміи“. Такой титулъ былъ выбранъ изъ осторожности, чтобы не вовлечь въ войну имперскихъ князей и особенно Пруссіи. Но осторожность не привела ни къ чему. Попытки министра иностранныхъ дѣлъ Дюмурье предупредить войну съ Пруссіей оказались безуспѣшны. Въ силу заключеннаго ранѣе Пильницкаго соглашенія (27 авг. 1791) Пруссія примкнула къ Австріи.

Первыя неудачи на поляхъ сраженія опрокинули жирондистское министерство. Законодательное собраніе 11 іюля объявило отечество въ опасности. Декретъ всколыхнулъ всю страну сверху донизу. Въ одномъ порывѣ слились всѣ классы третьяго сословія и все, что осталось отъ первыхъ двухъ. Общая опасность сплотила всѣхъ и положила начало тому національному чувству, которое должно было дѣлать чудеса въ теченіе почти двадцати пяти лѣтъ. На эту почву упалъ наглый эмигрантскій манифестъ, неосторожно подписанный герцогомъ Брауншвейгскимъ (25 іюля). Его результатомъ было прежде всего 10 августа: провозглашеніе республики. Рубиконъ былъ перейденъ. Интригамъ двора положенъ конецъ. Королевская власть не существовала болѣе. Отвѣтомъ на 10 августа было вступленіе во Францію прусскихъ войскъ, а отвѣтомъ на нашествіе—сентябрьскій погромъ въ тюрьмахъ Парижа: революція защищала, какъ умѣла, свой тылъ, прежде чѣмъ встрѣтить врага лицомъ къ лицу. А когда

закаленные въ бояхъ солдаты Фридриха Великаго 20 сентября столкнулись подъ Вальми съ „неорганизованнымъ сбродомъ“, произошло чудо. „Сбродъ“ блистательно устоялъ подъ адскимъ огнемъ прусскихъ пушекъ. Сброда больше не было подъ французскими знаменами. Была армія, одушевленная любовью къ родинѣ и вѣрой въ побѣду, готовая защищать пріобрѣтенія революціи противъ всего свѣта. Майоръ Массенбахъ сказалъ, глотая горечь пораженія и предвидя впереди худшее: „Мы не только проиграли сраженіе; 20 сентября измѣнило ходъ исторіи. Это самый важный день столѣтія“. А вечеромъ, у бивуака, великій Гете, мнѣнія котораго спрашивали офицеры, произнесъ знаменитую фразу: „Сегодня въ этомъ мѣстѣ начинается новая эпоха въ исторіи, и вы можете говорить: я былъ при этомъ“. Нѣсколько дней спустя герцогъ Брауншвейгскій вынужденъ былъ начать отступленіе.

Когда извѣстіе о Вальми пришло въ Парижъ, Законодательное собраніе уже окончило свое существованіе. Конвентъ собрался 20 сентября и взялъ въ свои руки управленіе судьбами Франціи. Послѣ 10 августа руководители французской внѣшней политики всѣми силами старались показать Европѣ, что ничего особеннаго, собственно говоря, не произошло, что низложеніе короля не должно мѣнять отношеній между Франціей и державами, которыя еще не воевали съ ней. Конвентъ очень недолго стоялъ на этой точкѣ зрѣнія. Его политика была смѣлѣе и послѣдовательнѣе. Громы канонады подъ Вальми вдохнули въ него увѣренность. 23 октября пруссаки очистили французскую территорію, а двумя днями раньше Кюстинъ занялъ Майнцъ. Событія, сопровождавшія оккупацію лѣваго берега Рейна, были такого свойства, что Конвентъ могъ съ вѣрою смотрѣть въ лицо грядущему. Казалось, оправдывались всѣ самыя безбрежныя надежды жирондистовъ на то, что вооруженная пропаганда будетъ для Франціи сплошнымъ тріумфомъ. Девизъ „guerre aux chateaux, paix aux chaumières“ принимался лѣвобережной буржуазіей съ криками восторга. Ликованія вызывалъ приказъ Кюстина: „французъ, сражающійся за свободу, одной рукой протягиваетъ вамъ символъ мира, а другой погружаетъ свое оружіе въ грудь вашихъ притѣснителей. Солдаты, защищающіе рабство, одни падутъ подъ нашими ударами“... Пропаганда рейнскаго патріота-революціонера Форстера

еще больше, чѣмъ французское оружіе, открывала путь революціоннымъ войскамъ. Двѣ группы третьяго сословія, французская и нѣмецкая, находившіяся въ одинаковыхъ экономическихъ условіяхъ, страдающія отъ однѣхъ и тѣхъ же бѣдъ, протягивали другъ другу руки. Нѣмцы смотрѣли на французовъ не какъ на завоевателей, а какъ на освободителей. То же было въ Савойѣ, гдѣ французское по крови населеніе, порабощенное Пьемонтомъ, устраивало оваціи генералу Монтескью. „Походъ моей арміи былъ сплошнымъ тріумфомъ", доносилъ генералъ. „Намъ казалось,—писали комиссары Конвента,—что, перейдя границу, мы не покидали родины".

Конвентъ былъ опьяненъ этими первыми успѣхами. Даже Дантонъ, геніальнѣйшій изъ политиковъ Конвента, далъ идеѣ вооруженной пропаганды увлечь себя, хотя онъ уже тогда предчувствовалъ, что реальные интересы государства станутъ въ противорѣчіе съ революціоннымъ идеализмомъ. Большинство же Конвента цѣликомъ было насыщено этимъ идеализмомъ. Такъ, идея вооруженной пропаганды постепенно раскрылась въ представленіе о необходимости завоевательной политики. Побѣда при Жемаппѣ, одержанная въ ноябрѣ, еще больше укрѣпила Конвентъ въ его воинственныхъ планахъ.

IV.

Въ это время партійная борьба начинала уже оказывать сильное вліяніе на ходъ какъ внутренней, такъ и внѣшней политики. Дѣйствительная власть въ конвентѣ постепенно переходила къ крайней лѣвой, къ Горѣ. Политики Горы отлично понимали, что для сохраненія и усиленія своего вліянія они должны были показать Франціи и Парижу, что республика укрѣплена безповоротно только благодаря имъ. Для этого имъ было необходимо добиться казни короля. А казнь короля—они это знали—дѣлала надолго невозможнымъ миръ съ Европой. Послѣ казни короля вынудить Европу къ миру можно было только силою оружія. Это, въ свою очередь, приводило къ необходимости продолжать войну.

Но внутренняя логика завоевательной политики требовала, чтобы завоеваніямъ былъ поставленъ какой-нибудь реально

достижимый предѣлъ. Генералы рвались впередъ. Монтескью говорилъ о занятіи Пьемонта, Келлерманъ требовалъ похода въ Римъ. Конвентъ долженъ былъ рѣшить, въ какой мѣрѣ можно благословить генераловъ на дальнѣйшую „вооруженную пропаганду". И принципъ былъ найденъ. У Руссо, въ „Traité de la paix perpetuelle", отыскали ученіе о естественныхъ границахъ. Его положилъ въ основу своего доклада, читаннаго 27 ноября, бывшій епископъ Грегуаръ. „Франція,—говорилось тамъ,—есть самодовлѣющее цѣлое, ибо природа отовсюду поставила ей границы, позволяющія не думать объ увеличеніи". Съ этой точки зрѣнія первымъ обсуждался вопросъ о присоединеніи Савойи. Область находилась по сю сторону Альпійскаго барьера, и Конвентъ рѣшилъ внять голосу мѣстнаго населенія, просившаго принять его въ составъ французскихъ гражданъ. И сейчасъ же Конвентъ нашелъ практическое средство, которое должно было облегчить ему практическую организацію военнаго дѣла. Бретонскій морякъ капитанъ Керсэнъ предложилъ учредить „Комитетъ общей защиты" (Comité de défense générale). Онъ организовался 4 января и сейчасъ же принялся за дѣло. Это былъ прототипъ Комитета Общественнаго Блага. Большинство въ немъ принадлежало жирондистамъ, онъ не стремился къ диктатурѣ, но онъ положилъ первые камни правильной національной обороны. 26 февраля, по докладу Дюбуа-Крансэ, Комитетъ вотировалъ декретъ объ организаціи арміи по принципу „амальгамы", т. е. сліянія старыхъ линейныхъ батальоновъ съ новыми, добровольческими. Таково было происхожденіе будущей грозной арміи революціи. Она должна была понадобиться очень скоро, потому что политика республики становилась все болѣе воинственной. Уже послѣ того, какъ голова Людовика XVI скатилась съ эшафота, послѣ того, какъ начали оправдываться всѣ мрачныя предвидѣнія противниковъ казни, совсѣмъ наканунѣ разрыва съ Англіей, идею естественныхъ границъ взялся защищать Дантонъ. Это было 31 янв. 1793 г. Съ обычнымъ своимъ мастерствомъ онъ далъ ей такія формулы, что она сразу завоевала аудиторію и сдѣлалась знаменемъ всей внѣшней политики не только республики, но и имперіи на много лѣтъ. Правда, она очень быстро стала показывать всю свою пагубную сущность, и геній Дантона помогъ ему тогда разглядѣть сдѣланную имъ тяжкую ошибку. Но было уже поздно.

Идеалистическіе порывы и гордые національные лозунги должны были исказиться, и первое искажающее прикосновеніе было дѣломъ Камбона. Этотъ практикъ, бывшій купецъ, еще 15 декабря 1792 г. представилъ Конвенту докладъ. Указавъ на то, что у республики не хватитъ средствъ, чтобы вести филантропическую вооруженную пропаганду, онъ требовалъ, чтобы завоеванныя земли были присоединены къ Франціи, чтобы имущество привилегированныхъ было конфисковано въ пользу республики. Это былъ естественный выводъ, только логичный; это была дань голосу реальной политики, о которомъ до той поры склонны были забывать. Конвентъ сейчасъ же понялъ, что Камбонъ подаетъ ему яблоко съ древа познанія. И когда Дантонъ произнесъ въ Конвентѣ свою рѣчь о естественныхъ границахъ, участь Бельгіи и лѣваго берега Рейна была рѣшена. Это означало войну съ Англіей, Голландіей и Испаніей. Конвентъ былъ готовъ на нее заранѣе. Послѣ рѣчи Дантона война была объявлена двумъ первымъ, 7 марта—послѣдней.

Событія однако пошли такъ, что, по крайней мѣрѣ наиболѣе дальновидные, должны были освободиться отъ идеалистическаго тумана, окутывавшаго ихъ взоры. Экспедиція въ Голландію кончилась плачевно. Бельгія возстала, и ее пришлось очистить. Дюмурье измѣнилъ. Кюстинъ отступилъ изъ Майнца. Въ Вандеѣ началось контръ-революціонное движеніе. Веденіе внѣшней политики оказывалось очень мало похожимъ на тотъ рядъ тріумфовъ, который рисовался жирондистамъ и вождямъ первыхъ завоевательныхъ походовъ: Кюстину, Монтескью. Чтобы справиться съ выросшими вдругъ затрудненіями, требовалось не только мужество, но и самая напряженная работа. Тогда-то Конвентъ прибѣгъ къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. 6 апрѣля созданъ былъ первый Комитетъ Общественнаго Блага, и душою его сталъ Дантонъ. Его государственный геній отчетливо различалъ главныя задачи момента: побѣда надъ врагами во внѣшнихъ дѣлахъ, а внутри возстановленіе прочнаго порядка, обезпеченнаго конституціей. Но онъ уже понималъ, наученный событіями въ Бельгіи и эпизодомъ съ Дюмурье, что естественныя границы—цѣль, поставленная неправильно. Завоевательная политика поведетъ къ диктатурѣ арміи, т.-е. счастливаго генерала. Дюмурье не удался походъ на Парижъ; онъ легко мо-

жетъ удаться другому. Война погубитъ республику. Съ другой стороны, народы, которыхъ раньше республика только освобождала отъ ига тиранніи по рецепту Изнара и Кондорсе, которыхъ теперь она хочетъ порабощать и эксплуатировать по рецепту Камбона, возстанутъ противъ этой странной освободительной механики. Геній свободы, геній національной независимости, осѣнявшіе своими крыльями республиканскіе легіоны подъ Вальми и Жемаппомъ, грозили отлетѣть во вражескій станъ.

Но реальная задача все-таки была налицо: обезпеченіе безопасности и независимости Франціи. Нужно было найти средства для ея разрѣшенія. Война, — война завоевательная, съ перспективою естественныхъ границъ, — казалось, грозила крушеніемъ и безопасности и независимости. Слѣдовательно, нужно было искать мира. И искать не только на полѣ сраженія, а и путемъ дипломатическихъ переговоровъ. Таковы были выводы Дантона. Война при этомъ, конечно, не отрицалась. Но цѣль ей ставилась уже вполнѣ реалистическая. Не идеалистическая революціонная война, а просто война въ интересахъ государственныхъ, какъ въ былыя времена.

И если бы не неудачи, преслѣдовавшія Францію съ апрѣля по сентябрь 1793 г. на поляхъ сраженія у границъ и въ Вандеѣ,—политика Дантона, единственно правильная, единственно обѣщавшая быстрое успокоеніе, быть-можетъ, и могла бы восторжествовать. Но пораженія и анархія погубили Дантона. Все, что было обусловлено полной дезорганизаціей, все, чѣмъ дѣйствительность отплачивала за утопическія увлеченія,— все было поставлено въ вину Дантону. Ударъ пришелъ слѣва. Наносилъ его вождь крайней лѣвой якобинства, Робеспьеръ, человѣкъ, которому былъ чуждъ благородный патріотизмъ Дантона, которому анархія была выгодна, ибо она помогала устраивать ему его партійныя дѣла, которому война была нужна, чтобы на ней строить диктатуру, который былъ даже не фанатикомъ, а вульгарнымъ честолюбцемъ, который готовъ былъ всю Францію принести въ жертву своему трезвенному тщеславію. Исключеніе Дантона изъ Комитета и вступленіе въ него Робеспьера (27 іюня 1793 г.) было поворотнымъ моментомъ. Новый Комитетъ Общественнаго Блага, весь составленный изъ друзей Робеспьера, поддерживалъ войну, чтобы оправдать

свою диктатуру, организовалъ терроръ, чтобъ подъ видомъ искорененія враговъ республики раздѣлаться со своими противниками.

V.

У Робеспьера не было никакихъ ясныхъ идей относительно способовъ веденія внѣшней политики. Онъ зналъ только одно: что нужно продолжать войну, что война пьедесталъ для его диктатуры. Дантонъ помогъ ему отдѣлаться отъ жирондистовъ, мѣшавшихъ ему; теперь ему легче было избавиться и отъ него самого, послѣдняго крупнаго противника. Поэтому всѣ сношенія въ иностранными державами, начатыя Дантономъ, были круто оборваны. Войну рѣшено было продолжать à outrance. И судьбѣ было угодно, чтобы плоды усилій Дантона, результаты организаторскаго генія Карно пошли на пользу той политикѣ террора, которую проводилъ Робеспьеръ. Въ октябрѣ счастье повернулось, наконецъ, снова лицомъ къ французамъ: Журданъ, Пишегрю, Гошъ очистили границу, Клеберъ и Марсо нанесли первый рѣшительный ударъ вандейцамъ. Бонапартъ взялъ Тулонъ. Все это было дѣломъ организаціи и боевого таланта блестящей плеяды генераловъ, подобной которой не видѣлъ свѣтъ. Терроръ не игралъ никакой роли въ побѣдахъ. Это всего лучше будетъ видно нѣсколько позднѣе, когда Гошъ справедливостью и гуманностью достигнетъ въ Вандеѣ того, что оказалось не подъ силу „адскимъ колоннамъ“ Тюро, и Карье съ его отвратительными ноаядами.

Въ концѣ 1793 года побѣдилъ внѣшняго и внутренняго врага геній молодой Франціи, окрыленной патріотизмомъ, а не терроръ, который былъ гніющей болячкой на тѣлѣ республики. Ибо въ то время какъ побѣду давало геройство, безкорыстіе, благородство, въ террорѣ торжествовали мелочная мстительность, зависть, безстыдный карьеризмъ. Но въ глазахъ общества терроръ оправдывался внѣшними и внутренними неудачами. Вѣдь казалось, что австрійскія и прусскія войска уже совсѣмъ готовы вновь наводнить Францію, что вандейцы, поддерживаемые неистощимой казной Англіи и притокомъ людей изъ кадровъ эмиграціи, вотъ-вотъ двинутся на Парижъ. И вставалъ трагическій вопросъ, — вопросъ, который представлялся гроз-

нымъ не только съ точки зрѣнія политиканствующихъ якобинцевъ, а съ точки зрѣнія любого буржуа, любого крестьянина: что станется съ соціальнымъ строемъ, созданнымъ революціей? Его нужно было спасать какой угодно цѣной. Этотъ мотивъ былъ понятенъ всѣмъ, ибо онъ касался интересовъ. Для всѣхъ священно было то оружіе, которое поднималось на защиту новыхъ экономическихъ отношеній. Якобинцы сумѣли сдѣлать такъ, что этимъ оружіемъ представлялась теперь гильотина. И люди благословляли гильотину. А когда дѣла пошли лучше на границахъ и въ Вандеѣ, якобинцамъ ничего не стоило создать между терроромъ и благопріятнымъ поворотомъ причинную связь. Поэтому Робеспьеръ никогда не пользовался такимъ сокрушающимъ могуществомъ, какъ въ послѣдніе мѣсяцы 1793 и въ первые 1794 гсда, когда опасность новаго вторженія во Францію была устранена и миновалъ критическій моментъ въ Вандеѣ. Дантонъ погибъ 5 апрѣля.

Но тѣ же внѣшнія дѣла, которыя вознесли Робеспьера, готовили ему и кровавый конецъ. 18 мая Сугамъ и Макдональдъ побили австрійцевъ подъ Туркуаномъ, 26 іюня Журданъ разбилъ главныя имперскія силы при Флерюсѣ въ рѣшительномъ бою. Бельгія была завоевана вновь; Пишегрю прогналъ англичанъ и 23 іюля занялъ Антверпенъ. Пруссаки, подвинувшіеся къ Триру, 10 августа вынуждены были отступить подъ Майнцъ. Прусскій король, Испанія, Голландія начали склоняться къ миру.

Франція была спасена и съ нею новый соціальный порядокъ. Ничто не угрожало больше буржуазіи и крестьянамъ, купившимъ земли изъ фонда національныхъ имуществъ. И гильотина сразу стала не нужна. „Побѣды, какъ фуріи, набросились на Робеспьера“. Только теперь, благодаря побѣдамъ, люди отрезвѣли отъ кроваваго хмеля, и то, что казалось имъ раньше операціей, спасающей отечество, предстало въ настоящемъ видѣ. Они увидѣли человѣка съ отуманеннымъ взглядомъ, одержимаго паническимъ, уже не совсѣмъ нормальнымъ, страхомъ, который, чтобы оградить себя отъ опасности, посылаетъ на эшафотъ лучшихъ людей Франціи, лучшихъ рыцарей революціи. Одна за другой валились головы жирондистовъ, Дантона, Демулена, Вестермана, Кюстина. Очередь ждала Гоша, Ахилла революціи, который спасся только чудомъ.

„Кровь Дантона душитъ его!“ крикнули Робеспьеру, когда онъ вздумалъ защищаться въ роковой день 9 термидора (27 іюля). И это была правда. Ненужность вакханаліи судебныхъ убійствъ сдѣлалась ясна сама собою послѣ Флерюса. Робеспьеръ пошелъ на эшафотъ. Терроръ кончился. Но кошмаръ этого безконечнаго періода казней не прошелъ даромъ для Франціи. Онъ былъ причиною, что послѣ Робеспьера правленіе попало въ руки людей, ненавидѣвшихъ революцію. Онъ далъ наслѣдіе якобинцевъ въ руки оппортюнистовъ и карьеристовъ, которые даже не пытаются драпироваться въ тогу фанатизма, которые цинично ищутъ средствъ самимъ удержаться у власти. Въ ихъ средѣ не долго сумѣютъ сохранить свое вліяніе даже такіе люди, какъ Роберъ Ленде и Карно, „организаторъ побѣды“. Мерленъ (изъ Дуэ), Камбасересъ, Сійэсъ, рѣшившійся, наконецъ, вновь показать міру и человѣчеству свою драгоцѣнную персону, и выдвигающійся понемногу изъ-за нихъ Баррасъ, забывшій былое якобинство,—вотъ ихъ вожди.

VI.

Дѣла внѣшнія въ планахъ и расчетахъ термидоріанцевъ должны были играть огромную роль. Съ паденіемъ Робеспьера духъ республиканства въ обществѣ не ослабѣлъ ни на іоту. То же чувство опасенія за новый соціальный строй, которое было главнымъ моментомъ, сообщавшимъ революціи ея устойчивость, говорило, что королевская власть — это реставрація стараго, наплывъ эмигрантовъ и отобраніе національныхъ имуществъ въ пользу прежнихъ владѣльцевъ. Другого способа ликвидаціи республики—съ помощью удачливаго генерала—теперь еще не видѣли. До него додумаются позднѣе. Во всякомъ случаѣ нація цѣпко держится за идею республики. Но она въ то же время хочетъ мира, мира во что бы то ни стало, мира хотя бы въ старыхъ границахъ, чтобы отдохнуть отъ тревогъ и отдаться спокойной созидательной работѣ. Она хочетъ, наконецъ, такой конституціи, подъ сѣнью которой Франція могла бы успокоиться отъ пережитыхъ страховъ и потрясеній. Въ Конвентѣ вся Равнина стоитъ на этой точкѣ зрѣнія. Однако для термидоріанцевъ, захватившихъ власть, миръ въ старыхъ границахъ вовсе не

является сколько-нибудь удобнымъ выходомъ. Они, товарищи Дантона, покинувшіе его, когда онъ велъ борьбу на жизнь и смерть съ Робеспьеромъ, теперь вспоминаютъ, что ихъ вождь когда-то выдвинулъ лозунгъ естественныхъ границъ, и слышать не хотятъ о мирѣ иначе, какъ въ этихъ условіяхъ. Ибо война требуетъ энергичныхъ людей во главѣ правительства, а они думаютъ, что, кромѣ нихъ, у Франціи уже нѣтъ энергичныхъ людей. И они продолжаютъ войну, чтобы привести Францію къ естественнымъ границамъ. Тщетно трезвые и дальновидные люди предостерегаютъ ихъ противъ этой опасной игры, тщетно пробуютъ они уговаривать ихъ ограничиться одной Бельгіей по Маасъ, тщетно просятъ не трогать Голландію, чтобы не закрывать для Англіи пути къ искреннему миру, не трогать прусскихъ владѣній на лѣвомъ берегу, чтобы не давать Пруссіи компенсацій на правомъ и не усиливать ея роли въ Германіи, тщетно умоляютъ не насиловать патріотизма присоединяемыхъ. Тщетно. Комитетъ стоялъ на своемъ. Мало того, его приверженцы клеймили монархистомъ всякаго, кто рѣшался высказываться за миръ въ старыхъ границахъ или хотя бы съ присоединеніемъ одной Бельгіи. А въ это время еще было не очень безопасно стать жертвою обвиненія въ монархизмѣ.

Комитету повезло. Пруссія, которую тяготила безплодная и безславная война на Рейнѣ, не давшая ей свободы дѣйствій на Вислѣ, гдѣ дѣло шло къ третьему раздѣлу Польши, очень хотѣла заключить миръ. Въ Базелѣ открылись переговоры съ ея уполномоченными. 5 декабря, послѣ того, какъ въ знаменательномъ засѣданіи, рѣшившемъ надолго судьбу Франціи, Конвентъ высказался за естественныя границы, Мерленъ послалъ французскому уполномоченному инструкцію объ условіяхъ. Переговоры тянулись четыре мѣсяца. Пруссія согласилась за извѣстныя компенсаціи уступить лѣвый берегъ. 5 апрѣля 1795 г. Базельскій миръ былъ заключенъ. Комитетъ былъ вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ одного изъ своихъ членовъ Дюбуа-Крансе, что настоящихъ враговъ у Франціи два: Австрія и Англія, что съ остальными державами нужно жить въ мирѣ. А такъ какъ ни Австрія, ни Англія естественныхъ границъ признавать не желали, то войну съ ними оказывалось необходимо продолжать. Сіейсъ, когда онъ вступилъ въ управленіе иностранными дѣлами, попробовалъ нѣсколько измѣнить отношеніе Франціи къ германскимъ дѣламъ

и высказался противъ радикальнаго униженія Австріи. Но онъ не сумѣлъ сдѣлать ничего для того, чтобы Конвентъ измѣнилъ свой взглядъ на лозунгъ естественныхъ границъ. Этотъ лозунгъ, наоборотъ, укрѣплялся все больше и сдѣлался такимъ же ярлыкомъ неподдѣльнаго якобы республиканизма, какъ и вотумъ за смерть Людовика. Отъ этого шансы на его признаніе Англіей и Австріей, конечно, не сдѣлались больше. Комитету удалось заключить миръ съ Голландіей и Испаніей и добиться нейтралитета сѣверныхъ нѣмецкихъ государствъ. Но это мало помогало дѣлу.

Чтобы заставить Австрію и особенно Англію согласиться на признаніе границами Франціи Рейна, Альпъ и Пиренеевъ, особенно Рейна, нужно было принудить ихъ силою оружія. Конвентъ, который завоевалъ лѣвый берегъ, не могъ соотвѣтствующими трактатами обезпечить Франціи владѣніе имъ. Онъ завѣщалъ эту задачу Директоріи, и Директорія, а за нею Консульство и Имперія напрягали всѣ силы страны, чтобы добиться окончательнаго признанія за Франціей лѣваго берега. Они шли къ этой цѣли по всякому. Они окружали Францію цѣпью республикъ-дочерей (Батавская, Лигурійская, Цизальпинская, Гельветическая, Римская, Партенопейская). Они проникали въ Египетъ и Сирію. Они устраивали Рейнскій Союзъ. Но такъ какъ Англія ни разу не была побѣждена, — ни одинъ изъ мирныхъ договоровъ не далъ желанной прочной гарантіи.

VII.

Что же дѣлало невозможнымъ увеличеніе французской территоріи до Рейна? Сторонники мира въ 1794 году вѣрно указывали одну причину, которая не была главной, но которая рѣзче бросалась въ глаза. То была націонализація войны на сторонѣ противниковъ. Несоразмѣрное увеличеніе французской территоріи представляло настолько существенную угрозу со стороны Франціи другимъ державамъ, что только полный разгромъ могъ заставить ихъ прекратить протесты. Нужно было, чтобы Франція наступила пятою на горло побѣжденнымъ, какъ это случилось съ Пруссіей послѣ Іены и Тильзита, съ Австріей — послѣ Ваграма. Только этимъ путемъ можно было

вырвать признаніе. А въ моменты національнаго униженія задача охраненія національной независимости всегда какъ-то сама собою переходитъ отъ правительства къ народу.

Революція, въ лицѣ Наполеона, разными способами пробуждала на свою погибель это національное чувство, и результатомъ было то, что противъ народнаго энтузіазма, побѣждавшаго королей, выросъ встрѣчный народный энтузіазмъ въ Испаніи, Тиролѣ, Пруссіи, побѣдившій Францію. Повторяемъ, непосредственныя причины, пробуждавшія его, были разныя, но основной, первоначальной, была формула естественныхъ границъ и невозможность вынудить Австрію и Англію признать ее.

Но разъ эта цѣль была поставлена, она преслѣдовалась добросовѣстно, при полномъ напряженіи французскаго военнаго и политическаго генія. То, что сначала было плодомъ идеалистическихъ мечтаній энтузіастовъ въ родѣ Грегуара и горячей вѣры Дантона, то, что потомъ стало откровенной цѣлью политиканствующихъ посредственностей, обдѣлывавшихъ подъ ея прикрытіемъ собственныя дѣлишки, мало-по-малу сдѣлалось въ силу естественнаго хода вещей, въ силу логики дѣйствія и противодѣйствія, тоже своего рода національной задачей. Эта задача опредѣлила всю исторію консульства и имперіи. Когда генералъ Бонапартъ въ іюлѣ 1795 г. явился въ Парижъ и послѣ долгихъ мытарствъ устроился въ топографической секціи военнаго отдѣла Комитета, онъ выработалъ обширный стратегическій планъ сокрушенія Австріи и Англіи, обусловленный необходимостью упрочить обладаніе естественными границами; этотъ планъ ему же самому пришлось выполнить впослѣдствіи, и первую часть его, касающуюся Австріи, онъ осуществилъ блистательно. Когда въ 1814 году затравленный коалиціей императоръ Наполеонъ получилъ предложеніе заключить миръ съ союзниками при границахъ 1792 года, онъ отвергъ его, потому что согласіе на такой миръ было уже невозможно по внутреннимъ политическимъ причинамъ: имперія рухнула бы отъ новой революціи. Въ два десятилѣтія, заключенныя между этими датами, Наполеонъ исчерпалъ все свое военное искусство на рѣшеніе стратегической задачи, вытекавшей изъ той постановки вопроса о внѣшней политикѣ, которую далъ ей Конвентъ.

Такъ, идея естественныхъ границъ, соблазнительный, блестящій — и трагическій — призракъ Цезаревой Галліи, доминиро-

валъ надъ всей внѣшней политикою революціи. Но здѣсь возникаетъ вопросъ. Поскольку такая именно постановка вопроса о внѣшней политикѣ была дѣломъ самой революціи? Не коренилась ли она въ фактахъ и отношеніяхъ, болѣе общихъ, чѣмъ идеалистическій пылъ жирондистовъ, чѣмъ геніальныя провидѣнія Дантона, чѣмъ эгоистическое тщеславіе Робеспьера? Или мелкій карьеризмъ термидоріанцевъ, или честолюбіе Наполеона? Не было ли, словомъ, въ основѣ ея причины болѣе крупной, болѣе общей, болѣе національной? Несомнѣнно была [1]).

Le mort saisit le vif. Погибшій старый режимъ завѣщалъ новому, революціонному, не только свои задачи, но и свои методы [2]), — лишнее доказательство той мысли, что абсолютизмъ Ришелье и Людовика XIV въ XVII в. былъ столь же націоналенъ, какъ революція въ XVIII в. Какъ тамъ національная сущность выступала сквозь династическую внѣшность, такъ тутъ ее не могли затемнить и заглушить всѣ революціонныя бури. Внѣшняя политика революціи и имперіи была та же, что внѣшняя политика французскаго стараго порядка. Ея задача въ теченіе всего XVIII вѣка, быть можетъ и нѣсколько раньше, была одна и та же: сокрушить Англію, стремившуюся къ преобладанію въ колоніяхъ и къ господству на моряхъ. Англійская буржуазія окрѣпла и проникласъ яснымъ сознаніемъ своихъ интересовъ раньше, чѣмъ французская. Еще при Елизаветѣ англійскіе купцы знали, что имъ нужно, когда отдавали свои корабли подъ начальство Рэли и Дрэка, дравшихся съ испанской „армадой". Послѣ того, какъ была сокрушена Испанія,

[1]) Это съ полной очевидностью установилъ Альбертъ Сорель, историкъ, которому мы обязаны вообще рѣшеніемъ всѣхъ главныхъ вопросовъ, касающихся отношеній между Европой и революціонной Франціей. Онъ привелъ въ связь политику революціи съ политикою стараго порядка и доказалъ, что между той и другой есть несомнѣнное преемство задачъ и методовъ. То, что Токвиль, прокладывая пути, сдѣлалъ для внутренней исторіи революціи, а Гардинеръ — для внѣшней политики Кромвеля, Сорель съ блескомъ выполнилъ для исторіи внѣшнихъ отношеній революціи. Онъ только не указалъ съ достаточной отчетливостью, что подкладка внѣшней политики, общей французскому государству отъ Людовика XIV до Наполеона—соціально-экономическая.

[2]) Военные историки утверждаютъ даже, что планы наиболѣе блестящихъ походовъ Бонапарта, въ томъ числѣ итальянскаго, были въ общихъ чертахъ выработаны стратегами стараго порядка, и что Бонапартъ, работая въ топографическомъ отдѣлѣ, имѣлъ подъ рукою всѣ эти планы.

настала очередь Голландіи, и Навигаціонный актъ Кромвеля, подтвержденный въ 1660 году, нанесъ голландской торговлѣ смертельный ударъ. Къ началу XVIII вѣка у Англіи былъ одинъ непобѣжденный противникъ: Франція. Войны за испанское наслѣдство, за австрійское наслѣдство, семилѣтняя, за независимость Соед. Штатовъ, поскольку въ нихъ участвовали Англія и Франція, были борьбою за торговое преобладаніе между англійской и французской буржуазіей. Больше того, торговое соперничество англійской и французской буржуазіи часто мѣшало заключить миръ, когда другія державы, участвовавшія въ этихъ большихъ войнахъ XVIII вѣка, были готовы прекратить военныя дѣйствія. Не даромъ самыя ожесточенныя, хотя и мелкія по размѣрамъ, военныя дѣйствія разыгрывались въ колоніяхъ: въ Индіи, въ Канадѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ.

Передъ тѣмъ, какъ вспыхнула революція во Франціи, Англія только что потеряла свои лучшія колоніи въ Америкѣ, а Франція еще не могла забыть потери Индіи и Канады. Торговое соперничество развертывалось, подчиняясь законамъ своей собственной логики, и по сравненіи съ сокрушающимъ политическимъ значеніемъ этого факта даже смѣна политическихъ формъ во Франціи оказалась явленіемъ второстепеннымъ.

Старый порядокъ завѣщалъ революціи, а революція имперіи одно и то же memento: помни англичанъ. Внѣшняя политика революціи и имперіи направлялась многими фактами. Въ разныхъ ея перипетіяхъ скрещивались самыя разнообразныя причины. Но основной ея мотивъ былъ всегда одинъ: добиться хорошаго мира съ Англіей, ибо въ Англіи и ея непримиримости былъ роковой узелъ, обусловливавшій то, что кажется непонятнымъ: что революція и особенно имперія, сокрушая постоянно, до полнаго истощенія, своихъ враговъ, вновь и вновь видѣли ихъ передъ собой свѣжими, полными силъ и готовыми къ борьбѣ.

Подталкиваемая интересами своей торговли, имѣя съ начала XVIII вѣка постояннаго союзника въ Голландіи, которую та же торговля связывала съ нею цѣпями неразрывной дружбы Англія всегда умѣла организовывать отсталыя въ экономическомъ отношеніи нѣмецкія государства противъ Франціи. Для Англіи было опасно распространеніе французскихъ владѣній въ сторону Рейна, потому что это движеніе угрожало не только Бельгіи, но и Голландіи. И она поднимала противъ Франціи

Австрію или торопилась на помощь къ угрожаемой Франціей Пруссіи. Во время революціи ей пришлось помогать и Пруссіи, и Австріи одновременно.

Экономическіе мотивы были одни и тѣ же и въ войну за испанское наслѣдство, и въ революціонныя войны. Инымъ былъ только политическій языкъ, эвфемистически прикрывавшій настоящіе интересы Англіи. Въ 1709 году говорили о политическомъ равновѣсіи въ Европѣ, которому угрожала территоріальная жадность Людовика XIV, въ 1793 г.—о революціонной заразѣ, несущей съ собою опасность всѣмъ европейскимъ династіямъ.

Для революціи война съ Англіей стала неизбѣжна, какъ только было рѣшено предпринять наступленіе противъ Австріи въ пунктѣ наиболѣе уязвимомъ, въ Бельгіи. Это была угроза англійской торговлѣ въ Нидерландахъ, и англійская буржуазія не могла остаться равнодушной. Самое любопытное, что при первыхъ же слухахъ о враждебномъ возбужденіи противъ революціи, вспыхнувшемъ въ концѣ декабря 1792 года по всей Англіи, прозорливымъ людямъ, разбирающимся въ стратегическихъ вопросахъ, стало ясно, что Франція можетъ получить полную свободу дѣйствій, только сокрушивъ Англію окончательно, и что нанести ударъ Англіи можно только ведя войну одновременно на обоихъ полушаріяхъ: вооруживъ корсаровъ, натравивъ на англійскіе корабли пѣнителей моря всѣхъ національностей, отправивъ вспомогательную армію Типпу-Саибу и объявивъ, что республика не признаетъ нейтральныхъ націй: либо союзники, которые должны помогать, либо враги. Такъ, съ перваго момента обозначилась программа, которую Наполеонъ будетъ еще проводить въ годы союза съ Россіей. Сокрушить Англію можно дѣйствительно только на моряхъ и только диверсіями въ колоніяхъ.

VIII.

Когда въ ряды противниковъ Франціи стала Англія, увлекая съ собою Голландію и Испанію, коалиція, боровшаяся съ революціей, сразу пріобрѣла совсѣмъ иной характеръ. Династическіе интересы, лѣниво толкавшіе войска Пруссіи и Австріи, получили поддержку въ торговыхъ интересахъ могучаго, культур-

наго народа, сознающаго, чего онъ хочетъ и изъ-за чего онъ бьется, готоваго итти на всѣ жертвы. Питту приписывали слова: „Франція должна быть отрѣзана отъ торговаго міра. Она должна быть разсматриваема, какъ одинъ городъ, одинъ портъ, и этотъ пунктъ долженъ подвергнуться блокадѣ съ суши и съ моря". 21 сентября 1793 года Бареръ въ Конвентѣ потребовалъ изданія Навигаціоннаго акта, направленнаго противъ Англіи, и Конвентъ издалъ Навигаціонный актъ. Другой идеологъ французской буржуазіи, пріемный сынъ революціи, Анахарсисъ Клоотсъ еще опредѣленнѣе указалъ узелъ соперничества двухъ народовъ: „Устья Рейна необходимы для нашего благосостоянія". Въ 1809 году почти тѣми же словами будетъ говорить Наполеонъ: „Голландія—это сліяніе Рейна, Мааса и Шельды, т.-е. великихъ артерій имперіи".

Такъ, идея естественныхъ границъ, сдѣлавшаяся лозунгомъ республики, заставила Англію стать въ лагерь тѣхъ противниковъ Франціи, которые старались о реставраціи въ ней королевской власти. Ибо реставрація французской королевской власти съ точки зрѣнія Англіи теперь означала возвращеніе къ старымъ границамъ: положеніе, которое объясняетъ всю исторію имперіи, вплоть до Шатильонскаго Конгресса, вплоть до Ватерлоо.

Насколько упорно было враждебное положеніе Англіи и насколько трудно было Франціи, бывшей до Трафальгара и особенно послѣ Трафальгара не въ силахъ побить свою соперницу на морѣ, принудить ее къ миру,—видно изъ того, что Наполеону постоянно приходилось становиться въ положеніе, въ какомъ всегда бывала республика. Въ мартѣ 1795 года республика вела переговоры съ только что образовавшейся Батавской республикой. Условія, которыя были поставлены голландцамъ, требовавшимъ признанія ихъ самостоятельными, были слѣдующія: Франція заключитъ съ республикой союзъ, но республика должна признать Рейнскую границу, вступить въ союзъ, направленный противъ Англіи, и уплатить контрибуцію. Въ 1806 году, создавая королевство Голландію для своего меньшого брата, Наполеонъ указывалъ въ декретѣ, что съ точки зрѣнія французскихъ интересовъ необходимо, чтобы Голландія приняла и соблюдала торговый договоръ съ Франціей; а этотъ договоръ означалъ для нея торговую войну съ Англіей. Въ іюнѣ

того же 1795 года Сіійесъ, чтобы привлечь на свою сторону Пруссію противъ Австріи и Англіи, предлагалъ ей Ганноверъ. Наполеонъ не выдумалъ ничего новаго, когда въ переговорахъ съ Гаугвицемъ передъ самымъ Аустерлицемъ въ 1805 году, пытался удержать Пруссію отъ союза съ Англіей, Австріей и Россіей, суля ей тотъ же Ганноверъ. Въ 1797 году генералъ Бонапартъ, успѣвшій въ это время хорошо ознакомиться съ архивами военнаго министерства, писалъ: „Сокрушимъ Англію, и Европа будетъ у нашихъ ногъ“. Въ 1807 г. императоръ Наполеонъ писалъ: „Необходимо принудить Англію къ миру, чтобы дать міру спокойствіе“.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что Амьенскій миръ 1800 года, по которому Англія признала аннексію Бельгіи, былъ встрѣченъ холодно и французской буржуазіей, и англійской. Въ Англіи—Коббетъ и другіе—предвидѣли, что торговой выгоды миръ не принесетъ никакой. Во Франціи боялись конкуренціи. Поэтому Амьенскій миръ не сопровождался торговымъ договоромъ; первый консулъ объявилъ англійскимъ уполномоченнымъ, что если даже англійскій флагъ будетъ развѣваться надъ Монмартромъ, онъ и тогда не согласится на торговый договоръ. Это былъ первый результатъ настроенія буржуазіи въ обѣихъ странахъ. Второй былъ тотъ, что миръ вообще былъ недологъ. Въ 1803 году онъ былъ нарушенъ, и война Франціи съ Англіей возобновилась, чтобы быть законченной только въ 1815 году, на Вѣнскомъ конгрессѣ [1]).

Насколько велико было ожесточеніе французской буржуазіи противъ англійской, видно изъ того, что даже въ послѣдніе годы имперіи, когда французская буржуазія была истощена и громко требовала мира съ континентальными державами, съ Англіей мириться она все-таки не хотѣла. Нетрудно понять, почему французская буржуазія проводила такую грань между Англіей и другими странами Европы. Съ остальными она могла справиться на почвѣ торговой конкуренціи; Англіи она боялась. И миръ съ Англіей, который привезли съ собою Бурбоны, былъ одной изъ причинъ, почему французская буржуазія такъ и не научилась ладить съ реставраціей.

---

[1]) Объ Амьенскомъ мирѣ и связанныхъ съ нимъ настроеніяхъ буржуазіи въ Англіи и Франціи см. Е. В. Тарле: Континентальная блокада, стр. 131 и слѣд.

Словомъ, соперничество Англіи и Франціи на экономической почвѣ опредѣляло всю внѣшнюю политику революціи и имперіи.

По сравненію съ этимъ огромнымъ фактомъ—все остальное: и патріотизмъ французскихъ солдатъ и организаторскій геній Карно, и Гошъ, и Марсо, и Клеберъ, и даже самъ Наполеонъ— только подробность. Но каждая такая подробность имѣетъ право на вниманіе историка.

Неудача внѣшней политики революціи и ея дочери, имперіи, обусловливалась тѣмъ, что англійская буржуазія была богаче, сильнѣе, стойче, чѣмъ французская. И тѣмъ еще, что въ Англіи національный интересъ безъ помѣхи сливался съ интересами буржуазіи и эти интересы олицетворялъ, а во Франціи интересамъ буржуазіи даже во время революціи, а при имперіи очень сильно, мѣшали стать интересами націи. Въ Англіи господствующіе классы и правительство дѣлали одно дѣло, вели одну борьбу, а во Франціи Наполеонъ не умѣлъ забывать про свои династическія соображенія. Въ Англіи національная точка зрѣнія выявлялась свободно, во Франціи ея выявленіе затруднялось [1]).

Внѣшняя политика революціи, при имперіи, потерпѣла окончательное крушеніе. Но, осуществляя свою внѣшнюю политику при революціи и имперіи, Франція свершила великое дѣло. Она надѣлила Европу всѣми тѣми благами государственными и соціальными, которыми та живетъ съ тѣхъ поръ. Эти блага— окончательное пробужденіе политическаго сознанія буржуазіи, освобожденіе крестьянства отъ крѣпостныхъ узъ, сокрушеніе аристократій всякаго рода, укрѣпленіе демократіи, конституція, гражданская свобода, свобода національнаго самоопредѣленія народовъ.

---

[1]) Наполеонъ призналъ это самъ, хотя въ нѣсколько неожиданной формѣ. Въ 1810 году, упрекая французскихъ купцовъ, жаловавшихся на строгости континентальной блокады, онъ ставилъ имъ въ примѣръ ихъ англійскихъ коллегъ. Онъ говорилъ: „англійская торговля постоянно старается поддерживать правительственныя мѣры, поощрять правительственный кредитъ“. См. Тарле. Континентальная блокада, стр. 627. Для того, чтобы мысль Наполеона сдѣлалась правильной, ее нужно перевернуть. Мѣры англійскаго правительства потому были популярны, что онѣ вполнѣ отвѣчали интересамъ англійской торговли. Его же собственныя мѣропріятія встрѣчали ропотъ, потому что въ нихъ было многое, что интересамъ купцовъ противорѣчило.

Александръ и Наполеонъ.

Отъ Аустерлица до Тильзита, отъ Эрфурта до Березины, отъ Люцена и Бауцена до второго отреченія—на всѣхъ путяхъ міровой политики были имена Наполеона и Александра. То сплетаясь въ дружескій вензель, передъ которымъ курили ѳиміамъ поэты и дипломаты, то сталкиваясь въ безысходныхъ противорѣчіяхъ, наполняли эти два имени Европу, и казалось современникамъ, что носители ихъ люди, одинаково крупные, одинаково могучіе, великаны оба. И не только въ глазахъ современниковъ стоялъ между ними знакъ равновеликости. Потомство долго еще не хотѣло разстаться съ этимъ взглядомъ. Даже наука отдала ему дань.

Теперь прошло сто лѣтъ съ того момента, который былъ рѣшающимъ въ борьбѣ Наполеона и Александра; наука накопила достаточно много фактовъ и можетъ ставить свои вопросы по-иному, чѣмъ прежде. Въ современной постановкѣ центральное мѣсто занимаетъ вопросъ, подъ какими знаками дѣйствовали въ исторіи Наполеонъ и Александръ, что осталось въ результатѣ ихъ дѣятельности. Личная характеристика превращается вслѣдствіе такой постановки вопросовъ изъ самодовлѣющей задачи на манеръ Плутарховой въ чисто служебное научное орудіе.

Но тутъ съ самаго начала приходится сдѣлать одну очень важную оговорку. Фигура Наполеона выяснена, можно сказать, исчерпывающимъ образомъ. Десятки томовъ его переписки; мемуары, записанные съ его словъ; бесѣды съ нимъ, запечатлѣнныя вѣрными и преданными руками; кропотливая работа въ архивахъ, продѣланная цѣлой фалангой даровитыхъ ученыхъ, позволяютъ намъ возстановить образъ величайшаго полководца новаго времени съ большой достовѣрностью. Наобо-

ротъ, документы, которые позволили бы намъ такъ же всесторонне возсоздать образъ Александра, находятся въ огромномъ большинствѣ подъ спудомъ. Только въ самое послѣднее время, благодаря неутомимой энергіи В. К. Николая Михайловича, начинаютъ выходить они изъ тайниковъ и становятся доступны обыкновеннымъ смертнымъ. Этимъ недостаткомъ подлинныхъ документовъ и объясняется то странное на первый взглядъ явленіе, что въ оцѣнкѣ Александра такъ жестоко ошиблись величайшій публицистъ, величайшій историкъ и величайшій художникъ новой Россіи. Герценъ назвалъ Александра „коронованнымъ Гамлетомъ“. Ключевскій сказалъ про него: „Александръ былъ прекрасный цвѣтокъ, но тепличный, не успѣвшій акклиматизироваться на русской почвѣ. Пока стояла хорошая погода, онъ росъ и цвѣлъ роскошно, наполняя окружающую среду благоуханіемъ; а какъ подула сѣверная буря, какъ настало наше русское осеннее ненастье, этотъ цвѣтокъ завялъ и опустился“. Наконецъ, Левъ Толстой исчерпалъ всѣ свои краски, чтобы окутать Александра свѣтлымъ и теплымъ облакомъ обаянія [1]). То, что мы знаемъ въ настоящее время, оди-

---

[1]) Наоборотъ, къ Наполеону и ко всему, что съ нимъ связано, Толстой относится явно несправедливо. Отрицательное отношеніе къ Наполеону, конечно, понятно. Но у Толстого въ „Войнѣ и мирѣ“ это отрицательное отношеніе вызывается чѣмъ-то такимъ, что дѣлаетъ его менѣе понятнымъ: какимъ-то страннымъ для Толстого чувствомъ легитимизма. Въ Наполеонѣ читатель романа все время видитъ выскочку, который позволялъ себѣ вещи, которыхъ не долженъ позволять: „Ней, который теперь назывался герцогомъ Эльхингенскимъ“, „Мюратъ, который теперь назывался королемъ Неаполитанскимъ“. Почему-то, когда Наполеонъ дарилъ своимъ соратникамъ высокіе титулы, это коробило Толстого 60-хъ годовъ. Какъ будто есть какая-нибудь разница въ томъ что генералъ получаетъ титулъ графа Рымникскаго, князя Италійскаго, князя Эриванскаго или герцога Эльхингенскаго, Ауэрштедтскаго, Риволійскаго!.. Толстой старается сорвать со всѣхъ маршаловъ лавровые вѣнки, которыми увѣнчала ихъ исторія. Называть Даву „Аракчеевымъ Наполеона“—значитъ просто закрывать глаза на многія вещи. Это, конечно, не значитъ, что у Наполеона не было своихъ Аракчеевыхъ, но не герой же Ауэрштедта, Ваграма и Бородина игралъ при немъ эту некрасивую роль. Всѣ черты доблести и героизма, обнаруженные французами въ 1812 году и засвидѣтельствованные русскими, у Толстого затушеваны. Трагическая эпопея отступленія почти обойдена молчаніемъ. Ней выставленъ чуть-что не трусомъ. Біографамъ Толстого придется гдѣ-нибудь поискать причинъ этого страннаго настроенія 60-хъ годовъ. Потому что матеріалъ совсѣмъ его не подсказываетъ.

наково мало располагаетъ и къ идеализаціи, и къ романтическимъ восторгамъ. Безпристрастная наука, которая уже окончила работу надъ Наполеономъ, приступаетъ къ работѣ надъ Александромъ.

I.

Александръ и Наполеонъ были людьми, очень мало похожими одинъ на другого. Между тѣмъ то, чѣмъ оба кончили, было почти одно и то же. Наговоривъ своимъ подданнымъ кучу громкихъ словъ о свободѣ, они отдали ихъ въ жертву скорпіонамъ деспотизма. Была, конечно, нѣкоторая разница. Во Франціи надъ режимомъ деспотизма сверкалъ девизъ „свобода, равенство, братство“. Въ Россіи его подпиралъ тяжелымъ и мрачнымъ фундаментомъ крѣпостной строй. Тутъ онъ былъ много прочнѣе, чѣмъ за Рейномъ, но если не политическая, то административная сущность деспотизма была въ достаточной мѣрѣ одинакова: Аракчеевъ и Фуше другъ друга стоили.

Какъ политическіе типы, Александръ и Наполеонъ представляютъ собою двѣ воли къ деспотизму, непрерывно растущія и непрерывно сталкивавшіяся на аренѣ европейскихъ международныхъ осложненій. Сначала французская давила на русскую, тогда русская становилась слабѣе, но вздувалась французская. Въ Россіи дѣлалось легче дышать, во Франціи отъ конституціи откалывались кусокъ за кускомъ. Потомъ русская сокрушила французскую. Наполеонъ былъ спасенъ отъ безславія — заставить задохнуться Францію подъ пятою деспотизма. Александръ испилъ до дна чашу этого безславія.

Между русскимъ и французскимъ деспотизмомъ различіе было историческое. Процессъ соціальнаго роста во Франціи далеко перешелъ за ту полосу, которую переживала Россія. Великая революція окончательно разбила устои феодальнаго порядка. Соціальная культура, которую встрѣтилъ Наполеонъ въ тотъ моментъ, когда онъ взялъ въ свои руки бразды правленія, была буржуазная культура. Французская буржуазія вынесла вотумъ недовѣрія республикѣ, ибо республика оказывалась неспособна оградить отъ внутреннихъ и внѣшнихъ покушеній тѣ завоеванія, которыя революція принесла буржуазіи (считая тутъ и крестьянство). Возстанія и ожесточенная борьба партій внутри,

опасности нашествій извнѣ подготовили почву для появленія сильной власти. Наполеонъ сталъ этой сильной властью. Онъ воспользовался ею прежде всего для того, чтобы устранить анархію внутри и опасность извнѣ. Потомъ онъ началъ устраивать новый государственный порядокъ, такой, какой былъ нуженъ для буржуазіи, началъ расширять рынокъ для нея за предѣлами Франціи, бить конкурентовъ французской буржуазіи на аренѣ европейскаго экономическаго соревнованія, разбивать за границею Франціи соціальныя оковы, преграждавшія крестьянству доступъ къ широкимъ путямъ экономическаго процесса. Благодарная ему за все это французская буржуазія безъ труда поступалась частицами своей свободы. На этой психологіи Наполеонъ строилъ зданіе своего деспотизма. И онъ понималъ, что его деспотизмъ до тѣхъ поръ не будетъ встрѣчать серьезнаго противодѣйствія, пока французская буржуазія будетъ довольна его внѣшней политикою, пока его внѣшняя политика будетъ продолжать приносить ей выгоды. Естественному росту этого процесса мѣшала феодальная Россія, и этотъ фактъ съ необходимостью толкалъ Наполеона въ русскіе снѣга.

Въ Россіи, наоборотъ, соціальныя основанія деспотизма были совсѣмъ иныя. Господствующимъ классомъ было дворянство, державшее при дворѣ и въ бюрократіи свои передовые отряды. Оно только что задушило царя, потому что въ своихъ безумныхъ метаніяхъ царь коснулся и соціальныхъ привилегій дворянства, а дворяне увидѣли въ этомъ безуміи планомѣрность и систему. Теперь во всякомъ случаѣ командующее сословіе отнюдь не было расположено позволять молодому императору вернуться къ политикѣ отца. Всякая серьезная попытка на этомъ пути грозила повтореніемъ драмы въ Михайловскомъ дворцѣ. Когда Александръ принялъ континентальную систему, помѣстное дворянство пришло въ ужасъ, потому что Англія была одной изъ главныхъ покупательницъ русскаго хлѣба, а война съ Англіей означала блокаду всѣхъ торговыхъ портовъ. Кромѣ того, континентальная система низвергала курсъ рубля почти на 50%. Оба эти обстоятельства особенно больно затрогивали интересы именно высшаго слоя дворянства, которое проживало въ Петербургѣ и тратило доходы свои либо въ столицѣ, либо за границею, т.-е. придворнаго и чиновнаго дворянства. Это именно та часть господствующаго сословія,

которое дѣлало политику, которое командовало арміей, которое имѣло огромный опытъ по части дворцовыхъ переворотовъ. Сопротивляться вліянію этого класса власть не могла; союзъ съ Наполеономъ долженъ былъ рушиться, союзъ съ Англіей долженъ былъ возстановиться. А послѣ, когда Наполеонъ уже вторгся въ Россію и сталъ вводить въ Вильнѣ, въ Минскѣ, въ Смоленскѣ и даже въ Москвѣ новыя установленія на основѣ гражданскаго равенства, когда онъ сталъ искать прокламаціи Пугачева, помѣщичья Русь встрепенулась тѣмъ чувствомъ, которое Растопчинъ и другіе называли патріотизмомъ и которое было просто соціальнымъ страхомъ. Уступить *такому* противнику помѣщики не могли позволить царю. А вмѣстѣ съ помѣщиками офицерство, т.-е. армія. Недаромъ тотъ же Растопчинъ грозилъ Александру смертью, если онъ заключитъ миръ съ Наполеономъ. И наоборотъ, для царя, который сумѣлъ сокрушить супостата, угрожавшаго подорвать основу помѣщичьяго благополучія, дворяне могли даже пожертвовать кое-чѣмъ. И во всякомъ случаѣ они уже не станутъ роптать, если ежовыя рукавицы деспотизма покрѣпче сдавятъ имъ шею. Слѣдовательно, въ Россіи деспотизмъ могъ держаться лишь до тѣхъ поръ, пока онъ былъ дворянско-крѣпостническимъ, феодальнымъ деспотизмомъ. Александръ долженъ былъ понять это довольно хорошо въ ту ночь, когда совершилось злое дѣло въ Михайловскомъ дворцѣ, когда дворянская фронда опредѣленно, если и не прямо, поставила ему свой ультиматумъ: будь дворянскимъ царемъ, или ты не будешь царствовать вовсе. Правда, не сразу сдѣлался онъ дворянскимъ царемъ. Это положеніе слишкомъ не вязалась съ мечтами юности. Но въ 1812 г., передъ грозою, которая шла съ запада, у него не оставалось другого выхода. Онъ уступилъ дворянству и отдалъ ему Сперанскаго.

И мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ у Александра пропадала охота парадировать идеями революціи, обнаруживалось, какъ глубоко проникся самъ онъ классовыми убѣжденіями помѣстнаго дворянства. Его недоброе отношеніе къ крестьянамъ поражало современниковъ, которые то и дѣло заносили этого рода факты въ свои воспоминанія. Извѣстенъ отвѣтъ императора кн. Репнину на его заявленіе, что онъ вынужденъ былъ освободить крестьянъ отъ дорожной повинности изъ-за неурожая: „Что они дома сосутъ, то могутъ сосать и на большихъ доро-

гахъ“ [1]). Или негодованіе его по адресу Тормасова, который черезчуръ легко наказалъ дворового, разсуждавшаго о крестьянской волѣ: „За столь буйственный и дерзновенный поступокъ слѣдовало бы наказать наистрожайшимъ образомъ и публично“. А исторія съ военными поселеніями? А кары на крестьянъ, осмѣлившихся воспользоваться высочайшимъ разрѣшеніемъ и подавать царю жалобы на помѣщиковъ?

Такъ, чувство личнаго и династическаго эгоизма заставляло обоихъ императоровъ напрягать силы деспотизма, а національныя условія дѣлали французскій деспотизмъ орудіемъ воинствующей буржуазіи, русскій же щитомъ обороняющагося феодальнаго дворянства.

II.

Въ этихъ историческихъ условіяхъ даны основные мотивы дѣятельности какъ Наполеона, такъ и Александра. Но многія детали остаются неясными. Намъ нужно поискать объясненія имъ въ психологической организаціи того и другого.

И именно для того, чтобы всѣ эти разсужденія не показались слишкомъ отвлеченными, мы посмотримъ, съ какимъ душевнымъ багажомъ пришли оба императора къ тому историческому перекрестку, гдѣ имъ оказалось невозможнымъ разойтись безъ борьбы на жизнь и смерть.

Когда родился Александръ, Державинъ написалъ оду о томъ, какъ геніи къ нему слетались въ свѣтломъ облакѣ небесъ и дарили ему каждый по какой-нибудь, преимущественно героической, добродѣтели. Въ это время на дикомъ островѣ подъ южнымъ солнцемъ лазилъ по скаламъ и дрался со своими сверстниками другой „отрокъ“, которому было восемь лѣтъ. У бабушки его не было придворныхъ поэтовъ, и не порфирой была задрапирована его колыбель, но печать генія ярко горѣла на его челѣ и богиня славы распростерла надъ нимъ свои лучезарныя крылья. Когда одинъ вышелъ изъ-подъ придворной учебной ферулы, а другой изъ казеннаго военнаго училища, — то были совершенно различные люди.

Майоръ Масонъ, одинъ изъ наставниковъ Александра, набра-

---

[1]) Якушкинъ. Записки, ст. 22.

сываетъ такой его портретъ: „Александръ — человѣкъ пассивныхъ качествъ и лишенъ энергіи. Ему не достаетъ смѣлости и довѣрія, чтобы искать достойнаго человѣка; приходится постоянно опасаться, чтобы вліянія надъ нимъ не захватилъ кто-нибудь назойливый и развязный. Слишкомъ поддаваясь чужимъ побужденіямъ, онъ не довѣряетъ достаточно своему уму и своему сердцу. Черезчуръ ранній бракъ смялъ его энергію [1]), и, несмотря на счастливые задатки, ему угрожаетъ царство безъ славы или перспектива стать добычею придворныхъ, если годы и опытъ не придадутъ твердости его благородному характеру". Но нелѣпое екатерининское воспитаніе было не единственнымъ элементомъ, разбивавшимъ волю Александра. Еще сильнѣе въ этомъ направленіи дѣйствовало его фальшивое положеніе между Царскимъ и Гатчиной, между бабкой и отцомъ. Онъ находился въ положеніи вѣчнаго колебанія Онъ никогда не могъ отдаться цѣликомъ ни привязанностямъ, ни вкусамъ. Онъ долженъ былъ постоянно оглядываться по сторонамъ, чтобы не задѣть по-солдатски грубой любви Павла, не показать неповиновенія бархатно-ласковому деспотизму Екатерины. Положеніе было, несомнѣнно, очень трудное. Быть можетъ, другая натура, отъ природы упругая и сильная, выдержала бы этотъ тяжелый искусъ, вышла бы изъ него нравственно окрѣпшей. У Александра, когда кончилась пытка, воля была разрушена, создалась привычка всюду вокругъ себя искать нравственной опоры. И вліяніе Лагарпа представляется намъ сильнымъ и плодотворнымъ главнымъ образомъ потому, что женевскій радикалъ имѣлъ дѣло съ характеромъ размягченнымъ. Импульсивный и впечатлительный отъ природы, Александръ вбиралъ въ себя съ голоса Лагарпа идеи Монтескье и Руссо. Но по существу это увлеченіе было неглубоко. Политическіе уроки Лагарпа не срослись съ его душою. Держались они довольно долго, но на по-

[1]) Домергъ (I, 196—97), имѣвшій возможность слышать въ аристократическихъ салонахъ самые откровенные разговоры, разсказываетъ, къ чему повелъ капризъ Екатерины — увидать правнука. Шестнадцатилѣтняго Александра женили на 15-лѣтней Елизаветѣ Алексѣевнѣ, и пылкій Александръ „разрушилъ свой темпераментъ", не говоря уже о томъ, что онъ едва не потерялъ слуха вслѣдствіе излишествъ медовыхъ мѣсяцевъ. Ср. также, что говоритъ объ этомъ проф. Өирсовъ: „Душевная драма Александра", стр. 25.

верхности. Пришли другіе, подчинили Александра своей волѣ,— и стерлись лагарповскіе отпечатки.

И еще одна особенность въ характерѣ Александра начала вырабатываться въ пору воспитанія. Положеніе его не было свободно отъ опасностей. Съ одной стороны опьяненная могуществомъ старуха, съ другой — не совсѣмъ нормальный, не чаявшій, какъ добраться до власти, отецъ. Александръ часто ощущалъ свое положеніе, какъ какую-то борьбу за существованіе. А борьба за существованіе вырабатываетъ въ душѣ человѣка всегда одни и тѣ же оружія. Если человѣкъ съ сильной волей, въ немъ укрѣпляется энергія. Если воля у него слаба, въ немъ развивается притворство и неискренность. Необходимость „жить на два ума, держать двѣ парадныхъ физіономіи“ (Ключевскій) между Царскимъ и Гатчиной и положила начало неискренности Александра. О томъ же, впрочемъ, очень старался Салтыковъ, обучавшій его секретамъ придворнаго savoir vivre [1]).

Быть можетъ, если бы не нелѣпости екатерининскаго воспитанія и не водоворотъ придворной фальши, изъ Александра вышелъ бы монархъ, дѣйствительно способный облагодѣтельствовать страну. Врожденное обаяніе его внѣшности, огромное изящество и печать какой-то романтической меланхоліи на прекрасномъ лицѣ влекли къ нему сердца. Онъ былъ уменъ. Но вдумчивые и наблюдательные люди съ перваго взгляда замѣчали, что въ этомъ букетѣ привлекательныхъ свойствъ есть что-то неладное. „Онъ былъ, говоритъ Э. М. Арндтъ [2]), способенъ взяться за великое и благородное, но было въ его природѣ что-то размягченное, что исключало силу воли и мужественную твердость“. Болѣзнь воли и несчастная привычка держаться настороже портили все. Въ соединеніи съ другими фактами, о которыхъ будетъ сказано ниже, они сдѣлали то, что итоги

---

[1]) Баронъ Штейнъ, который умѣлъ хорошо разгадывать и оцѣнивать людей, такими словами рисуетъ Александра въ 1812 г. „Ему не хватаетъ силы ума, чтобы настойчиво искать правду, твердости, чтобы осуществлять свои рѣшенія, несмотря на всѣ препятствія, и сгибать волю несогласныхъ. Его доброта вырождается въ слабость, и онъ вынужденъ прибѣгать къ хитрости и лукавству, чтобы приводить въ исполненіе свои намѣренія... Ему, быть можетъ, вообще не хватаетъ глубины чувства и способности къ продолжительнымъ привязанностямъ“ („Denkwürdigkeiten über 1812“, стр. 178).

[2]) „Erinnerungen aus dem äusseren Leben“, изд. Герд, 150.

царствованія Александра для Россіи оказались въ такомъ угнетающемъ несоотвѣтствіи съ ожиданіями дней Александровыхъ прекраснаго начала. Положительныя качества Александра: и умъ, и внѣшняя привлекательность, и все остальное — стали орудіемъ личной политики, очень мало считавшейся съ интересами Россіи.

III.

Какъ волевой типъ, Наполеонъ — полная противоположность Александру. Онъ словно вылитъ изъ куска стали. Рожденный повелѣвать, онъ съ дѣтства разыгрываетъ вождя у себя на Корсикѣ, въ отроческіе годы командуетъ товарищами въ Бріеннѣ, выбравшись на просторъ жизни, бросается всюду, гдѣ есть надежда подняться вверхъ. Воля покоряетъ у него все. Онъ еще не знаетъ самъ, какіе неисчерпаемые родники генія дремлютъ въ его душѣ, онъ еще не предчувствуетъ, что ожидаетъ его въ будущемъ, — но онъ уже знаетъ или инстинктомъ — какимъ-то хищнымъ, ястребинымъ инстинктомъ — чуетъ, что ему нужно, чтобы выбраться на вершины.. Ко всему, начиная со школьной учебы, онъ относится съ разборомъ: отбрасываетъ какъ ненужную вещь всякую „словесность“ и изучаетъ вдесятеро больше, чѣмъ это требуется программами, точныя науки, особенно математику. Усиліями воли онъ дисциплинируетъ въ этомъ направленіи свою голову, и до конца жизни его удивительная память, запоминающая безъ всякаго труда цѣлыя колонны цифръ, оказывается неспособной затвердить самое коротенькое стихотвореніе. Онъ воспитываетъ свое воображеніе не на произведеніяхъ искусства, а на живой природѣ, и въ немъ запечатлѣваются, какъ въ фотографическомъ аппаратѣ, разъ навсегда рельефы мѣстности, видѣнной однажды хотя бы мелькомъ. Онъ учится владѣть собою и командовать своими настроеніями, ибо знаетъ, что это пригодится ему. Онъ постигаетъ искусство властвовать надъ людьми. Онъ подчиняетъ себѣ свою физическую природу, спитъ по три часа, почти не ѣстъ, чтобы выкроить больше времени для работы. И такъ какъ ему въ этомъ не мѣшаетъ никто, такъ какъ онъ въ тѣни, невиденъ человѣчеству, то мало-по-малу въ немъ вырабатывается тотъ чудесный юноша, который при первомъ появленіи въ Тулонѣ

отодвинулъ въ сторону и непосредственныхъ, и высшихъ своихъ начальниковъ.

Дѣтство и юность Александра прошли въ томъ, что старались растрепать, что было въ немъ цѣльнаго. Наполеонъ собиралъ себя въ одну глыбу, закаливалъ и готовилъ къ жизни. Александръ то страдалъ, то наслаждался. Наполеонъ работалъ и думалъ. Александръ, обучаясь, на лету, хваталъ то, что ему казалось красивымъ и возвышеннымъ. Наполеонъ бралъ только то, что могло быть полезно. Въ Александрѣ воспитывали благородныя мысли и чувствительное сердце. Наполеонъ ковалъ изъ себя практика. И когда они вступили въ жизнь, Александръ сейчасъ же сталъ путаться въ противорѣчіяхъ, правда красивыхъ и возвышенныхъ, а Наполеонъ — въ Италіи — началъ такъ, что въ немъ сразу признали мастера своего дѣла старые боевые волки: Массена, Ожеро, Лагарпъ. Ни Александру, ни Наполеону престолъ не достался безъ борьбы. И тотъ, и другой облеклись въ порфиру съ помощью насилія [1]). Переворотъ, возведшій на престолъ Александра, имѣлъ чисто дворцовый характеръ, въ то время какъ переворотъ, совершенный Наполеономъ, былъ настоящимъ coup d'état. И хотя Александръ нѣсколько раньше взялъ то, что принадлежало ему по праву, а Наполеонъ совершилъ узурпацію, въ моральномъ отношеніи поступокъ Александра — гораздо болѣе тяжелый, чѣмъ поступокъ Наполеона.

Тѣмъ не менѣе, и насиліе 1799 года и насиліе 1801 года отплатили за себя. 18 брюмера сдѣлало то, что отъ Наполеона требовался всегда успѣхъ. Разъ порфира была наградою за то, что устранена анархія и опасность нашествія, какъ-то самособою стало подразумѣваться, что при первой же неудачѣ страна откажетъ императору въ своей поддержкѣ. Это понимали всѣ и лучше всѣхъ понималъ самъ Наполеонъ. Онъ говорилъ Меттерниху: „Ваши государи, рожденные на тронѣ, могутъ

---

[1]) Декабристъ М. И. Муравьевъ-Апостолъ самъ слышалъ отъ полкового адъютанта Аргамакова такую подробность заговора противъ Павла. Аргамаковъ былъ плацъ-майоромъ Михайловскаго дворца. Безъ его содѣйствія заговорщикамъ невозможно было бы проникнуть во дворецъ, окруженный прудами. Онъ отказался вступить въ заговоръ, но Александръ при встрѣчѣ сталъ упрекать его за это и „не за себя, а за Россію" просилъ примкнуть къ заговору. Аргамакову оставалось согласиться.

позволить побить себя двадцать разъ и потомъ спокойно возвратиться въ свои столицы. Я этого не могу, потому что я — удачливый солдатъ (un soldat parvenu). Мое владычество кончится въ тотъ день, когда я перестану быть сильнымъ и слѣдовательно страшнымъ [1]).

Сознаніе, что это именно такъ, постоянно толкало Наполеона на погоню за внѣшнимъ успѣхомъ и при малѣйшей неудачѣ загоняло его въ какой-то тупикъ. Ему начинало казаться, что Франція готова возстать, онъ терялся и дѣлалъ ошибки [2]).

На Александра отвѣтственность за событіе 11 марта 1801 г. ложилась нѣсколько по-другому. Существуетъ мнѣніе, что воспоминаніе о немъ искалѣчило его душу. Едва ли это не преувеличено. Для Александра участіе въ заговорѣ противъ отца было однимъ изъ актовъ борьбы за существованіе, къ которой онъ такъ привыкъ. И онъ шелъ на него холодно и сознательно. Когда все было кончено, онъ успокоился довольно быстро. Отчаяніе перваго момента было вызвано тѣмъ, что *смерть* Павла была для Александра неожиданной. Онъ вѣрилъ, что дѣло обойдется безъ кровопролитія, и, узнавъ, что отецъ убитъ, испугался послѣдствій преступленія *для себя* [3]). Этимъ объясняется мрачное настроеніе первыхъ дней, о которомъ повѣдалъ намъ Чарторыйскій. Когда обнаружилось, что народъ болѣе или менѣе повѣрилъ оффиціальной версіи о смерти Павла, Александръ сталъ приходить въ себя. Но призракъ 11 марта дѣйствительно мучилъ его всю жизнь. Онъ совершенно искренне боялся, какъ бы воспоминанія о переворотѣ не подняли духа у дворянской фронды. Нѣтъ ничего удивительнаго, что всякое напоминаніе о немъ перевертывало его внутренно. Александръ

---

[1]) Metternich, Mém. I, 147.

[2]) Онъ понималъ, что грандіозное зданіе имперіи, имъ сооруженное, держится только его геніемъ, его успѣхомъ, и былъ убѣжденъ, что оно не долго переживетъ его. Онъ говорилъ австрійскимъ уполномоченнымъ во время переговоровъ о мирѣ въ сентябрѣ 1809 года (Генцъ, Tagebücher, I, 150): „Франція — теперь стала тѣмъ, чѣмъ она должна была бы сдѣлаться давно, если бы Бурбоны умѣли править. Она не останется вѣчно тѣмъ, что она теперь. Еще десять — пятнадцать лѣтъ, меня не станетъ (у Генца: je creverai), и вы снова будете дѣлать то, что вамъ захочется".

[3]) Первый крикъ, вырвавшійся у него при вѣсти о смерти отца, былъ: „On dira, que je suis un parricide". Авг. Голицынъ, цитир. у Ѳирсова, стр. 26.

вздумалъ черезъ русскаго посла выразить свое негодованіе французскому кабинету по поводу убійства герцога Энгьенскаго. Наполеонъ не остался въ долгу. Онъ приказалъ Талейрану составить отвѣтную ноту, гдѣ говорилось, что русское правительство напрасно негодуетъ на происходящее въ другихъ странахъ, что въ Россіи убійство императора Павла, совершенное по проискамъ Англіи, тоже осталось безнаказаннымъ: никто изъ заговорщиковъ не понесъ кары. „Этотъ намекъ Наполеона, говоритъ В. К. Николай Михайловичъ („Имп. Александръ I", I, 41), никогда не былъ ему прощенъ, несмотря на всѣ лобзанія въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ". Другой любопытный фактъ разсказаетъ Марбо [1]). Когда Вандамма, сдавшагося подъ Кульмомъ, привели въ русскую главную квартиру, великій князь Константинъ самъ вырвалъ у него шпагу, а Александръ началъ кричать на него, называя его грабителемъ и разбойникомъ. Это взорвало храбраго солдата и онъ бросилъ въ лицо Александру при всемъ штабѣ: „Я не разбойникъ и не грабитель, и во всякомъ случаѣ современники и исторія не упрекнутъ меня въ томъ, что мои руки обагрены въ крови моего отца!" Александръ, страшно смущенный, сейчасъ же вышелъ изъ комнаты. Появленіе окровавленной тѣни Павла всегда могло быть опаснымъ Александру, какъ дурной примѣръ для окружающихъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ почувствовалъ, что положеніе его на престолѣ не скомпрометировано событіемъ 11 марта, онъ едва ли печалился о немъ больше, чѣмъ Наполеонъ о 18 брюмера. На характерѣ его оно отозвалось тѣмъ, что усилило въ немъ недовѣрчивость, скрытность, неискренность. Въ этомъ отношеніи смерть Павла наложила болѣе глубокій отпечатокъ на Александра, чѣмъ сокрушеніе республики на Наполеона: Александръ былъ много моложе въ 1801 году, чѣмъ Наполеонъ въ 1799 г.

IV.

Когда Александръ переработалъ въ себѣ трагедію, сопровождавшую его воцареніе, онъ уже былъ вполнѣ сложившимся человѣкомъ. Всѣ свойства его души психологически были даны въ условіяхъ его жизни, которыя мы разсмотрѣли.

---

[1]) Mém. III, ch. 25.

У него было слабо то, что дѣлаетъ человѣка яркимъ и сильнымъ. Въ его поступкахъ не было логики, которая всегда проникаетъ собою поступки цѣльнаго человѣка. Онъ былъ полонъ неожиданностей и никогда самъ не зналъ, во что выльется у него тотъ или иной замыселъ, то или другое настроеніе. Онъ способенъ былъ загорѣться и сейчасъ же потухнуть; отдать приказаніе и сердиться, что его исполнили; вызвать человѣка на дуэль и потомъ забыть объ этомъ (случай съ Меттернихомъ въ 1814 г.); съ Вѣнскаго конгресса, этой кухни европейской реакціи,—разсылать своимъ дипломатамъ инструкціи, написанныя языкомъ Бенжамена Констана и наполненныя конституціонными идеями. Наполеонъ отлично подмѣтилъ эту его особенность и такъ мѣтко охарактеризовалъ ее, что Меттернихъ нашелъ эту характеристику наиболѣе правильной изъ всѣхъ. „На ряду съ его крупными умственными качествами, говорилъ Наполеонъ, на ряду съ умѣніемъ плѣнять окружающихъ, есть въ немъ нѣчто такое, что я затрудняюсь опредѣлить. Это—что-то неуловимое (un je ne sais quoi), и я могу объяснить его, лишь сказавъ, что во всемъ и всегда ему чего-то не хватаетъ. И самое замѣчательное то, что никогда нельзя предвидѣть, чего ему будетъ нехватать въ каждомъ данномъ случаѣ, при какомъ-нибудь опредѣленномъ обстоятельствѣ. Ибо то, что ему нехватаетъ, мѣняется до безконечности“.

Недостатокъ этого je ne sais quoi прежде всего приводилъ къ тому, что Александръ былъ жертвою постоянныхъ колебаній, не покидавшей его нерѣшительности. Такимъ онъ былъ всю жизнь, не исключая и того момента, когда въ немъ вспыхнулъ, казалось, порывъ: двѣнадцатаго года. Его твердость въ сопротивленіи Наполеону была отраженная твердость. Ее вдохнули ему двѣ женщины, любившія его больше жизни: императрица Елизавета Алексѣевна и великая княгиня Екатерина Павловна [1]). А поддержалъ ее страхъ передъ преторіанской революціей: ибо армія была противъ мира.

И не безъ колебаній удержался Александръ на рѣшеніи: драться съ Наполеономъ, „пока ни одного непріятельскаго солдата не останется въ предѣлахъ Россіи“. Во время пребы-

[1]) Оба изданія В. К. Николая Михайловича, посвященныя этимъ замѣчательнымъ женщинамъ, дѣлаютъ совершенно безспорнымъ это положеніе.

ванія французовъ въ Москвѣ, повидимому, все-таки, были какіе-то переговоры [1]). И потомъ у насъ имѣется единогласное свидѣтельство двухъ такихъ близкихъ къ Александру въ то время людей, какъ императрица Елизавета Алексѣевна и бар. Штейнъ. Оба они утверждаютъ, что Александръ не могъ бы заключить мира, если бы даже хотѣлъ [2]). Военная партія была могущественна [3]).

Борьба съ Наполеономъ, вообще занимающая огромное мѣсто въ душевной жизни Александра, обострила и его неискренность. Она развивалась въ немъ все больше и больше, пока не сдѣлалась господствующей чертою его характера. Онъ скрытничалъ, лицедѣйствовалъ, лицемѣрилъ всю жизнь со всѣми, не исключая самыхъ близкихъ. Люди, которые хорошо его знаютъ, боятся ему довѣриться. Это отмѣтилъ Наполеонъ, назвавшій его византійцемъ. Это знали всѣ дипломаты, которымъ приходилось имѣть съ нимъ дѣло: шведъ Лагербьельке сказалъ, что Александръ „фальшивъ, какъ пѣна морская"; Вильг. Гумбольдтъ говорилъ на Вѣнскомъ конгрессѣ: „Русскій императоръ фальшивъ и капризенъ; съ нимъ приходится быть очень осторожнымъ" [4]). Гарденбергъ писалъ Гнейзенау, что у Александра—„властолюбіе и коварство подъ плащемъ любви къ людямъ и благороднаго либеральнаго настроенія" [5]). Это отлично знали въ его семьѣ: знала несчастная Елизавета Алексѣевна, знала Марія Θедоровна [6]). Повидимому, только одну Екатерину Павловну Александръ не обманывалъ насчетъ своихъ чувствъ. Ее онъ любилъ „любовью брата, а

---

1) См. ниже статью „Вопросъ о мирѣ".

2) Шильдеръ, Александръ, т. III, 505.

3) См. ниже статью „Вопросъ о мирѣ".

4) A. Fournier, Die Geheimpolizei auf d. Wiener Kongress, донесеніе отъ 14 ноября.

5) Pertz-Delbrück, „Gneisenau", т. IV, 296. Генцъ (Tagebücher, I, 80) говоритъ о лукавствѣ и фальшивости Александра („un homme aussi louche et aussi faux"), какъ будто другого мнѣнія на этотъ счетъ не могло и быть.

6) Осыпавшій мать всяческими знаками почета, Александръ перлюстрировалъ ея письма и неизмѣнно иронизировалъ на ея счетъ въ письмахъ къ сестрѣ,.. если былъ увѣренъ, что никто другой не прочтетъ этихъ писемъ. См. напр. въ изд. В. К. Николая Михайловича письма №№ 32 и особ. 36, гдѣ говорится нѣсколько кислыхъ словъ насчетъ „la Дражайшая Посѣтительница".

можетъ быть, еще нѣжнѣй" [1]), вѣрилъ ей и охотно подчинялся ея вліянію. Со всѣми остальными Александръ игралъ постоянную комедію. Даже съ Аракчеевымъ, котораго онъ осыпалъ ласковыми словами, называя его мерзавцемъ въ письмахъ къ вѣрнымъ людямъ. Аракчеевъ былъ нуженъ ему, съ одной стороны, какъ „пугало пострашнѣе", а съ другой—какъ громоотводъ противъ ненависти, скопившейся въ обществѣ вслѣдствіе экспериментовъ съ военными поселеніями и другихъ реакціонно-репрессивныхъ затѣй [2]).

Вполнѣ гармонировало съ основными свойствами души Александра и то, что можно было бы назвать безпорывностью духа. Онъ былъ лишенъ и характера и настоящаго темперамента. Онъ не былъ натурой творческой. Выдумка туго вынашивалась у него. Не умѣли загораться огни поэзіи въ его скудной душѣ [3]). Правда, онъ поднимался порою на крупныя дерзанія. Но поднимали его не идейные порывы и не тотъ неудержимый внутренній вихрь, который двигаетъ героями. Ибо меньше всего Александръ былъ героемъ.

Вспомнимъ, чѣмъ былъ Александръ, какъ воинъ. Съ молодыхъ лѣтъ уныло тосковалъ онъ по боевой славѣ, и въ концѣ концовъ какъ будто добился, что скептическая Европа признала за нимъ военный талантъ. Но сколько было терній и шиповъ въ погонѣ Александра за лаврами полководца. Настоящаго военнаго таланта въ немъ не было. Самъ онъ, однако, вовсе не былъ убѣжденъ въ этомъ и попробовалъ

---

1) Нѣкоторыя мѣста переписки, даже уцѣлѣвшія отъ опустошеній, произведенныхъ многоточіями, очень любопытны. Вотъ отрывокъ изъ письма № 50, въ изданіи В. К. Николая Михайловича: „Hélas! je ne sais profiter de mes anciens droits (il s'agit de vos pieds, entendez-vouz), d'appliquer les plus tendres baisers dans votre chambre à coucher à Twer". Эти слова интересно сопоставить съ тѣмъ, что говорится въ письмахъ В. К. Екатерины Павловны о пребываніи ея вмѣстѣ съ Александромъ въ Шафгаузенѣ и проч.

2) Подкладка отношеній къ Аракчееву вскрыта въ статьѣ А. А. Кизеветтера „Александръ и Аракчеевъ" въ его книгѣ „Историческіе очерки" (М. 1911).

3) Какая скука, напр., читать подъ рядъ его письма къ сестрѣ! Въ первые годы ихъ скрашиваютъ еще воспоминанія дѣтства, потомъ они дѣлаются все суше и суше. А вѣдь пишетъ онъ человѣку, котораго искренно любитъ. Письма В. К. Екатерины Павловны обнаруживаютъ душу несравненно болѣе яркую.

обаружить свои способности при Аустерлицѣ. Опытъ кончился печально. Въ 1812 году Александръ тѣмъ не менѣе возобновилъ его, и опять крайне неудачно. Но когда Наполеонъ бѣжалъ изъ Россіи, Александръ пріѣхалъ въ Вильну и снова сталъ во главѣ арміи. Тутъ его вскорѣ подхватила волна прусскаго національнаго энтузіазма, и на гребнѣ ея Александръ впервые увидѣлъ улыбку богини побѣды. Фактически побѣды одерживали другіе: Шварценбергъ, Блюхеръ, Моро, Бернадотъ. Александръ хлопоталъ, добросовѣстно высиживалъ на военныхъ совѣтахъ, самъ писалъ карандашомъ протоколы, словомъ, дѣлалъ видъ, что „ремесло" полководца очень тяжело [1]). Когда союзники переступили Рейнъ съ войскомъ чуть не вдесятеро сильнѣйшимъ, чѣмъ у Наполеона, Александръ рѣшился однажды подышать воздухомъ браннаго поля. Это было въ 1814 г. при Фершампенуазѣ, когда нѣсколько французскихъ карре геройски выдерживали артиллерійскій огонь и кавалерійскія атаки русской арміи. И вотъ что тамъ произошло: „Государь, видя два карре непріятельской пѣхоты и 100 человѣкъ кирасиръ, остановившихся на мѣстѣ и колеблющихся, не зная; что имъ дѣлать, приказалъ своему конвою, изъ 100 черноморскихъ казаковъ и 100 гвардейскихъ донскихъ казаковъ, атаковать карре. Казаки бросились, и находившіеся при государѣ болѣе сотни разныхъ офицеровъ, смотря на казаковъ, также поскакали впередъ; въ числѣ офицеровъ и государь по правую сторону поскакалъ впередъ, скача самымъ маленькимъ галопомъ почти на мѣстѣ, и осматривался назадъ, чтобы кто ни есть его удержалъ отъ сей чрезмѣрной храбрости. Въ то же время одинъ штабъ-офицеръ, ѣхавшій немного сзади его, удержалъ за руку, сказавъ: „Государь, твоя жизнь дорога и нужна". Государь поворотилъ скоро лошадь назадъ и скорѣе отъѣхалъ на прежнее мѣсто, нежели впередъ подавалъ" [2]).

---

[1]) Тѣмъ не менѣе Александръ былъ увѣренъ, что походы 1813 и 1814 года прошли хорошо для союзниковъ главнымъ образомъ благодаря его талантамъ. Въ 1815 году онъ говорилъ въ Вѣнѣ генералу Вольцогену: „Мы увидимъ, кто былъ великимъ полководцемъ послѣднихъ походовъ: Шварценбергъ или я." Fournier, „Die Geheimpolizei auf d. Wiener Kongress", донесеніе отъ 15 янв. 1815 г.

[2]) Записки полк. А. К. Карпова (Витебскъ, 1910). Карповъ прибавляетъ: „Безполезную атаку, въ которую Государь бросился, послѣ кампаніи чрез-

Въ боевомъ огнѣ Александръ, словомъ, чувствовалъ себя не очень хорошо. Зато въ мирной обстановкѣ плацпарадовъ онъ безъ труда могъ соперничать съ Наполеономъ. Любовь къ фронтовымъ занятіямъ, глубокое убѣжденіе въ необходимости муштры сидѣло въ немъ такъ крѣпко, какъ ничто. Тутъ вѣроятно сказывалось и вліяніе гатчинскихъ впечатлѣній юности и тоска по военной славѣ невоеннаго человѣка и упрямое желаніе всѣмъ показать, что онъ любитъ и понимаетъ военное дѣло. Требовательность къ тонкостямъ шагистики и фронтовой выправки превращалась у Александра въ чисто павловскую больную страсть. Съ одной, впрочемъ, разницей. Линейная тактика Фридриха II, царившая при Павлѣ, дѣлала и муштру и выправку необходимыми. На этомъ строилось все. При Александрѣ, особенно въ концѣ его царствованія, когда муштра стала достигать размѣровъ гомерическихъ, линейная тактика давно успѣла отойти въ область преданій, и наполеоновскіе „ворчуны", недосягаемый образецъ дисциплинированныхъ солдатъ, забыли о томъ, что такое гатчинская муштра. Александръ между тѣмъ упорно продолжалъ требовать шага въ одинъ аршинъ, и 75 такихъ шаговъ въ минуту, а скорымъ по 120, и опусканія носковъ, и соблюденія „каденсу" и всего остальнаго [1]). Это походило не на Наполеона, а скорѣе на Петра III, который добывалъ себѣ военную славу способомъ еще болѣе легкимъ: на своемъ столѣ и съ деревянными солдатиками.

Душевныя силы Александра охотно устремлялись на мелкое. Въ этомъ онъ былъ похожъ на Наполеона. Но онъ не былъ способенъ отъ мелкаго подняться къ великому, ибо для этого нужны были крылья генія. У Наполеона это дѣлалось само собою.

Александръ не умѣлъ отдаться цѣликомъ, безъ оглядки,

вычайно льстецы прославляли, но ни одинъ изъ нихъ не написалъ правды: можетъ быть потому, (что) въ нынѣшнемъ вѣкѣ дѣйствительно нельзя сказать правды, а тѣмъ болѣе притомъ же всѣхъ почти льстецовъ весьма щедро награждаютъ, а за правду отсылаютъ въ Сибирь, въ вѣчную работу, и другія мѣста, гдѣ только можно притѣснить человѣчество". См. собраніе мемуаровъ за 1812 г., подъ редакціею В. В. Каллаша, стран. 223. Справедливость, впрочемъ, требуетъ прибавить, что другіе современники, какъ, напр., Шишковъ, считали Александра лично храбрымъ человѣкомъ.

[1]) См. примѣры въ статьѣ С. П. Мельгунова. „Александръ" въ изданіи „Отечеств. война и русское общество", т. III.

какому-нибудь чувству. Не было такой идеи, не было такого ощущенія, которыя владѣли бы Александромъ когда-нибудь всецѣло. Онъ все взвѣшивалъ, все разсчитывалъ. Даже мистицизмъ послѣднихъ лѣтъ царствованія служилъ у него опредѣленной цѣли. Онъ закрывалъ отъ глазъ недальновидныхъ людей его политическія цѣли. Мистицизмъ для него былъ не ключъ къ пониманію міра, не цѣлостное жизненное міросозерцаніе, какъ для Жозефа де Местра или Адама Мюллера, а политическое орудіе, какъ для Генца, Ансильона, Меттерниха. Представить пораженіе Наполеона, какъ „судъ Божій“, было очень выгодно, ибо въ этомъ случаѣ всѣ обязательства погашались непосредственнымъ расчетомъ между властью и Божествомъ, и слѣдовательно другія обязательства власти, земныя, данныя подданнымъ, можно было считать ликвидированными. А сколько такихъ обязательствъ давала народамъ легитимная власть въ Россіи, Австріи, Пруссіи, когда надъ нею тяготѣлъ могучій кулакъ Наполеона, когда ей грозила гибель безъ содѣйствія народовъ. Если Александръ не говорилъ громко, подобно Меттерниху, что Священный союзъ — „un rien sonore“, то только потому, что то́ было его собственное дѣтище; практическую политическую цѣнность этого орудія въ дѣлахъ внутреннихъ онъ понималъ не хуже австрійскаго канцлера. А г-жа Крюденеръ и вся прочая декорація мистицизма служили у него лишь для отвода глазъ. Когда онѣ становились неудобны, Крюденеръ высылали изъ Петербурга и Александръ равнодушно смотрѣлъ на то, какъ Фотій съ митрополитомъ Серафимомъ валили на его глазахъ А. Н. Голицына.

V.

Каковы же были побудительныя причины тѣхъ крупныхъ дѣяній Александра, которыя вывели его на просторъ міровой исторіи и создали ему такую громкую славу?

„Характеръ Александра, — сказалъ Меттернихъ, — представлялъ странную смѣсь качествъ мужа и слабостей женщины“. „Если бы Александра одѣть въ женское платье, — говорилъ французскій дипломатъ Лафероне, — то́ была бы тонкая женщина“. Это подмѣчено правильно. Александръ уже потому

былъ женственной натурой, что у него не было главнаго „качества мужа", крѣпкой воли. И всѣ особенности его характера имѣли то общее, что въ нихъ, какъ говорилъ Наполеонъ, „чего-то не хватало" для того, чтобы быть „качествами мужа". Оттого они всѣ походили больше на „недостатки женщины".

Вмѣсто упорнаго характера, у Александра было самолюбіе, вмѣсто воли—упрямство, вмѣсто честолюбія — тщеславіе и зависть. Какъ большинство властителей, онъ любилъ лесть, помнилъ зло и обиды. Уже при самомъ вступленіи на престолъ люди проницательные, по словамъ ген. Тучкова, угадывали въ немъ „духъ неограниченнаго самовластія, мщенія, злопамятности, недовѣрчивости, непостоянства въ обѣщаніяхъ и обмановъ"[1]).

Какъ у всѣхъ некрупныхъ людей, у Александра было особаго рода самолюбіе, какое-то неспокойное, настороживщееся. Его задѣвалъ всякій пустякъ. Ему наносила раны всякая обида, и нелегко заживали эти раны. Наполеону онъ не прощалъ пренебрежительнаго мнѣнія о себѣ. Его мучила мысль, что въ Европѣ его не хотятъ признать крупнымъ человѣкомъ. Послѣ вступленія союзныхъ войскъ въ Парижъ въ 1814 г. онъ сказалъ Ермолову: „Двѣнадцать лѣтъ меня считали посредственностью въ Европѣ. Посмотримъ, что скажутъ теперь". Такъ радуется только человѣкъ, „нечаянно пригрѣтый славой". Развѣ можно представить себѣ такую фразу въ устахъ Наполеона?

Всѣ главные факты царствованія Александра были слѣдствіемъ именно этихъ женскихъ качествъ его души. Колоссальный поединокъ двухъ политическихъ культуръ—соперничество между Россіей и Франціей — въ душѣ Александра принималъ видъ и форму личнаго соревнованія съ Наполеономъ. И это настроеніе не покидало его до конца, зародившись во времена Аустерлица. Даже Тильзитъ не былъ перерывомъ, хотя Александръ всячески дѣлалъ видъ, что онъ покоренъ величіемъ своего союзника. Онъ и тутъ игралъ роль, и тутъ носилъ личину. Уже 26 мая 1807 года онъ пишетъ сестрѣ: „Bonaparte prétend qui je ne suis qu'un sot. Rira le mieux, qui rira le dernier". Послѣдняя фраза подчеркнута, и въ ней слышится глухая ненависть. Если бы сохранились письма времени эрфуртскаго

---

[1]) Цит. у С. П. Мельгунова, гдѣ собрано много свидѣтельствъ, рисующихъ эти „женскія" качества Александра.

свиданія, мы, вѣроятно, нашли бы и тамъ что-нибудь подобное. Въ 1812 году, какъ мы увидимъ, Александръ колебался очень сильно и въ значительной мѣрѣ подъ внѣшними вліяніями рѣшился не итти на миръ. Но въ 1813 и въ 1814 году, когда опасность для Россіи миновала, онъ былъ самымъ непримиримымъ изъ противниковъ Наполеона; ему нуженъ былъ не столько миръ съ Франціей, не столько возстановленіе политическаго равновѣсія въ Европѣ, сколько низверженіе личнаго врага. Какъ ни доказывалъ ему Кутузовъ, своимъ трезвымъ умомъ великолѣпно оцѣнившій политическое положеніе, что нѣтъ никакой необходимости лить изъ-за нѣмцевъ русскую кровь, Александръ рѣшилъ перенести войну за Нѣманъ. Прусскіе патріоты съ барономъ Штейномъ во главѣ, которымъ необходимъ былъ новый походъ противъ Наполеона, подсказали Александру очень удобный лозунгъ: „Освобожденіе Европы",— который, казалось, оживлялъ его юношеское преклоненіе передъ идеей „человѣчества". Дѣло было, конечно, не въ этомъ романтическомъ настроеніи, которое давно перестало быть искреннимъ, а въ томъ, что Александру нужно было полное униженіе Наполеона, реваншъ за Аустерлицъ, за Москву. И наоборотъ, на Вѣнскомъ конгрессѣ онъ чуть не довелъ дѣло до войны, когда Англія, Австрія и Франція отказались позволить Пруссіи проглотить Саксонію: Александръ заранѣе обѣщалъ этотъ лакомый кусокъ своему другу Фридриху Вильгельму. Нужно было сдержать обѣщаніе; дѣло шло о его самолюбіи. А какъ быстро измѣнилось его отношеніе къ Бурбонамъ! Послѣ Фонтенебло онъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ ихъ возстановленія. На Вѣнскомъ конгрессѣ онъ уже относился къ нимъ холодно и совсѣмъ не былъ расположенъ возвращать престолъ вторично Людовику XVIII. Онъ одно время не хотѣлъ даже участвовать въ коалиціи 1815 г. [1]). Дѣло было въ томъ, что Людовикъ не оказалъ ему тѣхъ знаковъ почета и признательности, на которыя Александръ считалъ себя въ правѣ разсчитывать. И Александръ обидѣлся: было задѣто самолюбіе. А исторія съ военными поселеніями? Когда бунтъ сталъ принимать угрожающіе размѣры и даже Аракчеевъ началъ склоняться къ тому, чтобы покончить съ

[1]) De Lagarde, «Gemälde des Wiener Congresses», Lpz., 1844, т. IV, 224.

этой жестокой затѣей, Александръ упрямо стоялъ на своемъ: „Поселенія будутъ, хотя бы пришлось уложить трупами всю дорогу отъ Петербурга до Чудова“. Для него лично эти бунты не представляли опасности, и можно было, не опасаясь ничего, сдѣлать одинъ изъ тѣхъ наполеоновскихъ жестовъ, которые онъ такъ любилъ и которые вообще такъ плохо ему удавались.

Но въ одномъ отношеніи качества „тонкой женщины“ оказали огромную услугу Александру. Они сдѣлали его превосходнымъ дипломатомъ. Въ этой борьбѣ, арена которой—салоны и залы засѣданій, оружіе которой—хитрость, притворство и умѣніе скрывать правду, Александръ чувствовалъ себя вполнѣ въ своей стихіи. Тутъ онъ былъ опредѣленной величиной. А. А. Кизеветтеръ говоритъ [1]), что Александръ былъ прирожденнымъ дипломатомъ, какъ Наполеонъ былъ прирожденнымъ полководцемъ. Но не нужно забывать, что крупной величиной въ мірѣ дипломатіи Александра сдѣлали качества „тонкой женщины“. Руководящія идеи его дипломатической дѣятельности часто противорѣчили интересамъ Россіи, ибо отвѣчали либо интересамъ русскаго дворянства, либо его личнымъ чувствамъ и побужденіямъ. Но разъ поставивъ себѣ дипломатическую цѣль, Александръ шелъ къ ней неуклонно, достигалъ ея комбинаціями, необыкновенно искусными и цѣлесообразными. Такъ было, напримѣръ, въ 1812 году, когда Александръ блистательно провелъ переговоры съ Бернадотомъ и привлекъ на свою сторону Швецію; такъ было въ 1813 году, когда онъ такъ неподражаемо легко осуществилъ коалицію противъ Наполеона; такъ было позже, во времена Священнаго Союза, когда самъ Меттернихъ едва не сдѣлался подголоскомъ Александра.

VI.

Когда отъ душевнаго міра Александра вы обращаетесь къ душевному міру Наполеона, вы словно попадаете изъ сѣверной степи прямо въ тропическій лѣсъ. Настолько тамъ все скудно. Настолько здѣсь—все сверкаетъ, все пышно, все ослѣпительно.

Самое поразительное въ Наполеонѣ, что огромныя умствен-

---

[1]) Ист. очерки, стр. 304.

ныя силы соединяются у него съ цѣлымъ рядомъ другихъ качествъ, каждаго изъ которыхъ было бы достаточно, чтобы создать замѣчательнаго человѣка: желѣзной волей, все одолѣвавшей энергіей, несокрушимой работоспособностью, кипучимъ, какъ лава, темпераментомъ, фантазіей, полету которой нѣтъ границъ, какимъ-то вдохновеннымъ умѣніемъ разгадывать и покорять людей. Никакое дѣло не представлялось ему труднымъ, ни одна задача не казалась неразрѣшимой, потому что въ душѣ его били неизсякаемые ключи творческихъ силъ. Онъ позналъ великое искусство предвидѣнія и въ немъ почти не зналъ промаховъ, ибо не только разсчитывалъ каждый свой шагъ и взвѣшивалъ каждое свое намѣреніе: въ тайны будущаго онъ посылалъ развѣдчицей свою свѣтлую мысль на крыльяхъ своего удивительно дисциплинированнаго воображенія. Геній замѣнялъ ему все: недостатокъ знаній, вопіющую неподготовленность, отсутствіе такта. Онъ все скрашивалъ, все расцвѣчивалъ. Привыкнувъ къ тому, что его расчеты сбываются, Наполеонъ увѣровалъ въ свою звѣзду и, когда въ этихъ расчетахъ оказывалась ошибка, онъ готовъ былъ скорѣе видѣть въ этомъ бунтъ со стороны судьбы, чѣмъ согласиться признать себя неправымъ.

Въ этомъ отношеніи Наполеона совершенно безцѣльно сравнивать съ Александромъ. Это два разные калибра. Одинъ — гигантъ, которому трудно найти параллель въ исторіи, другой — человѣкъ, едва возвышающійся надъ среднимъ уровнемъ. Александръ самъ отлично сознавалъ превосходство Наполеона. Онъ не только демонстрировалъ это въ Эрфуртѣ, въ театрѣ, когда онъ поднялся, чтобы пожать руку Наполеона, услыша со сцены стихъ „L'amitié d'un grand homme est un bienfait des dieux“ [1]. Онъ откровенно призналъ это въ письмѣ къ сестрѣ [2].

Тѣмъ не менѣе сопоставленіе того и другого представляетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ большой интересъ. Какъ нравственныя величины они такъ же далеки другъ отъ друга, какъ

---

1) A. Vandal, Наполеонъ и Александръ. I, 446.

2) Отъ 18 сент. 1812 г. «Quant au talent, peut-être, je puis en manquer, mais il ne se donne pas: c'est un bienfait de la nature et personne ne se l'est jamais procuré. Secondé aussi mal que je suis... contre un antogoniste infernal qui a la plus horrible scéleratesse jointe au talent le plus eminent... il n'est pas ètonnant que j'èprouve des revers».

и умственныя. Но то и любопытно, что въ концѣ концовъ на важнѣйшемъ изъ путей въ жизни монарха, на политическомъ,— они неожиданно оказываются рядомъ.

У Александра атрофія воли, у Наполеона — воля гипертрофирована. Насколько одинъ готовъ подчиниться болѣе сильному, какъ только успокоено его „кроткое упрямство“ [1]), настолько другой хочетъ покорить своей волѣ, согнуть, сломить передъ ней все окружающее. И онъ умѣетъ этого добиться. Въ концѣ концовъ эта воля сокрушилась только передъ стихіями: народной стихіей и стихіей природы. А Александръ — дипломатъ-искусникъ — въ рѣшительный моментъ сумѣлъ оказаться подъ прикрытіемъ этихъ стихій.

Но при сопоставленіи двухъ императоровъ особенно бросается въ глаза не это несходство, а другое. Александръ — человѣкъ безъ темперамента. У Наполеона онъ бьетъ черезъ край. Клокочущимъ темпераментомъ у одного, безтемпераментностью у другого окрашена вся жизнь. Оба они актеры. Оба притворяются — и не могутъ не притворяться — безпрестанно. Но какая разница! Александру всего больше удается роль „прельстителя“, въ то время какъ Наполеонъ особенно хорошъ въ роляхъ Юпитера-Громовержца. Онъ былъ способенъ разыграть цѣлую бурю, приводившую всѣхъ въ трепетъ, и сейчасъ же обратиться къ кому-нибудь изъ близкихъ: „Вы думаете, что я былъ очень сердитъ... Успокойтесь, у меня гнѣвъ никогда не идетъ дальше этого“. И онъ показывалъ шею [2]). Наоборотъ, Наполеону далеко не всегда удавалось разыграть прельстителя, даже когда онъ хотѣлъ: слишкомъ чувствовались подъ лаской когти тигра. Еще меньше удавались Александру позы и тонъ громовержца. На Вѣнскомъ конгрессѣ онъ пробовалъ запугать дипломатовъ грозными окриками à la Наполеонъ. Но Кэстльри и Талейранъ не давали обмануть себя. Темпераментъ былъ не тотъ. И еще была разница. Наполеонъ почти всегда импровизировалъ свои актерскія выступленія. Александру приходилось готовиться къ своимъ. Онъ даже въ церковь забирался спозаранку, чтобы сдѣлать тамъ „репетицію церковнаго служенія“ [3]).

---

[1]) Александра въ семейномъ кругу называли „doux entêté“.
[2]) Taine, Rég. moderne, 45.
[3]) Волконскій, Зап. 154.

Но изъ двухъ актеровъ Наполеонъ чаще бывалъ искреннимъ въ жизни, чѣмъ Александръ.

То же различіе въ темпераментѣ сказывалось въ отношеніи къ женщинамъ. Одинъ дѣйствуетъ какъ солдатъ, другой какъ дипломатъ. Въ Александрѣ тутъ было несомнѣнно что-то рыцарственное. Онъ самъ вкладывалъ въ отношенія къ женщинамъ большую долю увлеченія. Наполеонъ, послѣ того какъ Жозефина растоптала его любовь, не увлекался серьезно никѣмъ. И рыцаремъ съ женщинами онъ не былъ совсѣмъ. Женщины боялись его, удивлялись ему, но — кромѣ, повидимому, Валевской — его не любили. Быть можетъ потому, что онъ совсѣмъ не умѣлъ обращаться съ женщинами. Онъ былъ либо грубъ, либо скученъ. Онъ былъ способенъ въ большомъ дамскомъ обществѣ, въ Сенъ-Клу, двадцать разъ повторить немудреную фразу: „Il fait chaud!“ Александръ былъ кумиромъ женщинъ. Прекрасный собою, обаятельный въ обращеніи, отлично играющій роль „прельстителя“, онъ не могъ не покорять сердца. Съ гордостью [1] — и на этотъ разъ вполнѣ законной — онъ говорилъ, что этимъ успѣхомъ онъ обязанъ не тому, что онъ былъ императоромъ. И онъ былъ правъ: онъ былъ обязанъ имъ по крайней мѣрѣ не только своей коронѣ. Но самый процессъ „прельщенія“ занималъ Александра больше, чѣмъ результатъ побѣды. „Кокетка!“ говорила про него королева Гортензія, знавшая его съ этой стороны довольно хорошо [2]).

---

[1]) Онъ охотно разрѣшалъ своимъ придворнымъ льстивые намеки насчетъ своихъ побѣдъ. Вотъ одинъ такой намекъ, увѣковѣченный Домергомъ („La Russie pendant les guerres de l'Empire“, т. I, 117). На какой-то придворный вечеръ явился Д. Л. Нарышкинъ, мужъ Маріи Антоновны, причесанный болѣе элегантно, чѣмъ всегда. Александръ, показывая на него его брату Льву Львовичу, замѣтилъ: „Lèon, remarquez donc comme votre frère est bien coiffé“; Нарышкинъ, который вообще не любилъ лазить за словомъ въ карманъ, отвѣтилъ ему: „Eh, Sire, ne savez vous pas qu'il l'est de main de maître“.

[2]) Одинъ изъ великосвѣтскихъ агентовъ, приставленныхъ къ Александру во время Вѣнскаго конгресса, доносилъ начальнику политическаго сыска, барону Гагеру (16 окт. 1814 г.): „Александръ много занимается графиней Эстергази-Рейзинъ, Софіей Зичи, княгиней Ауэрспергъ, княгиней Лихтенштейнъ и молодой Сеченьи. Двѣ первыхъ даже убѣждены, что онѣ поймали его въ свои сѣти. Но остальныя понимаютъ хорошо, что здѣсь, какъ и во Франкфуртѣ, все это для Александра — дѣло чистаго кокетства“. „En réalité, — прибавляетъ агентъ, — depuis qu'il est ici, il n'a passé quelques

Вообще темперамента было мало въ его многочисленныхъ романахъ. Онъ очень любилъ свою petite famille, М. А. Нарышкину и ея дѣтей, и утилизировалъ свой успѣхъ гораздо рѣже, чѣмъ можно думать. Онъ шелъ до конца, когда это ему было нужно по дипломатическимъ соображеніямъ. Таковъ былъ, напримѣръ, его романъ съ княгиней Е. П. Багратіонъ въ Вѣнѣ во время конгресса [1]). Но это былъ случай довольно исключительный. Болѣе типиченъ слѣдующій эпизодъ. Во время своего пребыванія въ Лондонѣ въ 1814 году онъ передъ отъѣздомъ пригласилъ къ себѣ къ 1 часу ночи одну изъ придворныхъ красавицъ, лэди Джерси. Дама приготовилась ко всему и поѣхала съ убѣжденіемъ, что будетъ „крайне невѣжливо“ отказать царственному поклоннику, какъ бы далеко ни зашли его требованія. Но Александръ предусмотрительно велѣлъ разбудить сестру, В. К. Екатерину Павловну, и ограничился только тѣмъ, что попросилъ разрѣшенія поцѣловать руку своей гостьи выше локтя [2]). Сопоставьте съ этимъ хотя бы такой случай, разсказанный про Наполеона Бурьеномъ. Въ Египтѣ ему понравилась жена одного изъ офицеровъ. Онъ приблизилъ его къ себѣ, сталъ принимать его съ женою, потомъ отправилъ его въ Европу. А даму однажды за обѣдомъ посадилъ рядомъ съ собой и какъ будто нечаянно столкнулъ ей на платье графинъ съ водою. Сталъ извиняться и увелъ къ себѣ въ комнату, чтобы „привести въ порядокъ“. Публика терпѣливо ждала... Его вообще очень мало заботило, имѣетъ онъ успѣхъ или нѣтъ. Онъ бралъ женщину, какъ его гренадеры брали непріятельскій редутъ. Ухаживанія Александра, наоборотъ, состояли нерѣдко изъ чисто-дипломатическихъ хитростей. Наполеонъ передаетъ [3]) съ тонкимъ юморомъ исторію тильзитскаго

---

nuits que chez la Bagration. Peut-être aussi Tchernicheff (j'ai moi-même entendu ce qu'il disait à ce propos confidentiellement à Alexandre) lui a-t-il en outre procuré quelques filles de joie“. См. выдержки, напечатанныя Вейлемъ въ „Revue de Paris“, 1913, juin, стр. 620—621.

[1]) См. ниже статью „Вѣнскій конгрессъ“.

[2]) См. „Отрывокъ изъ воспоминаній княгини Ливенъ. Лондонъ, въ 1804 г.“ въ изданіи В. К. Николая Михайловича „Переписка Александра съ В. К. Екатериной Павловной“, стр. 244—245. См. также мнѣніе объ отношеніи къ женщинамъ Александра у Э. М. Арндта, приведенное ниже въ статьѣ „Королева Луиза и Александръ I“.

[3]) О'Меага, бесѣда 15 дек. 1815 г. Разсказъ этотъ не вполнѣ соотвѣт-

флирта Александра 1807 года. Фридрихъ Вильгельмъ, рискуя остаться совсѣмъ безъ владѣній, старался, чтобы королева Луиза пріѣхала въ Тильзитъ какъ можно позже: онъ ревновалъ свою прекрасную супругу „къ одной высокой особѣ“. Въ концѣ концовъ она пріѣхала и провела тамъ два дня, захвативъ конецъ переговоровъ. Когда все было кончено, пункты договора установлены, король попросилъ у Наполеона прощальной аудіенціи. Александръ, узнавъ объ этомъ, „съ таинственнымъ видомъ“ сталъ просить Наполеона отсрочить эту аудіенцію на сутки. Тотъ „дружбы ради“ сдѣлалъ ему это удовольствіе. Наполеонъ въ такихъ случаяхъ обходился безъ чужой помощи. Извѣстенъ разсказъ, переданный десятками современниковъ, какъ онъ встрѣтилъ въ Компьенѣ свою невѣсту Марію Луизу и какъ удивилъ ее, воспитанницу самаго чопорнаго европейскаго двора, этой встрѣчей. Шатобріанъ считалъ поступокъ Наполеона, насмѣявшагося надъ церковными обрядами, чуть не главной причиной его крушенія.

Такъ разница въ темпераментахъ сказывалась въ мелочахъ. Но она сказывалась и въ крупномъ. Различные темпераменты различно окрашиваютъ и господствующую особенность нравственной фигуры обоихъ: эгоизмъ. Эгоизмъ у нихъ разный, но замѣчательно то, что послѣдствія эгоизма у того и у другого нечувствительно ихъ сближаютъ.

VII.

Я Александра — *я* „тонкой женщины“, *я*, складывающееся изъ всякаго рода мелкихъ побужденій, но въ суммѣ цѣпкое и по-своему упорное. *Я* Наполеона совсѣмъ иного рода. Вотъ какъ рисуетъ его своимъ пышнымъ перомъ Тэнъ: „Это эгоизмъ не инертный, но дѣятельный и наступательный, соотвѣтствующій дѣятельности и широтѣ его способностей, развитый воспитаніемъ и обстоятельствами, доведенный успѣхомъ и всемогуществомъ до того, что онъ сталъ какимъ-то чудовищемъ, воздвигъ среди человѣческаго общества колоссальное *я*, которое все

ствуетъ дѣйствительности. Но очень правдоподобно, что Александръ рисовался передъ Наполеономъ привязанностью къ Луизѣ. См. изложеніе тильзитскаго эпизода ниже, въ статьѣ о королевѣ Луизѣ.

дальше и дальше протягиваетъ вокругъ себя хищные и цѣпкіе когти; его раздражаетъ всякое сопротивленіе, его стѣсняетъ всякая независимость; въ безграничномъ удѣлѣ, который онъ себѣ захватилъ, онъ не терпитъ никакой жизни, если только она не придатокъ и не орудіе его собственной" [1]). Тэнъ не любитъ Наполеона, не понимаетъ его и несправедливъ къ нему. И въ этой тирадѣ все, конечно, преувеличено. Но общая тенденція нравственнаго духа Наполеона указана вѣрно.

Эгоизмъ, когда онъ на престолѣ, неизбѣжно пріобрѣтаетъ политическій характеръ и становится почти съ необходимостью деспотизмомъ, если не встрѣчается къ этому препятствій. И совершенно безразлично, какого рода эгоизмъ лежитъ въ источникѣ деспотизма: бурный, откровенный, „наступательный" или осторожный, идущій мелкими шажками и безпрестанно оглядывающійся по сторонамъ. Страна, надъ которой деспотизмъ продѣлываетъ свои эксперименты, страдаетъ одинаково и отъ одного, и отъ другого. Ибо въ концѣ концовъ изъ различныхъ предпосылокъ личной морали, изъ различныхъ темпераментовъ складывается очень однородный политическій результатъ.

Эгоизмъ вырабатываетъ недовѣріе, презрѣніе и ненависть къ людямъ, подозрительность, завистливость. Когда все это вмѣстѣ покрыто горностаевой мантіей и увѣнчано короной, подданные не бываютъ счастливы. И если исключить медовые дни Неоффиціальнаго комитета въ Россіи и первые два-три года консульства во Франціи, оба соперника довольно быстро продѣлали эту неизбѣжную эволюцію. Сопоставимъ нѣсколько свидѣтельствъ современниковъ.

Во время высылки Сперанскаго Александръ сказалъ де-Санглену: „я рѣшительно никому не вѣрю. Люди — мерзавцы" [2]). „Наполеонъ не вѣрилъ ни въ добродѣтель, ни въ честность. Онъ часто называлъ эти два слова абстракціями" [3]). Онъ сказалъ однажды генералу Дюма: „Не отличаетесь же вы отъ другихъ людей; личная выгода у всѣхъ на первомъ планѣ" [4]). А Бурьенъ передалъ потомству еще одно его изреченіе: „Два рычага двигаютъ людьми: страхъ и выгода". Разъ къ людямъ

---

[1]) Reg. moderne, I, 62.
[2]) Семевскій. Полит. и общ. идеи декабристовъ, 78.
[3]) Chaptal, Souv. 305.
[4]) Mathieu Dumas. Mem. III, 364.

относятся съ такимъ презрѣніемъ, ясно, что даровитыхъ людей будутъ всегда бояться: если всѣ люди „мерзавцы", то даровитый мерзавецъ, конечно, опасенъ. Разъ всѣми двигаютъ страхъ и выгода, — у даровитаго человѣка чувство выгоды можетъ не остановиться у подножья трона. И вотъ результаты: Кочубей говоритъ Сперанскому: „Иные заключаютъ, что Государь именно не хочетъ имѣть людей съ дарованіями" [1]). Шапталь пишетъ про Наполеона: „Считая себя достаточно сильнымъ, чтобы управлять самому, онъ заботливо устранялъ всѣхъ, талантъ или характеръ которыхъ казались ему неудобными. Ему нужны были слуги, а не совѣтники" [2]). И факты подтверждаютъ эти слова. Александръ удаляетъ Сперанскаго и не довѣряетъ Кутузову, Наполеонъ оттираетъ Массену и отправляетъ въ изгнаніе Моро, главная вина котораго заключалась въ томъ, что онъ даровитый человѣкъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, оставшись съ людьми второго и третьяго сорта, оба презираютъ самыхъ близкихъ своихъ людей. Александръ говорилъ однажды королю прусскому, что оба они „окружены негодяями", что онъ своихъ „многихъ хотѣлъ прогнать, но на ихъ мѣсто являлись бы такіе же" [3]). Наполеонъ говорилъ про Савари, своего самаго довѣреннаго человѣка, что его нужно безпрестанно подкупать. Даже про генераловъ, которыми онъ дорожилъ безконечно выше гражданскихъ должностныхъ лицъ, онъ какъ-то сказалъ, что „даетъ славу только тѣмъ, кто не умѣетъ ее носить" [4]). Стендаль находилъ даже, что одна изъ двухъ главныхъ причинъ крушенія Наполеона заключалась въ томъ, что со времени коронаціи онъ окружалъ себя ничтожествами.

Вполнѣ логично послѣ этого, что народъ это — canaille, какъ часто выражается Наполеонъ про французовъ даже на св. Еленѣ, или — какъ Александръ характеризуетъ русскихъ — „каждый изъ нихъ либо плутъ, либо дуракъ" [5]). А такимъ людямъ, конечно, нельзя давать ни малѣйшей свободы. Наполеонъ говоритъ Меттерниху въ 1812 г.: „Франція меньше приспособлена для формъ представительства, чѣмъ другія страны" и хвалится, что „на-

---

[1]) Цит. у. Мельгунова, назв. статья, 133.
[2]) Souv., 226.
[3]) Семевскій, тамъ же.
[4]) Г-жа Ремюза у Taine, Rég. moderne, I, 80.
[5]) Якушкинъ, „Зап." стр. 5.

дѣлъ намордникъ“ на Законодательный Корпусъ [1]). Александръ говоритъ въ свою очередь Лафероне: „Я люблю конституціонныя учрежденій и думаю, что всякій порядочный человѣкъ долженъ любить ихъ; но можно ли вводить ихъ безразлично у всѣхъ народовъ? Не всѣ народы готовы въ равной степени къ ихъ принятію“ [2]). Когда Наполеону стало казаться, что въ Трибунатѣ занимаются революціей, онъ попросту прекратилъ его засѣданія. Когда нашъ сенатъ воспользовался высочайше дарованнымъ ему правомъ дѣлать представленія Государю о несоотвѣтствіи тѣхъ или иныхъ указовъ другимъ узаконеніямъ, Александръ такъ прикрикнулъ на бѣдныхъ сенаторовъ, что они и не рады были своей затѣѣ.

У Александра не было даже горячей любви къ родинѣ, которая такъ часто дѣлаетъ чудеса съ людьми слабой воли. Многимъ изъ современниковъ бросалась въ глаза какая-то активная нелюбовь къ Россіи. Записки И. Д. Якушкина [3]) и другихъ декабристовъ изобилуютъ указаніями этого рода. И Наполеонъ любилъ Францію больше для себя. Когда Меттернихъ осторожно предостерегалъ его насчетъ того, что у Франціи можетъ не хватить людей для безконечныхъ гекатомбъ его честолюбію, Наполеонъ воскликнулъ: „Вы не солдатъ и вы не понимаете души солдата. Я выросъ на полѣ сраженія, и для такого человѣка, какъ я, жизнь милліона людей—совершенный пустякъ“ [4]). Нарбону, который говорилъ ему на ту же тему, Наполеонъ сказалъ: „Въ концѣ концовъ, чего мнѣ стоило все это (походъ въ Россію): трехсотъ тысячъ человѣкъ! Да еще среди нихъ было много нѣмцевъ“. Но въ концѣ концовъ эгоизмъ каждаго, поскольку онъ проявляется по отношенію къ родной странѣ, глубоко различенъ. Александръ боится Россіи, боится крестьянъ, боится дворянъ, боится арміи. У Наполеона нѣтъ страха. Его соціальная политика такова, что

---

[1]) См. ниже.

[2]) Семевск., 77.

[3]) „До слуха всѣхъ доходили изреченія императора, въ которыхъ выражалось презрѣніе къ русскимъ“ (Зап., Москва, 1905, стр. 5). „Императоръ, очевидно, все болѣе и болѣе ожесточался противъ Россіи“ (стр. 22).

[4]) Въ оригиналѣ грубѣе: un homme comme moi se fiche de la vie d'un million d'hommes. Mem. I, 230.

и буржуазія и крестьянство ему преданы, и если извнѣ все благополучно, ему опасаться нечего.

Повторяемъ, счастье Наполеона передъ лицомъ исторіи— въ томъ, что ему не довелось привести къ логическому концу махинаціи деспотизма. Это дало ему возможность на св. Еленѣ защищаться отъ обвиненій съ довольно большой на первый взглядъ убѣдительностью. Александру никто не мѣшалъ, и свой деспотизмъ онъ довелъ до его послѣднихъ логическихъ предѣловъ. То же было и со зданіемъ международнаго строительства Наполеона. Оно рушилось, и на его мѣстѣ воздвиглась сантиментально-ханжеская охранительная храмина Священнаго союза. Въ эпоху конгрессовъ, когда, перепуганные революціей и Наполеономъ, легитимные монархи ужъ безъ всякихъ помѣхъ свирѣпствовали противъ всякихъ свободъ, и противъ людей, поднимающихся во имя свободы, Александръ подъ конецъ шелъ впереди Меттерниха. На Веронскомъ конгрессѣ 1822 г. онъ былъ самымъ пылкимъ сторонникомъ вмѣшательства въ испанскія дѣла (въ Испаніи была революція), а въ борьбѣ грековъ противъ турокъ холодно усмотрѣлъ одинъ лишь „революціонный признакъ времени“. Ему, русскому царю, важно было, чтобы и въ Испаніи все было мертво и спокойно, какъ въ Чудовѣ, какъ въ Грузинѣ. Наполеону такая метафизика деспотизма была всегда глубоко непонятна. Онъ былъ практикъ, и заботился только о томъ, чтобы деспотизмъ не встрѣчалъ противодѣйствія во Франціи. Остальное его мало интересовало.

VIII.

Не удивительно, что впечатлѣніе, которое оба императора производили на окружающихъ, было глубоко различное. Александръ вызывалъ восторги своей добротою, своею привѣтливостью. „Нашъ ангелъ!“ Онъ зналъ, что въ этомъ наиболѣе сильная его сторона и, какъ хорошій актеръ, старался всегда показать больше доброты, больше привѣтливости, чѣмъ было въ немъ на самомъ дѣлѣ. Графъ Делагардъ, оставившій намъ безподобную анекдотическую исторію Вѣнскаго конгресса, полную коллекцію сплетенъ, анекдотовъ, остротъ,—часто рисуетъ Александра за этимъ занятіемъ. То царь соскакиваетъ съ ло-

шади, чтобы помочь императору Францу выйти изъ коляски, и вызываетъ рукоплесканія толпы, то мистифицируетъ русскаго моряка, пріѣхавшаго въ Вѣну съ депешами, то подчеркиваетъ свою дружбу къ Евгенію Богарне, всѣми покинутому, и демонстративно не разстается съ нимъ на прогулкахъ [1]), то столь же демонстративно поощряетъ составляющія притчу во языцѣхъ въ Вѣнѣ холодныя, политическія ухаживанія кронпринца Вюртембергскаго за В. К. Екатериной Павловной. И слетѣвшаяся въ Вѣну жадная до сплетень международная великосвѣтская толпа, гдѣ каждая герцогиня была немного кокоткой, гдѣ совѣсть любого дипломата можно было купить за то или иное количество золота, гдѣ сыщики вертѣлись въ раздушенныхъ будуарахъ, а сутенеры получали жалованіе отъ полиціи,—эта толпа провозглашала Александра своимъ героемъ, и онъ гордился окружающимъ его преклоненіемъ.

Правда, привѣтливость, ласковость и доброту Александра отмѣтили и такіе люди, которыхъ трудно было провести притворствомъ: Штейнъ, Арндтъ, даже Наполеонъ [2]). Но доброта Александра было больше внѣшняя, показная. Тамъ, гдѣ не приходилось рисоваться, ему ничего не стоило разбить жизнь, разбить сердце даже людямъ, его любящимъ. Онъ превратилъ въ сплошную муку жизнь своей несчастной жены, императрицы Елизаветы Алексѣевны, которой онъ столькимъ былъ обязанъ въ тяжелые дни воцаренія.

Въ послѣдній періодъ жизни онъ даже пересталъ рисоваться добротой. Мучительства въ военныхъ поселеніяхъ, суровый приговоръ по дѣлу семеновцевъ, постоянныя дисциплинарныя наказанія въ арміи, благодаря которой онъ удержался на престолѣ,—все это дѣлалось съ вѣдома, иногда съ поощренія Александра. „Что касается личности Александра Павловича, какъ человѣка и простого смертнаго,—говоритъ В. К. Николай Михайловичъ [3]),—то врядъ ли обликъ его, такъ сильно

[1]) Что это расположеніе къ пасынку Наполеона было фальшивымъ, сдѣлалось ясно для всѣхъ, какъ только были получены первыя извѣстія о высадкѣ Наполеона во Франціи. Александръ сразу сталъ необычайно холоденъ съ принцемъ.

[2]) Извѣстное письмо изъ Тильзита къ Жозефинѣ (Corresp. 12825): „Это—молодой, чрезвычайно добрый и красивый императоръ. Онъ гораздо умнѣе, чѣмъ о немъ думаютъ“.

[3]) „Императоръ Александръ I“, т. I, предисловіе.

очаровывавшій современниковъ, черезъ сто лѣтъ безпристрастный изслѣдователь признаетъ столь же обаятельнымъ".

Наполеонъ былъ лишенъ врожденнаго дара очаровывать окружающихъ. Когда ему это было нужно, онъ старался, и это удавалось. Выручалъ опять геній. Но все-таки это выходило у него далеко не такъ просто и такъ естественно, какъ у Александра. Зато у него было другое. Умственная сила и вѣра въ себя были въ немъ такъ велики, излучались такъ примѣтно, что всякій, приближавшійся къ нему, подпадалъ подъ его власть, чувствовалъ какую-то подавленность его величіемъ. Даже самые предубѣжденные люди не были въ состояніи стряхнуть съ себя внушаемаго имъ чувства удивленія и преклоненія. Фридрихъ Вильгельмъ III, его заклятый врагъ, въ дни своей тильзитской голгоѳы, уже не питающій никакихъ обольщеній насчетъ ожидавшей его участи,—въ письмѣ къ женѣ, ненависть которой къ Наполеону ему хорошо извѣстна,—не можетъ сдержать крика восхищенія. Разсказывая о томъ, какъ при встрѣчахъ Наполеонъ все разспрашивалъ Александра насчетъ Россіи и высказывалъ мнѣнія о слышанномъ, король прибавляетъ: „Все, что онъ говорилъ по этому поводу, было очень умно и интересно. Вообще, какая это дивно организованная голова! Если бы—я это говорилъ очень часто—онъ захотѣлъ употребить свои силы на добро! Съ его способностями онъ могъ бы быть благодѣтелемъ рода человѣческаго, а не бичемъ его, какъ до сихъ поръ [1])".

Люди могутъ питать къ нему какую-угодно ненависть. Это ничего не мѣняетъ. Вѣра въ его геній такова, что она и только она опредѣляетъ дѣйствія. Въ „Дневникахъ" Генца [2]) имѣется подробный разсказъ о томъ, какъ въ 1809 года австрійская главная квартира, ютившаяся въ одномъ маленькомъ мѣстечкѣ въ Венгріи, воспринимала вѣсти о ходѣ мирныхъ переговоровъ. Получается такое впечатлѣніе, что въ Вѣнѣ сидитъ какой-то сказочный драконъ, вперившій глаза въ эту несчастную, безпомощную кучку людей, управляющихъ цѣлой страной, и его взоръ постепенно выѣдаетъ въ нихъ мужество и вдыхаетъ страхъ. Всѣ комбинаціи, самыя геніальныя,

[1]) Тильзитская переписка Фридриха Вильгельма III и королевы Луизы опубликована P. Bailleu, Deutsche Rundschau, т. XXVIII, 5, стр. 213.

[2]) „Tagebücher", I, 138 и слѣд.

въ концѣ концовъ, какъ въ желѣзный тупикъ, упираются въ неотвратимое, жестокое соображеніе: „но вѣдь то Бонапартъ!“ И въ концѣ концовъ заключаютъ позорный миръ въ полномъ убѣжденіи, что добились необыкновенно выгодныхъ условій.

Въ нѣсколько меньшихъ размѣрахъ то же происходитъ въ ближайшемъ окруженіи его. Никто не скажетъ теперь, что маршалы и министры любили Наполеона настоящей любовью. Но всѣ они преклонялись передъ нимъ и вѣрили въ его силы. А солдаты! Достаточно пробѣжать нѣсколько книгъ безхитростныхъ мемуаровъ этихъ людей, изъ пастуховъ и землепашцевъ дослужившихся до капитановъ, полковниковъ и генераловъ, чтобы увидѣть, какія чудеса дѣлала вѣра арміи въ императора. Они разсказываютъ о предстоящихъ въ томъ или другомъ походѣ трудностяхъ, которыя кажутся неодолимыми. А въ заключеніе—мысль, которая, какъ снопъ солнечныхъ лучей, разгоняетъ всѣ мрачныя предвидѣнія: „Mais l'Empereur était là!“ Словно человѣкъ устыдился, что забылъ про своего императора и допустилъ сомнѣніямъ закрасться въ душу.

Александръ никогда не вызывалъ такихъ чувствъ. Наоборотъ, когда люди ожидали отъ него какого-нибудь рѣшительнаго шага, они заранѣе питали увѣренность, что онъ сдѣлаетъ не то, что нужно [1]). Въ одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ моментовъ русской исторіи, когда Россія стояла предъ тяжелой извилиной судьбы, въ 1812 году, армія почти потребовала отъ Александра, чтобы онъ покинулъ ее. Александръ чувствовалъ на себѣ тяжесть всеобщаго недовѣрія къ своимъ силамъ и, быть-можетъ, потому искалъ удовлетворенія въ дешевой популярности, какую ему нетрудно было снискивать дарами своей внѣшней обаятельности.

IX.

По сравненію съ Наполеономъ Александръ былъ какъ воскъ передъ желѣзомъ. Казалось, что при столкновеніи на смерть онъ обреченъ на погибель безповоротно, что ему придется передъ неудержимымъ натискомъ перваго полководца

---

[1]) См., напр. письмо Генца къ Меттерниху по поводу убійства Коцебу отъ 3 іюня 1819 году, ниже въ статьѣ „Меттернихъ“.

міра „уйти въ Сибирь, отпустить бороду и пахать тамъ землю“ гдѣ-нибудь въ глуши. Но вышло иначе. Александръ остался на своемъ престолѣ въ Петербургѣ, а его противникъ попалъ на „невѣдомый гранитъ“, затерявшійся среди океана, и уже не вышелъ оттуда живымъ.

Значитъ ли это, что Александръ въ конечномъ счетѣ былъ крупнѣе? Или что онъ лучше ощущалъ нервъ своей эпохи? Мы видѣли, каковъ онъ былъ, какъ человѣкъ, по сравненію съ Наполеономъ. Но отбросимъ личныя сопоставленія. Возьмемъ результатъ дѣятельности обоихъ.

Если бы Наполеонъ не былъ побѣжденъ, самъ онъ, быть можетъ, сумѣлъ бы упразднить послѣдніе остатки революціонныхъ учрежденій. У него на это хватило бы силы. Для жалкихъ эпигоновъ роялизма это оказалось задачею непосильной. Осталось все то, что укрѣплялъ своимъ творческимъ умомъ Наполеонъ; соціальный строй революціи, административныя учрежденія, Code civil, цвѣтущее государственное хозяйство. Въ 1815 году послѣ столькихъ страданій, истерзанная двумя нашествіями, истекающая кровью, обезлюдѣвшая Франція была все-таки самой богатой страною въ мірѣ.

Послѣ Александра Россія осталась подъ знакомъ Аракчеевщины и Фотіевщины, погруженная въ пучину реакціи, съ военными поселеніями, съ испарившимися надеждами на крестьянскую волю, обнищалая.

Францію Наполеонъ хотѣлъ сдѣлать царицею міра, но не могъ. Россіи Александръ добровольно, повинуясь только своему тщеславію, создалъ могущественныхъ сосѣдей, Пруссію и Австрію, которые съ тѣхъ поръ, и до нынѣшней войны, какъ два тяжкихъ ядра, мѣшали намъ свободно двигаться на аренѣ международнаго соревнованія [1]).

Въ Европѣ Наполеонъ сѣялъ блага, которыя революція даровала Франціи: разрушеніе феодальныхъ цѣпей, свой гражданскій кодексъ, освобожденіе отъ абсолютизма. Онъ показалъ Италіи путь къ объединенію, положилъ начало германскому единству, очистилъ Испанію отъ инквизиціи, далъ южнымъ славянамъ національное знамя „иллиризма“. Александръ укрѣплялъ троны королей, съ Меттернихомъ ковалъ оковы для на-

---

[1]) См. ниже въ главѣ „Битва народовъ“.

родовъ, преслѣдовалъ либерализмъ, ласкалъ и поощрялъ доносчиковъ, какъ Стурдза, шпіоновъ, какъ Коцебу, фанатиковъ реакціи, какъ Фр. Шлегель, проходимцевъ-ретроградовъ, какъ Генцъ.

Чѣмъ объяснить это огромное различіе? Не личными качествами, ибо при всемъ личномъ несходствѣ оба одинаково пришли къ деспотизму, и деспотизмъ былъ одинаково дорогъ обоимъ по династическимъ побужденіямъ. Причина была другая, и мы уже указывали на нее въ началѣ. Хотя оба стремились къ деспотизму у себя дома, они должны были разойтись въ путяхъ своей международной политики. Наполеонъ былъ представителемъ буржуазной культуры Франціи, созданной революціей и начавшей свое наступленіе. Александръ былъ сынъ феодально крѣпостнической культуры Россіи, еще достаточно сильной, чтобы отстоять себя отъ либеральныхъ покушеній, достаточно жизнеспособной, чтобы предпринять своего рода retour offensif противъ угрожавшихъ ей новыхъ идей. И феодально-крѣпостническая культура пока побѣдила. Но ея побѣда не измѣнила ничего въ самомъ главномъ. Она все-таки была осуждена исторіей. Будущее все-таки принадлежало ближайшимъ образомъ культурѣ буржуазной. Отсюда и разная судьба Александра и Наполеона въ глазахъ послѣдующихъ поколѣній.

По мѣрѣ того, какъ реакція распускала свои черныя крылья,— слава Александра въ Европѣ, съ такимъ трудомъ завоеванная въ 1813 и 1814 годахъ, меркла въ удушливомъ туманѣ іезуитизма и застѣночной практики, а изъ дальняго моря вставалъ въ золотомъ облакѣ легенды очищенный и просвѣтленный, озаренный лучами неувядаемой уже славы—образъ великаго императора французовъ.

Революція и Бонапартъ.

Что республика будетъ сокрушена силою оружія, что революція выродится въ военный деспотизмъ, — это задолго до 18 брюмера приходило въ голову вдумчивымъ людямъ, изучавшимъ исторію и читавшимъ Монтескье. Ибо Франція воспроизводила ту схему политическаго развитія, которую въ свое время продѣлалъ Римъ и которая лежала въ основѣ всѣхъ соціологическихъ построеній того времени. Многіе предсказывали брюмерскій переворотъ, — въ томъ числѣ наша Екатерина. Но для современниковъ, даже послѣ того какъ всѣ предсказанія осуществились, и послѣ того, какъ на плечахъ Бонапарта побывали по очереди консульская тога и императорская мантія, — не было вполнѣ ясно, какъ все это случилось въ дѣйствительности. Современная наука установила процессъ, приведшій къ перевороту.

Двѣ группы причинъ вели къ брюмерскимъ событіямъ: эволюція внутреннихъ отношеній и роль арміи. Внутренняя смута сдѣлала желаннымъ повелителя. Вліяніе, которое силою вещей пріобрѣла армія, проложило ему дорогу. Что повелителемъ сталъ Бонапартъ, а не Гошъ, не Жуберъ, не Моро, зависило въ свою очередь отъ сцѣпленія другихъ фактовъ, болѣе мелкихъ.

I.

Конституція 1793 года пропитанная насквозь демократическимъ характеромъ, не отвѣчала реальному соотношенію общественныхъ силъ въ страны. Творцы ея, подъ вліяніемъ цѣлаго ряда причинъ, должны были удѣлить въ ней слишкомъ обширное мѣсто плодамъ идеологическихъ построеній. Теоріи Руссо

о народномъ суверенитетѣ и о равенствѣ, увлекавшія буржуазную интеллигенцію въ эпоху деспотизма, стали казаться ужасными той же буржуазной интеллигенціи, когда проникли въ текстъ закона. Защитниковъ у конституціи 1793 года было немного, да и они оказались въ глазахъ общества несостоятельны, когда якобинская диктатура сдѣлала ихъ террористами. Во Франціи 1793 года не было элементовъ настоящей демократіи, которая прочными корнями держалась бы въ соціальной толщѣ. Якобинцы могли править страной своими кровавыми браздами до тѣхъ поръ, пока Вандея и внѣшняя опасность держали въ паникѣ всѣхъ, пока люди вѣрили, что только апоѳеозомъ гильотины можно оградить Францію отъ нашествія, и отъ крушенія — всѣ пріобрѣтенія революціи. Лѣтняя кампанія 1794 года въ Бельгіи и на Рейнѣ устранила опасность непріятельскаго вторженія и снова вернула побѣду подъ знамена молодой республики. Общество успокоилось, а такъ какъ французское общество было буржуазнымъ обществомъ, то въ немъ сейчасъ же заговорили всѣ буржуазные инстинкты. Пока врагъ былъ на французской территоріи, а вандейцы не поддавались,—и торгово-промышленный классъ и крестьянство боялись реставраціи, т.-е. лишенія тѣхъ земельныхъ и иныхъ пріобрѣтеній, которыми революція надѣлила ихъ изъ имущества феодальныхъ классовъ: церкви и эмигрантовъ. Когда опасность нашествія прошла, а гильотина продолжала свирѣпствовать,—они испугались натиска со стороны неимущихъ. Ибо гильотина работала подъ девизомъ равенства и братства. А такъ какъ формально торжество равенства обезпечивалось конституціей 1793 года, была взята подъ подозрѣніе и конституція 1793 года.

Такова была почва, на которой разыгралось 9 термидора. Такова была соціальная атмосфера, въ которой сложилась психика термидоріанцевъ. Люди, сдѣлавшіе 9 термидора, были настоящіе средніе представители буржуазіи. Отъ якобинцевъ ихъ отличала полная беззаботность насчетъ всякихъ идеологій и полное отсутствіе фанатизма, который если не оправдываетъ, то объясняетъ многое въ террорѣ. Между якобинцами тоже были эгоисты, которые свои собственныя цѣли ставили впереди общественныхъ задачъ. Термидоріанцы были, за немногими исключеніями, карьеристы сплошь. Въ нихъ ничего не осталось отъ благороднаго патріотизма Дантона, къ группѣ котораго они при-

надлежали и которому трусливо измѣнили. Они ненавидѣли революцію, хотя дѣйствовали отъ ея имени. Именно потому, что они были карьеристами, имъ было легко взять на себя задачу—защищать среднюю линію политики: не давать ходу якобинцамъ, пускать на общественную арену роялистовъ только до тѣхъ поръ, пока они будутъ угрозою лишь революціи, а не ихъ собственной карьерѣ. Этотъ оппортюнизмъ и составляетъ сущность всей политики буржуазной реакціи, начиная отъ 9 термидора и кончая 18 брюмера. Ея типичнѣйшіе представители—Баррасъ и Сійэсъ, первый болѣе откровенный и развязный, второй болѣе сдержанный и прикрывавшійся принципами, но оба—карьеристы и оппортюнисты до мозга костей. Секретъ успѣха термидоріанцевъ былъ въ томъ, что и общество, измученное терроромъ, держалось тѣхъ же взглядовъ, а армія, которую дисциплинировала война, еще слѣпо повиновалась общественной власти.

Пятилѣтнее господство термидоріанцевъ для внутренней жизни Франціи было однимъ изъ періодовъ, наиболѣе бѣдственныхъ.

Началось, конечно, съ того, что измѣнили конституцію, чтобы господство буржуазіи имѣло и формальную санкцію закона. Демократическія группы, для которыхъ конституція 1793 года была единственной гарантіей, не хотѣли сдаваться. Хотя эта конституція никогда не примѣнялась, но для нихъ она была все-таки единственной надеждой. Въ первые дни преріаля III года (май 1795 г.) парижскій пролетаріатъ, какъ въ былыя времена, поднялся съ оружіемъ въ рукахъ, чтобы потребовать хлѣба и конституціи 1793 года. Конвентъ справился съ возстаніемъ съ помощью роялистовъ. Это была послѣдняя вспышка могущественныхъ когда-то предмѣстій. Потомъ казнили „послѣднихъ монтаньяровъ“, и по странѣ пронеслась полоса бѣлаго террора. Въ такой обстановкѣ была вотирована конституція III (1795) года. Роялисты стали чувствовать себя настолько сильными, что попытались уже устроить маленькій государственный переворотъ. Термидоріанское большинство, только что опиравшееся на роялистовъ, чтобы раздавить якобинскій пролетаріатъ, теперь воспользовалось угрожающимъ настроеніемъ роялистовъ, чтобы обдѣлать свои собственныя дѣла. Вслѣдъ за вотированіемъ конституціи былъ принятъ законъ (5 фрюкт. = 21 авг.), согласно которому въ будущія законодательныя собра-

нія должны были быть выбраны, по крайней мѣрѣ, двѣ трети выбывающихъ членовъ конвента. Это рѣшеніе совершенно уничтожало свободу выборовъ, и хотя офиціально оно было направлено противъ роялистовъ, но, разумѣется, задѣло всю страну. Парижскія секціи возстали. И опять-таки подъ тѣмъ предлогомъ, что возстаніе будто-бы поднято роялистами[1]), конвентъ жестоко подавилъ его, отдавъ начальство надъ войсками Баррасу и ген. Бонапарту, проживавшему въ Парижѣ безъ опредѣленныхъ занятій. Это происходило 13 вандемьера (5 окт. 1795 г.). Потомъ все сдѣлалось какъ по-писаному. Конвентъ разошелся. Произошли выборы. Двѣ трети снова прошли въ депутаты. Настала эра директоріи.

Новая конституція была совершенно свободна отъ демократическихъ элементовъ, которые заставляли народъ любить и защищать конституцію 1793 года. Въ ней уже не было всеобщей подачи голосовъ. Цензъ былъ возстановленъ вновь. Вмѣсто одной палаты явились двѣ: Совѣтъ пятисотъ и Совѣтъ старѣйшинъ, при чемъ была поднята и возрастная норма. Антидемократическія тенденціи французской буржуазіи были закрѣплены въ основномъ законѣ. Кромѣ того, раздѣленіе властей и всякихъ административныхъ инстанцій было проведено такъ рѣшительно, что, напр., для нормальнаго соглашенія директоріи съ собраніями почти не оставалось почвы. Какъ будто предчувствуя, чѣмъ будетъ директорія, конвентъ умышленно закрывалъ путь къ нормальному равновѣсію властей и толкалъ своихъ преемниковъ на путь переворотовъ.

Власть принадлежала термидоріанцамъ безраздѣльно въ теченіе двухъ лѣтъ. У нихъ было сплоченное большинство въ законодательныхъ собраніяхъ. Въ ихъ рукахъ была директорія. Изъ пяти директоровъ двое: Баррасъ и Рейбель были вождями термидоріанцевъ; третій, Ларевельеръ-Лепо, бывшій жирондистъ, былъ цѣликомъ на ихъ сторонѣ. Карно и Летурнеръ, старые якобинцы, были въ оппозиціи, хотя и безсильной. Эти два года, несмотря на то, что дѣла республики шли въ общемъ хорошо и на внѣшнихъ театрахъ войны и въ Вандеѣ, были печальнымъ временемъ для Франціи.

[1]) Въ послѣднее время Н. И. Карѣевымъ окончательно доказано, что вандемьерское возстаніе не было роялистскимъ; см. его статью въ сборникѣ въ честь В. П. Бузескула, вышедшую потомъ отдѣльно.

Директорія, поглощенная войнами, не могла заняться ни умиротвореніемъ страны, ни работою надъ подъемомъ ея производительныхъ силъ. Начиная съ самаго вступленія во власть Директоріи, безпорядки и анархія въ странѣ все растутъ и растутъ. Еще не угомонились окончательно якобинцы въ провинціи, съ упоеніемъ вспоминающіе золотыя времена Кутона и Карье. Съ каждымъ днемъ увеличиваются организованные разбои, чинимые роялистами. Они держатъ въ осадѣ большія дороги, гнѣздятся въ неприступныхъ скалахъ, презираютъ опереточную жандармерію республики и планомѣрно, послѣдовательно несутъ дезорганизацію во всѣ области жизни. Роялисты отлично понимаютъ, что правительство не въ силахъ дать обществу защиту, и предвидятъ, что это безсиліе правительства будетъ отнесено обывателемъ на счетъ республики, какъ таковой. Культура разрушена. Школъ нѣтъ. Въ религіозной области продолжаетъ господствовать худшій видъ фанатизма: фанатизмъ людей, презирающихъ религію. Преслѣдованія продолжаютъ сыпаться на священниковъ. Хозяйство въ полномъ разстройствѣ. Экономическій кризисъ не кончается. Ассигнаціи все падаютъ въ цѣнѣ. Настоящая производительная дѣятельность едва-едва держится. Нищеты на низахъ и обездоленности не становится меньше. Богатство льется только въ руки паразитовъ: поставщиковъ арміи, подрядчиковъ, крупныхъ рантье. Оттого въ верхнихъ слояхъ буржуазіи свирѣпствуетъ такая звѣрская, ни на что не похожая, безсмысленная роскошь. Оттого тамъ царитъ такая дикая, безудержная, не признающая никакихъ предѣловъ распущенность. Люди обрадовались, что кончился терроръ и отошла въ прошлое якобинская диктатура, воспрещавшая думать, чувствовать, жить. Теперь они наверстываютъ.

Въ Парижѣ сразу выросли, какъ грибы послѣ дождя, безконечныя танцовальныя залы. Ихъ насчитывали 644, на всякій вкусъ и на всякія средства. И танцовали уже не чинный менуэтъ и не цѣломудренный гавотъ, а только-что вывезенный изъ Вѣны вальсъ самаго бѣшеннаго темпа и кадриль, наиболѣе существенной частью которой становился канканъ. Самая знаменитая изъ этихъ танцовальныхъ залъ помѣщалась въ отелѣ Ришелье. Тамъ было все наиболѣе блестящее, чѣмъ могъ похвастать Парижъ. Блистала тамъ г-жа Тальенъ, самая пре-

красная, самая безстыдная, самая экстравагантная изъ дамъ тогдашняго свѣта. Она была открытой любовницей Барраса, который потомъ торжественно переуступилъ ее финансисту Уврару. Ее звали Notre Dame de Termidor, потому что благодаря связямъ съ директорами она могла сдѣлать все. Подругами ея были двѣ прелестныхъ креолки: г-жа Гамеленъ, жена другого крупнаго финансиста, и Жозефина Богарне, вдова виднаго революціоннаго генерала, погибшаго на гильотинѣ. Около нея скоро начнетъ вздыхать генералъ Бонапартъ. Въ этомъ же отелѣ появлялась г-жа Рекамье, цѣломудренная модель Жерара и Давида. Мода требовала, чтобы дамы по возможности меньше прикрывали тѣло одеждой, и туалеты доходили порой до такого безстыдства, которое не было превзойдено ни раньше, ни послѣ. Мужчины, всѣ эти incroyables и muscadins, сплошь настроенные болѣе или менѣе контрреволюціонно, кривлялись и наперерывъ, съ серьезностью, заслуживавшей лучшаго примѣненія, старались выдумать какую-нибудь новую глупость въ туалетѣ или въ манерѣ держать себя.

Болѣе демократическая публика собиралась въ Пале-Роялѣ. Тамъ жило нѣсколько тысячъ дамъ легкаго поведенія, кліентами которыхъ были солдаты, мелкая буржуазія, крестьяне. Ихъ неописуемыя распутства будетъ изображать потомъ Ретифъ Де Ла Бретонъ, но даже его перо окажется безсильнымъ дать достаточно яркую и полную ихъ картину.

Игра, спекуляціи всякаго рода, безумная расточительность, полная моральная анархія, непрерывный дебошъ — вотъ что представлялъ собою термидоріанскій Парижъ. Все было забыто. Общество жило ощущеніемъ, какъ послѣдніе дикари дикой Патагоніи.

Даже полиція, которая, какъ извѣстно, ни передъ чѣмъ не теряется, пришла въ смущеніе отъ того, что ей приходилось наблюдать. Она въ полномъ недоумѣніи и не знаетъ, что дѣлать [1]).

---

[1]) Въ ея донесеніяхъ нетрудно читать эту растерянность. „Испорченность нравовъ дошла до послѣднихъ границъ,—говорится въ одномъ изъ этихъ донесеній,—и безпорядочная жизнь новаго поколѣнія грозитъ неисчислимыми бѣдствіями поколѣнію будущему. Содомскій грѣхъ и лесбійская любовь стали такъ же наглы, какъ и проституція, и дѣлаютъ прискорбные успѣхи".

II.

Термидоріанцамъ приходилось быть настороже и отбиваться на два фронта. Въ маѣ 1796 года былъ открытъ якобинско-коммунистическій заговоръ Бабефа. И прежде, чѣмъ онъ былъ ликвидированъ окончательно, въ январѣ 1797 года напали на слѣды заговора роялистскаго. Этотъ развертывался значительно успѣшнѣе; ибо хотя наиболѣе рьяныхъ удалось изобличить и предать суду, но съ массою роялистовъ все-таки приходилось сильно считаться. На выборахъ 1797 года роялисты подъ разными личинами вошли въ большомъ количествѣ въ оба собранія. Термидоріанское большинство было разбито. Въ директоріи Летурнеръ выбылъ по жребію, и на его мѣсто вступилъ Бартелеми, главный дѣятель Базельскаго мира, человѣкъ по взглядамъ близкій къ роялистамъ. Теперь Баррасу и Рейбелю приходилось очень тяжко. Въ директоріи Карно и Бартелеми, люди съ крупными заслугами передъ родиною, побивали ихъ своимъ нравственнымъ авторитетомъ. Въ собраніяхъ имъ постоянно приходилось отчитываться и защищаться отъ враждебнаго большинства.

Вѣрные себѣ три члена директоріи, тріумвиратъ — Баррасъ, Рейбель и Ларевельеръ, рѣшили и на этотъ разъ выйти изъ труднаго положенія съ помощью государственнаго переворота. Такъ какъ армія была вѣрна существующему правительству, то имъ оставалось единственно апеллировать къ арміи.

Раньше этотъ путь былъ немыслимъ. Армію до термидора не вмѣшивали во внутреннія дѣла. Армія существовала только для того, чтобы защищать республику отъ внѣшнихъ враговъ, и была строго подчинена правительству. Она терпѣливо сносила иго конвентскихъ комиссаровъ, безропотно смотрѣла на то, какъ террористы гильотинировали ея лучшихъ вождей: Гушара, Вестермана, Кюстина, водившихъ ее къ побѣдамъ, не пыталась даже освободить изъ тюрьмы Гоша, которому грозила та же гильотина. Попытка Дюмурье повести за собою армію противъ правительства кончилась для него плачевно. И понятно, почему это было такъ. Первыя республиканскія арміи были вооруженнымъ народомъ, гражданами-патріотами, которые служили родинѣ

и, конечно, не пошли бы ни за однимъ генераломъ, если бы онъ вздумалъ повести ихъ противъ правительства. Да и Конвентъ отлично понималъ опасность такого пути. Если бы даже возможно было представить себѣ въ то время, т.-е. до термидорскаго переворота, что армія пойдетъ за какимъ-нибудь популярнымъ генераломъ противъ республики, Конвентъ никогда не обратился бы къ генералу. Это значило бы сдѣлать его сообщникомъ, т.-е. освободить отъ подчиненія. Конвентъ этого не могъ допустить. Поэтому ни Дантонъ съ друзьями, ни Робеспьеръ съ сообщниками не подумали обратиться къ арміи за помощью, когда ихъ посылали на эшафотъ. Начиная съ термидорскихъ дней, особенно послѣ вандемьера, все сдѣлалось по-другому.

Бытъ можетъ, армія не потеряла бы связь съ обществомъ, не превратилась бы въ профессіональную касту, если бы Конвентъ не принялъ своего рѣшенія о естественныхъ границахъ, ставшаго роковымъ не только для республики, но и для революціи. Разъ поставивъ себѣ цѣль завоевать естественныя границы: Альпы, Пиренеи и Рейнъ, нужно было эту цѣль преслѣдовать путемъ колоссальнѣйшаго напряженія всѣхъ національныхъ силъ, и что самое важное — путемъ устремленія всѣхъ національныхъ силъ въ военное русло. Армія при этихъ условіяхъ не могла не оторваться отъ общества, изъ котораго вышла, не могла не почувствовать, что у нея есть особая миссія, которая обусловливаетъ ея совершенно исключительную роль въ государствѣ. Куда дѣвались традиціи 1793 — 1794 годовъ, когда солдаты и офицеры шли на войну ради гражданскаго долга, изъ чистаго патріотизма? Куда дѣвались тѣ времена, когда они мечтали, прогнавъ врага, вернуться на родину простыми гражданами? Теперь армія не была уже вооруженнымъ народомъ. Она представляла своеобразную организацію въ государствѣ, съ особыми интересами, не всегда и не вполнѣ совпадающими съ интересами націи. Война стала безконечной. Солдаты превращались въ профессіоналовъ. Естественно, теперь они хотѣли имѣть отъ своей профессіи все то, что они теряли дома. Естественно, легендарная котомка „рейнскихъ спартанцевъ“ перестала служить идеаломъ. То, съ чѣмъ боролись Марсо, Гошъ, Клеберъ, — разнуздалъ Бонапартъ, не имѣвшій „спартанскихъ“ предразсудковъ. Первая итальянская прокламація Бонапарта

1796 г., гдѣ говорилось о плодороднѣйшихъ въ мірѣ долинахъ, гдѣ солдату сулилась не только слава, но и богатство, является гранью, отъ которой начинается новый періодъ въ исторіи революціонной арміи. Солдаты узнали цѣну золота. Награбленное добро коснулось чистыхъ прежде рукъ. И они стали привязываться къ вождю, который своимъ талантомъ открывалъ имъ путь къ богатству и успѣхамъ. Съ другой стороны, и само правительство уже не видѣло ничего необыкновеннаго въ томъ, чтобы сдѣлать генерала сообщникомъ и тѣмъ разрушить обаяніе верховной власти надъ сознаніемъ солдата. Если бы генералъ при комитетѣ общественнаго блага держалъ себя съ правительствомъ такъ, какъ Бонапартъ съ директоріей во время итальянскаго похода, — онъ давно былъ бы гильотинированъ. А директорія мирилась съ явнымъ неподчиненіемъ и глотала всѣ дерзости генерала, который изощрялъ на этихъ дерзостяхъ свой стиль. И все по той же основной причинѣ: потому что термидоріанцы и въ Конвентѣ и въ директоріи были карьеристами и собственные интересы ставили выше интересовъ родины. Безъ такой эволюціи арміи было бы немыслимо 18 брюмера. Фрюктидорскія событія 1797 года послужили какъ бы маленькой репетиціей для болѣе серьезныхъ покушеній.

Тріумвиратъ, не зная, какъ выйти изъ тяжелаго положенія, прежде всего прибѣгъ къ Гошу, ловко сыгравъ на его демократическихъ убѣжденіяхъ и на его простодушіи.

Ярый якобинецъ, котораго призракъ роялизма приводилъ въ неистовство, Гошъ сейчасъ же подъ первымъ попавшимся предлогомъ двинулъ было часть Самбро-Маасской арміи къ Парижу, но собранія узнали объ этомъ маневрѣ (іюль 1797 г.), и армію пришлось повернуть. Тогда обратились къ Бонапарту, и тотъ изъ итальянской арміи прислалъ въ Парижъ генерала Ожеро, тоже якобинца, человѣка безумной отваги и очень недалекаго [1]). И въ то время, какъ заговорщики подготовляли декретъ о преданіи суду Барраса, Рейбеля и Ларевельера и поручали предсѣдателю Пятисотъ, генералу Пишегрю, уже давно тайно предавшемуся австрійцамъ, команду надъ вооруженной силою,

---

[1]) Въ случаѣ неудачи Ожеро, Бонапартъ долженъ былъ двинуться на Парижъ самъ во главѣ своей арміи. Вообще для Бонапарта фрюктидоръ игралъ роль пробнаго камня. Именно послѣ фрюктидора тонъ его писемъ къ директоріи становится особенно дерзкимъ.

обреченные директора не теряли времени. Декретъ о преданіи суду долженъ былъ быть принятъ 17 фрюктидора (3 сент. 1797 г.). Въ этотъ день Ожеро занялъ зданія собраній, разогналъ депутатовъ и арестовалъ намѣченныхъ изъ ихъ среды. Въ числѣ арестованныхъ были Бартелеми и Пишегрю. Карно успѣлъ бѣжать. На другой день, 18 фрюктидора, переворотъ былъ оформленъ. Нарядили чрезвычайный судъ, который осудилъ 65 человѣкъ, въ томъ числѣ нѣсколько членовъ обоихъ законодательныхъ собраній, и, конечно, Карно, Бартелеми и Пишегрю. Кто не бѣжалъ, былъ отправленъ въ жертву „сухой гильотины“ Гвіаны. На освободившіяся въ директоріи мѣста были избраны Мерленъ изъ Дуэ, старый товарищъ Барраса, и Франсуа изъ Нешато, пѣшка, котораго можно было толкать въ какую угодно сторону.

Якобинцы, которые помогали директоріи отдѣлаться отъ роялистовъ, подняли голову. Они думали, что разъ армія въ лицѣ Гоша и Бонапарта на ихъ сторонѣ и готова предоставить свое побѣдоносное оружіе на защиту старыхъ революціонныхъ принциповъ, то директорія не посмѣетъ имъ мѣшать. И вотъ открылись вновь политическіе клубы, и вновь зазвучала въ нихъ пламенная рѣчь, умолкшая съ самаго термидора. Это значило повѣрить революціонной искренности Барраса и его друзей. Это значило повѣрить въ ихъ честность вообще и забыть, что они — не болѣе, какъ кучка проходимцевъ. Уже вскорѣ послѣ фрюктидора якобинскіе клубы и якобинская печать стали подвергаться стѣсненіямъ, а когда выборы IV (1798) года отдали было значительное количество полномочій въ руки якобинцевъ, директорія съ помощью преданныхъ ей собраній учинила еще одну чистку, на этотъ разъ не прибѣгая къ помощи генераловъ. При провѣркѣ полномочій выборы людей, извѣстныхъ въ качествѣ завѣдомыхъ якобинцевъ, были признаны недѣйствительными. Подъ „разъясненіе“ попали около шестидесяти человѣкъ. Мѣра эта была оформлена 22 флореаля VI года (11 мая 1798). Одновременно директоръ Франсуа, бывшій калифомъ на часъ, выбылъ по жребію, и мѣсто его занялъ Трельяръ, — тоже ничтожество, но въ отличіе отъ своего предмѣстника ничтожество высокомѣрное.

Теперь Баррасъ и Рейбель могли быть спокойны. Двумя актами грубаго насилія они избавились отъ наиболѣе ярыхъ

своихъ противниковъ. И никогда ни одна диктатура не держала себя съ такимъ цинизмомъ, съ какимъ держался Баррасъ послѣ фрюктидора и флореаля. Онъ зналъ, что бояться ему было некого. Ни Гошъ, ни Бонапартъ не были противъ директоріи; изъ другихъ генераловъ никто не обладалъ такой популярностью, чтобы рискнуть поднять шпагу на республиканское правительство. Поэтому наглость Барраса и его товарищей перешла всѣ границы. Наполеонъ превосходно характеризуетъ директорію этого періода въ своихъ мемуарахъ (II, 235): „Общая система директоріи заключалась въ томъ, чтобы властвовать наперекоръ правосудію, конституціи и разуму; поселять рознь, для того, чтобы царить, воздвигать гоненія, обогащать своихъ креатуръ и тревожить Европу“. Безпринципность отъ правительства кругами стала расходиться по странѣ. Распущенность воцарилась самая невѣроятная. Административная машина расшатывается. Экономическая дѣятельность прекращается. Богатѣютъ только паразиты, которымъ небезкорыстно мирволятъ директоры и министры. Нѣтъ ничего удивительнаго, что якобинцы продолжали волноваться; что роялисты тоже не собирались положить оружіе и въ провинціи попрежнему развивали упорную дезорганизующую дѣятельность, направленную противъ республики; что на поляхъ сраженія французскія войска начали терпѣть пораженія. Докладчикъ комиссіи Совѣта пятисотъ, которой было поручено произвести разслѣдованіе насчетъ состоянія умовъ и нравовъ, говорилъ, обращаясь къ собранію: „Нѣтъ ни одной отрасли администраціи, куда не проникли бы развратъ и подкупъ... Вы не можете дольше терпѣть такого положенія вещей; иначе вы сдѣлаетесь соучастниками этихъ людей, противъ которыхъ раздается народный голосъ. Вы вырвете ихъ изъ роскошныхъ каретъ и бросите въ жертву народному презрѣнію — этихъ людей, чьи громадныя богатства свидѣтельствуютъ о гнусныхъ и преступныхъ средствахъ, при помощи которыхъ они ихъ нажили“. Эти слова имѣли въ виду поставщиковъ и бюрократію, но они попадали не въ бровь, а въ глазъ директоріи.

Все-таки, пока Гошъ и Бонапартъ били непріятеля, это презираемое всѣми правительство держалось очень крѣпко. Но Гошъ умеръ, Бонапартъ, оставивъ въ Раштатѣ уполномоченныхъ, пріѣхалъ не надолго въ Парижъ и потомъ повезъ въ

Египетъ цвѣтъ французскихъ войскъ навстрѣчу славѣ и бѣдствіямъ. Изъ рукъ республики выпали сразу двѣ ея лучшихъ шпаги. Враги ея снова набрались храбрости. Въ Раштатѣ австрійскіе гусары убили французскихъ уполномоченныхъ. Австрія выслала въ поле новыя войска. На югѣ и на сѣверѣ появились англичане, а изъ русскихъ снѣговъ выросла армія чудо-богатырей Суворова, окруженная въ глазахъ французовъ какой-то зловѣщей легендарной славой. Началась полоса пораженій, а съ нею пришелъ финансовый крахъ. Директорія въ довершеніе всего очутилась въ когтяхъ у поставщиковъ и капиталистовъ и явно вела страну къ полному банкротству. Тогда люди, которые еще не окончательно забыли о республикѣ изъ-за „роскошныхъ каретъ“ и пышныхъ баловъ, начали думать о томъ, какъ положить конецъ этому невозможному положенію. Когда выборы VII (1799) года послали въ собранія людей враждебныхъ не политической системѣ, какъ выборы двухъ предыдущихъ лѣтъ, а людямъ, стоявшимъ во главѣ республики, въ самой средѣ фрюктидорскаго большинства выросла оппозиція, поставившая себѣ цѣлью оздоровить правительство и вырвать власть изъ рукъ завладѣвшей ею шайки проходимцевъ. Эта оппозиція называла себя ново-умѣренной партіей и уже не боялась, что это имя можетъ вызвать опасные вандемьерскіе призраки. Она знала, что законнымъ путемъ нельзя быстро измѣнить конституцію и прогнать Директорію, но она и не думала серьезно о законныхъ путяхъ. Вандемьеръ, фрюктидоръ и преріаль успѣли научить французовъ той истинѣ, что самое вѣрное средство реформъ — не законъ, а хорошая генеральская шпага. Все дѣло заключалось въ томъ, чтобы эту шпагу найти. И партія принялась за поиски. Вождь у нея былъ готовъ: Сійесъ, который послѣ комитета III года успѣлъ уже побывать въ берлинскомъ посольствѣ и теперь вновь возвращался къ активной дѣятельности. Эгоистической интригѣ Барраса онъ противопоставилъ интригу, опирающуюся на принципы, и такъ какъ Директорія была уже совершенно дискредитирована, то побѣда далась бывшему аббату безъ большого труда. Первымъ его шагомъ было вступленіе въ Директорію. Когда изъ нея по жребію вышелъ Рейбель, болѣе другихъ ненавистный обществу за свою жадность, Баррасъ попробовалъ было провести на его мѣсто своего человѣчка. Но новое большин-

ство выбрало Сіейеса (17 мая 1799). Баррасъ сейчасъ же понялъ, что новый директоръ будетъ взрывать Директорію изнутри и что ему самому грозитъ катастрофа, если онъ не приметъ мѣръ. И со свойственной ему ловкостью Баррасъ избѣжалъ опасности, хотя переворотъ дѣйствительно совершился Для этого ему понадобилось только стать предателемъ по отношенію къ собственнымъ пособникамъ: пустякъ, передъ которымъ онъ, конечно, не остановился. Когда 17 преріаля совѣтъ пятисотъ обратился къ директоріи съ запросомъ о причинахъ постигшихъ республику неудачъ и о мѣрахъ, которыя директорія думаетъ предпринять, чтобы поправить дѣла, Баррасъ понялъ, что наступило начало конца. Но онъ все-таки попытался спасти положеніе проволочками. На запросъ директорія отвѣта не дала, а за кулисами, столковавшись съ Сіейесомъ, Баррасъ сталъ валить вину во всемъ на Мерлена, Ларевельера и злополучнаго Трельяра, который во всякомъ случаѣ былъ невиненъ, какъ новорожденный младенецъ. Это подѣйствовало. 28 преріаля совѣтъ пятисотъ категорически потребовалъ отвѣта на запросы. Директорія отвѣчала уклончиво. Тогда оба собранія пошли на приступъ, зная, что сопротивляться директорія не будетъ. 30 преріаля (18 іюня 1799 г.) совѣтъ пятисотъ кассировалъ выборы Трельяра — подъ законнымъ предлогомъ, хотя немного поздно: прошелъ уже годъ — и высказался за принятіе рѣшительныхъ мѣръ, чтобы удалить изъ директоріи Мерлена и Ларевельера. Трое обреченныхъ членовъ директоріи, покинутые всѣми, преданные Баррасомъ, не имѣли выхода. Они удалились и были замѣнены Рожеромъ Дюко, Гойе и ген. Муленомъ. Изъ нихъ Рожеръ Дюко былъ тѣнью Сіейеса, а двое остальныхъ — честными республиканцами, но посредственностями. Смыслъ этого новаго маленькаго переворота былъ въ томъ, что скипетръ директоріи перешелъ отъ Барраса къ Сіейесу.

Теперь Сіейесъ могъ отдаться осуществленію своихъ плановъ насчетъ спасенія отечества. Сіейесъ тоже былъ карьеристомъ, но онъ былъ честнѣе, чѣмъ Баррасъ, и имѣлъ несомнѣнныя заслуги передъ страною. Въ планахъ, которые носились въ его умѣ, его собственная персона, конечно, играла большую роль, но онъ искренно скорбѣлъ по поводу тѣхъ бѣдъ, которыя переживала Франція, и искренно хотѣлъ избавить ее отъ этихъ бѣдъ. А положеніе все усложнялось. Якобинцы захватили Ма-

нежъ и учредили тамъ свой клубъ, въ которомъ ораторствовали Ожеро и Бернадотъ, командовавшіе цѣлымъ сонмомъ говоруновъ изъ числа бывшихъ членовъ конвента. Роялисты продолжали волновать общественное мнѣніе въ Парижѣ, гдѣ они устроили свой штабъ въ самомъ Пале-Роялѣ; въ провинціи они уже не ограничивались простыми разбоями и облавами на республиканцевъ, а составляли цѣлые отряды, собираясь повторить Вандею. Одинъ изъ такихъ отрядовъ, доходившій до 20.000 чел., едва не взялъ смѣлымъ натискомъ Тулузу (авг. 1799 г.). На полѣ дѣла Франціи не поправлялись. Суворовъ продолжалъ побѣждать въ Италіи; на Рейнѣ и въ Голландіи не было замѣтно никакихъ успѣховъ. Становилось ясно, что не только потерпѣло банкротство данное правительство, но что разлагается само государство. И во Франціи не было, строго говоря, никакого государства въ эти мрачные лѣтніе мѣсяцы 1799 года. Было беспорно, что обычными средствами горю помочь нельзя. Необходимо было изобрѣсти что-нибудь экстраординарное. Одной изъ такихъ экстраординарныхъ мѣръ былъ поистинѣ ужасный законъ о заложникахъ, который могъ быть принятъ только въ той атмосферѣ паническаго страха, въ какой работали директорія и собранія въ 1799 году. Онъ былъ вотированъ 24 мессидора VII года (12 іюля 1799 г.) и заключался въ слѣдующемъ: въ случаѣ появленія въ какой-нибудь мѣстности смуты и безпорядковъ, по отношенію къ ней законодательный корпусъ по предложенію директоріи прибѣгаетъ къ установленію круговой отвѣтственности. За всякое преступленіе отвѣтственными считаются не только родственники виновныхъ, мужчины и женщины, но и всѣ живущіе тутъ бывшіе дворяне и родственники эмигрантовъ. Они арестуются, какъ заложники. За убійство каждаго патріота на нихъ налагается коллективный штрафъ въ 5.000 ливровъ и ссылается четверо заложниковъ. Грабежъ возмѣщается потерпѣвшимъ изъ средствъ заложниковъ.

Эта чисто-террористическая мѣра, къ счастью, почти не примѣнялась, но самое принятіе ея указываетъ, до какой степени растерянности довела директорію неодолимая для нея анархія. Послѣ такого лѣкарства, которое хотѣли прописать Франціи, диктатура уже не должна была казаться чѣмъ-нибудь страшнымъ.

Въ своихъ мемуарахъ Наполеонъ очень хорошо характери-

зуетъ ту атмосферу, въ которой зародилась тоска по диктатурѣ. „Когда,—говоритъ онъ (II, 367),—правительство обнаруживаетъ плачевную слабость и перемѣнчивость, не знающую границъ; когда,—поддаваясь, по очереди, вліянію противоположныхъ партій, живя изо дня въ день, безъ опредѣленнаго плана, безъ твердой линіи поведенія, власть показываетъ мѣру своей несостоятельности; когда наиболѣе умѣренные изъ гражданъ вынуждены признать, что государствомъ болѣе не управляютъ; когда, наконецъ, съ ничтожествомъ во внутреннихъ дѣлахъ администрація соединяетъ грѣхъ, въ глазахъ гордаго народа наболѣе тяжкій: униженіе въ политикѣ внѣшней,—тогда смутное безпокойство распространяется въ обществѣ, его начинаетъ волновать чувство самосохраненія, и, пробѣгая взорами вокругъ, оно какъ бы начинаетъ искать человѣка, способнаго спасти его. Многочисленная нація всегда имѣетъ въ нѣдрахъ своихъ такого генія-спасителя, но иногда онъ поздно себя показываетъ... Но пусть только этотъ ожидаемый съ такимъ нетерпѣніемъ спаситель обнаружитъ признаки своего существованія: національный инстинктъ угадываетъ его и посылаетъ ему свой призывъ; препятствія сглаживаются передъ нимъ, и великій народъ весь летитъ къ его пути, какъ бы говоря: вотъ онъ!“.

Въ этихъ строкахъ хорошо схвачено настроеніе общества. Но онѣ, конечно, не объясняютъ тѣхъ причинъ, которыя съ необходимостью вели къ паденію республики. Между тѣмъ такія причины были. Республика изжила себя и не могла больше держаться. Чѣмъ это объяснялось?

III.

Республика была создана необходимостью организовать наилучшимъ способомъ защиту соціальныхъ пріобрѣтеній революціи какъ внутри страны, такъ и внѣ ея. До тѣхъ поръ, пока существовала монархія, до тѣхъ поръ, пока были живы тѣ мотивы чисто династическаго свойства, которые связывали ее внутри страны съ опредѣленными соціальными группами и внѣ ея—съ иностранными династіями, соціальныя задачи революціи не могли получить осуществленія. Доказательствомъ этому мо-

жетъ служить хотя бы безплодность всей соціальной политики Учредительнаго Собранія и колебанія въ этихъ вопросахъ Легислативы, особенно въ первое время. Когда обнаружились связи короля съ прусскимъ и австрійскимъ правительствами, руководители движенія рѣшили удалить монарха изъ системы французскихъ государственныхъ учрежденій, и тѣмъ обезглавить могущественный союзъ представителей стараго порядка противъ революціи. Когда республика была провозглашена, она самымъ энергичнымъ образомъ вступила въ борьбу со старымъ порядкомъ и путемъ неслыханнаго напряженія силъ, путемъ жесточайшихъ репрессій отбила натискъ реставраціонныхъ силъ какъ снаружи, такъ и внутри. Оставалось одно — дать форму новому порядку: обезпечить соціальныя пріобрѣтенія революціи твердыми законами и крѣпкой административной организаціей. И законы и административная организація должны были охранять интересы той группы общества, которая была въ силѣ и которая обратила исключительно въ свою пользу соціальный переворотъ: третьяго сословія или, говоря точнѣе, буржуазіи и крестьянства. Внѣ третьяго сословія оставались ограбленные аристократы, которые по политической окраскѣ были роялистами, и обдѣленные соціальной революціей голодные пролетарскіе элементы, политическимъ образомъ мыслей которыхъ было якобинство. Мы уже знаемъ, что временная побѣда послѣднихъ, закрѣпленная въ конституціи 1793 года и поддерживавшаяся терроромъ, была недолга, ибо не отвѣчала реальному соотношенію силъ: термидоріанская реакція отдала власть въ руки политическихъ представителей буржуазіи. И именно буржуазія и крестьянство требовали теперь такого порядка, который не боялся бы натиска ни справа, ни слѣва, ни со стороны ограбленныхъ, ни со стороны голодныхъ. Республика, которая сама себѣ нанесла смертельную рану, отправивъ на эшафотъ лучшихъ политиковъ Франціи, оказалась безсильна дать требуемыя обществомъ гарантіи. И когда директорія доказала это съ полной очевидностью, часъ республики пробилъ.

Сійесъ, который былъ проводникомъ буржуазныхъ идеологій въ правительствѣ, лучше, чѣмъ кто-нибудь, понималъ, что дѣло должно этимъ кончиться, и принялся высматривать себѣ подходящаго генерала, который могъ бы взяться за совершеніе переворота. Притомъ Сійесъ пока былъ совершенно увѣренъ,

что генералъ будетъ только орудіемъ въ его рукахъ, что онъ, какъ Ожеро 18 фрюктидора, сдѣлаетъ свое дѣло и сейчасъ же вложитъ свою шпагу въ ножны, не претендуя больше ни на что. Сійесу важно было только разогнать оба собранія и провести свою конституцію. Планъ ея, хотя и не окончательный, былъ у него готовъ. Словомъ, дѣло стояло за генераломъ. Самымъ подходящимъ въ глазахъ Сійеса, послѣ смерти Гоша, былъ Бонапартъ. Но Бонапартъ сражался въ Египтѣ, былъ отрѣзанъ моремъ отъ родины, и извѣстія, которыя печатали о немъ англійскія газеты, были довольно грустныя. Нужно было выбирать между остальными. Но кого? Ожеро уже не годился, потому что сталъ черезчуръ ярымъ якобинцемъ, точно такъ же, какъ Журданъ и Бернадотъ. Изъ остальныхъ крупныхъ генераловъ Моро былъ слишкомъ мало пропитанъ духомъ политической интриги, чтобы ему можно было довѣрить такую деликатную миссію. Перебирая другихъ, Сійесъ, въ концѣ - концовъ, остановился на молодомъ Жуберѣ. Этотъ генералъ уже давно подавалъ большія надежды и въ 1797 году блестящимъ образомъ отличился въ Италіи подъ начальствомъ Бонапарта въ битвѣ при Риволи и въ Тиролѣ, гдѣ онъ командовалъ лѣвымъ флангомъ арміи. Но его итальянскія отличія были еще недостаточны, чтобы его политическое выступленіе получило вѣсъ въ глазахъ общества. Поэтому, чтобы дать ему возможность прославиться еще больше, Сійесъ рѣшилъ послать его въ Италію противъ Суворова. Если бы ему удалось побѣдить страшнаго русскаго генерала, онъ долженъ былъ вернуться въ Парижъ, разогнать оба собранія и расчистить Сійесу почву для проведенія его конституціи.

Осторожно спрошенный насчетъ всей этой комбинаціи, Жуберъ не отказался. Дѣло было слажено. Но пока Жуберъ собирался, формировалъ армію, справлялъ свою свадьбу, выступалъ въ походъ,—въ странѣ разбушевалась настоящая революція. Она вспыхнула сразу съ четырехъ концовъ: на западѣ, на югѣ, на юго-западѣ, въ центрѣ. Первое время размѣры ея были невелики, но все говорило, что въ близкомъ будущемъ она разыграется въ нѣчто очень серьезное. Фуше, вновь появившійся на сценѣ и поставленный во главѣ полиціи, напрягалъ всѣ силы, но провинція была строптива и упорна. Съ Парижемъ только, да и то съ трудомъ, справлялся Фуше. Все за-

висило отъ того, какъ пойдутъ дѣла у Жубера. Сіесъ съ тревогой переносился мыслью за Альпы, гдѣ его избранникъ долженъ былъ встрѣтиться со страшнымъ Суворовымъ. И вотъ пришла вѣсть, что 15 августа 1799 г. Жуберъ разбитъ на голову у Нови и палъ на полѣ сраженія. У республики не оставалось больше войска въ Италіи, и путь черезъ Савойю былъ открытъ для непріятеля. Да и въ Швейцаріи армія Массены представляла, какъ думали, лишь слабый заслонъ противъ вторженія черезъ Франшконте. Положеніе Директоріи стало невыносимымъ. Роялисты напрягали всѣ усилія. Еще немного, и крики „да здравствуетъ король!“, которые раздавались понемногу отовсюду, понеслись бы по всей Франціи изъ конца въ конецъ. Сіесъ хорошо понималъ серьезность положенія, но даже онъ терялъ голову. Общая жуткая растерянность достигаетъ вершины. Господа момента ищутъ повелителя. Къ Бонапарту, отрѣзанному отъ Франціи морями и пустынями, посылаютъ вѣстника, вѣстника отчаянія. Въ Парижѣ стараются отдѣлаться отъ вождей якобинства и выталкиваютъ въ отставку Бернадота, бывшаго военнымъ министромъ. Но зато съ еще большей силою напираютъ роялисты, и тотъ же Сіесъ одинъ моментъ какъ будто склоняется въ пользу кандидатуры герцога Орлеанскаго.

Казалось, богиня счастья навсегда отвернула свое лицо отъ Франціи, когда въ сентябрѣ начали приходить одно за другимъ, какъ во времена Гоша, какъ во времена итальянскихъ подвиговъ Бонапарта, извѣстія о побѣдахъ. Брюнъ разбилъ англо-русскую армію въ Голландіи, подъ Бергеномъ, Массена разгромилъ русскую армію Корсакова подъ Цюрихомъ. Суворовъ, покинутый и обманутый австрійцами, затравленный въ альпійскихъ ущельяхъ Лекурбомъ, Массеной и Молиторомъ, дѣлалъ геройскія попытки, чтобы пробиться къ Куру, и во всякомъ случаѣ уже не представлялъ опасности. Изъ Египта пришелъ запоздалый бюллетень Бонапарта о побѣдѣ надъ турками подъ Абукиромъ. Потомъ Брюнъ прислалъ вѣсть о новой, рѣшительной побѣдѣ при Гастрикумѣ, потомъ Ней сообщилъ о томъ, что на Рейнѣ онъ оттѣснилъ австрійцевъ. Все перемѣнилось сразу. Якобинцы присмирѣли. Роялисты пришли въ уныніе. Никто не кричалъ больше „да здравствуетъ король!“ Всѣ снова вѣрили въ республику. Кредитъ ея поднялся, и мысль о диктатурѣ перестала

казаться такой соблазнительной, какъ прежде. Стали надѣяться, что республика можетъ быть и справится съ затрудненіями сама, безъ помощи генеральской шпаги и переворота.

IV.

Таково было положеніе дѣлъ, когда вернулся изъ Египта Бонапартъ. Онъ пріѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ произвести переворотъ и стать во главѣ исполнительной власти Франціи. Самая мысль зародилась у него уже давно. Когда сраженіе при Лоди, выигранное такъ геніально-легко, впервые заставило молодого генерала посмотрѣть на себя, какъ на человѣка высшаго порядка, когда дальнѣйшія его битвы съ австрійцами, очистившія Италію и даровавшія Франціи давно желанный миръ, подняли его популярность до самыхъ необъятныхъ размѣровъ и доставили ему возможность не считаться съ директоріей совершенно, — ему пришла въ голову мысль о диктатурѣ. Но, взвѣсивъ все, онъ отложилъ ея осуществленіе. Онъ говорилъ въ Момбелло одному изъ своихъ друзей, Мельци: „Я хотѣлъ бы разстаться съ Италіей только затѣмъ, чтобы во Франціи играть приблизительно такую же роль, какую я играю здѣсь. Но моментъ еще не насталъ: груша не созрѣла. Къ тому же не все зависитъ отъ меня одного. Въ Парижѣ еще не достигнуто соглашеніе. Одна партія работаетъ въ пользу Бурбоновъ. Я не хочу содѣйствовать ея торжеству. Мнѣ необходимо когда-нибудь ослабить республиканскую партію, но только въ моихъ собственныхъ интересахъ. Пока же приходится итти объ руку съ республиканцами. Поэтому, чтобы ублаготворить парижскихъ ротозѣевъ (badauds), нуженъ миръ, а разъ онъ нуженъ, то заключу его я. Ибо если миръ принесетъ Франціи кто-нибудь другой, то это одно поставитъ его въ общественномъ мнѣніи гораздо выше, чѣмъ меня всѣ мои побѣды“.

Насчетъ арміи онъ былъ спокоенъ. Въ солдатахъ онъ былъ увѣренъ вполнѣ, ибо зналъ, что былъ кумиромъ солдатъ. И, конечно, не будь этихъ новыхъ, имъ же самимъ отчасти созданныхъ отношеній между командующимъ генераломъ и солдатами, у него вообще не было бы почвы для брюмерскаго дерзанія. Труднѣе было заставить подчиниться офицеровъ, и осо-

бенно генераловъ, изъ которыхъ многіе не могли примириться съ тѣмъ, что „выскочка“ Бонапартъ обходитъ и Гоша, и Моро, и Массену, и Журдана — людей, оказавшихъ столько услугъ родинѣ. На счастье Бонапарта, Гошъ, самый серьезный конкурентъ, умеръ. И все-таки, чтобы заставить генераловъ и офицеровъ подчиниться, нужно было сдѣлаться гражданской властью. Новый стимулъ для стремленій къ перевороту: онъ „рѣшилъ сдѣлаться гражданской властью, вознесенной арміей, всемогущимъ черезъ ту же армію, но поставленнымъ выше арміи самой волею народа и національнымъ характеромъ своей власти“ [1]).

Египетская экспедиція Бонапарта[2]) вполнѣ логически вытекала изъ этихъ трезвыхъ, математически правильныхъ силлогизмовъ. Въ Египтѣ, въ сказочной обстановкѣ Востока, каждый новый подвигъ будетъ принимать гигантскіе размѣры, какъ въ фата-морганѣ Сахары, а во Францію будетъ доходить въ богатомъ фантастическомъ уборѣ саги. Тамъ, вдали отъ Европы, онъ попробуетъ нанести рѣшительный ударъ Англіи, чтобы сдѣлать миръ съ Австріей болѣе прочнымъ и естественныя границы болѣе незыблемыми. Тамъ онъ сблизится съ цвѣтомъ французскихъ генераловъ и сумѣетъ образовать нѣчто въ родѣ главнаго штаба на случай переворота. И что самое главное — онъ проведетъ тамъ то время, которое необходимо съ точки зрѣнія роста внутреннихъ отношеній. Когда онъ вернется, „груша“ готова будетъ сама упасть ему въ руки. Онъ чувствовалъ въ Парижѣ духъ переворота. Онъ наблюдалъ ожесточенную борьбу партій и видѣлъ, что пока ни у одной изъ нихъ нѣтъ шансовъ на успѣхъ. Онъ разсчитывалъ, что при его возвращеніи вѣсы будутъ болѣе опредѣленно склоняться въ сторону партизановъ переворота. [3]). Тогда онъ броситъ на эти колеблющіеся вѣсы свою шпагу, обвитую лаврами новыхъ побѣдъ.

---

[1]) Sorel, „L'Europe et la Révolution“.

[2]) Мысль о египетской экспедиціи принадлежала не Бонапарту, а Талейрану. Хитроумный дипломатъ, который въ 1798 году, во время пребыванія Бонапарта въ Парижѣ, такъ же усердно тянулъ его на вершину, какъ усердно толкалъ его въ бездну въ 1814 году, былъ въ это время министромъ иностранныхъ дѣлъ и единственнымъ настоящимъ другомъ Бонапарта. См. о пребываніи Бонапарта въ Парижѣ новую, основанную на рядѣ архивныхъ даныхъ книгу A. Espitalier, Vers Brumaire, 1914. Стр. 126.

[3]) Изъ членовъ Директоріи 1798 года Рейбель, Ларевельеръ, Лепо и Мерленъ были враждебны ему, Франсуа изъ Нешато горячо и бестолково

Словомъ, онъ ничего не терялъ и могъ все выиграть. И когда онъ покидалъ Египетъ во главѣ своей крошечной эскадры, у него уже созрѣлъ планъ дѣйствія. Въ мемуарахъ (II, 372) мы читаемъ по этому поводу слѣдующія откровенныя слова: „Его рѣшеніе было принято. То, чего онъ не хотѣлъ попробовать по возвращеніи изъ Италіи, онъ рѣшилъ сдѣлать теперь. Онъ глубоко презиралъ правительство директоріи и коноводовъ обоихъ собраній. Завладѣть властью, вернуть Франціи дни ея славы, дать твердое направленіе общественнымъ дѣламъ — вотъ для выполненія какого проекта онъ уѣхалъ изъ Египта“ [1]).

Въ Парижѣ на возвращеніе Бонапарта надѣялись мало. Тамъ очень хорошо помнили, что у него не осталось эскадры и что Нельсонъ зорко стережетъ Средиземное море. И Сіейесъ уже собирался устроиться безъ него. Въ началѣ октября въ Парижъ пріѣхалъ изъ Италіи смѣнившій тамъ Жубера Моро, чтобы получить новыя инструкціи. Сіейесъ вызвалъ его къ себѣ, чтобы уговорить его стать во главѣ переворота. Но пока онъ ждалъ Моро, ему принесли депешу о высадкѣ Бонапарта во Фрежюсѣ. Когда Моро пришелъ, Сіейесъ молча протянулъ ему депешу. И Моро, словно обрадованный, что ему не придется марать свою шпагу насиліемъ надъ законнымъ правительствомъ, воскликнулъ: „Вотъ тотъ, кто вамъ нуженъ. Онъ устроитъ вамъ переворотъ получше, чѣмъ я“.

Сіейесу не нужно было, чтобы ему подсказывали такую простую мысль. Онъ сейчасъ же оставилъ Моро въ покоѣ. Теперь переворотъ былъ у него въ рукахъ: нужная ему шпага уже сверкала въ рукахъ героя, популярность котораго дѣлалась все болѣе сокрушительной. Переѣздъ Бонапарта изъ Фрежюса въ Парижъ превратился какъ-то самъ собою въ тріумфальное шествіе.

Въ обществѣ сразу поднялось упавшее революціонное на-

выражалъ свое поклоненіе, а Баррасъ разыгрывалъ друга на всякій случай. Когда Бонапартъ намекнулъ этому другу, что онъ могъ бы стать герцогомъ Миланскимъ или королемъ Италіи, онъ услышалъ отвѣтъ: „во Франціи лучше объ этомъ не думать; если Директорія завтра пошлетъ васъ въ Тампль за такіе помыслы, не найдется и четырехъ человѣкъ, которые этому воспротивятся“. См. Barras, Mèmoires, III. стр. 100.

[1]) Въ мемуарахъ, которые онъ диктовалъ генераламъ, жившимъ на о. св. Елены вмѣстѣ съ нимъ, Наполеонъ, подобно Цезарю въ „Комментаріяхъ“, говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ.

строеніе. Побѣды отовсюду и пріѣздъ Бонапарта воскресили вѣру въ старые революціонные лозунги, въ революцію. Всѣ какъ будто успокоились и съ упованіемъ стали ждать, что предприметъ Бонапартъ. Повидимому, диктатура не входила сколько-нибудь существеннымъ элементомъ въ эти упованія. Общество совсѣмъ не было одушевлено идеей цезаризма. Оно хотѣло только одного — мира. Оно боялось только одного — вражьяго нашествія. Оно теперь твердо вѣрило, что разъ Бонапартъ во Франціи, врагамъ не видѣть французской границы. Что касается вспышекъ роялизма, то онѣ не имѣли серьезнаго политическаго значенія: у роялизма не было корней ни въ одной изъ двухъ крупныхъ группъ третьяго сословія, ни въ буржуазіи, ни въ крестьянствѣ.

Значитъ ли это, что переворотъ не имѣлъ подъ собой никакой почвы? И еще: если побѣды французскихъ генераловъ успокоили общество, если оно освободилось отъ цѣпкихъ когтей паники и перестало искать избавленія въ диктатурѣ,—не отягчаетъ ли все это преступленіе Сійеса и Бонапарта еще больше? Оларъ,[1]) напр., прямо утверждаетъ, что идея переворота успѣла потерять всѣ корни въ обществѣ, когда разразилось 18 брюмера, что Бонапарту пришлось искусственно ускорять событія, чтобы не потерпѣть неудачи благодаря промедленію. Едва ли это было такъ. Съ моральной точки зрѣнія 18 брюмера едва ли нуждается въ какихъ-то еще отягчающихъ обстоятельствахъ. Оно и безъ того является тяжкимъ преступленіемъ, ибо въ немъ цѣлая страна съ ея интересами была принесена въ жертву личному честолюбію. А съ политической точки зрѣнія нельзя преувеличивать поворота въ общественномъ настроеніи. Очевидно, что диктатуру все-таки считали лучшей гарантіей чѣмъ существующее неопредѣленное положеніе. Прежде всего, 18 брюмера не вызвало никакихъ вспышекъ недовольства сколько-нибудь значительныхъ: даже якобинцы, которыхъ въ 1798 году одно имя Бонапарта приводило въ бѣшенство, теперь не пытались протестовать активно. Наоборотъ, въ Парижѣ и провинціи были радостныя манифестаціи. И потомъ, развѣ можно считать прочнымъ чувство облегченія, когда не было еще мира и когда каждый день

[1]) „Histoire polit. de la Rèvolution," стр. 695. Ср. также его статью „Les causes du 18 Brumaire", въ „Leçons et conferences", 2 série, стр. 203.

могъ принести новую перемѣну военнаго счастья? Развѣ послѣ Цюриха и передъ Маренго не было капитуляціи Генуи? Сійесъ разсуждалъ, какъ опытный политикъ, когда не захотѣлъ оставить мысли о диктатурѣ послѣ побѣдъ Массены и Брюна. Онъ лишь разстался съ идеей монархической реставраціи, ибо въ періодъ относительнаго спокойствія ни Бурбона, ни Орлеана не потерпѣли бы буржуазія и крестьянство: первая — изъ страха передъ возвращеніемъ режима административной и финансовой безотвѣтственности, второе—изъ страха передъ отобраніемъ участковъ, купленныхъ изъ фонда національныхъ имуществъ. Но Сійесъ разсчитывалъ, что мысль о диктатурѣ можетъ быть проведена въ сознаніе общества путемъ такой, довольно простой, логической операціи: диктатура — это власть побѣдоноснаго — только побѣдоноснаго — генерала; общество, несомнѣнно, хочетъ мира; счастливый полководецъ приведетъ его къ миру, черезъ тріумфальныя ворота побѣды; миръ, въ свою очередь, закрѣпитъ всѣ соціальныя и политическія пріобрѣтенія революціи. Выборъ, казалось ему, былъ не очень труденъ: старый режимъ конституціи III года съ растеряннымъ и презираемымъ правительствомъ, не умѣвшимъ никогда обезпечить спокойную жизнь и увѣренную въ завтрашнемъ днѣ хозяйственную дѣятельность, безсильнымъ дать, наконецъ, долго желанный миръ—или новый режимъ съ диктаторомъ во главѣ, который, получивъ возможность властно распоряжаться всѣми рессурсами государства, желѣзной рукою сокрушитъ враговъ и прольетъ на страну всѣ блага, связанныя съ миромъ.

Таковы были дѣйствительныя и возможныя настроенія, на которыя спекулировалъ Сійесъ и на которыхъ сталъ строить свои расчеты Бонапартъ. Успѣхъ плана зависѣлъ отъ того, сумѣютъ ли столковаться между собою фактическій глава директоріи и генералъ.

Сійесъ былъ необходимъ Бонапарту, потому что безъ сообщника въ директоріи онъ не могъ надѣяться на успѣхъ. Но для него было ясно, что съ Сійесомъ онъ сдѣлаетъ только первый шагъ, а потомъ отдѣлается отъ него. Ибо, если и Сійесъ сообразилъ, въ концѣ-концовъ, что шпага Бонапарта „слишкомъ длинна“ для него [1]), то и Бонапартъ предпочиталъ имѣть то-

[1]) Сійесъ не скрывалъ своихъ политическихъ опасеній насчетъ Бонапарта. Однажды, бесѣдуя съ Кабанисомъ и старшимъ братомъ генерала, Жозефомъ,

варищами людей менѣе крупныхъ и менѣе умныхъ, чѣмъ авторъ „Qu'est ce que le tiers état“. Но такъ какъ оба были обречены силою вещей сдѣлать первый шагъ вмѣстѣ, то они добросовѣстно старались столковаться, ибо отлично понимали, что въ случаѣ неудачи дѣло идетъ объ ихъ головахъ. И временами казалось, что между ними недалеко до разрыва. Если бы не Талейранъ съ Редереромъ, Сіейсу пришлось бы „искать другого генерала“, когда Бонапартъ отказался принять составленный имъ проектъ конституціи. Въ концѣ концовъ, Сіейсъ долженъ былъ пойти на то, что соглашеніе будетъ касаться лишь способовъ осуществленія переворота.

Когда оба столковались, явилась другая задача: устроить такъ, чтобы у переворота не было сильныхъ противниковъ. Несмотря на всѣ благопріятныя обстоятельства, задача вовсе не была проста. Въ директоріи Рожеръ Дюко безъ труда былъ завоеванъ съ самаго начала. Отъ Гойе и Мулена, извѣстныхъ своимъ прямолинейнымъ республиканизмомъ, было рѣшено отдѣлаться тѣмъ или инымъ способомъ.

Но Баррасъ представлялъ собою орѣшекъ довольно крѣпкій,—съ нимъ нельзя было ничего дѣлать просто. Бонапартъ не забылъ дружескихъ бесѣдъ съ нимъ въ 1798 году. Нужна была интрига и притомъ искусная. Барраса начали морочить посулами, ничего толкомъ не обѣщая, но давая понять, что онъ получитъ много, если будетъ держать себя, какъ слѣдуетъ. И старая лисица попалась на эту удочку. Затѣмъ нужно было обрабатывать министровъ. Камбасересъ, какъ самый вліятельный, Фуше, какъ самый нужный, были привлечены въ первую очередь и безъ большого труда. Первый потянулъ за собою Робера Ленде. Объ остальныхъ не безпокоились. Но самымъ существеннымъ вопросомъ былъ вопросъ о генералахъ. Тѣ, которые пріѣхали съ Бонапартомъ изъ Египта, были преданы ему

о своемъ планѣ сдѣлать Бонапарта консуломъ въ компаніи съ собою и третьимъ лицомъ, Сіейсъ сказалъ: „Я хочу итти объ руку съ генераломъ Бонапартомъ, потому что изъ всѣхъ военныхъ онъ все же наиболѣе штатскій. Но я знаю, что меня ждетъ: послѣ побѣды генералъ отстранитъ своихъ двухъ товарищей и сдѣлаетъ вотъ что“. Сіейсъ прошелъ между своими двумя собесѣдниками, отодвинулъ ихъ назадъ протянутыми руками и очутился одинъ въ срединѣ комнаты. Бонапарту, конечно, сейчасъ же передали это мудрое предчувствіе, изображенное въ лицахъ. Онъ улыбнулся и замѣтилъ: „Да здравствуютъ остроумные люди. Это сулитъ мнѣ удачу!“.

душою и тѣломъ: Бертье, Мюратъ, Ланнъ, Мармонъ, Андреосси; къ нимъ присоединились родственники: юный Евгеній Богарне, сынъ Жозефины, и Леклеркъ, мужъ Полины. Изъ старыхъ друзей Бонапартъ нашелъ въ Парижѣ Серрюрье, Себастьяни и Макдональда. Но всѣ они не стоили одного Моро. Если бы Моро бросилъ свой авторитетъ въ сторону противниковъ переворота, дѣло должно было очень осложниться. И Бонапартъ, который раньше не встрѣчался съ Моро, не пожалѣлъ ни усилій, ни лести, ни ласкъ, чтобы получить увѣренность въ томъ, что Моро не будетъ на той сторонѣ. Когда ухаживанія оказались удачны, онъ успокоился. Прямыхъ якобинцевъ: Журдана, Бернадота, Ожеро, не пытались притягивать съ самаго начала и не вели серьезныхъ переговоровъ. Только съ Журданомъ Бонапартъ имѣлъ ничего не значащую бесѣду. Надѣялись, и какъ оказалось, не безъ основаній, что якобинцы мѣшать не будутъ и присоединятся потомъ сами. Оставалось, чтобы обезпечить финансовую сторону переворота, заручиться содѣйствіемъ нѣкоторыхъ банкировъ, что уже было сущей бездѣлицей. Финансовые тузы только и мечтали о такомъ режимѣ, который сдѣлаетъ невозможнымъ и соціальную революцію со стороны голодныхъ якобинцевъ и реставрацію со стороны ограбленныхъ роялистовъ; переворотъ для нихъ былъ гарантіей и отъ соціальной революціи и отъ соціальной реставраціи, т.-е. отъ финансовыхъ потрясеній всякаго рода.

И все-таки, несмотря на всѣ мѣры предосторожности, переворотъ или оказался бы вовсе неосуществимъ, или во всякомъ случаѣ не прошелъ бы такъ гладко, если бы совѣтъ старѣйшинъ не былъ расположенъ въ пользу конституціонной реформы, о которой давно толковалъ Сійесъ и если бы онъ по близорукости не принялъ диктатуру за простую конституціонную реформу. Да и совѣтъ пятисотъ, относясь съ большимъ подозрѣніемъ къ Сійесу, не имѣлъ никакихъ подозрѣній насчетъ Бонапарта, не имѣлъ настолько, что 1 брюмера, т.-е. когда генералъ былъ уже въ Парижѣ, онъ выбралъ своимъ предсѣдателемъ его брата Люсьена. Все, такимъ образомъ, благопріятствовало планамъ заговорщиковъ. 18 и 19 брюмера (9—10 ноября 1799 г.), черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ Бонапартъ высадился во Фрежюсѣ, переворотъ совершился.

Въ ночь на 18 брюмера въ квартиру Бонапарта собрались

преданные ему военные, а ген. Себастіани привелъ находившихся подъ его начальствомъ драгунъ. Члены обоихъ собраній изъ числа лицъ, на которыхъ могли полагаться Бонапартъ и Сійесъ,— сомнительные, а тѣмъ болѣе оппозиція были благоразумно оставлены въ сторонѣ,—получили повѣстки, приглашавшія ихъ на засѣданія въ 8 ч. утра. Пятьсотъ собрались и выслушали докладъ о страшномъ якобинскомъ заговорѣ, томъ самомъ, о которомъ двѣ недѣли трубили преданныя Бонапарту газеты. Выслушали и вынесли постановленіе, что ожидаютъ надлежащихъ мѣръ отъ совѣта старѣйшинъ. Старѣйшины, у которыхъ все было приготовлено заранѣе, издали декретъ, въ которомъ говорилось о заговорѣ и указывались мѣры къ тому, чтобы предотвратить опасность: засѣданія обоихъ собраній переносились въ Сенъ-Клу, а на ген. Бонапарта возлагалась обязанность озаботиться объ исполненіи декрета, съ каковой цѣлью подъ начальство его отдавались всѣ стоявшія въ Парижѣ и окрестностяхъ войска. Половина дѣла была сдѣлана. Получивъ извѣстіе о декретѣ, Бонапартъ во главѣ собравшихся войскъ поспѣшилъ въ Тюльери, резиденцію старѣйшинъ, чтобы принести присягу. Тамъ уже были Сійесъ и Дюко, успѣвшіе подать въ отставку, а также секретарь директоріи Лагардъ, который убѣжалъ изъ Люксембургскаго дворца и на всякій случай захватилъ съ собою печать. Бонапартъ принялъ присягу и, войдя въ садъ, гдѣ онъ увидѣлъ личнаго секретаря Баррасса, Ботто, разразился своей знаменитой филиппикой противъ директоріи: „Что вы сдѣлали съ Франціей, которую я оставилъ вамъ въ такомъ блестящемъ состояніи? Я оставилъ вамъ миръ и нашелъ войну Оставилъ побѣды—нашелъ пораженія. Оставилъ итальянскіе милліоны—нашелъ повсюду хищническіе законы и нищету. Что сдѣлали вы съ сотней тысячъ французовъ, съ товарищами моей славы? Они мертвы!“ Потомъ онъ бросился къ войскамъ и сталъ имъ говорить рѣчи.

Между тѣмъ въ Люксембургѣ оставшіеся трое директоровъ, Баррасъ, Муленъ и Гойе, совершенно растерявшіеся, не знали, что предпринять. Пока они думали, къ Баррасу пріѣхалъ Талейранъ и, повидимому, не безъ помощи шантажа, подкрѣпленнаго крупной суммой, вынудилъ у него прошеніе объ отставкѣ. Тогда Гойе съ Муленомъ поѣхали въ Тюльери, чтобы потребовать объясненій. Въ свою очередь они были встрѣчены требованіемъ

объ отставкѣ. Когда они отказались наотрѣзъ, ихъ снова водворили въ Люксембургъ, а дворецъ заняли отрядомъ подъ начальствомъ Моро. Такъ прошелъ первый день.

19 брюмера Бонапартъ съ генералами, Талейранъ, Сіейесъ, Дюко, Камбасересъ и всѣ вообще заговорщики собрались въ Сенъ-Клу. Дворъ и паркъ дворца были заняты солдатами. Старѣйшины начали засѣданіе спокойно. Но въ совѣтѣ пятисотъ буря разразилась съ первыхъ словъ. Якобинцы, начавшіе ясно понимать въ чемъ дѣло, потребовали объясненія насчетъ слуховъ о заговорѣ, кричали: „Долой диктатуру!“ „Конституція или смерть!“, настаивали на новой присягѣ конституціи. Предложеніе прошло, и присяга началась, когда въ залу вошелъ Бонапартъ и началъ говорить о заговорѣ и объ опасности, въ какой находится республика. Ему не дали кончить. Раздались крики: „Внѣ закона! Долой тирана!“ Якобинцы начали наступать на него, грозя кулаками. Чья-то сильная рука сильно помяла тщедушную фигурку генерала, такъ что гренадеры едва успѣли вытащить его изъ залы. Тогда все пошло быстрѣе. Люсьенъ исчезъ вслѣдъ за братомъ и держалъ рѣчь къ войскамъ, гдѣ называлъ собраніе „представителями кинжала“. Мюратъ, Леклеркѣ, Серрюрье агитировали среди солдатъ. Бонапартъ носился передъ ними на лошади. И когда гвардейцы и гренадеры были доведены до экзальтаціи, Бонапартъ скомандовалъ атаку, затрещали барабаны, и гренадеръ повели въ залу засѣданія пятисотъ. Мюратъ крикнулъ: „Fichez moi tout ce monde là dehors!“ Въ другія двери ворвался Леклеркъ, и передъ стѣною штыковъ члены собранія должны были спасаться кто куда. Стемнѣло. Все было кончено. Три десятка членовъ совѣта пятисотъ, преданныхъ Сіейесу, собравшись вечеромъ 19-го подъ предсѣдательствомъ Люсьена Бонапарта и при докладчикѣ Буле изъ Мерты постановили: упразднить директорію, исключить изъ собраній законодательнаго корпуса 61 депутата, учредить консульскую исполнительную комиссію изъ трехъ лицъ — Сіейеса, Рожера Дюко и ген. Бонапарта, которые получаютъ наименованіе „консуловъ французской республики“, „прервать сессію законодательнаго корпуса до 1 вантоза (22 дек.); на это время каждое изъ собраній выбираетъ комиссію изъ 25 членовъ, которые будутъ издавать на основаніи формальныхъ предложеній консульской комиссіи постановленія по всѣмъ неотложнымъ дѣламъ поли-

цейскаго и финансоваго свойства, а также выработают проектъ необходимыхъ измѣненій въ органическихъ частяхъ конституціи, погрѣшности и неудобства которой обнаружены опытомъ". Совѣтъ старѣйшинъ немедленно утвердилъ эти постановленія, сдѣлавъ видъ, что не знаетъ ничего о сомнительности quorum'a засѣданія, и временные консулы приняли присягу на вѣрность „единой и нераздѣльной республикѣ, свободѣ, равенству и представительному строю" [1]).

VI.

То, что было сдѣлано въ брюмерскіе дни, было самымъ важнымъ этапомъ на пути Бонапарта къ господству. Нужно было, впрочемъ, чтобы оглушительнымъ военнымъ подвигомъ онъ доказалъ, что не тщетны возлагаемыя на него патріотическія надежды: Маренго будетъ такимъ подвигомъ. Головокружительный переходъ черезъ Сенъ-Бернаръ и разгромъ австрійцевъ на аренѣ недавнихъ побѣдъ Суворова укрѣпятъ плоды брюмерскаго дерзанія. Все остальное не потребуетъ уже серьезныхъ усилій. Конституція VIII года, пожизненное консульство, самое провозглашеніе имперіи—все это уже логически вытекало изъ завоеванія 18 брюмера. Выбросить за бортъ Сіейеса, какъ выжатый лимонъ, сдѣлать боевыхъ товарищей и друзей подчиненными, прельстить обѣщаніями страну Бонапарту ничего не стоило. Ибо скипетръ его господства былъ таковъ, что имъ удовлетворялись или обѣщали удовлетвориться всѣ интересы. „Бонапартъ,—говоритъ Сорель, выясняя его положеніе въ 1797 году, — завоюетъ крестьянъ и буржуазію, давъ имъ обезпеченіе труда, гарантію порядка, ненарушимое пользованіе національными имуществами, давъ имъ гражданскій кодексъ, бдительную администрацію, равный для всѣхъ судъ. Онъ будетъ держать въ рукахъ прежнихъ якобинцевъ призракомъ контръ-революціи, онъ привлечетъ ихъ къ себѣ, пріобщивъ къ тому, что они любятъ больше всего, къ власти. Онъ примиритъ съ собою прежнихъ дворянъ, давъ имъ счастье, котораго они давно не знаютъ—счастье жить въ своемъ домѣ, найти свою семью, возста-

---

[1]) Лучшимъ изложеніемъ брюморскихъ событій остается книга Вандаля „Avenement de Bonaparte", т. I.

новить свое благосостояніе. Армію онъ возьметъ перспективою громкой славы, богатствъ, побѣднаго хмеля, наслажденій мира; всѣхъ вообще—иллюзіей торжествующаго мира и Франціи, благоденствующей въ границахъ цезаревой Галліи“.

Въ 1799 году власть, которая ставила себя на смѣну опрокинутой директоріи, должна была дать молчаливую гарантію въ томъ, что она сумѣетъ обезпечить всѣ эти блага. Ибо директорія погибла потому, что ея гарантіямъ больше не вѣрили. Бонапарту повѣрили, и онъ сталъ повелителемъ французовъ.

Это не было концомъ революціи, ибо никто не могъ отважиться въ это время поднять руку на соціальныя завоеванія ея. А реставрація была возможна только при условіи ликвидаціи—въ той или иной формѣ—именно соціальныхъ завоеваній революціи. Но брюмеръ былъ самымъ несомнѣннымъ крушеніемъ республики. Хотя консулы клялись въ вѣрности республикѣ, хотя гренадеры, разогнавшіе совѣтъ пятисотъ, были увѣрены, что они спасли республику, и распѣвали во все горло „Ça ira“, возвращаясь изъ Сенъ-Клу въ Парижъ,—но было совершенно несомнѣнно, что отъ республики осталось одно голое имя.

Консульство и имперія были послѣдней ставкой революціи. Когда оказалось, что и Бонапартъ не сумѣлъ дать спокойствія измученной странѣ, ея отчаяніе выразилось въ томъ, что она не стала протестовать противъ реставраціи.

Наполеонъ.

I.

Это было при Лоди, 10 мая 1796 года. Генералу Бонапарту необходимо было перейти Адду въ этотъ день, чтобы отрѣзать большой непріятельскій отрядъ. Мостъ черезъ рѣку защищали австрійцы, подъ начальствомъ ген. Себотендорфа. Переходъ былъ почти невозможенъ. Себотендорфъ выставилъ противъ моста батарею въ три десятка орудій, которая грозила засыпать картечью всякую атакующую колонну. Сейчасъ же за артиллерій стояла пѣхота. Бонапартъ, тѣмъ не менѣе, рѣшилъ завладѣть переправою. Онъ приказалъ начальнику кавалеріи ген. Бомону съ батареей легкой артиллеріи перебраться на другой берегъ двумя верстами выше и напасть на правый флангъ непріятеля. Самъ Бонапартъ собралъ всѣ пушки, какія у него были, и велѣлъ открыть огонь по непріятельской артиллеріи. Въ то же время за городскимъ валомъ, который окаймлялъ рѣку, онъ построилъ гренадеръ Ожеро въ атакующую колонну. Такъ какъ австрійская пѣхота, укрываясь отъ огня французской артиллеріи, отошла довольно далеко отъ батареи, обстрѣливавшей мостъ, то гренадеры оказались ближе къ непріятельскимъ пушкамъ, чѣмъ собственная пѣхота. Канонада гремѣла безъ перерыва. Выждавъ, пока австрійскія пушки, осыпаемыя французскими ядрами, ослабили огонь, а Бомонъ нападеніемъ справа отвлекъ вниманіе Себотендорфа, Бонапартъ приказалъ бить атаку. Голова колонны простымъ поворотомъ налѣво очутилась на мосту, гренадеры пронеслись черезъ него почти безъ потерь, мигомъ овладѣли пушками непріятеля, обрушились на пѣхоту, опрокинули ее и обратили въ бѣгство. Себотендорфъ потерялъ, кромѣ

артиллеріи, около 2.500 чел. плѣнными и нѣсколько тысячъ убитыми. Потери французовъ составляли едва 200 чел. Ломбардія была открыта для Бонапарта. Сокрушительный ударъ былъ задуманъ и нанесенъ съ такой геніальной простотой, всѣ окружающіе такъ горячо поздравляли Бонапарта съ этой побѣдою, что двадцатисемилѣтній генералъ задумался самымъ серьезнымъ образомъ. Позднѣе онъ говорилъ [1]): „Вандемьеръ и даже Монтенотте [2]) еще не давали мнѣ мысли считать себя человѣкомъ высшаго порядка (un homme superieur). Только послѣ Лоди у меня явилась идея, что и я, въ концѣ концовъ, могу быть дѣйствующимъ лицомъ на нашей политической сценѣ. Тогда-то зародилась первая искра высокаго честолюбія". То же, въ нѣсколько иныхъ словахъ, повторяется въ „Récits de la captivité" [3]): „Только въ вечеръ сраженія при Лоди я сталъ считать себя человѣкомъ высшаго порядка, и во мнѣ загорѣлась честолюбивая мысль—свершить дѣла, о которыхъ до тѣхъ поръ я думалъ только въ минуту фантастическихъ мечтаній".

Для человѣка, одареннаго большой волей и дѣйствительно неистребимымъ честолюбіемъ, притти къ такому заключенію значило очень много. Время было такое, что ни одна возможность не представлялась несбыточной. Революція разрушила всѣ преграды къ быстрому движенію впередъ. Дарованіямъ всякаго рода была открыта широкая дорога. Особенно легко выдвигала армія, ибо армія была главнымъ жизненнымъ нервомъ и республики и революціи. И кто не предсказывалъ въ 1790—96 годахъ, что революція кончится „шпагой", т.-е. военной диктатурою? Бонапарту, который понималъ очень хорошо родной ему духъ революціи и великолѣпно зналъ о предсказаніяхъ насчетъ диктатуры, нужно было только увѣровать въ себя и въ свои силы, чтобы начать линію своей личной политики, эгоистической, направленной къ опредѣленной цѣли, превращающей и войну, и побѣду, и рес-

---

[1]) Memorial de S-te Helène, I. 193.

[2]) Монтенотте—мѣстечко въ Пьемонтѣ, гдѣ Бонапартъ одержалъ первую рѣшительную побѣду надъ соединенной австро-сардинской арміей Болье. Союзная армія, какъ гигантскимъ топоромъ, была разрублена на двѣ части: австрійцы отброшены въ Ломбардію, сардинцы—къ Турину. Потомъ онъ билъ ихъ отдѣльно.

[3]) II, 424.

публику, и революцію въ простыя средства для достиженія этой цѣли.

Лоди дало ему эту вѣру, и въ день Лоди въ молодомъ генералѣ зачатъ былъ будущій императоръ французовъ [1]). Многое, конечно, было необходимо для того, чтобы генералъ сдѣлался императоромъ. И прежде всего нужно было, чтобы арена для его дерзаній оказалась свободной отъ соперниковъ. Въ этомъ отношеніи Бонапартъ былъ необыкновенно счастливъ. Изъ крупныхъ военныхъ вождей революціи къ рѣшительному для него моменту остался, можно сказать, одинъ—Массена. Дюмурье ликвидировалъ себя раньше всѣхъ, Пишегрю пошелъ такой дорогой, которой можно было притти на гильотину, а не на престолъ. Гошъ—самый крупный, не уступавшій ни умомъ, ни характеромъ, ни военными дарованіями Бонапарту, умеръ въ 1797 г. Журданъ скомпрометировалъ себя слишкомъ тѣсными связями съ якобинцами. Моро, такой хладнокровно-разсчетливый передъ лицомъ врага, совсѣмъ потерялъ голову послѣ брюмерскаго переворота и не сумѣлъ изъ блеска Гогенлинденской побѣды соткать себѣ ореолъ національнаго героя. Тѣ, съ которыми Бонапарту, несомнѣнно, пришлось бы считаться: Марсо, Жуберъ, Клеберъ, Дезе, были убиты или до брюмера, какъ двое первыхъ, или очень скоро послѣ него, какъ оба героя египетской экспедиціи: точно честолюбивая мечта Бонапарта направляла и австрійскія пули и кинжалъ каирскаго фанатика [2]). Массена, оставшійся въ живыхъ, при колоссальномъ военномъ дарованіи, былъ совершенно лишенъ той культуры ума и характера, которая могла бы сдѣлать изъ него опаснаго соперника для Бонапарта. Другіе—Ланнъ, Даву,

---

[1]) Немного больше году прошло между Лоди и Леобеномъ, а Наполеонъ уже обнаруживаетъ очень большую предусмотрительность. Французскіе республиканцы громко аплодировали ему, когда онъ отвѣтилъ австрійскимъ уполномоченнымъ на ихъ предложеніе признать республику: „Республика, какъ солнце! Тѣмъ хуже для тѣхъ, кто ея не видитъ". Именно, республиканцамъ нужно было радоваться этой фразѣ меньше, чѣмъ кому-нибудь, ибо она была сплошь лицемѣріе. Потомъ Наполеонъ объяснилъ, почему онъ не хотѣлъ требовать отъ Австріи формальнаго признанія. Онъ боялся какъ бы не вышло затрудненій со стороны Австріи въ тотъ моментъ, когда республика перестанетъ существовать.

[2]) Соучастіе Бонапарта въ убійствѣ Клебера, конечно, басня, измышленная его врагами.

Ожеро, Бернадотъ, Бертье, Ней, Мюратъ, не говоря уже объ остальныхъ, никогда и не могли претендовать на самостоятельную политическую роль. Изъ перечисленныхъ генераловъ многіе могли равняться съ Бонапартомъ военнымъ геніемъ: Клеберъ, Моро, Массена, особенно Гошъ. Многіе превосходили его красотою характера, республиканской искренностью, прямотой. Но ни у кого изъ нихъ не соединялось такъ много талантовъ, необходимыхъ для правителя, никто изъ нихъ, исключая опять-таки, быть можетъ, только Гоша, на мѣстѣ Бонапарта, не сумѣлъ бы сдѣлать большаго. Гошъ былъ честнѣе; въ немъ совсѣмъ не было эгоизма. Но зато онъ былъ лишенъ спартанскаго безстрастія Бонапарта и его стоической выдержки: онъ былъ эпикуреецъ, поэтъ и рабъ наслажденій. Въ цѣломъ Наполеонъ былъ крупнѣе.

Нужно ли, какъ это дѣлаетъ Тэнъ, производить антропологическія изысканія, чтобы объяснить появленіе Наполеона? Нужно ли вызвать тѣни Сфорцы, Піччинино и другихъ итальянскихъ кондотьери, чтобы понять титаническую мощь Наполеона? Нужно ли выдвигать предположеніе, что одряхлѣвшая въ Италіи порода людей, на Корсикѣ, какъ въ питомникѣ, окрѣпла вновь и дала свой новѣйшій гигантскій отпрыскъ въ лицѣ Наполеона? Параллель съ кондотьери, конечно, интересна и законна, но въ ней нѣтъ элементовъ научнаго анализа. Она хороша, какъ интуитивное подспорье къ научному анализу,— не больше. Да едва ли и есть необходимость выдвигать эту своеобразную теорію аватара. Революція сама по себѣ объясняетъ два главныхъ момента, создавшихъ Наполеона: и то, что онъ получилъ возможность развернуть свои сверхъестественныя дарованія, и то, что онъ сдѣлалъ такую волшебную карьеру. Ибо и то и другое имѣло параллели. Многіе изъ перечисленныхъ выше генераловъ умерли бы въ нижнихъ чинахъ, если бы не революція. Благодаря революціи, они вытянулись во весь ростъ. И не только генералы. Развѣ аббатъ Сіейесъ могъ при старомъ порядкѣ мечтать сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ теперь? Развѣ превращеніе епископа Отенскаго въ герцога Дино и князя Беневентскаго не было тоже чудомъ, возможнымъ лишь благодаря революціи? А если говорить о карьерѣ, то вѣдь революція вознесла не только Наполеона. Сультъ едва не сдѣлался королемъ португальскимъ, Бернадотъ осно-

валъ династію въ Швеціи, Евгеній Богарне сталъ родоначальникомъ герцоговъ Лейхтенбергскихъ. Психологически и политически Наполеонъ созданъ революціей, и нѣтъ нужды тревожить память кондотьери для объясненія его.

II.

Бываютъ геніальные люди, лишенные характера, воли, работоспособности. Бонапарту все это было дано щедрою рукою. Поэтому мысли, зарождавшіяся въ его головѣ, сейчасъ же начинали претворяться въ дѣйствительность, и не было того препятствія, котораго онъ не могъ бы одолѣть. Именно эта печать дѣйственнаго генія, несокрушимой воли, направленной огромнымъ умомъ, которую окружающіе видѣли на его челѣ, создавала ему его власть надъ людьми. Въ немъ не было того непроизвольнаго, не зависящаго отъ человѣка обаянія, которое покоряетъ, безъ того, чтобы приходилось дѣлать усилія. Но когда онъ хотѣлъ, онъ становился неотразимъ, и не было человѣка, который устоялъ бы противъ него. Когда его назначили главнокомандующимъ итальянской арміей въ 1796 году, генералы, которые были старше его, рѣшили между собою проучить „выскочку“ при первой же встрѣчѣ. Ожеро, головорѣзъ и забіяка, не знавшій, что значитъ оробѣть при какихъ бы то ни было условіяхъ, Массена, человѣкъ огромнаго самообладанія и безумной смѣлости, Серрюрье, Лагарпъ, герои, видѣвшіе не разъ смерть лицомъ къ лицу, составили своего рода заговоръ противъ „молокососа“. Когда они выходили послѣ первой аудіенціи, они были сконфужены. Ожеро, удивленный тѣмъ, что произошло, говорилъ Массенѣ, разводя своими длинными руками: „Не могу понять, что со мною сдѣлалось: только я никогда ни передъ кѣмъ не приходилъ въ такое смущеніе, какъ передъ этимъ маленькимъ генераломъ“. Массена молчалъ, ибо ощущалъ то же. Зато позднѣе и Ожеро, и Массена, и всѣ, кто былъ подъ его командою, по одному его слову дѣлали чудеса. Подъ Арколе, когда въ первый день боя Бонапарту необходимо было форсировать переправу, чтобы напасть съ тылу на Альвинци, когда онъ самъ, схвативъ знамя, бросился на мостъ, осыпаемый австрійскими пулями,—

кто только не поспѣшилъ выручать его! Несчастный Мюиронъ, который тутъ же былъ пронизанъ пулями, прикрывая его; Ланнъ, раненый передъ тѣмъ, трижды раненъ снова въ то время, какъ бросился къ нему на помощь. Генералъ Роберъ убитъ, Виньоль, Беліаръ ранены. И это неотразимое обаяніе дѣйствовало на подчиненныхъ еще долго потомъ. Стоило Наполену въ разгаръ боя кинуть фразу Мюрату, и тотъ, бросивъ на руки адъютанту свою шляпу съ чудовищными страусовыми перьями, весь сверкая золотомъ, съ однимъ хлыстомъ въ рукѣ, летѣлъ на врага во главѣ кавалеріи. И Мюратъ вовсе не былъ исключеніемъ. Не только храбрецы, какъ Ланнъ или Ней, не только спокойно-мужественный Даву, но и Мармонъ, не любившій рисковать собою, и Бернадотъ, который передъ каждой атакой соображалъ, что она можетъ ему принести,—дѣлали то же. Мутонъ чуть не въ пять минутъ бралъ приступомъ городъ, Марбо въ темную, бурную ночь переправлялся черезъ Дунай, чтобы привезти „языка“, „ворчуны“ старой гвардіи умирали, но не сдавались. И всѣ безъ исключенія бывали на верху блаженства, получивъ въ награду ласковый щипокъ за ухо. Наполеонъ былъ такъ увѣренъ, что для него маршалы и генералы сдѣлаютъ невозможное, что полагался на самое смѣлое ихъ заявленіе. Подъ Аустерлицемъ онъ спрашиваетъ Сульта, сколько времени ему нужно, чтобы занять Праценскую возвышенность, т.-е. пунктъ, отъ обладанія которымъ зависитъ успѣхъ его плана. „Двадцать минутъ, самое большее“, отвѣчаетъ тотъ. „Тогда подождемъ еще четверть часа“, спокойно говоритъ императоръ, хотя онъ знаетъ, что Даву изнемогаетъ на правомъ флангѣ. И Сультъ сдержалъ свое обѣщаніе. Когда ему нужно было покорить человѣка, онъ пускалъ въ ходъ всѣ свои чары, и никто, за рѣдкими исключеніями, не умѣлъ устоять противъ нихъ, даже холодно-разсчетливый Меттернихъ, даже „византіецъ“—Александръ. Сила обаянія стала падать, когда самъ Наполеонъ отяжелѣлъ и началъ надѣяться, что богатства и почести могутъ дѣлать то, что дѣлали прежде любовь и преданность. Между тѣмъ новая метода, наполняя сознаніемъ личнаго благополучія, вселяла опасеніе, что это благополучіе не придется использовать до конца, порождала эгоистическія чувства, вытравляла порывъ, отнимала энергію и очень часто, особенно въ періодъ упадка, когда переставалъ

дѣйствовать еще одинъ стимулъ—страхъ, отдаляла отъ Наполеона самыхъ близкихъ. Стоитъ вспомнить безобразную сцену въ Фонтенебло въ дни отреченія, когда маршалы, утратившіе страхъ и не разсчитывающіе больше ни на новыя богатства ни на новыя почести, толкали императора на путь безславія.

Обаяніе Наполеона тѣмъ и было непохоже на обаяніе другихъ людей, что въ немъ причудливо и капризно преломлялись лучи генія. Ихъ было много, этихъ лучей, и трудно сказать, какой изъ нихъ былъ ярче, какое дарованіе господствовало. Что такое его военный геній? Въ немъ, какъ и во всемъ, поражало соединеніе двухъ трудно-соединяющихся вещей: творческой силы и самой кропотливой черной работы. Чтобы сдѣлать итальянскую армію способной быть орудіемъ своей молніеносной тактики, онъ прежде всего одѣлъ, обулъ, накормилъ ее и снабдилъ всѣмъ необходимымъ. Чтобы добиться этого, онъ во все входилъ самъ: пробовалъ хлѣбъ, мясо; смотрѣлъ кожу для сапогъ, сукно для шинелей, сѣдла; вымѣрялъ размѣръ груди и длину въ рубахахъ; безошибочно опредѣлялъ, сколько сѣна воруетъ подрядчикъ; всѣхъ приструнивалъ, всѣхъ подтягивалъ. И когда все было готово, грянули одинъ за другимъ Монтенотте, Миллезимо, Мондови, Лоди, Кастильоне, Арколе, Риволи, Тальяменто... Одно обусловливалось другимъ. Въ этомъ была его система. Для него не существовало скучныхъ вещей въ военномъ дѣлѣ. „Ваши донесенія о штатахъ читаются, какъ прекрасная поэма“, пишетъ онъ генералу Лакюэ. И нѣтъ ни одного уголка въ сложномъ военномъ механизмѣ, который представлялъ бы для него какіе-нибудь секреты. „На войнѣ нѣтъ ничего, — говорилъ онъ, — чего я не могъ бы сдѣлать самъ. Если нѣтъ никого, кто могъ бы приготовить порохъ, я приготовлю его; лафеты для пушекъ,— я ихъ смастерю; если нужно отлить пушки, я велю ихъ отлить“. Онъ былъ и собственнымъ начальникомъ штаба и собственнымъ главнымъ интендантомъ. А въ стратегическомъ маневрированіи и тактическомъ ударѣ онъ творилъ, какъ художникъ. Мы видѣли, какъ была выиграна битва при Лоди. Кастильоне, гдѣ рѣшилась судьба первой кампаніи Вурмзера, явилось результатомъ геніальнаго маневрированія, которое дало Бонапарту возможность уничтожить втрое сильнѣйшаго врага. То же было и при второй кампаніи Альвинци, завершившейся Риволи. Французской кампаніи 1814

года, гдѣ Наполеонъ былъ во много разъ слабѣе союзниковъ наступавшихъ на него и все-таки одерживалъ надъ ними такія блистательныя побѣды, какъ при Монтеро и Шампоберѣ, гдѣ каждое его пораженіе было все-таки шедевромъ,—этой кампаніи одной было бы достаточно, чтобы покрыть неувядаемой славой любого полководца. А наполеоновская тактика? Арколе, которое дѣйствительно было чѣмъ-то въ родѣ пѣсни Иліады, Риволи, Тальяменто, Пирамиды, Ѳаворъ, потомъ Маренго, Ульмъ, Аустерлицъ, Іена, Фридландъ, Ваграмъ. Міръ весь затихалъ когда онъ, какъ буря, проносился по Европѣ во главѣ своихъ желѣзныхъ легіоновъ, сѣрымъ пятномъ выдѣляясь на фонѣ золотыхъ и красныхъ мундировъ своего штаба. Такимъ древніе скандинавы представляли себѣ Одина во главѣ „неистоваго воинства", когда онъ, верхомъ на своемъ восьминогомъ бѣломъ конѣ, леталъ по воздуху, сметая все.

Изъ всѣхъ наполеоновскихъ сраженій едва ли не наиболѣе типичнымъ былъ Аустерлицъ, ибо въ немъ сказывается лучше всего настоящая наполеоновская манера. 30 ноября 1805 года, когда онъ уже отступилъ отъ Праценскихъ высотъ и разгадалъ обходное движеніе непріятеля противъ своего праваго фланга, онъ выѣхалъ обозрѣть мѣстность и сказалъ окружающимъ, глядя на Праценскую возвышенность: „Если бы я хотѣлъ помѣшать непріятелю обойти мой правый флангъ, я занялъ бы позицію на этихъ превосходныхъ высотахъ. Тогда у меня получилось бы самое обыкновенное сраженіе. Правда, у меня было бы преимущество въ позиціи. Но, не говоря уже о томъ, что я рисковалъ бы начать дѣло уже 1 декабря (т.-е. пока не подошли ожидаемыя въ ночь на 2-е подкрѣпленія), непріятель, видя нашу позицію передъ собою, сдѣлалъ бы только мелкія ошибки. А когда имѣешь дѣло съ генералами, мало опытными въ большой войнѣ, нужно стараться пользоваться ошибками капитальными". И вмѣсто того, чтобы оставаться на отличныхъ позиціяхъ Праценской возвышенности и вызвать союзниковъ на фронтальную атаку, которая, несомнѣнно, кончилась бы для атакующихъ неудачей, онъ очистилъ Праценъ, внушилъ этимъ непріятелю мысль о своей слабости и толкнулъ его на обходъ своего праваго фланга. Это была ловушка, которая подвергала риску его самого, но она дала въ результатѣ не „обыкновенное сраженіе", а блистательную побѣду. Полк. Іоркъ фонъ

Вартенбургъ [1]) говоритъ, что если бы такая диспозиція была принята на маневрахъ, она вызвала бы противъ себя рѣзкую критику, что противъ нея говорятъ вообще всѣ основанія раціональнаго военнаго искусства. Наполеонъ рѣшился ослабить свой правый флангъ и, ослабленный, подвести его подъ ударъ превосходныхъ непріятельскихъ силъ только въ сознаніи того, что непріятель надѣлаетъ достаточно „капитальныхъ ошибокъ". Какъ поэтъ войны, онъ любилъ дать волю своей фантазіи и ни мало не смущался тѣмъ, что полетъ его фантазіи покрывалъ трупами безбрежныя поля. Наоборотъ, при Ваграмѣ, когда Асперпъ и Эслингъ научили его уважать эрцг. Карла, онъ умышленно сдѣлалъ „самое обыкновенное сраженіе", гдѣ онъ не рисковалъ почти совсѣмъ, гдѣ все было результатомъ точнаго подсчета.

Такова была особенность его генія вообще. Онъ подготовлялъ все путемъ систематичной, кропотливой черной работы, а потомъ гдѣ-то въ таинственныхъ глубинахъ вспыхивала мысль, и при свѣтѣ ея все сдѣланное раньше получало душу и художественно-законченный обликъ.

III.

Работоспособность у него была совершенно нечеловѣческая. Онъ одинъ дѣлалъ то, что было едва ли подъ силу сотнѣ людей, и на войнѣ и въ мирное время. Онъ могъ довольствоваться двумя-тремя часами сна въ сутки и могъ не спать совсѣмъ трое сутокъ, какъ при Арколе. „Нужно было, — говорилъ адъютантъ Наполеона, генералъ Раппъ, — быть изъ желѣза, чтобы выдерживать все это. Мы выходили изъ кареты только для того, чтобы сѣсть верхомъ, и оставались на лошади иной разъ десять-двѣнадцать часовъ подъ рядъ". Это относится къ походу 1800 г. Въ 1806 г. самъ Наполеонъ писалъ Жозефинѣ: „Мнѣ приходится дѣлать двадцать-двадцать пять лье (т.-е. до 100 верстъ) въ день верхомъ, въ каретѣ и вообще по-всякому". Для того, чтобы заниматься внутренними дѣлами государства, — онъ никогда не забывалъ о нихъ во время по-

---

[1]) Napoleon als Feldherr, I, 230.

ходовъ — ему оставались ночные часы и часы, проводимые въ каретѣ. И все-таки успѣвалъ послать инструкціи въ Парижъ обо всемъ, кончая театральными мелочами. То же происходило и въ мирное время. Достаточно просмотрѣть два-три его письма министрамъ изъ эпохи консульства, чтобы убѣдиться, какъ мало отдыхала эта необыкновенная голова[1]). Министрамъ предписывалось ежедневно присылать первому консулу доклады о текущихъ дѣлахъ къ 10 ч. вечера. Ибо, проведя день въ пріемахъ и аудіенціяхъ, смотрахъ и выѣздахъ, засѣданіяхъ и работахъ съ секретарями, уставъ отъ безконечной дѣловой переписки, Наполеонъ поздно вечеромъ собиралъ совѣтъ министровъ и держалъ ихъ часто до свѣту. А когда они приходили въ изнеможеніе и опускали свои головы на столъ, онъ весело подбадривалъ ихъ: „Ну, ну, граждане-министры, давайте просыпаться: всего 2 часа утра; нужно честно зарабатывать деньги, которыя платитъ намъ французскій народъ". И однажды, когда мать его, безпокоясь за его здоровье, прибѣгла къ содѣйствію Корвизара, его постояннаго врача, Наполеонъ, узнавшій объ этомъ, говорилъ брату: „Бѣдный Корвизаръ? Онъ только этимъ теперь и занятъ. Но я ему доказалъ, какъ дважды два четыре, что мнѣ необходимо занять ночь, чтобы пустить какъ слѣдуетъ мою лавочку, потому что дня не хватаетъ. Я бы предпочелъ отдыхъ, но разъ волъ запряженъ, нужно, чтобы онъ работалъ по-настоящему". А на робкія просьбы окружающихъ—беречь себя, Наполеонъ неизмѣнно отвѣчалъ: „Это мое ремесло, дѣти! Ничего не подѣлаешь" [2]).

---

[1]) Вотъ, напримѣръ, одно изъ посланій къ военному министру: „Я желаю немедленно знать, гражданинъ министръ: 1) Какими средствами вы пользуетесь для ремонта кавалеріи? 2) Получили ли генералъ Гарданъ и другіе офицеры изъ англійской арміи приказъ быть на мѣстахъ 24 тек. мѣсяца? 3) Когда я получу свѣдѣнія насчетъ нашего законодательства о производствѣ въ различныхъ родахъ войскъ? 4) Когда я получу докладъ о современномъ положеніи артиллерійской и инженерной школъ? 5) Когда я получу докладъ о состояніи нашей военной юстиціи? 6) Докладъ объ организаціи артиллерійскихъ экипажей? 7) Докладъ о законахъ, регламентахъ и обычаяхъ, установленныхъ для отчетности различныхъ частей общественной службы? 8) Докладъ о законахъ, регулирующихъ уплату жалованія войскамъ? 9) Докладъ о воинской повинности? 10) Докладъ о военныхъ наградахъ за 26 нивоза?". Такія же письма получали министръ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и проч.

[2]) Levy, „Napoléon intime", кн. VII, passim.

Разумѣется, не будь у него еще и другихъ качествъ, эта титаническая работоспособность, можетъ быть, и не приводила бы къ такимъ результатамъ. Но неисчерпаемость рабочей энергіи была дана ему не одна. У него была, кромѣ того, колоссальная память и, что еще важнѣе, умѣніе быстро разбираться въ каждомъ вопросѣ, даже совсѣмъ незнакомомъ, и сейчасъ же схватывать его практическую суть.

То, что онъ однажды узналъ, онъ уже не забывалъ никогда. Мельчайшія детали войсковыхъ штатовъ запечатлѣны у него въ головѣ, какъ молитва. Однажды онъ читаетъ въ докладѣ, что корпусной командиръ требуетъ для одного изъ своихъ полковъ 1.500 паръ сапогъ. Онъ пишетъ: „Это смѣшно: въ полку подъ ружьемъ всего 1.200 человѣкъ". Другой разъ, просматривая отчетъ о количествѣ орудій въ разныхъ корпусахъ, онъ дѣлаетъ помѣтку, что забыли упомянуть двѣ пушки, находящіяся въ Остенде [1]). Шапталь [2]) разсказываетъ, что въ одной вѣдомости о продовольствованіи войскъ на пути его вниманіе привлекла статья, гдѣ говорилось о какомъ-то полкѣ, стоявшемъ въ Фонтене. „Здѣсь ошибка, — сказалъ онъ генералу, представившему вѣдомость.—Этотъ полкъ въ Фонтене не былъ; изъ Рошфора онъ прошелъ въ Испанію, минуя Фонтене". Нечего и говорить, что онъ отлично помнилъ расположеніе всѣхъ частей не только во время войны, но и въ мирное время. Такая же цѣпкая память была у него на финансовые вопросы, на лица, на мѣстности, особенно на мѣстности, и было очень трудно ввести его въ заблужденіе, положившись на то, что онъ что-нибудь забылъ. Наполеонъ не забывалъ.

Даже въ такихъ вопросахъ, которые были новы [3]) для него, онъ не терялся никогда. Если что-нибудь было для него не вполнѣ ясно, онъ спрашивалъ: спрашивалъ до тѣхъ поръ, пока все укладывалось въ его головѣ. На эти вещи онъ не жалѣлъ ни времени ни силъ. „Наполеонъ,—разсказываетъ Молліенъ,—работалъ ежедневно десять-двѣнадцать часовъ, то въ разныхъ административныхъ совѣщаніяхъ, то въ Государственномъ Совѣтѣ. Онъ требовалъ у каждаго министра разъясненій по ма-

---

[1]) **Levy. Тамъ же.**

[2]) **Souvenirs, 336.**

[3]) **Образованіе, полученное имъ, было недостаточно для того положенія, которое онъ занялъ, а читалъ онъ, хотя и много, но очень безпорядочно.**

лѣйшимъ деталямъ; если министры не устраняли всѣхъ его сомнѣній, онъ обращался къ младшимъ чиновникамъ... Нерѣдко можно было видѣть, какъ министры выходили изъ засѣданія, доведенные до изнеможенія этими безконечными допросами... И случалось, что, возвращаясь къ себѣ, эти же министры находили десятокъ писемъ отъ перваго консула, на которыя тотъ требовалъ немедленнаго отвѣта. Цѣлой ночи едва хватало, чтобы составить эти отвѣты".

И по мѣрѣ того, какъ онъ овладѣвалъ предметомъ, въ его головѣ начинали происходить какія-то вспышки. Онъ весь отдавался полубезсознательному творчеству. Онъ блѣднѣлъ, руки его, державшія перочинный ножикъ, судорожными движеніями безжалостно уродовали ручки кресла, на которомъ онъ сидѣлъ, и рождаемая въ страшномъ нервномъ подъемѣ геніальная, но простая мысль вдругъ освѣщала тотъ или другой вопросъ совершенно новымъ свѣтомъ. Ученые спеціалисты, свидѣтели этого дѣлового вдохновенія, поневолѣ склонялись передъ силою ума „дилетанта", къ которому раньше они относились свысока. Ибо, конечно, всегда безъ исключенія самая простая мысль именно спеціалистамъ не приходила въ голову. Вотъ что разсказываетъ Тибодо о работахъ надъ Code civil въ Государственномъ Совѣтѣ. „Онъ говорилъ безъ малѣйшаго затрудненія, но и безъ претенціозности. Онъ не уступалъ ни одному изъ членовъ совѣта; онъ былъ равенъ самому даровитому изъ нихъ [1]) по той легкости, съ какой онъ схватывалъ самую суть вопроса, по вѣрности своихъ мыслей, по силѣ доказательствъ; онъ часто превосходилъ ихъ по умѣнію формулировать свою идею и по оригинальности своихъ выраженій". Юристовъ больше всего поражало въ немъ какое-то необыкновенное соединеніе здраваго смысла съ полетомъ воображенія. А происходило это потому, что онъ не мыслилъ юридическими формулами, какъ они, а представлялъ себѣ практическій казусъ. И потомъ онъ всегда умѣлъ представить себѣ общее дѣйствіе закона, его государственное значеніе. „Вы дѣйствуете, какъ кропатели законовъ, а не какъ политики", сказалъ онъ однажды своимъ ученымъ сотрудникамъ. Именно потому, что онъ не упускалъ изъ виду

---

[1]) А тамъ сидѣли такія свѣтила, какъ Порталисъ, Тронше, Реаль и самъ Тибодо.

политическихъ задачъ во всякомъ дѣлѣ, и именно потому, что на политическія задачи у него были взгляды, опредѣленные разъ навсегда, онъ такъ легко находилъ оріентирующіе пункты повсюду. Когда Сійесъ выбралъ Бонапарта исполнителемъ своихъ замысловъ насчетъ переворота, онъ былъ все-таки очень далекъ отъ мысли, что молодой генералъ такъ скоро сдѣлаетъ ненужнымъ его самого. Онъ просто не предполагалъ у него готовыхъ политическихъ плановъ. Но когда Сійесъ принесъ въ консульскую комиссію свой проектъ конституціи, и началось его обсужденіе, онъ сразу увидѣлъ, что ему не совладать съ такимъ противникомъ. Конституція была принята въ редакціи не Сійеса, а Бонапарта. Обсужденіе ея представляло шедевръ, своего рода безкровный Аустерлицъ за зеленымъ столомъ. Не прошелъ ни одинъ параграфъ изъ тѣхъ, которые казались неудобными Бонапарту. Сійесъ былъ такъ сбитъ съ толку замѣчаніями своего молодого коллеги, мѣткими и неожиданными, что не умѣлъ отстоять самыхъ дорогихъ для себя институтовъ. А Сійесъ ли не былъ опытнымъ бойцомъ? Сійесъ ли не умѣлъ защищать своей карьеры? Ибо тутъ онъ зналъ, что карьера его рушится вмѣстѣ съ параграфами его конституціи.

Таковъ былъ Бонапартъ вездѣ и всегда: чуткій и внимательный ко всему, неутомимый и изобрѣтательный, съ гибкимъ и изворотливымъ умомъ, съ волею, покоряющей все, съ памятью, въ которой все запечатлѣвается и изъ которой ничего не пропадаетъ, съ воображеніемъ, бьющимъ черезъ край, инстинктивнымъ дарованіемъ все приспособлять къ занимающей его въ данный моментъ цѣли, съ той способностью, „которая творитъ великихъ художниковъ, великихъ изобрѣтателей, великихъ воиновъ, великихъ политиковъ: умѣніемъ разглядѣть и выдѣлить въ живомъ хаосѣ общественной жизни, въ смутномъ рельефѣ мѣстности, въ запутанной интригѣ дипломатическихъ переговоровъ, въ шумѣ сраженія — господствующій пунктъ, вершину и узелъ дѣла, умѣніемъ ухватить убѣгающія линіи, непрерывныя сцѣпленія, неподвижные факты, понять ихъ основное устремленіе и слѣдовать ему неуклонно“ [1]). Если бы величіе людей измѣрялось только умственной мощью и силою характера, едва ли нашли бы мы въ исторіи гиганта, которому не былъ

[1]) Sorel, L'Europe et la Révolution.

бы равенъ Наполеонъ, едва ли было бы способно человѣчество воздвигнуть такую тріумфальную арку, подъ которой тѣнь его могла бы пройти не согнувшись.

V.

Наконецъ, было у Наполеона и еще нѣчто, что въ соединеніи съ огромными силами духа обезпечивало ему господство. Онъ умѣлъ прислушиваться къ біенію соціальнаго нерва страны. Онъ зналъ, какую слѣдуетъ вести политику, чтобы имѣть на своей сторонѣ поддержку наиболѣе могущественныхъ общественныхъ группъ. Исторія его возвышенія, исторія его правленія, взятыя въ любой моментъ, полны доказательствами, что Наполеонъ понималъ, на кого ему нужно опираться, кому необходимо угождать [1]).

Онъ великолѣпно понялъ, что Бурбоны погибли не потому, что Марія Антуанетта занималась интригами, и не потому, что Руссо написалъ „Conrat Social". Онъ говорилъ доктору О'Мэрѣ на св. Еленѣ: „Французская революція была всеобщимъ движеніемъ массы народа противъ привилегированныхъ. Главной цѣлью революціи было разрушеніе привилегій и злоупотребленій. Она хотѣла уничтожить сеньеріальные суды, упразднить остатки крѣпостничества, подчинить всѣхъ одинаково государственному тяглу. Половина земельной площади перемѣнила собственниковъ" [2]). Когда появилось у Наполеона такое представленіе о революціи сказать трудно, ибо всѣ заявленія его, обращенныя къ потомству и носящія характеръ своего рода авто-исторіи, относятся ко времени изгнанія. Но необыкновенная увѣренность, съ какой Наполеонъ, сейчасъ же послѣ захвата власти, сталъ проводить опредѣленную политику, говоритъ за то, что въ 1799 году онъ зналъ, чего хотѣлъ.

Основная точка зрѣнія политики Наполеона, какъ внутренней,

---

[1]) Къ сожалѣнію, у историка, интересующагося этимъ вопросомъ, передъ глазами только общіе факты, доказывающіе, что Наполеонъ всегда умѣлъ согласовать свою дѣятельность съ реальными соотношеніями силъ въ странѣ. Какъ у него выработалось это сознаніе, своего рода классовое сознаніе, — мы можемъ лишь догадываться по крайне скуднымъ его заявленіямъ.

[2]) O'Meara, Napoléon dans l'exil, стр. 135.

такъ и внѣшней, была та, что нужно угождать обѣимъ группамъ третьяго сословія: крестьянству, которое даетъ людей для арміи, и буржуазіи, которая даетъ средства для организаціи господства. Ибо революція отдала господство этимъ двумъ общественнымъ классамъ. При этомъ онъ видѣлъ и большое различіе. Съ крестьянами все проще. Для крестьянъ важно, чтобы было разъ навсегда признано незыблемымъ ихъ владѣніе купленными во время революціи землями. Ничего больше. Чтобы быть угодной и необходимой для торговой и промышленной буржуазіи, власть должна была постоянно пускать въ ходъ все новыя усилія, такъ какъ интересы буржуазіи болѣе сложны и болѣе многогранны.

Откуда у Наполеона взялись эти идеи? Не изъ книгъ. Книгъ онъ читалъ мало и не умѣлъ съ ними управляться. Онъ учился у жизни. Подобно тому, какъ, добившись власти, онъ будетъ истязать своими дѣловыми вопросами министровъ и членовъ Государственнаго Совѣта, такъ, будучи еще скромнымъ офицеромъ, онъ засыпалъ вопросами всѣхъ случайныхъ знакомыхъ. И потомъ онъ наблюдалъ. У него былъ глазъ великаго полководца, умѣвшій сразу все схватить,—а революція давала такое необъятное поле для наблюденій.

Но, повидимому, наиболѣе рѣшительныя наблюденія были сдѣланы уже тогда, когда онъ сталъ близокъ къ власти. Въ 1795 году онъ получилъ доступъ къ военному архиву. Разбирая бумаги, онъ увидѣлъ—не могъ не увидѣть,—въ чемъ узелъ безысходнаго соперничества Франціи и Англіи при старомъ порядкѣ. Онъ убѣдился - не могъ не убѣдиться,—что Англія хочетъ отобрать у Франціи ея колоніи, чтобы никто не мѣшалъ свободно торговать тамъ ея купцамъ. Сдѣлать отсюда выводъ было не трудно человѣку съ такой геніальной головой. Затѣмъ, въ вандемьерскіе дни, бесѣдуя съ Баррасомъ, онъ познакомился съ характеромъ страховъ, которые внушали имущимъ якобинцы и монархисты. Это освѣтило ему положеніе довольно ярко. Затѣмъ, попавъ въ домъ Барраса, сдѣлавшись частымъ гостемъ г-жи Богарне, сведя знакомство съ постоянной компаніей ея и г-жи Тальенъ, молодой Наполеонъ очутился въ самой гущѣ буржуазнаго міра. Ему пришлось постоянно встрѣчаться съ самыми крупными тузами торгово-промышленнаго капитала: Увраромъ, Гамлэномъ, десяткомъ другихъ. Онъ съ ними бесѣ-

довалъ — не могъ не бесѣдовать — о политикѣ, какъ ни волновали его въ это время бархатные глаза и мраморныя плечи Жозефины. Знакомство съ представителями дѣлового Парижа, съ купцами, промышленниками, откупщиками выяснило ему многое. Онъ понялъ, почему директорія непопулярна, и что̀ нужно, чтобы снискать популярность. Онъ видѣлъ, что Баррасъ старается изо всѣхъ силъ заслужить популярность, но видѣлъ также, что къ нему нѣтъ должнаго довѣрія и проглядываетъ какая-то брезгливость. „Скипетръ директоріи былъ свинцовый“ диктовалъ онъ потомъ, на св. Еленѣ, своимъ генераламъ [1]).

Онъ убѣдился, что буржуазія хочетъ мира, и, получивъ команду въ Италіи, началъ стремиться къ миру во что бы ни стало, хотя и зналъ, что мира не хочетъ Директорія, т.-е. Баррасъ: тотъ послѣ 18 фрюктидора успокоился за свою судьбу и думалъ, что продолженіе войны есть гарантія дальнѣйшаго его пребыванія у власти. Потомъ Наполеонъ объяснялъ свое поведеніе: „Покрытый лаврами, съ оливковой вѣтвью въ рукахъ, онъ (Бонапартъ) возвращался въ частную жизнь съ полной безопасностью, со славой, равной славѣ великихъ людей древности. Первый актъ его общественной жизни былъ конченъ; обстоятельства и интересы родины должны были рѣшить его дальнѣйшую карьеру. Слава, любовь и уваженіе французскаго народа были путями, по которымъ можно было достигнуть всего. Франція хотѣла мира“ [2]).

„Французскій народъ“, „Франція“ — означали просто французскую буржуазію. Наполеонъ зналъ, почему французская буржуазія хотѣла мира съ Австріей. Война мѣшала торговлѣ, а миръ учреждалъ рядъ новыхъ республикъ-дочерей, съ которыми республика-мать собиралась самымъ дѣятельнымъ образомъ вести торговлю, не опасаясь англійской конкуренціи.

И когда послѣ возвращенія изъ Египта онъ сдѣлалъ то, отъ чего уклонился въ 1797 году,—захватилъ власть, онъ сразу засыпалъ буржуазію благодѣяніями.

Во время переговоровъ передъ 18 брюмера, когда финансисты восторженно обѣщали ему свою поддержку, онъ имѣлъ возможность достаточно обстоятельно узнать, что нужно бур-

---

[1]) Mêmoires de Napoléon, I. 454

[2]) Тамъ же. I, 488.

жуазіи отъ той власти, которой она даетъ свою безграничную поддержку. Черезъ недѣлю послѣ переворота, 27 брюмера, правительство потребовало у законодательныхъ комиссій отмѣны незадолго передъ тѣмъ введеннаго прогрессивнаго подоходнаго налога. Буржуазія не могла говорить объ этомъ налогѣ (онъ былъ прикрытъ видимостью принудительнаго займа) безъ скрежета зубовнаго, и консульство въ посланіи къ комиссіямъ называетъ его „позорящимъ французскій кодексъ", „гибельнымъ для кредита и для самаго существованія общества". Биржа немедленно радостно встрепенулась. Рента за недѣлю поднялась вдвое. 3 фримера банкиры взялись размѣстить внутренній заемъ. Союзъ между властью и буржуазіей былъ оформленъ, такимъ образомъ, съ величайшей поспѣшностью. Наполеонъ зналъ, что въ этомъ — главное условіе внутренней прочности его власти.

Но онъ не забылъ и крестьянъ. Наоборотъ, въ первое время онъ считалъ земледѣліе наиболѣе важной отраслью хозяйственной жизни, а земледѣльческій классъ—первенствующимъ по своему значенію въ государствѣ. Въ первые годы консульства онъ даже былъ склоненъ отрицать роль торговли [1]). Потомъ его взгляды перемѣнились. Но у него всегда осталось убѣжденіе, что имѣть противъ себя трудящіеся классы, доведенные до отчаянія,—самое опасное, что можетъ быть у правителя. Онъ говорилъ Шапталю: „Я боюсь народныхъ возстаній, происходящихъ отъ безработицы, и не боялся никогда возстаній политическихъ, ибо въ послѣднихъ можно сыпать картечью безъ жалости. Съ 1200 человѣкъ подъ хорошей командой да съ 4 пушками я загоню весь Парижъ въ его лавочки, какъ 13 вандемьера".

Поэтому забота объ удовлетвореніи крестьянъ занимала его на первыхъ же порахъ. Конституція VIII года (консульская) заключала въ себѣ особую статью, такую, которую не было принято вносить въ конституціи. Но она была сугубо необходима съ точки зрѣнія реальной политики, какъ ее понималъ первый консулъ. Вотъ эта статья: „Французская нація заявляетъ, что послѣ законно совершенной продажи національныхъ имуществъ, каково бы ни было ихъ происхожденіе, они ни въ какомъ слу-

[1]) Въ одномъ докладѣ 1802 года проводилась мысль, явно внушенная консуломъ: „Laboureurs et soldats, les français ne sont et ne seront jamais marchands; ce serait un mal qu'ils le fussent". Цит. у Е. В. Тарле, Континентальная блокада, 87. Тамъ же цитата изъ Шапталя, стр. 100.

чаѣ не могутъ быть отняты у ихъ новыхъ владѣльцевъ". Эта статья привязала крестьянъ къ консульству и имперіи навсегда. Еще въ 1815 году они давали, сколько могли, налогъ крови своему императору.

Сложнѣе была задача привязать къ себѣ буржуазію. Въ сущности говоря, этой задачей опредѣлилась вся политика Наполеона. Финансовая реформа, учрежденіе Французскаго банка, Гражданскій кодексъ, запретительная торговая политика, лишенная планомѣрности до 1806 года, систематичная, начиная съ берлинскаго декрета, возвѣстившаго континентальную блокаду, войны — все имѣло цѣлью ублаготворить буржуазію. Для того, чтобы буржуазія имѣла органы для представительства своихъ интересовъ, Наполеонъ возстановилъ торговыя палаты, и къ ихъ голосу прислушивался внимательнѣе, чѣмъ къ голосу Трибуната. Во внѣшней политикѣ онъ смотрѣлъ на себя и на представителей торговаго и промышленнаго капитала, какъ на союзниковъ. Въ сентябрѣ 1810 года онъ сказалъ крупному текстильному фабриканту Оберкампфу: „Мы съ вами ведемъ хорошую войну противъ англичанъ: вы вашей промышленностью, я оружіемъ". И прибавилъ, какъ бы подумавъ: „И вы еще воюете лучше". Въ 1809 году, послѣ того какъ былъ заключенъ миръ съ Австріей, онъ разразился гнѣвнымъ письмомъ по адресу министра внутреннихъ дѣлъ, который не озаботился за тѣ пять мѣсяцевъ, что императоръ былъ хозяиномъ Вѣны и части Австріи, устроить безпошлинный ввозъ туда французскихъ суконъ и другихъ товаровъ. И сами промышленники чувствовали себя союзниками императора и не стѣснялись высказывать ему свои пожеланія. Наполеонъ, который терпѣть не могъ, чтобы его учили, въ этихъ случаяхъ все выслушивалъ и принималъ къ свѣдѣнію. Какъ только онъ одерживалъ гдѣ-нибудь побѣду, промышленники торопились напомнить ему о себѣ. Послѣ Аустерлица Ліонская торговая палата проситъ императора „споспѣшествовать торговымъ интересамъ Франціи" въ договорахъ, которые онъ намѣренъ заключить съ нѣмецкими государствами. Когда кончилась война съ Австріей, въ октябрѣ 1809 года, французскіе купцы шлютъ императору свои представленія о томъ, что необходимо объявить сильное пониженіе пошлинъ на французскія тонкія сукна, ввозимыя въ Вѣну, но съ тѣмъ, чтобы Австрія не получила взаимной таможенной вы-

годы при ввозѣ суконъ во Францію. И даже когда представленія касались вопросовъ, къ которымъ Наполеонъ относился съ болѣзненной остротой, какъ напр. къ континентальной блокадѣ, онъ гнѣвался, но исполнялъ желанія купцовъ. Такъ было послѣ того, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ Монталиве представилъ ему записку главнаго торговаго совѣта (въ ноябрѣ 1810 года) [1]).

Это острое соціальное чутье, пониманіе связи съ революціей и традиціонными интересами третьяго сословія, быстрое установленіе „сердечнаго согласія“ съ буржуазіей при консульствѣ, тѣсный союзъ съ торгово-промышленными классами при имперіи обѣщали — и еще въ соединеніи съ его душевными силами — адамантовую прочность его господству.

V.

И этотъ колоссъ, этотъ несравненный политикъ-практикъ потерпѣлъ крушеніе. Разбиты были его самыя дорогія мечтанія. Франція, отдавшаяся ему, осталась послѣ него истекающей кровью. Всѣ завоеванія, сдѣланныя имъ, были отняты. Г-жа Сталь [2]) сопровождаетъ такими словами разсказъ о паденіи Наполеона: „Не было ли бы это великимъ урокомъ для человѣчества, если бы пять директоровъ, люди мало воинственные, возстали изъ праха и потребовали у Наполеона отвѣта за рейнскую и альпійскую границу, завоеванную республикой, за иностранцевъ, дважды приходившихъ въ Парижъ, за три милліона французовъ, которые погибли отъ Кадикса до Москвы, особенно за ту симпатію, которую питали народы къ дѣлу свободы во Франціи и которая превратилась теперь въ укоренившуюся ненависть“. Г-жа Сталь не любила Наполеона, который ее преслѣдовалъ съ недостойной крупнаго человѣка мелочностью. Но въ этомъ отрывкѣ каждое слово — правда. И еще не вся правда.

Въ чемъ же причина этого? Поскольку ее можно свести къ личности Наполеона, эту причину въ самыхъ общихъ выраже-

---

[1]) Всѣ эти факты взяты изъ книги Е. В. Тарле: „Континентальная блокада“, стр. 98, 106, 119, 626.

[2]) Considèr. sur la Révolution française.

ніяхъ можно формулировать такимъ образомъ: въ томъ, что величіе ума и характера не сопровождалось у него нравственнымъ величіемъ. „Онъ былъ, — сказалъ Токвиль, — великъ настолько, насколько это возможно безъ добродѣтели". Такіе властители съ атрофированною совѣстью и съ затвердѣлымъ сердцемъ никогда не бываютъ благодѣяніемъ для народовъ и часто бываютъ бичомъ для нихъ. Когда человѣку не хватаетъ для оцѣнки своихъ и чужихъ дѣйствій моральнаго критерія, онъ беретъ критеріемъ что-нибудь другое, чаще всего свою собственную выгоду. Тогда изъ сферы заботъ и попеченій носителя власти исчезаетъ все, что не есть онъ самъ, что не есть его династія и опора этой династіи—высшій слой привилегированныхъ; онъ забываетъ о безконечномъ большинствѣ населенія, о томъ, у котораго нѣтъ никакихъ привилегій и которое больше всѣхъ нуждается въ заботахъ и попеченіяхъ.

Когда Наполеонъ попалъ на Св. Елену и убѣдился, что онъ не выйдетъ оттуда живымъ, онъ посвятилъ остатокъ своихъ дней собственной апологіи. Онъ стремился доказать, что деспотическіе замыслы ни разу не коснулись его ума, что онъ всегда жилъ для Франціи, а не для самого себя. 1 мая 1816 года, бесѣдуя съ Ласказомъ о Бурбонахъ, онъ прибавилъ: „Они могутъ уничтожать и уродовать сколько имъ угодно. Имъ все-таки будетъ трудно заставить меня исчезнуть безъ остатка. Историкъ Франціи будетъ обязанъ коснуться имперіи, и если онъ честный человѣкъ, онъ укажетъ мою долю, кое-что отнесетъ на мой счетъ. Это будетъ нетрудно, потому что факты говорятъ; они сіяютъ какъ солнце. Я засыпалъ бездну анархіи и распуталъ хаосъ. Я сдѣлалъ революцію чистой, облагородилъ народы и укрѣпилъ королей. Я возбудилъ соревнованіе во всѣхъ областяхъ, вознаградилъ всѣ заслуги и раздвинулъ границы славы. Вѣдь все это стоитъ же чего-нибудь! И потомъ, въ чемъ можно меня обвинить, чтобы историкъ не сумѣлъ за меня заступиться? Мой деспотизмъ? Но историкъ покажетъ, что диктатура была настоятельно нужна! Будутъ говорить, что я стѣснялъ свободу! Онъ покажетъ, что распущенность, анархія, огромные безпорядки были у порога! Будутъ обвинять меня въ томъ, что я слишкомъ любилъ войну? Онъ покажетъ, что на меня всегда нападали! Что я стремлюсь къ всемірной монархіи? Онъ покажетъ, что она была случайнымъ созданіемъ обстоятельствъ,

что наши враги сами толкали меня къ ней шагъ за шагомъ. Наконецъ станутъ упрекать меня въ честолюбіи? О, конечно, онъ согласится, что я былъ честолюбивъ, и очень, но онъ скажетъ, что мое честолюбіе было самое высокое, какое когдалибо существовало, и заключалось оно въ томъ, чтобы установить и освятить, въ концѣ-концовъ, царство разума и полное, безпрепятственное пользованіе всѣми человѣческими способностями. И, быть-можетъ, историкъ еще будетъ сожалѣть, что эти честолюбивыя мечты не осуществились... Такова, — заключилъ Наполеонъ, — вся моя исторія въ немногихъ словахъ". А вотъ что говорилъ онъ доктору О'Мэра 18 февраля 1818 г.: „Система управленія должна быть приспособлена къ духу націи и къ обстоятельствамъ. Прежде всего Франціи нужно было правительство сильное. Когда я сталъ во главѣ Франціи, она находилась въ томъ же положеніи, въ какомъ былъ Римъ, когда понадобился диктаторъ для спасенія республики. Англійское золото создавало противъ Франціи коалицію за коалиціей. Для успѣшнаго сопротивленія имъ нужно было, чтобы глава государства могъ располагать всѣми силами, всѣми рессурсами націи. Я завоевывалъ, только защищаясь. Европа не переставала нападать на Францію и на ея принципы, и намъ нужно было бить, чтобы не быть побитыми. Среди партій, которыя волновали Францію съ давнихъ поръ, я былъ какъ всадникъ на горячей лошади, бросающейся то въ одну сторону, то въ другую: чтобы заставить ее итти прямо, я былъ вынужденъ отъ времени до времени давать ей почувствовать узду. Въ странѣ, которая только что вышла изъ революціи, которой угрожаютъ враги извнѣ, которую мутятъ измѣнническія интриги внутри, правительство должно быть твердымъ. Если бы наступило успокоеніе, прекратилась бы и моя диктатура, и я бы началъ свое конституціонное правленіе. Даже въ томъ состояніи, въ какомъ была Франція, въ ней было больше равенства, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы".

Заявленія этого рода разсыпаны по „Mémorial", по „Récits de la captivité", по мемуарамъ, записаннымъ генералами. Приведенные два длинныхъ отрывка резюмируютъ ихъ довольно хорошо, и ими можно поэтому ограничиться. Потерявъ надежду на возвращеніе власти, опрокинутый господинъ Европы пытается примирить съ собою современниковъ и потомство, отчасти съ

чисто практической цѣлью: чтобы облегчить для сына путь къ французскому трону, отчасти повинуясь идеалистическимъ побужденіямъ: создать вокругъ своего имени ореолъ, блескъ котораго переживетъ вѣка. Къ этой двойной цѣли онъ идетъ, какъ нетрудно видѣть и изъ приведенныхъ отрывковъ, двумя путями: онъ старается или оправдать то, что онъ дѣлалъ, или убѣдить міръ, что, если бы его не свалили, онъ излилъ бы на человѣчество и въ частности на Францію рѣки благополучія.

Разберемъ же главныя обвиненія, которыя, по мнѣнію Наполеона, будетъ какъ нельзя легче опровергнуть будущему историку. Ихъ четыре: страсть къ войнамъ и завоеваніямъ, стремленіе основать всемірную монархію, деспотизмъ, стѣсненіе свободы. Можно было бы подобрать еще сто четыре, но ихъ Наполеонъ не вводитъ въ свою „краткую исторію". Опустимъ ихъ пока. Есть историки, которые по всѣмъ этимъ пунктамъ выносятъ Наполеону оправдательный приговоръ, но это достигается цѣною цѣлой системы прокрустовыхъ ложъ. Безпристрастная наука судитъ иначе.

Сложнѣе всего вопросъ о войнахъ. Наполеонъ увѣряетъ, что онъ воевалъ только тогда, когда на него нападали. Это невѣрно. Испанія не нападала на него, Россія въ 1812 году не нападала. Но не въ этомъ дѣло. Внѣшняя политика Наполеона опредѣлялась въ значительной мѣрѣ факторами, лежащими внѣ его воли. На нее давили національные интересы, тѣ самые, которые давили на внѣшнюю политику и Людовика XIV, и революціи, и давили въ томъ же направленіи. И эти интересы властно требовали войны съ Англіей и Австріей, чтобы заставить ихъ устраниться съ пути политическаго и экономическаго развитія Франціи. Но былъ элементъ, который привходилъ во внѣшнюю политику Франціи отъ Наполеона, какъ таковаго: его честолюбіе. Оно увлекало его далеко за рамки, необходимыя съ точки зрѣнія французскихъ національныхъ интересовъ. Наполеонъ много разъ отвергалъ такія условія мира, которыя удовлетворяли вполнѣ всѣмъ условіямъ мирнаго развитія Франціи. Почему онъ дѣлалъ это?

Вопросъ о всемірной монархіи едва ли имѣетъ большое значеніе. Въ словахъ, сказанныхъ Ласказу, Наполеонъ какъ будто не отрицаетъ, что у него была эта гордая мечта. Для Гюго она только дополняла титаническій образъ:

...C'est lui qui, pareil á l'antique Encelade,
Du trône universel essaya l'escalade,
Qui vingt ans entassa,
Remuant terre et cieux avec une parole,
Wagram sur Marengo, Champaubert sur Arcole,
Pelion sur Ossa...

Но въ другой разъ, 28 января 1817 г., на вопросъ доктора О'Мэра, Наполеонъ отрицалъ это. „Моимъ намѣреніемъ было сдѣлать Францію болѣе обширной, чѣмъ всякая другая страна, но я никогда не притязалъ на всемірную державу. Я, напр., никогда не перенесъ бы Францію за Альпы". Но если у него и не было твердо поставленной цѣли, если онъ и понималъ невозможность сколько-нибудь прочныхъ успѣховъ на этомъ пути, то, какъ „случайное созданіе обстоятельствъ", онъ, несомнѣнно, признавалъ всемірную монархію и былъ далекъ отъ мысли считать мечту объ имперіи Карла Великаго „бредомъ безумца", какъ называетъ ее Тьеръ. Что толкало его къ этой химерической цѣли?

Вопросъ о деспотизмѣ тоже не разрѣшается такъ просто, какъ казалось Наполеону на Св. Еленѣ. Кое въ чемъ, конечно, онъ былъ правъ. Республика при директоріи показала, что она совершенно неспособна справиться съ затрудненіями, которыя терзали страну внутри и снаружи. И борьба партій, и анархическая пропаганда, и противообщественныя тенденціи,— все это было, и все это нужно было устранить, чтобы спасти Францію. Больше того, быть-можетъ, была нужна и диктатура. Но Наполеонъ опять пошелъ дальше, чѣмъ это требовалось для страны. Ему было мало, что онъ задушилъ революцію, свою кормилицу, революцію, которая воздвигла пьедесталъ для его карьеры, которая вспахала и засѣяла поле славы, на которомъ онъ такъ легко собралъ всю жатву. Ему было мало, что онъ конфисковалъ безъ остатка все ея наслѣдіе въ свою пользу. Онъ захотѣлъ прежде всего титула, какъ будто титулъ могъ прибавить что-нибудь къ славѣ побѣдителя Риволи и Маренго, создателя Гражданскаго Кодекса, умиротворителя страны. „Зачѣмъ ему нужно,—говорилъ Поль Луи Курье [1],—ему, солдату, военачальнику, первому полководцу міра, чтобы его на-

[1]) Oeuvres compl., 1849 г., стр. 242—243.

зывали *величествомъ?* Быть Бонапартомъ и сдѣлать себя *государемъ!* Онъ хочетъ снизойти? Нѣтъ, онъ думаетъ стать выше, сравнявшись съ королями. Титулъ онъ предпочитаетъ имени. Бѣдняга! У него больше счастья, чѣмъ ума! Я подозрѣвалъ это, когда узналъ, что онъ отдалъ сестру за Боргезе, и еще считалъ, что Боргезе оказываетъ ему слишкомъ большую честь! Цезарь гораздо лучше понималъ эти вещи, и онъ былъ другимъ человѣкомъ. Онъ не взялъ заѣзженнаго титула: изъ своего имени онъ сдѣлалъ титулъ болѣе высокій, чѣмъ титулъ царей". Но и титула одного Наполеону казалось мало. Онъ захотѣлъ стать основателемъ династіи, захотѣлъ, чтобы въ жилахъ его потомства кровь поручика артиллеріи смѣшалась съ кровью самой древней и самой благородной династіи Европы. Гдѣ источникъ этихъ фантазій, превратившихся въ дѣйствительность?

Вотъ, наконецъ, пунктъ о свободѣ, тотъ, о которомъ историки-панегиристы обыкновенно предпочитаютъ молчать. „Стѣсненіе свободы" бываетъ всякое. Обуздать анархію было нужно: не лишнимъ было унять якобинцевъ, ставшихъ обыкновенными клубными крикунами, давно потерявшихъ связь съ соціальной почвой; наложить узду на роялистовъ, которые, пользуясь безсиліемъ власти, вносили дезорганизацію въ общественную жизнь, было необходимо. Но развѣ только въ этомъ были стѣсненія свободы при консульствѣ и особенно при имперіи? Свобода французскаго народа, плохо ли, хорошо ли, охранялась конституціей. Наполеонъ никогда не считался съ этой конституціей, когда она ему мѣшала. Нужны были ему налоги внѣ рамокъ, разрѣшаемыхъ конституціей,—онъ ихъ взималъ. Боялся онъ, что война не будетъ одобрена парламентомъ,—онъ его не спрашивалъ о войнѣ. Мѣшали ему вообще палаты,—онъ ихъ отсрочивалъ. Гласность становилась для него стѣснительной,—онъ дѣлалъ знакъ Фуше, и тотъ обращался съ гласностью, какъ съ герцогомъ Энгьенскимъ. Въ актѣ сената, низлагающемъ Наполеона, имѣется на этотъ счетъ такой пунктъ: „Принимая во вниманіе, что свобода печати, установленная и освященная въ качествѣ одного изъ неотъемлемыхъ правъ народа, постоянно была подчинена произвольной цензурѣ его полиціи; что въ то же время онъ постоянно пользовался печатью, чтобы наполнять Францію и Европу искаженными фактами, ложными принципами, доктринами, благопріятными деспотизму, оскорбле-

ніями иностранныхъ правительствъ; что акты и доклады, слушавшіеся сенатомъ, подвергались при опубликованіи измѣненіямъ"... Тутъ уже не объ анархіи дѣло идетъ, а о вещахъ совсѣмъ иного порядка. И Наполеонъ, конечно, очень хорошо это понималъ и на Св. Еленѣ. Ибо иначе ему и незачѣмъ было бы отводить взоры современниковъ и потомства отъ кровавыхъ слѣдовъ деспотизма, отъ застѣнковъ Фуше и Савари, отъ келейныхъ судовъ, отъ лабораторій насилія, и прикрывать незажившія еще раны на тѣлѣ свободной Франціи заявленіями, что онъ уже совсѣмъ собирался стать конституціоннымъ правителемъ и ждалъ только „успокоенія". Развѣ не поучительны эти завѣдомо лживыя увѣренія, которымъ авторы ихъ, будь то великій Наполеонъ или пигмеи деспотизма, вѣрятъ меньше, чѣмъ кто бы то ни было? И мы отлично знаемъ, какъ Наполеонъ ждалъ успокоенія. Передъ походомъ въ Россію весною 1812 г. онъ бесѣдовалъ въ Дрезденѣ съ Меттернихомъ[1]), и вотъ какія мысли сообщалъ ему о наилучшей формѣ правленія для Франціи. „Франція меньше приспособлена для формъ представительства, чѣмъ многія другія страны. Въ Трибунатѣ только и занимались, что революціей; поэтому я навелъ порядокъ: я распустилъ его. Я надѣлъ намордникъ (un baillon) на Законодательный корпусъ. Заставьте замолчать собраніе, которое, чтобы играть какую-нибудь роль, должно заниматься обсужденіемъ дѣлъ, и вы его дискредитируете. Мнѣ только и остается, что положить въ карманъ ключъ отъ залы засѣданій, и съ Законодательнымъ корпусомъ будетъ кончено. Никто не вспомнитъ о немъ, потому что о немъ уже забыли при его существованіи. Но я все-таки не хочу абсолютной власти. Я дамъ новую организацію сенату и государственному совѣту. Первый замѣнитъ верхнюю палату, второй — палату депутатовъ. Сенаторовъ попрежнему я буду назначать всѣхъ. Треть членовъ государственнаго совѣта будетъ выбираться трехстепенными выборами, двѣ трети будутъ назначаться мною. Это будетъ настоящее представительство, потому что оно все будетъ состоять изъ людей опытныхъ. Не будетъ ни болтуновъ, ни идеологовъ, ни поддѣльной мишуры. Тогда Франція станетъ страною, которая управляется хорошо даже при лѣнивомъ госу-

---

1) Metternich, Mémoires, t. I, 120.

дарѣ; а такіе у нея будутъ; для этого достаточно одного способа ихъ воспитанія". Если Наполеонъ говорилъ О'Мэра о такомъ „конституціонномъ правленіи", то, пожалуй, Франція потеряла мало, промѣнявъ наполеоновскихъ пчелъ на бурбонскія лиліи. Что касается ссылки на то, будто во Франціи было больше равенства, чѣмъ гдѣ бы то ни было, то она, можетъ-быть, и справедлива, но при Наполеонѣ это равенство потеряло всякій смыслъ, ибо стало равенствомъ порабощенія. Самъ Беранже, бардъ Имперіи, долженъ былъ признать это. Онъ говорилъ: „Мое полное энтузіазма, постоянное преклоненіе передъ геніемъ императора, мое идолопоклонство никогда не ослѣпляли меня насчетъ все возраставшаго деспотизма имперіи". Должно же быть какое-нибудь объясненіе всему этому.

VI.

Причины, конечно, были, и ихъ нужно искать въ душевной организаціи Наполеона. Шатобріанъ[1]) въ двухъ словахъ даетъ ключъ къ объясненію непонятныхъ на первый взглядъ дѣйствій Наполеона. „Чудовищная гордыня и безпрестанная аффектація,—говоритъ онъ,—портили характеръ Наполеона". И это глубокая правда. Чтобы тѣшить эту непомѣрную гордыню, онъ наступаетъ своимъ тяжелымъ сапогомъ, который тоже несетъ въ себѣ частицу отъ революціи, на шею легитимнѣйшихъ монарховъ Европы. Онъ срываетъ съ ихъ головъ короны и бросаетъ своимъ маршаламъ въ награду за удачную кавалерійскую атаку, за хорошо выполненную диспозицію. Онъ заставляетъ королей дожидаться у себя въ пріемной, толпиться у подножія своего трона, цѣловать свою шпору; обращается съ ними грубѣе, чѣмъ со своими гренадерами. Ему сладко сознавать, что король прусскій и императоръ австрійскій дрожатъ передъ нимъ, боятся, чтобы онъ не отнялъ остатки ихъ владѣній, не выбросилъ ихъ самихъ за окно, какъ самаго обыкновеннаго неаполитанскаго Бурбона. Онъ чувствуетъ, что его дерзаніямъ въ Европѣ нѣтъ предѣловъ: онъ разстрѣливаетъ французскаго принца безъ всякаго повода, безъ всякой необходимости, только

[1]) Mém. d'outre tombe. IV, 54.

для того, чтобы показать, что это ему ничего не стоитъ, что онъ безнаказанно можетъ совершить самое вопіющее преступленіе. Онъ дѣлаетъ главу католическаго міра чѣмъ-то въ родѣ своего капелана. Онъ требуетъ въ жены австрійскую эрцгерцогиню, и ему не смѣютъ отказать; будь онъ настойчивѣе, онъ получилъ бы руку русской великой княжны. Онъ даритъ сестрамъ по герцогству на булавки, бездарныхъ братьевъ сажаетъ на королевскіе троны. Словомъ, разыгрываетъ изъ себя Провидѣніе на всѣ лады. И сокрушается, что не можетъ заставить народы понастоящему почитать себя, какъ Бога. „Я явился слишкомъ поздно,—жалуется онъ адмиралу Декре.—Нельзя свершить ничего великаго. Согласенъ: карьера моя хороша. Я прошелъ прекрасный путь. Но какое различіе съ древностью! Вспомните Александра: когда онъ завоевалъ Азію и объявилъ себя сыномъ Юпитера, вѣдь за исключеніемъ Олимпіады, которая знала, какъ къ этому относиться, да еще Аристотеля и нѣсколькихъ аѳинскихъ педантовъ, ему повѣрилъ весь Востокъ! Ну, а если бы мнѣ пришло въ голову объявить себя сыномъ Предвѣчнаго и воздать ему преклоненіе въ качествѣ таковаго? Вѣдь послѣдняя торговка расхохочется мнѣ въ глаза. Нѣтъ! Народы теперь слишкомъ просвѣщены! Ничего не сдѣлаешь!“ Гордынѣ и аффектаціи некуда было итти дальше, и онѣ дѣйствительно отравляли все, что было благороднаго въ Наполеонѣ. Альберъ Сорель, набросавъ его характеристику въ расцвѣтѣ его силъ, въ 1795 г., прибавляетъ: „Ни сердечныя волненія, ни угрызенія совѣсти не стѣсняютъ въ немъ государственной точки зрѣнія, единственной руководительницы его дѣйствій. Однѣ страсти, доведенныя до экстаза, затемнятъ ее со временемъ. Эгоизмъ, равный генію, такого же размаха и такой же необъятности, ненасытное опьяненіе боевымъ хмелемъ, потребность поглотить все, чтобы надъ всѣмъ господствовать, колоссальное „я“ — неудержимое, деспотичное, безпощадное,— не пронизываютъ его и не владѣютъ имъ еще“. Все это явилось очень скоро: вмѣстѣ съ императорской мантіей и титуломъ „величество“, послѣ Аустерлица и Тильзита. Быть-можетъ, самымъ существеннымъ выводомъ такого настроенія было то, что Наполеонъ, выкормокъ революціи, отлично понимавшій ея соціальный смыслъ, самъ поднятый волною національнаго подъема, порою совершенно исключалъ народъ изъ своихъ полити-

ческихъ расчетовъ. Онъ былъ такъ увѣренъ, что время народныхъ движеній прошло, разъ онъ сталъ во главѣ Франціи, что совершенно забылъ о существованіи народа въ другихъ странахъ. И еще на Св. Еленѣ онъ называетъ народъ не иначе, какъ canaille; и хотя Ласказъ тщательно отмѣчаетъ, что это только способъ выраженія, а не взглядъ, но это характерно. И еще больше характерно то, что онъ такъ до конца и не понялъ вполнѣ, что его блистательная карьера потерпѣла крушеніе именно благодаря этой canaille, которую его деспотизмъ и его гордыня сдѣлали гражданами, по крайней мѣрѣ, на время: въ Испаніи, въ Пруссіи, въ Тиролѣ. Когда монархи выводили арміи стараго порядка противъ его маршаловъ и его солдатъ, онъ ихъ билъ одну за другой. Когда же онъ началъ вторгаться въ сердце непріятельской страны и попирать самыя дорогія чувства народовъ, народы возстали, арміи стали вооруженными народами, какъ во Франціи при Конвентѣ и Директоріи. И противъ этой могучей національной волны не устоялъ Наполеонъ, потому что въ его арміи уже не было прежняго національнаго духа. Онъ полагался только на свой геній, а геній не устоялъ передъ „дланью народной Немезиды“.

Добившись власти, онъ весь свой геній положилъ на то, чтобы караулить ее. Не беречь, не охранять, а именно караулить: чтобы ее не отняли у него такъ же внезапно и неожиданно, какъ онъ самъ отнялъ ее у республики. Геній вянетъ, когда изъ него дѣлаютъ такое употребленіе. И разумѣется изъ души его очень быстро улетучились лучшія человѣческія чувства. Они плохо уживаются подъ порфирою, особенно подъ такою, которая непрочно держится на спинѣ ея обладателя. Бурьенъ разсказываетъ: „Однимъ изъ самыхъ большихъ несчастій Бонапарта было то, что онъ не вѣрилъ въ дружбу, не испытывалъ потребности любить. Сколько разъ говорилъ онъ мнѣ: „Дружба — это звукъ пустой; я никого не люблю, даже моихъ братьевъ. И я знаю, что у меня нѣтъ настоящихъ друзей. Пока я — то, что я теперь, друзей по виду у меня будетъ сколько угодно“. При такомъ взглядѣ трудно уважать людей. Наполеонъ презиралъ ихъ. Тотъ же Бурьенъ записалъ его изреченіе: „Два рычага двигаютъ людьми: страхъ и выгоды“. Поэтому онъ осыпалъ золотомъ тѣхъ, кто былъ ему нуженъ, особенно своихъ маршаловъ, и не жалѣлъ бичей и

скорпіоновъ, если считалъ кого-нибудь опаснымъ. И мы знаемъ, къ чему это приводило. Купавшійся въ богатствѣ и почестяхъ Бертье, сдѣланный королемъ Мюратъ, осыпанные всѣми благодѣяніями Мармонъ, Ожеро, Макдональдъ, Викторъ все-таки измѣнили ему. А какъ они были ему нужны! Сколько разъ на Св. Еленѣ онъ говорилъ: „Будь у меня при Ватерлоо начальникомъ штаба Бертье, я не проигралъ бы сраженія!". „Будь у меня при Ватерлоо Мюратъ, чтобы вести кавалерію, я не былъ бы побѣжденъ!" Что же побуждало этихъ людей быть неблагодарными? То, что они уже не любили его. То, что онъ считалъ себя въ правѣ, облагодѣтельствовавъ ихъ всячески, быть съ ними грубымъ и рѣзкимъ, третировать ихъ, своихъ братьевъ по оружію, своихъ товарищей, со многими изъ которыхъ онъ былъ прежде на „ты", какъ прислугу. Онъ умѣлъ оскорблять ихъ какъ-то особенно больно, задѣвая самыя чувствительныя струны. Когда Даву совѣтовалъ ему подъ Бородинымъ обойти русскую армію, онъ грубо оборвалъ его: „Вѣчно вы со своими обходами! Ничего другого не умѣете посовѣтовать!" А обстоятельства показали, что герой Ауэрштедта подсказывалъ ему правильный путь. Сультъ подъ Ватерлоо предостерегалъ его, говоря, что Велингтонъ — нешуточный противникъ. „Ну, конечно, — перебилъ его Наполеонъ. — Онъ побилъ васъ раза два, вотъ вы и боитесь его!" Съ Ланномъ онъ устроилъ самую настоящую гадость: подбилъ его на растрату, обѣщавъ, въ качествѣ перваго консула, дать ордеръ на нужную сумму. И обманулъ: ему нужно было добиться, чтобъ Ланнъ перестали говорить ему „ты". А чего только не терпѣлъ бѣдный Дюрокъ! Это все друзья, люди, безъ которыхъ онъ не могъ обходиться. Съ обыкновенными смертными, мужчинами, женщинами, даже дѣтьми, онъ совсѣмъ не стѣснялся. Дѣтей онъ ласкалъ тѣмъ, что размазывалъ имъ во время обѣда соусъ отъ кушаній по личикамъ. Онъ могъ публично говорить дамамъ: „А мнѣ разсказывали, что вы хорошенькая"! Или: „А я знаю, что у васъ, сударыня, романъ съ такимъ-то". Тутъ „гордыня" соединялась съ отсутствіемъ воспитанія и природной, истинно-корсиканской грубостью.

Когда же сюда примѣшивались эгоистическія опасенія за собственную судьбу или хотя бы только за свою славу перваго полководца, получались факты нѣсколько иного характера.

Ревнивая подозрительность Наполеона отняла у Франціи шпагу Моро, побудила его въ 1812 г. бросить дома Массену, геніальнѣйшаго изъ маршаловъ имперіи. И Моро въ 1813 году училъ союзниковъ, какъ бить непобѣдимаго, а Массена командовалъ гдѣ-то жалкимъ гарнизономъ вмѣсто того, чтобы вести войска къ побѣдамъ, какъ при Риволи, при Цюрихѣ, при Ваграмѣ [1]). И даже, когда уже все было кончено для него, на Св. Еленѣ, Наполеонъ старается умалить таланты своихъ маршаловъ, представить ихъ посредственностями, слава которыхъ тонула бы безъ остатка въ лучахъ его собственной славы. А параллельно съ этимъ растетъ увѣренность, что самъ онъ можетъ все, что самому ему во всемъ будетъ удача. Бодрая, жизнерадостная вѣра въ свою звѣзду, которая водила имъ въ дни молодости, стала постепенно смѣняться тупымъ, фаталистическимъ упованіемъ на судьбу, достойнымъ мусульманскаго дервиша, а не владыки полуміра. Онъ былъ убѣжденъ, что онъ во всемъ мірѣ стоитъ особнякомъ, со своими правами на благосклонность судьбы, и считалъ, что ему сойдетъ счастливо все: оскорбленіе маленькаго человѣка и континентальная блокада, измѣна женѣ и экспедиція въ Россію [2]).

Такъ „гордыня“ и „эгоизмъ, равный генію“, гасили силы духа слѣпили взоръ, порождали мизантропію и пессимизмъ, порождали политику подозрительности и недовѣрія. Эта политика, конечно, никогда не достигала тѣхъ цѣлей, какихъ хотѣлъ Наполеонъ. Она только умаляла его фигуру, накладывала на нее какую-то мрачную, зловѣщую тѣнь и, въ концѣ-концовъ, не уберегла его отъ Св. Елены.

VII.

Наполеонъ, разумѣется, не всегда былъ одинъ и тотъ же, какъ правитель. Въ первые годы, въ эпоху консульства, когда

---

[1]) На Св. Еленѣ Наполеонъ оправдывается тѣмъ, что Массена былъ боленъ и ослабѣлъ. Какъ будто при Ваграмѣ, раненый, не выходившій изъ коляски, герой не спасалъ безнадежнаго положенія

[2]) Только потомъ, на Св. Еленѣ, окидывая уже болѣе спокойнымъ взоромъ то, что произошло, онъ сталъ съ удивленіемъ убѣждаться, что судьба далеко не всегда слѣпо ему покровительствовала, что, наоборотъ, въ послѣдніе годы, въ Россіи, въ 1813 году, въ Ватерлооскую кампанію она была рѣшительно противъ него.

онъ пробивается, когда онъ укрѣпляетъ свое положеніе,— онъ обнаруживаетъ больше интереса къ государственнымъ дѣламъ, большее пониманіе государственной и національной пользы или, говоря точнѣе, интересовъ тѣхъ классовъ, которые олицетворяли для него націю и государство. Въ десять лѣтъ имперіи, когда онъ укрѣпился и когда ему нужно оберегать и упрочивать свое положеніе, династическая точка зрѣнія все больше и больше заслоняетъ государственную, пока не поглощаетъ ее совсѣмъ. Душевный переворотъ начинается послѣ того, какъ ему столь цинично измѣнила Жозефина,— женщина, которую онъ, дѣйствительно, любилъ; послѣ того, какъ въ брюмерскіе дни онъ видѣлъ вокругъ себя такую вакханалію безпринципности и готовность продать идеалы за чечевичную похлебку; послѣ того, какъ онъ убѣдился, что моральный подъемъ медовыхъ дней революціи смѣнился въ обществѣ какой-то болѣзненной готовностью согнуть выю подъ ярмо „сильной власти". Если бы судьба не отрѣзала нить его возрастающаго могущества, если бы Наполеонъ остался на престолѣ еще нѣсколько лѣтъ, тиранства второй имперіи, быть-можетъ, были бы изобрѣтены значительно раньше. Эту постепенную эволюцію нужно все-таки помнить. Наполеонъ-консулъ не то, что Наполеонъ-императоръ. Если-бы Наполеонъ палъ подъ Арколе или Пирамидами, когда на челѣ его горѣла слава Италіи и Египта, образъ его остался бы на скрижаляхъ исторіи чистый и прекрасный, какъ образъ Гоша, Марсо, Дезе. Но между Пирамидами и Св. Еленой протекло пятнадцать лѣтъ. Въ исторію прошелъ не тотъ чудесный юноша съ картины Гро, стройный, съ блѣднымъ лицомъ и горящими глазами, который со знаменемъ въ рукахъ, весь—порывъ, весь—вѣра въ побѣду, стремится на врага, а другой: тучный, съ тяжелыми вѣками, съ усталымъ взоромъ исподлобья и нездоровой желтизной одутлаго лица, съ безсильно повисшими руками, такой утомленный, что ему трудно подняться съ кресла,—Наполеонъ Делароша. Бонапартъ эпохи Лоди и Риволи думалъ о Франціи, обнажая шпагу. Наполеонъ Ваграма и Смоленска, Лейпцига и Монмираля думаетъ только о себѣ. Въ душѣ его распустился махровый цвѣтокъ эгоизма и задавилъ собою все: и любовь къ Франціи, и „государственную точку зрѣнія", и чутье соціальныхъ интересовъ, которымъ нужно служить. Оттого онъ никогда, ни

въ чемъ: ни въ войнахъ, ни въ законодательствѣ, ни въ управленіи, не можетъ остановиться тамъ, гдѣ этого требуютъ интересы Франціи и „государственной точки зрѣнія". Онъ идетъ дальше, ибо это нужно, или кажется, что нужно, въ его личныхъ интересахъ, — интересахъ Наполеона Бонапарта и его дома.

Можно сколько угодно рыться въ мемуарахъ, выкапывать оттуда по крупинкѣ мелкіе факты, нанизывать ихъ на нить собственнаго увлеченія и пробовать создать помощью такой операціи апологію нравственнаго образа Наполеона, т.-е. дѣлать то, чѣмъ занимаются Масонъ, Леви и другіе біографы-панегиристы. Изъ этого ничего не выйдетъ. Потому что, когда дѣло идетъ о такомъ человѣкѣ, какъ Наполеонъ, слишкомъ мало убѣдить людей, что онъ обладалъ цѣлымъ рядомъ мелкихъ буржуазныхъ добродѣтелей, что онъ любилъ мать, жену, сестеръ, не всегда былъ неблагодаренъ и проч. Это годится для какого-нибудь Луи-Филиппа. Защищая Наполеона, мы должны доказать одно: что его геній служилъ только „Франціи милой", только ея процвѣтанію, только ея могуществу, а не собственному его честолюбію; что въ немъ, какъ въ Гошѣ, въ Дезе, въ Гарибальди, воинъ неотдѣлимъ отъ патріота, что онъ *безкорыстенъ*. Именно эти положенія недоказуемы.

Тогда—этотъ вопросъ задается обыкновенно панегиристами—чѣмъ объяснить, что до сихъ поръ во Франціи существуетъ цѣлый культъ Наполеона, складываются наполеоновскія легенды, появляются драмы, романы и поэмы о Наполеонѣ, пишутся картины... Вѣдь если Наполеонъ душилъ Францію своимъ деспотизмомъ и ежегодно бросалъ на жертвенникъ своего честолюбія сотни тысячъ ея сыновъ, она должна была бы ненавидѣть его въ тысячу разъ больше, чѣмъ его преемниковъ. А она его обожаетъ. Значитъ, онъ искупилъ свои преступленія?

Тутъ передъ нами общественно-психологическая загадка. Приходится сказать: да, онъ искупилъ. Но необходимо прибавить: преступленія, которыя искупаются, не перестаютъ быть преступленіями. Чѣмъ же онъ искупилъ ихъ?

Прежде всего той славой, которой онъ окуталъ Францію, какъ сверкающимъ золотымъ облакомъ. Наполеоновская легенда начала складываться при реставраціи, т.-е. въ эпоху, когда страна испила до конца горечь униженія. Вторая импе-

рія, когда именемъ Наполеона творились послѣднія гнусности, когда наполеоновская треуголка очутилась на головѣ проходимца,—явилось нѣкоторое отрезвленіе. Но съ тѣмъ большею силою расцвѣла легенда при третьей республикѣ, послѣ новаго удара, отбросившаго восточную границу еще дальше отъ Рейна. Франція, баловень славы въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, не выходила изъ полосы безславія. Что удивительнаго, если ее потянуло къ тѣмъ временамъ, когда именемъ ея были полны оба полушарія, когда ея орлы летали изъ Мадрида въ Москву и въ Гамбургъ изъ Каира? Что удивительнаго, если страна, склонившись передъ Вандомской колонной, простирая руки къ бронзовой фигурѣ императора, кричала ему въ экстазѣ: „Возьми нашу свободу, верни намъ славу!“

И потомъ, когда люди, подъ вліяніемъ воскресшихъ восторговъ, начинали осматриваться кругомъ и подводить итоги тому, что осталось у Франціи отъ Наполеона, они съ удивленіемъ и съ радостью видѣли, что Франція живетъ еще твореніями императора. Видитъ это и наука. Административныя учрежденія имперіи, въ которыхъ духъ революціи пропиталъ насквозь и обновилъ организацію стараго порядка, въ которыхъ сохранилось все цѣнное изъ прежняго, а новое, внесенное революціей, дало гарантію прочности—были дѣломъ Наполеона. Они до сихъ поръ въ общемъ сохранились въ государственномъ обиходѣ страны. Конечно, и въ управленіи, и въ полиціи, и въ школѣ многое преобразовано, но духъ Наполеона еще живетъ въ нихъ. Нечего говорить, что одного Гражданскаго Кодекса, Code Napoléon, было бы достаточно, чтобы составить славу для законодателя. Потомъ финансы. Наполеонъ засталъ финансовое управленіе въ такомъ состояніи, что правительство посылало занять денегъ въ кассу оперы, чтобъ послать курьера въ армію. Наполеонъ при помощи Герена все привелъ въ порядокъ. Ни разу при немъ, несмотря на огромные военные расходы, не было заключено ни одного займа, никогда бюджетъ не сводился съ дефицитомъ вплоть до послѣдняго, на 1813 г., который былъ исполненъ безъ внѣшней помѣхи. И когда англійскій фрегатъ Northumberland везъ императора на Св. Елену, Франція, изнуренная столькими передрягами, была все-таки самой богатой страною міра. Новый общественный строй, новое распредѣленіе собственности, созданное револю-

ціей, онъ укрѣпилъ такъ, что Бурбоны, при всей ярости эмигрантовъ, были не въ состояніи предпринять соціальную реставрацію. Милліардъ, который правительство выколотило изъ народа и роздало дворянамъ, ярче, чѣмъ что-нибудь, свидѣтельствуетъ о безсильной злобѣ людей стараго режима. И никто иной, какъ Наполеонъ, воздвигъ вокругъ новаго соціальнаго порядка ту желѣзную рѣшетку, о которую поломали себѣ зубы Людовикъ XVIII, графъ Артуа, Полиньяки, Виллели и какъ они еще тамъ называются.

А если бросить взглядъ на Европу? И тамъ слѣды дѣятельности Наполеона. Италія, объединенная, впервые узнавшая, что можно отдѣлываться и отъ папы и отъ чужеземцевъ, мѣшающихъ ей слиться воедино. Германія, сомкнувшаяся, освободившаяся отъ безконечно малыхъ имперскихъ территорій, камнемъ висѣвшихъ на объединительныхъ стремленіяхъ ея буржуазіи. Пруссія, развязавшаяся съ самыми тяжелыми сторонами феодализма. Юго-славянскія племена, потянувшіяся одно къ другому подъ знаменемъ иллиризма. Польша, для которой блеснулъ такъ скоро потухшій лучъ свободы. Испанія, сбросившая съ себя ярмо инквизиціи и нашедшая путь къ конституціонному порядку. Южно-американскія республики, стряхнувшія ненавистное испанское иго. Наконецъ введеніе Гражданскаго Кодекса, разрушеніе феодальныхъ цѣпей повсюду, гдѣ было можно; произведенный континентальной блокадой промышленный подъемъ. Все это—хорошіе титулы на славу и на признательность.

Due secolí,
L'un contro l'altro armato
Sommessi a lui si volsero,
E fè silenzio ed arbitro
S'assise in mezzo a lor [1]).

(*Манцони*).

Разумѣется, ни во Франціи, ни въ Европѣ Наполеонъ не могъ сдѣлать больше того, что подсказывалось духомъ времени, что намѣчалось соціальнымъ развитіемъ, что прокладывалось революціей. Его дѣятельность пошла на пользу буржуа-

[1]) Два вѣка, стоя въ полномъ вооруженіи одинъ противъ другого, обратились къ нему. Воцарилось молчаніе, и онъ судьею сѣлъ между ними.

зіи, тому классу, героемъ котораго онъ былъ. Какъ сынъ революціи, онъ разрушалъ всюду феодальный укладъ и расчищалъ дорогу для побѣднаго шествія третьяго сословія. И если европейская буржуазія культивируетъ наполеоновскую легенду всюду, безъ различія національностей, она воздаетъ этимъ безсознательную дань признательности человѣку, такъ много сдѣлавшему для нея. Этимъ отчасти и объясняется, что такъ легко забыто все остальное. Но есть и еще одна причина.

Если люди охотно прощаютъ все зло, которое Наполеонъ-императоръ сдѣлалъ Франціи, то это потому еще, что въ катастрофѣ, къ которой онъ привелъ страну, одинъ изъ самыхъ тяжкихъ ударовъ достался ему самому. У него была своя Голгоѳа—Св. Елена; у него были свои Іуды безъ числа, начиная отъ Талейрана и Бернадота и кончая Мармономъ и Ожеро; у него былъ свой палачъ, лютый и свирѣпый, какъ сорокъ тысячъ палачей испанской инквизиціи: Гудсонъ Лоу. Когда трагическая эпопея послѣднихъ шести лѣтъ жизни Наполеона дошла до Франціи въ простыхъ, безыскусственныхъ повѣствованіяхъ Ласказа, О' Мэры и генераловъ, взрывъ негодованія, состраданія, самой простой, по человѣчеству, жалости былъ таковъ, что послѣ него не осталось никакихъ укоровъ, разсыпались всѣ обвиненія, смолкла сама справедливость.

Поэты, глашатаи народныхъ чувствъ, принесли ему отпущеніе. Пушкинъ сказалъ:

Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила
И лучъ безсмертія горитъ...

Гюго повторилъ:

Les peuples alors, de l'un à l'autre pôle,
Oubliant le tyran, s'éprirent du héros...

Притомъ, не просто героемъ, а героемъ, котораго замучили и заплевали пигмеи. Ему Европа была мала для размаха, а онъ былъ брошенъ на крошечную скалу, заблудившуюся въ океанѣ, да и на ней еще ему начертили предѣлы движенія; когда онъ подходилъ къ этимъ предѣламъ, онъ видѣлъ передъ собою вызывающую улыбку англійскаго часового, и не было съ нимъ Дюрока и взвода старой гвардіи, чтобы разогнать мелькавшіе всюду назойливые красные мундиры. Онъ потря-

салъ міромъ, игралъ судьбами народовъ, изъ королевскихъ троновъ дѣлалъ какія-то бирюльки, и это утоляло порою его титаническую энергію. Теперь ему предупредительно предлагали для наполненія досуговъ заняться мемуарами и садоводствомъ. Онъ любилъ считать свои дивизіи, колеса той живой колесницы, на которой онъ въѣзжалъ тріумфаторомъ въ столицы Европы; здѣсь онъ считалъ бѣлыхъ чаекъ, рѣявшихъ надъ океаномъ. Онъ, кому императоръ Австріи не посмѣлъ отказать въ рукѣ своей дочери, терпѣлъ недостатокъ во всемъ и перелицовывалъ свой старый зеленый мундиръ. Его, великана, на смерть пронзеннаго мечомъ, безпрестанно донимали мелкими булавочными уколами. „Мнѣ нужно было умереть подъ Ватерлоо", жаловался онъ близкимъ. „Вы думаете, что англійское правительство рѣшило держать меня здѣсь до смерти?"—тревожно спрашивалъ онъ у одного англичанина, навѣстившаго его. — „Боюсь, что да".—„Тогда я умру скоро". И было грустное спокойствіе въ отвѣтѣ... Онъ ходилъ въ своей гранитной клѣткѣ, живой только воспоминаніями, и „пролетавшіе орлы его не узнавали". Смерть приближалась...

Un jour enfin il mit sur son lit son épée,
Et se coucha près d'elle et dit: c'est aujourd'hui.
On jeta le manteau de Marengo sur lui.

(*Гюго*).

Св. Елена для славы Наполеона была какъ чистилище. Все тяжелое, мрачное, вѣроломное, все неискреннее и неправое было сброшено тамъ, прилипло къ Гудсону Лоу, какъ замогильное проклятіе императора. При Наполеонѣ остался одинъ его геній, одно величіе.

Это—для общества, главнымъ образомъ, буржуазнаго. Наука, которая не увлекается и не поддается опьяненію, твердо помнитъ факты. Наука не можетъ забыть гнусностей Фуше, виртуозностей деспотизма, „намордниковъ" всякаго рода, постоянныхъ нарушеній закона, застрѣленнаго герцога Энгьенскаго, изгнаннаго Моро, отодвинутаго Массену, ненужныхъ войнъ и тысячей тысячъ загубленныхъ жизней. Наука отмѣчаетъ, какъ важнѣйшій выводъ исторіи Наполеона, что даже онъ, „мужъ рока", который осаждалъ своими фантазіями Провидѣніе и изъ своихъ капризовъ дѣлалъ законы для человѣ-

чества,—даже онъ, при всемъ своемъ колоссальномъ геніи, потерпѣлъ крушеніе только потому, что свои личные интересы поставилъ выше интересовъ страны, довѣрившей ему свою судьбу. Ибо власть подточила геній. Наука признаетъ то, въ чемъ онъ былъ великъ. Но она должна сказать, что тронъ этого человѣка съ желѣзной поступью, выкованный на пороховомъ огнѣ, былъ сложенъ изъ человѣческихъ костей, и что среди этой груды были не только кости погибшихъ на войнѣ...

Королева Луиза и Александръ I.

I.

Въ самый разгаръ войны Пруссіи съ французской революціей, зимою 1793 года, король Фридрихъ Вильгельмъ II пріѣхалъ со всѣмъ дворомъ въ имперскій городъ Франкфуртъ-на-Майнѣ, чтобъ быть ближе къ театру военныхъ дѣйствій. Ему очень хотѣлось отнять у французовъ завоеванный ими Майнцъ. А такъ какъ король не любилъ очень утруждать себя заботами, то совѣщанія его съ генералами безпрестанно смѣнялись увеселеніями. На одномъ изъ баловъ, данныхъ королемъ прусскимъ во Франкфуртѣ, появился впервые герцогъ Мекленбургъ-Стрелицкій съ двумя дочерьми Луизой и Фридерикой. Обѣ были красавицы и сразу плѣнили сыновей короля: Луиза кронпринца Фридриха-Вильгельма, Фридерика — принца Людвига. Въ апрѣлѣ 1793 года отпраздновали обрученіе двухъ молодыхъ паръ, а въ сочельникъ, уже въ Берлинѣ, — свадьбу. Веселый король обрадовался случаю, и берлинцы долго не выходили изъ полосы торжествъ.

Для кронпринцессы пришла критическая пора. Дворъ Фридриха-Вильгельма II былъ однимъ изъ самыхъ сомнительныхъ мѣстъ въ Европѣ. Откровенный цинизмъ королевскихъ похожденій не вызывалъ никакихъ протестовъ, а, наоборотъ, увлекалъ за собою придворную клику и аристократію. Берлинцы великолѣпно знали, кто отецъ дѣтей той или другой принцессы, сколько метрессъ у каждаго изъ принцевъ королевскаго дома. Гофмейстеры и гофмейстрины выбивались изъ силъ, чтобы сохранить хотя бы внѣшнія приличія, а въ казнѣ не хватало денегъ, чтобы оплачивать всѣ празднества и обезпечивать побочныхъ дѣтей высокихъ и высочайшихъ особъ.

Высшее общество и офицерство очень старались не отставать отъ двора. Въ современныхъ мемуарахъ то и дѣло упоминаются скандальныя исторіи, герои и героини которыхъ — люди, носящіе самыя громкія фамиліи Пруссіи. То обнаруживается, что одна представительница берлинской аристократіи имѣетъ домъ свиданій, куда заманиваетъ дамъ и дѣвицъ хорошаго происхожденія, то открывается, что группа дамъ-аристократокъ въ складчину нанимаетъ загородный домъ, спеціально для устройства тамъ оргій и вакханалій. „Публичныя женщины—весталки по сравненію со многими знатными дамами, которыя задаютъ тонъ въ обществѣ", горько замѣчаетъ одинъ современникъ. Мужья ихъ тоже не лучше. Офицеры открыто торгуютъ женами и устраиваютъ мѣны ими на срокъ. Распущенность достигла предѣловъ [1]). Нѣтъ ничего удивительнаго, что, когда вся эта гниль была сметена штыками наполеоновскихъ солдатъ, бюргерство не обнаружило никакого огорченія.

Въ моментъ появленія въ Берлинѣ Луизы до французской чистки было еще далеко. Приходилось принимать все, какъ было.

Какъ на грѣхъ, въ это опасное мѣсто молодая женщина принесла два опасныхъ качества: веселый характеръ и большую склонность къ кокетству. Она была привязана къ своему мужу. Но ей было всего семнадцать лѣтъ, а Фридрихъ-Вильгельмъ—съ его тяжелымъ умомъ, хмурый, некрасивый и грубочувственный—совсѣмъ не годился въ герои романа. Для Луизы, воспитанной при нищемъ дворѣ, была вновѣ берлинская пышность. Все ее безумно занимало. Кругомъ было такъ много интересныхъ вещей, какихъ она раньше не видѣла, интересныхъ людей, съ которыми ей было весело. Конечно, мужъ былъ влюбленъ въ нее, но его влюбленность была такая однообразная, онъ такъ явно хотѣлъ, чтобы для жены не существовало ничего, кромѣ него. Отъ этой эгоистической мѣщанской влюбленности въ Луизѣ рождались странныя настроенія. Протестовала молодость, протестовало законное, какъ лучъ солнца весной, веселье. И этотъ безсознательный душевный процессъ едва не привелъ къ катастрофѣ.

Самымъ блестящимъ кавалеромъ прусскаго двора былъ принцъ

---

[1]) Ed. Vehse, Gesch. des preussisch. Hofs und Adels. B. V, passim.

Луи-Фердинандъ, племянникъ Фридриха Великаго и кузенъ короля. Красивый, изящный, пылкій, одаренный какимъ-то хищнымъ инстинктомъ въ общеніи съ женщинами, онъ увлекался юной кронпринцессой и, повидимому, сумѣлъ затронуть въ ней такія струны, которыхъ не находили грубыя руки Фридриха-Вильгельма. Какъ далеко зашла взаимная симпатія, — этого не знаетъ никто, но наблюдательные люди [1]) видѣли многое такое, что дѣлало вѣроятными всякія предположенія. Луиза опредѣленно кокетничала съ принцемъ, и когда ея оберъ-гофмейстрина, графиня Фоссъ, дѣлала ей свои представленія по этому поводу, ее поднимали насмѣхъ, а простымъ придворнымъ дамамъ, рѣшавшимся указать принцессѣ на недопустимость ея поведенія, доставалось еще горше. Кронпринцъ, ревнивую душу котораго жестоко терзала эта исторія, прибѣгъ къ энергичной мѣрѣ. Онъ просто рѣшилъ вырвать жену изъ растлѣвающей берлинской среды. Сначала онъ увезъ ее въ Потсдамъ, потомъ въ Ораніенбургъ и, наконецъ, еще дальше, въ спеціально съ этой цѣлью купленное имѣніе Парецъ, на берегу Гавеля. Это, быть можетъ, спасло Луизу. По крайней мѣрѣ, сестра ея Фридерика, такая же красивая, такая же веселая и кокетливая, какъ и она, не выдержала. Рано лишившись мужа, она поддалась соблазнамъ окружающей ее среды, наскоро была выдана замужъ за принца Зольмсъ, съ нимъ почти не жила, и изъ дневника Генца мы знаемъ, чѣмъ стала она потомъ [2]).

Вдали отъ двора Луиза провела почти четыре года. Кронпринцъ могъ быть доволенъ. Теперь, кромѣ него, у нея ничего не было. Такихъ опасныхъ людей, какъ принцъ Луи-Фердинандъ, къ своему двору онъ не пускалъ. Луиза носила и рожала съ регулярностью, приводившей въ восторгъ стараго короля: по ребенку въ годъ. Кромѣ того, она много читала, сначала просто отъ скуки, потому что кронпринцъ, занятый своими смотрами и ученіями, днемъ почти не бывалъ съ нею, а

---

[1]) Камергеръ Венгерскій, цит. у Vehse, V, 294.

[2]) Генцъ безъ всякаго стѣсненія разсказываетъ о своей связи съ Фридерикой въ такомъ тонѣ, какъ говорятъ о связяхъ съ актрисой, не очень строгой въ выборѣ. „Noch heute, nach 16 Jahren, erhebt mein Gemüth, wenn ich an diese Herzogin denke; und das Wohlwollen, womit Sie meine aufrichtige Huldigung belohnte, rechne ich mir als eine der schönsten Dekorationen meines Lebens an“. Tagebücher, I, 220.

когда и бывалъ, не умѣлъ ее развлекать. Природа не надѣлила его общительностью. Наоборотъ, когда обществу бывало весело, его присутствіе быстро разгоняло всякое веселье. Поневолѣ вынужденная уходить въ себя, Луиза искала отвѣта на запросы души. И не сразу нашла ихъ она.

Душа у нея была воспріимчивая и богатая. Въ ней было много хорошихъ задатковъ, которые не находили лишь благопріятной почвы для развитія. На натуру, не столь одаренную, это долгое уединеніе, вѣроятно, подѣйствовало бы совсѣмъ не такъ, какъ на Луизу: она бы завяла внутренне, отдалась цѣликомъ семьѣ и тихому счастью въ уголкѣ, забыла бы о томъ, что есть высшіе запросы, на которые должна имѣть отвѣтъ и королева. У Луизы случилось обратное. Веселой, беззаботной хохотуньей, склонной къ флирту и радостно принимающей поклоненіе, уѣзжала она изъ Берлина. Когда она вернулась туда, чтобы украсить короной свою голову, то была другая женщина. Легкомысліе осталось гдѣ-то тамъ, въ лѣсахъ Ораніенбурга, въ степномъ привольѣ Пареца. Луиза не утратила своей веселости. Ея прекрасные синіе глаза сохранили всю свою жизнерадостную ясность. Но она стала серьезнѣе относиться къ своимъ чувствамъ, сознательнѣе стала смотрѣть на жизнь. Быть можетъ это сдѣлало большое горе, встрѣтившее ее у самаго порога и глубоко ее потрясшее: рожденіе мертваго первенца. Быть можетъ, сказалось вліяніе мужа, у котораго съ недюжинной ограниченностью уживались нѣкоторые твердые принципы: слѣпая готовность служить тому, что онъ считалъ своимъ долгомъ, и бережное, благоговѣйное почитаніе собственнаго сана. Въ этомъ онъ совсѣмъ не былъ похожъ на своего августѣйшаго родителя, который словно съ какимъ-то удовольствіемъ топталъ въ грязь гогенцоллернскую корону.

Конечно, Луиза не была вполнѣ сложившимся человѣкомъ при вступленіи на престолъ (ноябрь 1797 г.). Ей все-таки не было и двадцати двухъ лѣтъ. Ея умственная пища все-таки цѣликомъ сводилась къ писаніямъ Лафонтена, не французскаго, а нѣмецкаго, слащаваго, неистово-мѣщанскаго, нестерпимо піетистическаго романиста, который былъ въ то время властителемъ думъ въ Германіи. Понадобилось пять лѣтъ, пять спокойныхъ, безмятежныхъ лѣтъ на тронѣ Фридриха Великаго, среди новаго двора, откуда исчезъ дебошъ и гдѣ водворилась при-

стойность, лишь изрѣдка, по старой памяти, нарушаемая; понадобилось усиленное, серьезное чтеніе, понадобилось тѣсное умственное и душевное общеніе съ выдающимися людьми, — чтобы Луиза сложилась вполнѣ.

Основой характера этой сложившейся женщины была попрежнему слегка восторженная жизнерадостность. Залежи веселья въ ея душѣ казались неистощимыми. Его хватало на всѣхъ окружающихъ, оно струилось изъ ея глазъ, отъ всей ея фигуры, разливалось вокругъ и захватывало всѣхъ. Всѣ чувствовали себя въ ея присутствіи счастливыми. Даже холодныхъ дипломатовъ покоряла эта торжествующая, радостная красота. Веселье Луизы рождалось не отъ экстаза, потому что въ ея привязанности къ королю не было ничего восторженнаго: въ сердцѣ ея были уголки, куда не былъ вхожъ прозаичный супругъ, куда никто не былъ еще вхожъ. Жизнерадостность была просто натурой Луизы. Но начали вырабатываться и другія качества. Луиза, со всѣми таящимися еще въ ней возможностями бурныхъ вспышекъ и сумасбродныхъ метаній, сумѣла выковать въ своей груди крѣпкій, несокрушимый духъ и твердое мужество. Эта женщина, которая обожала балы, которая не пропускала ни одного thé dansant, которая за полчаса до родовъ могла веселиться на танцовальномъ вечерѣ, была все-таки королева съ головы до пять, гордо привѣтливая ко всѣмъ, умѣющая нести свое достоинство, готовая защищать свои идеалы.

Луиза выросла умственно за эти пять лѣтъ. Лафонтена ни одинъ живой человѣкъ не могъ выдержать долго. Луиза его выдерживала оттого, что онъ былъ любимцемъ Фридриха-Вильгельма. Ставъ королевой, она начала зачитываться Жанъ-Полемъ, углубилась въ Гердера, полюбила Клейста, Шиллера, Гете. У нея явились друзья, съ которыми она переписывалась.

Огромный тактъ помогалъ Луизѣ устраивать свою умственную жизнь на сторонѣ такъ, чтобы ея новые интересы не наносили ущерба требовательному супругу, не любившему, чтобы Луиза надолго его забывала. Онъ былъ все-таки постоянно рядомъ съ нею, однообразный, какъ солдатская форма, со своими ласками, со своими разговорами о дѣтяхъ и о парадахъ. Луиза продолжала оставаться нѣжной и любящей подругой короля, весело, безъ всякаго усилія, выносила навѣваемую имъ скуку,

съ прежней регулярностью, хотя въ нѣсколько болѣе замедленномъ темпѣ, носила и рожала принцевъ и принцессъ королевскаго дома, отдавала много любви и заботъ своему некрасивому—всѣ пошли въ отца—потомству. Фридрихъ-Вильгельмъ чувствовалъ себя совсѣмъ счастливымъ. Счастье Луизы не насыщало вполнѣ ея душу, жадно ожидавшую чего-то новаго, сильнаго, неизвѣданнаго.

Такъ наступилъ 1802 годъ.

II.

Прусскіе государственные люди считали, что Базельскій миръ 1795 года, положившій конецъ войнѣ съ французской республикою, вполнѣ обезпечиваетъ интересы страны, и они твердо выдерживали эту точку зрѣнія. Всѣ усилія болѣе упорной Австріи, всѣ соблазны со стороны Англіи разбивались о спокойную рѣшимость—не воевать. Прусскіе политики понимали, что Австрія, истощавшая себя безславной борьбою, подрывала свой авторитетъ въ Германіи, и ждали случая, чтобы воспользоваться плодами безхозяйнаго положенія, все больше и больше водворявшагося въ Священной Римской Имперіи.

Фридрихъ-Вильгельмъ III былъ совершенно солидаренъ съ этой точкой зрѣнія. Кронпринцемъ онъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ поляковъ, предшествовавшихъ третьему раздѣлу Польши (1795), и былъ увѣренъ, что Пруссія сумѣетъ вознаградить себя въ другомъ мѣстѣ за миролюбіе къ Франціи. Къ тому же король отнюдь не обладалъ воинственнымъ характеромъ, былъ очень доволенъ тѣмъ, что имѣлъ, и боялся рисковать. Поэтому, когда въ 1799 году противъ Франціи образовалась грозная коалиція изъ Австріи, Англіи, Россіи и Нидерландовъ, когда послы всѣхъ этихъ державъ въ Берлинѣ истощали всѣ усилія, чтобы привлечь къ коалиціи Пруссію, король оставался непреклоннымъ. Маренго и Гоэнлинденъ охладили пылъ Австріи; ея недобросовѣстность по отношенію къ русскимъ союзникамъ еще раньше побудила императора Павла выйти изъ коалиціи и сдѣлать шаги къ сближенію съ Франціей. Фридрихъ-Вильгельмъ могъ поздравлять себя. Его осторожность, которую прусская партія войны называла трусостью, принесла свои плоды. Пруссія служила посредницею между Франціей и

Россіей и готова была занять принадлежавшій Англіи Ганноверъ, который охотно уступали ей примирившіеся враги. Смерть Павла испортила дѣло. Александръ столковался съ Англіей, и Пруссія Ганновера не получила. Это обстоятельство, естественно, повернуло прусскую политику въ сторону благопріятную Франціи, тѣмъ болѣе, что первый консулъ сумѣлъ великолѣпно воспользоваться создавшимся положеніемъ, чтобы привлечь ее къ себѣ.

Люневильскій трактатъ предусматривалъ возможность широкихъ секуляризацій на всемъ почти протяженіи территоріи Священной Римской Имперіи. Бонапартъ хотѣлъ, осуществляя ихъ, достигнуть сразу двойной цѣли: расширить французскую территорію и увеличить территорію тѣхъ нѣмецкихъ государствъ, которыя были дружественны Франціи. И онъ сталъ отбирать владѣнія Вюртемберга, Бадена, Гессена, находившіяся на лѣвомъ берегу Рейна, щедро вознаграждая ихъ внутри Германіи. Первыя предложенія Пруссіи въ этомъ смыслѣ Франція сдѣлала уже въ концѣ 1801 года. 15 декабря прусскій посланникъ Луккезини имѣлъ опредѣленную бесѣду въ этомъ смыслѣ съ Талейраномъ [1]). Переговоры шли довольно долго. Лишь 2 марта 1802 г. прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ Гаугвицъ сообщилъ Луккезини, что король соглашается [2]), а черезъ три дня Луккезини получилъ письмо отъ шефа королевскаго кабинета Ломбарда, въ которомъ впервые былъ выдвинутъ тотъ вопросъ, который въ данномъ случаѣ насъ особенно интересуетъ. Ломбардъ выражалъ опасеніе, какъ бы эта операція не вызвала неудовольствія у Россіи, и предписывалъ посланнику изыскать въ Парижѣ способы избѣжанія конфликтовъ съ нею. То же Ломбардъ изустно сообщилъ французскому посланнику въ Берлинѣ Биньону, который 6 марта доносилъ Талейрану о бесѣдѣ [3]). И дѣйствительно, Талейрану въ Парижѣ пришлось особо договариваться съ русскимъ посланникомъ гр. Морковымъ, а пер-

---

1) Донесенье Луккезини въ „Preussen und Frankreich von 1795 bis 1807. Diplomat. Correspondenzen“ въ Publicationen aus d. K. Preuss. Staatsarchiven. XXIX. Изд. P. Bailleu; т. II, 61 и слѣд.

2) Письмо Гаугвица къ Луккезини. „Preus. und Frankreich“ II, 75.

3) Тамъ же, 77: „Le poids énorme de cette puissance dont une secousse irregulière peut faire le plus grand mal à ses voisins“.

вому консулу одновременно съ письмомъ къ прусскому королю понадобилось писать и русскому императору [1]).

Эта переписка вскрываетъ, какъ намъ кажется, въ достаточной мѣрѣ исторію Мемельскаго свиданія. Кому это свиданіе было нужно? Не Россіи и даже не Александру, а Пруссіи. Ближайшимъ образомъ нужно было для того, чтобы гладко провести вопросъ о присоединеніяхъ къ Пруссіи. Какъ осуществилось свиданіе? В. к. Николай Михайловичъ подчеркиваетъ внезапность его и то, что оно было „рѣшено безъ вѣдома и Кочубея, и Чарторыжскаго“, тогдашнихъ руководителей русской иностранной политики [2]). Но онъ уклоняется отъ объясненія этой внезапности. Между тѣмъ, обстоятельства, ему предшествовавшія, были таковы, что оно только и могло быть рѣшено мимо официальныхъ представителей иностраннаго вѣдомства [3]). Въ январѣ 1801 г. прусскій дворъ посѣтилъ наслѣдный принцъ Мекленбургъ-Шверинскій, Людвигъ, со своей молодой женою, в. к. Еленой Павловной. Великая княгиня была самой красивой изъ четырехъ дочерей императора Павла и произвела огромное впечатлѣніе на чувственнаго Фридриха-Вильгельма. Тогда былъ еще живъ Павелъ Петровичъ, и какихъ-нибудь спеціальныхъ интересовъ прусская дипломатія въ Петербургѣ не добивалась. Дѣло ограничилось празднествами и весьма энергичнымъ флиртомъ между королемъ и великой княгиней. Елена Павловна, однако, скоро уѣхала, а лѣтомъ на пути въ Петербургъ снова посѣтила берлинскій дворъ. Теперь русскимъ императоромъ былъ уже Александръ, человѣкъ, который былъ въ значительной мѣрѣ узломъ переговоровъ о Ганноверѣ и о всякомъ территоріальномъ приращеніи Пруссіи. Прусская дипломатія не могла упустить такой оказіи. Великая княгиня повезла брату въ Петербургъ не только дружескій привѣтъ отъ короля, но и выраженія горячаго интереса и восхищенія. Въ Петербургѣ въ бесѣдѣ съ Александромъ великая княгиня и герцогъ Людвигъ впервые высказали мысль о свиданіи, котораго такъ хотѣлъ король. Возвращаясь изъ Петербурга, принцъ и принцесса опять побывали въ Берлинѣ. Снова

---

1) 23 мая 1802 г. См. Sorel, L'Europe et la Révolution, VI, 231.
2) „Имп. Александръ“, I, 29.
3) См. P. Bailleu, Königin Luise; 135 слѣд.

много веселились, снова король очень ухаживалъ за „прекрасной Еленой“. Но было уже и нѣчто очень серьезное. Герцогъ передалъ королю опредѣленное желаніе Александра увидѣться съ королевской четою, которое было отвѣтомъ на первые подходы со стороны Фридриха-Вильгельма. Король поторопился согласиться, объ этомъ началась переписка между нимъ и Александромъ, и свиданіе было назначено на іюнь въ Мемелѣ [1]).

Свиданіе было рѣшено такимъ образомъ въ семейномъ кругу, среди родственныхъ привѣтовъ и родственнаго флирта. Возможно, что въ Петербургѣ въ пользу свиданія дѣйствовала и Марія Θеодоровна. Нѣтъ ничего страннаго, что Александръ не захотѣлъ открыть своихъ замысловъ Кочубею. Какъ бы онъ ихъ мотивировалъ? Что прусскій кузенъ—большой его поклонникъ и хочетъ лично выразить ему чувства своего удивленія? Онъ зналъ своего Кочубея, сдержаннаго, холоднаго, осторожнаго, и могъ себѣ представить, какъ бы онъ принялъ это извѣстіе... Прусскіе дипломаты сыграли на тщеславіи Александра, а такъ какъ тутъ была замѣшана еще и великая княгиня, то очень возможно, что ея разсказы о необыкновенной красотѣ королевы Луизы, отъ которой Елена Павловна была въ восторгѣ, раздразнили любопытство Александра и пробудили въ немъ его fatuité, желаніе испытать на прекрасной королевѣ свое неотразимое обаяніе,—мотивъ, который еще труднѣе было сдѣлать понятнымъ для Кочубея. Словомъ, можно, повидимому, считать несомнѣннымъ, что Александръ ѣхалъ въ Мемель безъ всякой опредѣленной политической цѣли, въ то время какъ прусскаго короля Гаугвицъ и Ломбардъ безжалостно натаскивали именно на политическія темы.

А королева? Она знала, что на нее возлагается отвѣтственная миссія—содѣйствовать сближенію Александра съ королемъ на твердой политической почвѣ, и относилась къ своей задачѣ съ полнымъ сознаніемъ ея важности. Но въ то же время она должна была быть полна и другими чувствами, увѣренная въ своей всепокоряющей красотѣ, знающая, какъ эта красота дѣйствуетъ на всѣхъ окружающихъ, оставшаяся въ душѣ такой же веселой кокеткой, какою была въ семнадцать лѣтъ. Кокетство

---

[1]) См. Bailleu, Briefwechsel Friedrich-Wilhelm's III und d. Königin Luise mit Kaiser Alexander, №№ 11, 14, 15, 421, 424.

ея, къ тому же, было особаго, очень опаснаго вида, того самаго, о которомъ говорила г-жа Сталь: „Когда кокетничаютъ нѣмецкія женщины, онѣ кокетничаютъ съ энтузіазмомъ; французскія женщины пропитываютъ свое кокетство умомъ и шуткой“ [1]). Опасность этого національнаго нѣмецкаго вида—въ томъ, что „энтузіазмъ“ скоро увлекаетъ женщинъ за рамки простого кокетства и производитъ настоящія опустошенія въ сердцахъ. Луиза не предчувствовала, вѣроятно, что съ ней случится что-нибудь подобное. Но она была заинтересована. Она, конечно, слышала, что Александръ красивъ, рыцарски-плѣнителенъ съ дамами, весь полонъ очарованія. Едва ли она подъѣзжала къ Мемелю безъ радостнаго и трепетнаго любопытства.

Александръ пріѣхалъ въ Мемель 10 іюня и уѣхалъ 16-го. Оба монарха были очень заняты смотрами и парадами, много времени посвятили совѣщаніямъ наединѣ на политическія темы [2]). Но большую часть времени проводили въ семейномъ кругу. Луиза разливала чай. Шла непринужденная бесѣда. Александръ острилъ насчетъ ухаживанія короля за Еленой Павловной, король намекалъ на какіе-то дорожные романы Александра съ двумя рижскими дамами. Монархи весело пикировались, какъ два обыкновеннѣйшихъ армейскихъ поручика; танцовали, веселились всячески. Неоднократно и подолгу Луиза оставалась съ молодымъ царемъ наединѣ. Прощались со слезами [3]). Окружающимъ казалось, что свою политическую задачу Луиза исполнила. Въ письмѣ къ Луккезини Ломбардъ пишетъ: „Вы понимаете, конечно, что чаровница (l'enchanteresse) немало содѣй-

---

[1]) См. красивый французскій этюдъ о Луизѣ у M. Paléologue, Profils de femmes.

[2]) Какихъ-нибудь точно опредѣленныхъ вопросовъ, повидимому, не касались. Трейчке, который видѣлъ много неопубликованныхъ документовъ, говоритъ (Deutsch Gesch. I, 179—180), что бесѣды касались общей опасности со стороны Франціи, при чемъ оба друга клялись во взаимной вѣрности. Сорель (VI, 236) предполагаетъ, что у Александра уже тогда шевелились въ душѣ планы на счетъ гегемоніи въ Европѣ и объ объединеніи Польши подъ властью Россіи. Ломбардъ въ письмѣ къ Луккезини („Preus. und Frankreich“, II, 103) предвидитъ самыя счастливыя послѣдствія для Пруссіи отъ свиданія.

[3]) Подробный разсказъ въ мемельскомъ Дневникѣ Луизы, напечатанномъ Байе въ „Briefwechsel König Friedrich-Wilhelm's III und der Königin Luise mit Kaiser Alexander“ (тоже въ „Publ. aus d. Kön. Preus. Staatsarchiven“ LXXV) стр. 531 и слѣд.

ствовала укрѣпленію узъ, соединяющихъ нынѣ обоихъ монарховъ. Это фея, которая все покоряетъ власти своихъ чаръ".

Но бѣдная „фея" сама попала въ сѣти. И этого нужно было ожидать.

Послѣ оборвавшагося такъ рано флирта съ принцемъ Луи-Фердинандомъ, она не видѣла вокругъ себя мужчинъ, сколько-нибудь приближавшихся къ ея мечтательному идеалу. Достоинства короля были очень прозаическія и, повидимому, быстро разогнали дѣвичью влюбленность. Къ тому же въ послѣднее время Фридрихъ-Вильгельмъ началъ обнаруживать большой интересъ и къ другимъ дамамъ [1]).

Женщины, какъ Луиза, избалованныя поклоненіемъ, привыкшія ежедневно слышать восторженные гимны своей красотѣ, очень требовательны къ человѣку, которому онѣ принадлежатъ. Въ нихъ какая-то особенно обостренная ревность. Оказывать вниманіе другимъ могутъ, по ихъ мнѣнію, мужья некрасивыхъ женщинъ, мужья всѣхъ остальныхъ женщинъ, только не ихъ мужья. И малѣйшее уклоненіе отъ рыцарской вѣрности со стороны мужа создаетъ обиды. Въ письмахъ Луизы нигдѣ нѣтъ упоминанія о томъ, что ей непріятны флирты короля. Иногда она даже какъ бы даетъ понять, что разговоры о нихъ только веселятъ ее. Но Луиза была горда и никому не призналась бы, что она обижена. Она, „вѣнценосная Афродита!" Развѣ можетъ быть ей страшно какое бы то ни было соперничество? Но едва ли могутъ быть сомнѣнія въ томъ, что обида сидѣла въ ея груди, когда она ѣхала въ Мемель. Замѣтилъ это Александръ или нѣтъ, мы не знаемъ. Но онъ, несомнѣнно, замѣтилъ другое: восторженную душу Луизы и вспышки веселаго кокетства, загоравшіяся въ синихъ глазахъ королевы. Несмотря на молодость, Александръ имѣлъ опытъ въ уловленіи женскихъ сердецъ, и тутъ онъ пустилъ въ ходъ все: пламенную мечтательность, которая выходила у него такой естественной, хотя никогда не была искренней, желаніе послужить идеаламъ человѣчности, пылкое стремленіе къ славѣ, намѣреніе стать на защиту „угнетенной" Европы, готовность каждый моментъ спѣшить на помощь послѣднимъ изъ послѣднихъ, забывъ о своемъ

---

[1]) Briefwechsel, 535.

высокомъ санѣ, повинуясь только чувству гуманности [1]). Это была тонкая игра со стороны „прельстителя". Она достигла цѣли. Луиза по настоящему влюбилась въ Александра. Уже мѣсяцъ спустя послѣ его отъѣзда въ письмѣ ея къ брату мы находимъ настоящую осанну Александру. Братъ ей писалъ о своей поѣздкѣ по Альпамъ и, очевидно, очень восторгался природою. Луиза отвѣчала [2]): „Я не видѣла никакихъ Альпъ, но я видѣла людей или лучше сказать *человѣка* въ полномъ смыслѣ этого слова, который воспитанъ альпійскимъ жителемъ, и знакомство съ которымъ дороже мнѣ, чѣмъ всѣ Альпы міра. Ибо Альпы не могутъ ничего дѣлать, а онъ дѣйствуетъ, распространяетъ вокругъ себя счастье и благословеніе каждымъ своимъ рѣшеніемъ. Каждый его взглядъ создаетъ кругомъ счастливцевъ, людей осчастливленныхъ его милостями (Huld), его небесной добротой. Что я говорю объ императорѣ, о единственномъ Александрѣ, ты, конечно, понялъ съ первыхъ же словъ. Милый Георгъ! Ахъ, какъ дорого, какъ дорого мнѣ это знакомство! Ни одно слово, которое говорятъ въ похвалу ему, не можетъ звучать лестью, ибо онъ заслуживаетъ всего хорошаго, что только можно сказать!.." Самому Александру Луиза писала письма, полныя грусти. На другой день послѣ его отъѣзда, 17 іюня, она воспользовалась отправкой курьера, чтобы спѣшно нацарапать нѣсколько строкъ [3]): „Я тщетно буду стараться изобразить вамъ горе, въ которое повергъ меня вашъ отъѣздъ. Онъ былъ ужасенъ. Только надежда увидѣть В. И. В. черезъ два года нѣсколько утѣшила меня"... Въ томъ же тонѣ было написано и слѣдующее сохранившееся письмо отъ 31 іюля [4]). Луиза явно тосковала.

---

[1]) Въ „Дневникѣ" Луиза разсказываетъ такой случай. „Былъ конченъ одинъ изъ танцевъ; императоръ отдыхалъ, сидя рядомъ со мною, мы разговаривали. Вдругъ всѣ устремились къ окнамъ, спрашивали въ чемъ дѣло, говорятъ кто-то утонулъ. Какъ вѣтеръ, Александръ бросился внизъ, чтобы помочь. Это былъ маленькій мальчикъ, котораго уже успѣли вытащить изъ воды. Я вижу въ окно, какъ императоръ возвращается съ мальчикомъ восьми или девяти лѣтъ на рукахъ. Войдя, онъ самъ даетъ ему чаю, который тотъ пьетъ съ удовольствіемъ. И приходитъ ко мнѣ, какъ будто ничего не случилось. Я ему говорю о томъ, какъ онъ добръ, какъ я растрогана. „Всякій сдѣлалъ бы это на моемъ мѣстѣ", отвѣчаетъ онъ". „Briefwechsel", 535.

[2]) „Briefwech". 537, отъ 13 іюля 1802 г.

[3]) „Briefwech.", 449.

[4]) Тамъ же, 450.

III.

Каковы были настоящія чувства Александра къ Луизѣ? Нужно думать, что прекрасная королева нравилась ему, что его самолюбію было пріятно вспыхнувшее въ ней увлеченіе. Онъ дѣлалъ все, что умѣлъ, для поддержанія его. Но, кажется, глубоко задѣтъ онъ не былъ. У Александра вообще было странное отношеніе къ женщинамъ. Онъ любилъ побѣды, но пользовался ими рѣдко [1]). Въ его жаждѣ успѣховъ у женщинъ было больше тщеславія, чѣмъ темперамента [2]). Такъ было и здѣсь. Тогда чѣмъ объяснить эту жестокую игру? Потому что, повторяемъ, Александръ не упустилъ ни одного средства, чтобы покорить сердце Луизы. Опять передъ нами трудный вопросъ, въ которомъ разобраться можно только догадками, такъ какъ прямыхъ указаній не имѣется.

Когда въ іюнѣ 1802 года Александръ покинулъ Полангенъ и внезапно перешелъ границу Пруссіи, направляясь въ Мемель, его совѣтники по иностраннымъ дѣламъ были очень недовольны. Александръ съ ними не посовѣтовался и потомъ едва держалъ

---

[1]) См. выше статью „Александръ и Наполеонъ“.

[2]) Эту особенность Александра отмѣчали многіе. Именно по поводу Мемеля Чарторыжскій (Мемуары, пер. подъ ред. А. А. Кизеветтера) говоритъ: „Со времени этого перваго свиданія русскаго императора съ прусской королевой, началось ихъ „платоническое кокетничанье“. Такого рода отношенія особенно нравились Александру, и онъ всегда былъ готовъ посвящать имъ немало времени. Лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ добродѣтели дамъ, которыми интересовался монархъ, угрожала дѣйствительная опасность“. Не было недостатка и въ попыткахъ объяснить это свойство Александра. Э. М. Арндтъ, долго жившій въ Петербургѣ въ 1812 г. и вращавшійся въ аристократическихъ салонахъ, пишетъ („Meine Wanderungen und Wandelungen mit Reichsfreiherrn F. vom Stein“, изд. Гердса, стр. 72—73): „Было извѣстно, что въ Россіи, позднѣе въ Германіи и Франціи, Александръ усердно ухаживалъ за всякой смазливой дамочкой въ салонахъ. Придворные врачи говорили по этому поводу, что все это—одна видимость, совершенно безопасная, что мужья могли безъ всякой тревоги позволять ему увиваться вокругъ своихъ женъ“... „Почемъ я знаю?“ прибавляетъ Арндтъ. „Но такіе намеки врачей и людей знающихъ указываютъ на нѣчто, что помогаетъ понять и политическую роль, которую въ нѣкоторыхъ случаяхъ игралъ Александръ или которую его заставляли играть“. Послѣднія слова Арндта, довольно темныя, приводимъ потому, что чувствуется въ нихъ какой-то намекъ на событія 1805 года, о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь.

ихъ, особенно Кочубея, который его сопровождалъ, въ курсѣ своихъ бесѣдъ съ королемъ. Впослѣдствіи Чарторыжскій напоминалъ Александру о мемельской поѣздкѣ, которую считалъ однимъ изъ его капризовъ. Онъ писалъ царю въ апрѣлѣ 1806 г. [1]): „Тѣсная дружба, которая завязалась въ теченіе нѣсколькихъ дней у В. В. съ королемъ, была причиною, что В. В. перестали смотрѣть на Пруссію, какъ на политическую единицу, а видѣли въ ней личность, которая вамъ была дорога и по отношенію къ которой В. В. считали себя связаннымъ особыми обстоятельствами".

Такъ же, какъ и В. Кн. Николаю Михайловичу, намъ кажется, что Чарторыжскій ошибался, думая и намекая, что привязанность къ Луизѣ играла здѣсь какую-то роль. Она была не при чемъ. Поведеніе Александра въ Мемелѣ станетъ понятно, только если мы сопоставимъ его съ предыдущими и послѣдующими дипломатическими отношеніями между Россіей и Пруссіей.

Въ 1802 году Александръ стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что союзъ съ Франціей, къ которому шелъ Павелъ, опасенъ. Опасенъ, быть можетъ, не для Россіи, но несомнѣнно для него самого, такъ какъ онъ вызывалъ самое энергичное противодѣйствіе среди дворянства. Естественно, что, отказываясь отъ союза съ республикою, онъ долженъ былъ искать союзниковъ иныхъ. Пруссія подвертывалась какъ нельзя болѣе кстати, и Александру важно было заручиться дружбою короля. Ѣдучи въ Мемель, какъ мы указывали, онъ не имѣлъ опредѣленныхъ плановъ. Ему нужно было произвести рекогносцировку, узнать людей, на которыхъ онъ хотѣлъ дѣйствовать, ихъ слабыя стороны, ихъ мѣста наименьшаго сопротивленія. Это ему удалось. Картина придворныхъ отношеній выяснилась для него. Онъ рѣшилъ, что ключъ позиціи — королева. И задумалъ завоевать королеву.

Для Александра его наблюденія не представляли новости. Три года назадъ, во время войны русско-австрійской коалиціи противъ Франціи, русскій посолъ въ Берлинѣ графъ Н. П. Панинъ, видя, какое вліяніе на короля имѣетъ Луиза, пробовалъ использовать его для политическихъ цѣлей. Онъ написалъ въ Петербургъ [2]), что, по его мнѣнію, было бы весьма полезно,

[1]) Цит. у В. Кн. Николая Михайловича „Имп. Александръ", I, 29.
[2]) Bailleu, Königin Luise, 104.

если бы императрица Марія Ѳеодоровна, какъ родственница прусской королевской семьи, завязала съ Луизою интимную переписку, чтобы черезъ нее подѣйствовать на короля и побудить его примкнуть къ коалиціи. По причинамъ, которыя не вполнѣ ясны, переписка не состоялась. Но наблюденіе опытнаго дипломата о вліяніи королевы на короля забыто не было. Марія Ѳеодоровна не могла о немъ не знать. И такъ какъ поѣздка Александра въ Мемель рѣшалась въ семейномъ кругу, императрица-мать могла напомнить Александру о панинскихъ проектахъ. То, что царь увидѣлъ въ Мемелѣ, очень совпадало съ тѣмъ, что онъ зналъ раньше. Стараясь покорить Луизу, онъ думалъ не о флиртѣ, а о томъ, чтобы сдѣлать самаго вліятельнаго человѣка у прусскаго трона слѣпо преданнымъ себѣ, т.-е. интересамъ русскаго правительства.

Въ какой мѣрѣ наблюденія Панина и Александра отвѣчали дѣйствительному положенію дѣлъ? Какова была настоящая политическая роль Луизы? На это указанія имѣются и они говорятъ, что эта роль не всегда была одинакова. Въ 1799 году Луиза стояла совсѣмъ въ сторонѣ отъ политики. Она была цѣликомъ занята своими балами и своими дѣтьми. Въ этомъ очень быстро убѣдился самъ Панинъ [1]). Но уже въ 1801 году, когда шелъ вопросъ о занятіи Пруссіей Ганновера, Луиза была освѣдомлена о рѣшеніяхъ и предположеніяхъ короля [2]). Въ 1802 году ея вліяніе, несомнѣнно, еще возросло. А послѣ Мемеля она старалась стать ближе къ дѣламъ уже отъ одного желанія быть пріятной Александру.

Такъ дипломатъ, который съ молодыхъ лѣтъ сидѣлъ въ Александрѣ, одержалъ въ Мемелѣ свою первую серьезную побѣду. Луиза предлагала ему свое сердце, а онъ велъ политическій флиртъ, увѣренный, что ему скоро придется воспользоваться его плодами. Фридрихъ-Вильгельмъ тоже былъ доволенъ результатами мемельскаго свиданія. Договоръ о земельныхъ приращеніяхъ Пруссіи былъ ратификованъ Александромъ безъ малѣйшихъ затрудненій. О будущемъ король пока не думалъ.

---

1) Bailleu, тамъ же, 104.

2) Bailleu, тамъ же, 134. Спеціальные посланцы изъ Ганновера просили ее вмѣшаться, чтобы устранить предполагаемую оккупацію. О томъ же хлопоталъ у нея ея отецъ. Луиза твердо отвѣчала, что оккупація королемъ рѣшена.

Что касается до отношеній жены къ русскому императору, то онъ зналъ, что они „чисты и благородны“.

Политическая атмосфера, царившая въ Европѣ, едва ли очень располагала къ оптимизму. Правда, уже въ мартѣ былъ заключенъ миръ Франціи съ Англіей (Амьенскій миръ), и казалось, что Европа можетъ успокоиться. Но это только казалось. И Бонапартъ, и Питтъ это великолѣпно понимали. Быть можетъ, чувствовалъ это и Александръ. Фридрихъ-Вильгельмъ былъ далекъ отъ этихъ мыслей. Онъ твердо вѣрилъ, что его дипломатическій девизъ — не нарушать мира ни въ какомъ случаѣ — отлично устраиваетъ прусскія дѣла. Его совѣтники Гаугвицъ, Ломбардъ, Луккезини были настроены въ пользу Франціи и давали Талейрану усыпить себя. А сами эти совѣтники совсѣмъ не понимали, въ чемъ нервъ грядущихъ перемѣнъ.

Экономическое соперничество французской и англійской буржуазіи Амьенскимъ миромъ устранено не было. Наоборотъ, миръ только еще ярче подчеркнулъ всю непримиримость интересовъ Франціи и Англіи при существовавшихъ условіяхъ. И эти четырнадцать мѣсяцевъ мира были, въ сущности, рядомъ отчаянныхъ попытокъ соблюсти Амьенскія условія. Столкновенія происходили на каждомъ шагу, и, въ концѣ-концовъ, въ маѣ 1803 г. разрывъ произошелъ. Снова Франція и Англія въ полномъ вооруженіи стали другъ противъ друга, и ни одна не могла нанести другой рѣшающаго удара. Но такъ какъ экономическое соперничество громко требовало положительныхъ мѣропріятій, ни Англія, ни Франція не могли сидѣть сложа руки. Для континентальныхъ державъ Европы опасность заключалась въ томъ, что, не будучи въ состояніи достать Англію за моремъ, Бонапартъ долженъ былъ бороться съ ней на континентѣ, и слѣдовательно вовлечь въ конфликтъ и другія державы. Англія съ своей стороны, безсильная противъ Франціи на континентѣ, естественно, должна была искать союзниковъ. Была, однако, еще одна причина, которая неудержимо вовлекала въ конфликтъ съ Франціей какъ Австрію, такъ и Пруссію. Англійская эскадра стерегла море и блокировала французскіе порты. Французскимъ фабрикантамъ, слѣдовательно, нужно было расширять сухопутный рынокъ. Онъ былъ, правда, достаточно обширенъ: Люневильскій миръ широко раздвинулъ границы республики. Но у этихъ границъ стояли два протекціонистскихъ барьера,

закрывающихъ путь для французскихъ товаровъ на востокъ: Австрія и Пруссія. Это не могло такъ продолжаться.

Словомъ, причинъ для безпокойства въ Европѣ было много. Нужно было имѣть глаза, чтобы ихъ видѣть. А глаза были открыты не у всѣхъ. Прусскій король упорно держалъ ихъ закрытыми, а его совѣтники, быть можетъ, не совсѣмъ безкорыстно, не старались ему ихъ открыть. Александръ, несомнѣнно, предчувствовалъ необходимость взяться за оружіе, но онъ хотѣлъ сначала разобраться, какъ слѣдуетъ, въ положеніи. Этимъ было съ его стороны вызвано предложеніе посредничества, затѣя явно не могущая разсчитывать на успѣхъ, но удобная тѣмъ, что съ ея помощью выигрывалось время. Дѣйствительно, переговоры о посредничествѣ наполнили лѣтніе мѣсяцы 1803 года [1]). Потомъ событія пошли быстрѣе: заговоръ Кадудаля, процессъ Моро, судъ надъ герцогомъ Энгьенскимъ и его разстрѣлъ, провозглашеніе имперіи. Дѣйствія Наполеона начинали казаться Александру тревожными. А такъ какъ все личное у царя всегда играло доминирующую роль, то умышленно грубый намекъ Наполеона на его участіе въ убійствѣ отца окончательно возстановилъ его противъ новаго императора. Разрывъ съ Франціей совершился. Новосильцевъ поѣхалъ въ Лондонъ. Это было въ сентябрѣ 1804 года. Настала пора утилизировать мемельскія отношенія.

IV.

Въ это время вообще складывались взгляды Александра на вопросы внѣшней политики и складывались подъ очень сильнымъ вліяніемъ Чарторыжскаго. Если въ іюнѣ 1802 года у царя была только одна честолюбивая юношеская мечта—освободить Европу отъ „ига“, то теперь началъ вырисовываться опредѣленный планъ. Польша въ этомъ планѣ занимала очень замѣтное мѣсто. Поэтому отношенія къ Пруссіи, которой принадлежала наиболѣе значительная часть территоріи Рѣчи Посполитой, требовали очень большой деликатности. Пруссія нечувствительно дѣлалась узломъ дипломатическихъ отношеній.

Вѣроятность войны между Франціей, съ одной стороны, Рос-

---

[1]) Sorel, VI, 314 слѣд.

сіей и Англіей, съ другой, становилась тѣмъ временемъ все больше и больше, и Пруссія уже по одному своему географическому положенію пріобрѣтала огромное значеніе. Обѣ стороны старались наперерывъ привлечь Пруссію къ себѣ.

Наполеонъ отлично зналъ, что съ русской стороны будутъ дѣйствовать весьма энергично, и онъ очень заблаговременно началъ работать для противодѣйствія русскому вліянію. У него въ рукахъ былъ одинъ очень крупный козырь: Ганноверъ, который онъ предлагалъ Пруссіи, какъ даръ за союзъ. Уже въ мартѣ 1803 года онъ присылалъ съ этимъ предложеніемъ Дюрока въ Берлинъ. Прусскихъ политиковъ очень соблазняла перспектива получить Ганноверъ, и они очень энергично старались склонить короля въ пользу Франціи. Но переговоры долго не приводили къ видимымъ результатамъ. Король, по обыкновенію, колебался; къ тому же онъ опасался принимать важное рѣшеніе, не узнавъ мнѣнія Россіи. Сказывались мемельскія совѣщанія. Секретные переговоры съ Россіей тянулись все время. Въ запискѣ, составленной Гаугвицемъ и въ инструкціяхъ министрамъ, набросанныхъ королемъ (обѣ въ серединѣ февраля 1804 года [1]), проводится мысль, что необходимо затягивать переговоры съ Франціей, пока не выяснятся намѣренія Россіи. Союзъ, въ концѣ-концовъ, не состоялся, потому что Россія объявила, что не признаетъ присоединенія Ганновера.

Для насъ самое любопытное во всѣхъ этихъ дипломатическихъ зигзагахъ—то, какъ смотрѣли обѣ стороны на роль королевы Луизы. У Наполеона, несомнѣнно, были очень вѣскія указанія на то, что королева является дѣятельнымъ проводникомъ русскаго вліянія. И онъ всячески старался воздѣйствовать на нее. Въ іюлѣ 1803 года Жозефина написала Луизѣ очень милое письмо [2]), и послала ей въ подарокъ шляпы изъ Парижа и брюссельскія кружева. Но Луизу трудно было сбить. Она не забывала Мемеля. А тутъ случилось еще событіе, которое вообще набросило на Наполеона мрачную тѣнь въ глазахъ всѣхъ монархическихъ элементовъ Европы — казнь герцога Энгьенскаго (21 марта 1804). Она какъ бы объединила легитимныхъ государей Европы въ ненависти противъ „исчадія

---

[1]) „Preussen und Frankreich“, 243—245.
[2]) Bailleu, Kön. Luise, 143.

революціи". Александръ утилизировалъ и Венсенскую трагедію въ свою пользу, а Луиза ему помогла. Сначала при прусскомъ дворѣ были только огорчены и возмущены, но въ началѣ мая получилась вѣсть о томъ, что Александръ объявилъ придворный трауръ по герцогѣ. Луиза сейчасъ же рѣшила послѣдовать примѣру Петербурга и почти уговорила короля. „Королевѣ — писалъ Гарденбергу Ломбаръ [1]) — до-смерти хочется облечься въ трауръ по герцогѣ Энгьенскомъ". Гарденбергъ, который только что вступилъ въ управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, сумѣлъ удержать короля. Но какъ разъ къ этому времени выяснились предложенія Россіи, и король, уступая частью настояніямъ королевы [2]), подписалъ соглашеніе съ Россіей, почти равное союзу. Это было сдѣлано подъ большимъ секретомъ 24 мая, и Наполеону оставалось неизвѣстнымъ.

Отношенія между Франціей и Пруссіей оставались дружественными. 28 іюля король очень тепло поздравилъ Наполеона съ императорскимъ титуломъ [3]).

Прусскіе министры въ очень спокойныхъ выраженіяхъ отвѣчали Талейрану на его вопросъ, пропуститъ ли Пруссія русскія войска черезъ свою территорію, и отвѣчали отрицательно. Вопросъ о Ганноверѣ тоже не считался окончательно похороненнымъ. Что касается казни герцога Энгьенскаго, то Наполеонъ чувствовалъ, что она не будетъ ему прощена, и придумалъ еще одинъ способъ, чтобы подогрѣть остывшія франко-прусскія симпатіи. Онъ предложилъ королю принять императорскій титулъ. Луизу очень соблазняло стать императрицей [4]), но

---

[1]) „Preuss, und Frankreich, 261 — 262. Былъ еще одинъ эпизодъ, мало выясненный, но показывающій съ несомнѣнностью, что Луиза въ угоду Александру дѣятельно работала противъ Наполеона. Среди ея давнихъ знакомыхъ (съ первыхъ годовъ замужества) былъ французскій эмигрантъ Фошъ-Борель, агентъ Бурбоновъ. Она раньше была съ нимъ въ сношеніяхъ, но въ 1804 и 1805 годахъ эти сношенія сдѣлались очень интенсивными. Фошъ-Борель сообщаетъ въ своихъ мемуарахъ фразу Луизы, сказанную ему во время аудіенціи: „Да, г. Фошъ. Мы вамъ поможемъ. Вы хорошо устроите здѣсь свои дѣла. Мы вамъ поможемъ". См. объ этомъ эпизодѣ Bonnal de Ganges, „La Reine Louise de Prusse", 1891, стр. 121 и слѣд.

[2]) Sorel, VI, 377.

[3]) Preuss. und Frankreich, 273.

[4]) Донесеніе Лафоре Талейрану. Preuss. und Frankreich, 297.

короля убѣдили, что принять императорскую корону изъ рукъ Наполеона было бы позоромъ для Пруссіи, и сдѣлка снова расклеилась. Дѣла Франціи не подвигались при берлинскомъ дворѣ, въ то время, какъ Александръ, благодаря Луизѣ, имѣлъ тамъ твердую почву подъ ногами и смѣлѣе могъ рѣшиться на разрывъ съ Наполеономъ. Онъ и рѣшился, хотя формально послы получили свои паспорта значительно позднѣе, въ октябрѣ. Въ октябрѣ же бурность Наполеона едва не привела его и къ разрыву съ Пруссіей: произошелъ злополучный инцидентъ съ похищеніемъ англійскаго резидента въ Гамбургѣ Рэмболда, который не вызвалъ нападенія Пруссіи на Францію только благодаря миролюбію короля, уладившаго дѣло путемъ личнаго письма къ Наполеону.

Но атмосфера оставалась сгущенной, и 7 ноября Александръ подписалъ соглашеніе съ Австріей. Новосильцевъ успѣшно велъ переговоры въ Лондонѣ. Окончательно англо-русскій союзный договоръ былъ подписанъ спустя долгое время, 11 апрѣля 1805 года. 9 августа того же года къ нему примкнула Австрія, одновременно подписавшая военную конвенцію съ Россіей.

До разрыва Франціи съ Россіей содѣйствіе Пруссіи не было столь важно для Наполеона. Когда разрывъ совершился, Пруссія получила для него сразу огромный вѣсъ. 8 августа французскій посолъ Лафоре снова предложилъ Ганноверъ на условіи заключенія союза. Но король и тутъ не захотѣлъ нарушить своего нейтралитета. Труднѣе, чѣмъ съ Франціей, было разговаривать съ Александромъ. Александру необходимо было притянуть Пруссію къ союзу и заставить подписать договоръ 11 апрѣля. Вопросъ этотъ имѣлъ не только теоретическое значеніе. При нейтралитетѣ Пруссіи маршъ русскихъ войскъ на соединеніе съ австрійскими представлялъ очень большія трудности. Чарторыжскій ничего не имѣлъ противъ того, чтобы пройти черезъ прусскія земли, не спрашивая разрѣшенія: онъ зналъ, что прусская армія находится на мирномъ составѣ. Александръ былъ осторожнѣе. Онъ понималъ, что это вещь опасная. И онъ пытался достигнуть цѣли путемъ переговоровъ. 19-го царь писалъ Фридриху-Вильгельму, приглашая его вступить въ союзъ противъ Франціи, а 4-го сентября уже прямо требовалъ разрѣшенія пройти съ войскомъ черезъ прусскія земли.

Фридриха-Вильгельма стѣсняли и даже оскорбляли назойливыя приставанія Россіи. Ему казалось, что они задѣваютъ его право принимать самостоятельныя рѣшенія. Онъ отклонилъ какъ французскія предложенія, такъ и требованія Александра. 6-го онъ отправилъ царю свой отвѣтъ, а 7-го былъ изданъ приказъ о мобилизаціи 80,000 чел., а черезъ 10 дней — остальной арміи: формально противъ Франціи, фактически противъ Россіи [1]). Тогда Александръ рѣшилъ прибѣгнуть къ тому средству, которое ему всегда помогало: онъ предложилъ личное свиданіе. Королю не хотѣлось встрѣчаться съ Александромъ и онъ отвѣчалъ сначала довольно уклончиво, ссылаясь на дѣла и соглашаясь съ большой оговоркой, но категорически отказать не рѣшался. 4 октября пріѣхалъ кн. П. П. Долгоруковъ, котораго король принялъ 6-го и которому вновь отказалъ въ разрѣшеніи пропустить русскія войска черезъ Пруссію. Но въ тотъ же день король узналъ о фактѣ, который сразу сбилъ его съ его миролюбивой позиціи; то былъ проходъ французовъ и ихъ союзниковъ-баварцевъ черезъ владѣнія Пруссіи въ Ансбахѣ. Король былъ внѣ себя. 13-го Долгоруковъ поѣхалъ назадъ съ письмомъ, въ которомъ Фридрихъ-Вильгельмъ соглашался пропустить русскую армію, но просилъ отложить личное свиданіе. Ему трудно было преодолѣть создавшееся у него въ послѣднее время предубѣжденіе противъ Александра. Отсрочка была непріятна его совѣтникамъ, а въ женской половинѣ дворца, видимо, вызывала большое негодованіе. У насъ нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ объ отношеніи Луизы къ этому вопросу, но мы можемъ догадываться объ ея настроеніи по тому, что ея пріятельница, графиня Фоссъ, весьма непочтительно сравниваетъ короля за его упрямство съ муломъ. Нужно было очень многое, чтобы корректнѣйшая оберъ-гофмейстерина занесла въ свой дневникъ такое нехорошее слово. Александръ не обратилъ вниманія на просьбу объ отсрочкѣ. 19-го онъ отправилъ королю письмо, гдѣ извѣщалъ, что 25-го будетъ въ Берлинѣ. „Нужно ковать желѣзо, пока оно горячо", говорилъ онъ окружающимъ. Въ назначенный день онъ пріѣхалъ. Среди обычныхъ высочайшихъ развлеченій, баловъ, парадовъ, осмотровъ всякихъ достопримѣчательностей, шли переговоры о союзѣ

---

[1]) „Briefwechsel", письма подъ №№ 68, 69 и 70.

и объ условіяхъ вступленія Пруссіи въ коалицію. 3-го ноября договоръ былъ подписанъ, но для выигрыша времени рѣшено предъявить ультиматумъ Пруссіи Наполеону черезъ четыре недѣли. А ровно черезъ четыре недѣли былъ день (2 дек.) Аустерлица.

Что дѣлала и что чувствовала королева во время пребыванія Александра въ Берлинѣ? Она попрежнему была во власти обольщенія [1]). Три съ половиной года она берегла и лелѣяла образъ Александра въ своемъ экзальтированномъ воображеніи. Три съ половиной года жила мыслью увидѣть его вновь. И когда Александръ пріѣхалъ, страсть Луизы дошла до того, что она не всегда могла владѣть собою. Въ Потсдамѣ, какъ и въ Мемелѣ, королева часто оставалась наединѣ съ „кузеномъ", и, если мы вѣрно понимаемъ нѣкоторыя позднѣйшія письма, Александру приходилось останавливать пылкую королеву.

Вотъ что писала Луиза царю 13 августа 1806 года [2]):

„Герцогиня Курляндская на седьмомъ небѣ отъ вашего посѣщенія. Если бы вы когда-нибудь посѣтили и меня! Должна ли я признаться вамъ въ своей слабости! Вѣдь всѣ военныя приготовленія... Нѣтъ, я не рѣшаюсь кончить... Но я думала, что все это дастъ мнѣ счастье вновь увидѣть васъ, — счастье, о которомъ я перестала мечтать. Я сдѣлалась теперь, когда мнѣ уже 30 лѣтъ, такой разсудительной. Я вполнѣ *разсудительная* особа, и увѣряю васъ, и вы будете вполнѣ довольны мною. Чтобы убѣдиться въ этомъ, пріѣзжайте сюда, и вы повѣрите..."

Письмо написано въ то время, какъ Пруссія лихорадочно готовилась къ борьбѣ съ Наполеономъ. Королева не только признается, робко, какъ влюбленная шестнадцатилѣтняя дѣвушка,—что военныя дѣла имѣютъ для нея лишь тотъ смыслъ, что могутъ опять призвать Александра въ Берлинъ. Мѣшая шутку и серьезное, она намекаетъ ему на какіе-то, очевидно, имъ двоимъ только извѣстные факты. Слово „разсудительная" подчеркнуто. Оно повторено дважды, и за нимъ слѣдуетъ обѣщаніе: „вы будете мною довольны". Значитъ, въ послѣднюю встрѣчу, т.-е. передъ Аустерлицемъ, Луиза не была „разсуди-

[1]) Балье (Kön. Luise, 162) утверждаетъ, что она начала именно теперь разгадывать Александра. Ничто не подтверждаетъ такого взгляда.

[2]) „Briefwechsel", № 445, стр. 459.

тельной“, и Александръ былъ отсутствіемъ „разсудительности“ недоволенъ. Таковъ, кажется, ключъ къ секретамъ потсдамскихъ unter vier Augen. Это подтверждается и съ другой стороны.

Къ потсдамскимъ днямъ 1805 года относятся, очевидно, и нескромныя припоминанія Чарторыжскаго: „Послѣ одного изъ свиданій съ прусскимъ дворомъ императоръ, въ то время сильно увлекавшійся кѣмъ-то другимъ, разсказывалъ мнѣ, что былъ серьезно встревоженъ расположеніемъ комнатъ, смежныхъ съ его опочивальней, и что на ночь онъ запираетъ дверь на два замка изъ боязни, чтобы его не застали врасплохъ и не подвергли бы слишкомъ опасному искушенію, котораго онъ желалъ избѣжать. Онъ даже высказалъ это обѣимъ принцессамъ, при чемъ былъ болѣе откровененъ, нежели учтивъ и любезенъ“ [1]). Все это какъ нельзя больше подходитъ къ намекамъ письма.

Александръ весь тутъ: холодный, расчетливый, думающій только о томъ, чтобы поскорѣе привлечь короля къ союзу... Въ промежуткахъ между бесѣдами съ Гарденбергомъ и Меттернихомъ онъ продолжалъ кокетничать съ Луизой, говоря о высокихъ матеріяхъ, изображая рыцаря. А когда обольщенная словами женщина тянулась къ нему вся, отстранялся, не умѣя отвѣчать на ласки, недовольный. Изъ политическаго флирта онъ не хотѣлъ или не могъ сдѣлать красиваго романа.

Каковы были причины, заставлявшія Александра играть мало свойственную ему роль Іосифа Прекраснаго? Тѣ ли, на которыя указываетъ Чарторыжскій, или тѣ, о которыхъ въ 1812 году будетъ говорить Арндтъ? Мы не знаемъ и, вѣроятно, не узнаемъ [2]). Ясно одно, что Александръ своими ухаживаніями добивался только одной цѣли—политической. И все-таки, повидимому, не былъ увѣренъ, что добился. Онъ чувствовалъ, что король недостаточно твердъ, и придумалъ—на такія вещи онъ былъ мастеръ — патетическую, хотя и немного лубочную,

---

[1]) Мемуары князя Адама Чарторыжскаго, пер. под. ред. А. А. Кизеветтера, т. I, стр. 260. „Обѣ принцессы —Луиза и Фридерика. Въ Мемелѣ въ 1802 г. Фридерики не было, и Александръ жилъ не въ королевскомъ помѣщеніи, а отдѣльно. Поэтому естественно отнести эти строки къ Потсдаму.

[2]) Поиски за новыми письмами Александра къ Луизѣ и Луизы къ Александру, предпринятые Паулемъ Балье въ Парижѣ, гдѣ онъ предполагалъ ихъ существованіе въ Нац. Архивѣ, и въ Петербургѣ, гдѣ онъ искалъ ихъ съ помощью в. кн. Николая Михайловича, не привели ни къ какимъ результатамъ.

сцену прощанія у гроба Фридриха Великаго [1]). Передъ отъѣздомъ Александръ выразилъ желаніе взглянуть на гробницу короля-героя. Онъ, король и королева втроемъ спустились въ Гарнизонную церковь, сырую и мрачную, которую едва успѣли освѣтить. Фридрихъ-Вильгельмъ остался у порога. Александръ объ руку съ Луизой подошелъ къ гробницѣ и благоговѣйно къ ней приложился. Потомъ молча вышли. Царь обнялъ обоихъ, вскочилъ въ карету и уѣхалъ. Это было 4 ноября.

Для публики, для окружающихъ, для всего свѣта отношенія Александра и Луизы, тѣмъ не менѣе, представлялись въ достаточной степени сомнительными. „Королеву нельзя узнать со времени визита императора Александра", писалъ французскій посланникъ послѣ отъѣзда царя. Не такъ скроменъ въ выраженіяхъ былъ Наполеонъ. Годъ спустя, 25 октября 1806 года, послѣ разгрома прусской арміи, изъ Потсдама, изъ того самаго дворца, гдѣ Александръ и Луиза предавались „платоническому кокетству", онъ выпустилъ свой 17-й бюллетень. Въ немъ онъ припоминалъ событія предшествовавшаго года. О королевѣ тамъ говорилось: „Съ этого момента (посѣщенія Александра) королева оставила серьезныя заботы о туалетахъ, чтобы вмѣшаться въ государственныя дѣла, вліять на короля и всѣхъ зажигать тѣмъ огнемъ, который горѣлъ въ ней. Здоровая часть прусской націи смотритъ на путешествіе Александра, какъ на одно изъ самыхъ большихъ несчастій, постигавшихъ Пруссію..." Упомянувъ затѣмъ о „знаменитой" клятвѣ у гробницы Фридриха II, бюллетень продолжаетъ: „черезъ два дня послѣ свиданія оно было изображено на картинкѣ, которую можно видѣть во всѣхъ лавкахъ и которая заставляетъ смѣяться даже мужиковъ. На ней изображены: русскій императоръ, очень красивый, съ нимъ рядомъ королева, а съ другой стороны король, который поднимаетъ руку надъ гробницею Фридриха Великаго. Сама королева, закутанная въ шаль, подобно тому, какъ лондонскія картинки изображаютъ лэди Гамильтонъ, прижимаетъ руку къ сердцу и смотритъ при этомъ на императора. Невозможно понять, какимъ образомъ берлинская полиція позволила распространять такую злую сатиру" [2]).

---

[1]) Эту сцену называютъ клятвою, что не вполнѣ, повидимому, правильно.

[2]) Corresp. de Napoléon, т. XIII, 11069.

Намекъ тутъ былъ больше, чѣмъ ясенъ, а сопоставленіе съ лэди Гамильтонъ, дамой, которая отнюдь не отличалась большой супружеской вѣрностью, поясняло этотъ намекъ для самыхъ непонятливыхъ. Наполеонъ, вѣроятно, зналъ, что въ его инсинуаціяхъ нѣтъ и тѣни правды и, должно-быть, понималъ недопустимость такихъ инсинуацій, но онъ преслѣдовалъ опредѣленную цѣль: убить моральный авторитетъ королевы Луизы, котораго онъ боялся. И, быть-можетъ, кое-какихъ результатовъ онъ добился. Если бы нравственный авторитетъ королевы Луизы стоялъ въ 1806 году такъ же высоко, какъ въ 1813 г., когда ея уже не было въ живыхъ, трудно было бы объяснить то безучастное отношеніе широкихъ народныхъ круговъ къ невзгодамъ королевской семьи, какое несомнѣнно наблюдалось въ дни Іены, Штетина, Магдебурга и даже Фридланда.

Въ 1805 году Александръ такъ далеко не заглядывалъ. Его флиртъ имѣлъ въ виду близкія цѣли, и ихъ онъ достигъ. Если, въ концѣ-концовъ, король согласился вступить въ союзъ на тѣхъ условіяхъ, на какихъ это было угодно Александру и Меттерниху, — вліяніе Луизы помогло имъ очень. И уѣзжая Александръ зналъ, что въ Луизѣ онъ будетъ имѣть вѣрнаго и надежнаго союзника. Насколько король былъ пасмуренъ и жалѣлъ о сдѣланномъ, настолько Луиза со своими дамами были радостны и полны надеждъ. Онѣ обрабатывали Гаугвица передъ его отъѣздомъ въ главную квартиру Наполеона и уговаривали его быть непреклоннымъ. Онѣ не убирали со стола карты военныхъ дѣйствій, посылали пожеланія побѣдъ „нашему императору“, распространяли русскіе бюллетени объ успѣхахъ союзниковъ [1]...

Среди всѣхъ этихъ надеждъ разразился Аустерлицъ,—и все было перевернуто. Австрія вышла изъ союза, а Россія была разгромлена такъ, что о немедленномъ продолженіи войны не могло быть и рѣчи. Гаугвицъ, вмѣсто того, чтобы говорить Наполеону строгія слова и предъявлять ультиматумъ, неожиданно для себя и для своего короля поздравилъ его съ побѣдой [2]) и 15 декабря заключилъ съ нимъ союзъ, получивъ давно желанный Ганноверъ. Положеніе измѣнилось кореннымъ образомъ.

[1]) Bailleu, Königin Luise, 164.

[2]) Именно тутъ Наполеонъ сказалъ свою знаменитую фразу: „Вотъ поздравленіе, которое попало не по адресу“. Игра Наполеона съ неповоротли-

Александръ сообразилъ, что въ такой моментъ со стороны Пруссіи было бы верхомъ неблагоразумія объявлять войну Франціи. Ему нужна была прусская помощь, но не теперь, когда онъ самъ не зналъ, что ему дѣлать, а позднѣе, когда онъ оправится. Единоборство Пруссіи съ Наполеономъ могло кончиться только пораженіемъ ея, и тогда Александръ лишился бы союзника въ будущемъ. Поэтому онъ писалъ королю [1]), что считаетъ Пруссію свободной отъ обязательствъ по отношенію къ Россіи, но что готовъ всегда поддержать ее, если король этого захочетъ. Настроеніе короля послѣ Аустерлица, конечно, сдѣлалось еще болѣе миролюбивымъ. Онъ надѣялся сговориться съ Наполеономъ по-хорошему. Совсѣмъ другими чувствами была одушевлена Луиза. Аустерлицъ былъ для нея жестокимъ ударомъ. Ея рыцарь, разбитый, бѣжалъ съ поля битвы и теперь спѣшилъ въ Россію. Она плакала горькими слезами и, когда кругомъ эти слезы вызывали удивленіе, старалась скрыть ихъ настоящую причину: „Нужно не быть нѣмкой, чтобы не чувствовать всего этого“. Но она не только плакала. Съ упорствомъ влюбленной женщины она начала подготовлять для Александра реваншъ. Она агитировала за войну почти открыто, и военная партія, во главѣ которой стоялъ принцъ Луи-Фердинандъ, была въ восторгѣ. „Скажи королевѣ, — писалъ принцъ сестрѣ,—что, если бы были извѣстны ея чувства, та рѣшительность, съ какой она высказывается за хорошее дѣло и за энергичныя мѣры, — всѣ благомыслящіе люди и вся армія воздвигали бы ей алтари“. Но агитація королевы все-таки была вещью не совсѣмъ нормальной. Могъ разразиться скандалъ. Совѣтники короля не могли не обратить его вниманія на это. И, кажется, въ первый разъ между Луизой и Фридрихомъ Вильгельмомъ стали происходить несогласія, нерѣдко переходившія въ ссоры. Одинъ русскій дипломатъ пишетъ изъ Берлина: „Бѣдная королева — настоящій нашъ другъ. Ее очень жалко. Стоитъ только

вымъ Гаугвицемъ, который пріѣхалъ къ нему въ лагерь 25 ноября, велась артистически. Марбо (Мем. I, ch. 26) разсказалъ намъ одинъ изъ пріемовъ, при помощи которыхъ Наполеонъ охлаждалъ воинственный пылъ прусскаго дипломата. Немало помучилъ его и Талейранъ въ Вѣнѣ, къ которому императоръ отправлялъ этого опереточнаго дипломата, когда онъ очень надоѣдалъ ему.

[1]) 6 декабря, Briefwechs., № 84.

разсказать всѣ сцены съ королемъ, которыя она выдерживала, всѣ слезы, которыхъ мы ей стоили. А какъ хороша она, между прочимъ!“... [1]). Луиза предпочитала проливать слезы и выдерживать сцены съ королемъ, чѣмъ отказаться отъ работы для любимаго человѣка. И въ общественномъ мнѣніи она съ каждымъ днемъ находила все больше поддержки. Шенбрунскій договоръ 15 декабря былъ пересмотрѣнъ и подтвержденъ въ Парижѣ 15 февраля 1806 г. въ болѣе тяжелой для Пруссіи редакціи, а вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ началась демобилизація. Квартирующія въ Берлинѣ части возвращались домой, не выпустивъ ни одного ядра, но разстроенныя зимними переходами, стужей и дезертирствомъ. Настроеніе офицерства было бурное. Королева, про которую всѣ знали, что она за войну, становилась все популярнѣе. Первая манифестація арміи произошла 5 марта 1806 года. Полкъ Ансбахскихъ драгунъ еще при Фридрихѣ Великомъ получилъ привилегію высказывать свои желанія королю непосредственно. Пользуясь ею, командиръ полка графъ Калькрейтъ на смотру попросилъ короля назначить шефомъ полка королеву Луизу. Королю было невозможно отказать, хотя демонстрація была болѣе чѣмъ ясная. Онъ былъ очень недоволенъ, но армія ликовала...

Мало-по-малу королева сдѣлалась какъ бы выразительницей того чувства недовольства и униженія, которое разливалось въ верхнихъ кругахъ общества, какъ протестъ противъ тупости и неумѣлости дипломатіи и трусости короля. У нея было свое горе, но причина ея горя лежала тамъ же, гдѣ была причина горя арміи и воинственной аристократіи. И она сдѣлалась вождемъ той части общества, которая въ то время одна создавала общественное мнѣніе. У нея собирались „патріоты“, люди, не боявшіеся войны, старавшіеся спасти престижъ и самостоятельное существованіе Пруссіи: Штейнъ, Гарденбергъ, Блюхеръ, Рюхель, принцъ Луи, его сестра Луиза Радзивиллъ, Маріанна, жена принца Вильгельма, которая не хотѣла отставать отъ Луизы и которую ея поклонники звали „Германской Велледой“ [2]). Выходя отъ королевы, молодые гвардейскіе офицеры выбили однажды стекла у Гаугвица, виновника союза съ Фран-

---

[1]) Bailleu, Kön. Luise, 168.

[2]) Paléologue, „Profils de femmes“, 124—125.

ціей. Патріотическое возбужденіе не шло дальше арміи и очень ограниченнаго круга общества; но дипломаты волновались. Въ разговорѣ съ французскимъ посломъ Лафоре кабинетъ-министръ Ломбардъ дважды какъ бы оправдывалъ короля, то ссылаясь на „женское вліяніе и на неблагопріятное настроеніе двора", то указывая, что „въ семьѣ короля сильно русское вліяніе" [1]).

Нѣмецкіе панегиристы Луизы стараются затушевать воинственныя выступленія королевы, и даже Балье грѣшитъ этой патріотической слабостью. Свидѣтельства современниковъ, однако, не оставляютъ никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ. Весною Луиза поѣхала лѣчиться въ Пирмонтъ, потому что здоровье ея сдѣлалось дѣйствительно очень ненадежно. Тамъ, вдали отъ сдерживающаго вліянія короля, окруженная своими дамами и нѣсколькими воинственными принцессами, Луиза не всегда соблюдала мѣру. Слухи объ основаніи Рейнскаго союза довели ея раздраженіе до послѣдней степени. „Это не можетъ такъ продолжаться. Наполеонъ — негодяй (ein Elender)", восклицала она въ негодованіи. Разумѣется, эти маленькія манифестаціи производили большой шумъ въ Германіи и очень не нравились во Франціи. Берлинъ тревожился. Французскій дипломатъ Биньонъ, долго жившій въ это время въ Германіи и исполнявшій обязанности посла въ Берлинѣ года за три предъ тѣмъ, пишетъ по этому поводу [2]): „Направленныя противъ Франціи нескромныя заявленія королевы въ Пирмонтѣ были сдѣланы такъ открыто, что о нихъ узнала вся Германія. Не могли не узнать о нихъ и въ Берлинѣ. Кабинетъ почувствовалъ, какъ опасны эти неблагоразумныя выходки, и королева получила замѣчаніе насчетъ ихъ неудобства". Она сдѣлалась осторожнѣе. Но когда она 1 августа 1806 года вернулась въ Потсдамъ и вновь попала въ гущу военной партіи, она опять заразилась общимъ настроеніемъ. Отношенія съ Франціей были таковы, что предотвратить разрывъ было уже невозможно. Манифестаціи противъ Франціи становились шумнѣе. Въ театрѣ, гдѣ шелъ шиллеровскій „Валленштейнъ", раздавались воинственные крики. Принцы подали королю всеподданнѣйшее заявленіе, въ которомъ требовали отставки Гаугвица, Ломбарда и Бейля,

[1]) Лафоре Талейрану 22 февраля и 18 марта 1806 г. Preussen und Frankreich, №№ 336 и 338, стр. 443—445.

[2]) Histoire de France, V. 402.

какъ сторонниковъ мира. Офицеры ходили точить свои сабли на перронѣ французскаго посольства. Началась мобилизація. Армія стала передвигаться къ границамъ. 18 сентября Луиза встрѣтила свой драгунскій полкъ у воротъ Берлина, верхомъ, одѣтая въ его цвѣта. Она стала во главѣ его и повела его черезъ весь городъ въ Шарлоттенбургъ, гдѣ ему была назначена послѣдняя остановка передъ походомъ. Во дворцѣ для офицеровъ былъ устроенъ банкетъ, и всѣ восторженно привѣтствовали тостъ за шефа, предложенный командиромъ. Наполеонъ не оставилъ этой демонстраціи безъ ядовитаго отзыва. Въ его 1-мъ бюллетенѣ было сказано: „Королева прусская, одѣтая амазонкой, въ формѣ своего драгунскаго полка, пишетъ по двадцати писемъ въ день, чтобы зажечь пожаръ со всѣхъ сторонъ. Она напоминаетъ Армиду, которая въ ослѣпленіи поджигаетъ собственный дворецъ...“ [1]).

Эти очень не рыцарскія выходки французскаго императора сильно дѣйствовали на Луизу, но ее утѣшало одно: мысль, что она увидится съ Александромъ. У насъ имѣется нѣсколько писемъ ея за 1806 годъ. Въ нихъ много настоящаго чувства, которое сдерживается изо всѣхъ силъ, но рвется наружу неудержимо и властно. Для Луизы дорого всякое событіе, такъ или иначе связанное съ Александромъ. 17 апрѣля она пишетъ ему о желательности брака вел. кн. Екатерины Павловны съ молодымъ герцогомъ Брауншвейгскимъ и прибавляетъ: „Вы знаете мое сердце, вамъ нетрудно будетъ повѣрить, что, войдя въ среду семьи, которая васъ любитъ, оказавшись близъ меня, ваша сестра будетъ предметомъ моей любви и моихъ ласкъ“. 20 мая она шлетъ ему рекомендацію для герцогини Курляндской, которая ѣдетъ въ Петербургъ. И опять восклицаніе: „Будетъ ли мнѣ суждено когда-нибудь увидѣть этотъ прекрасный городъ и его прекрасныхъ жителей“. „Прекрасный житель“, которому было адресовано письмо, отлично понималъ эти робкія признанія. 21 мая она пишетъ ему опять, приглашая его въ Берлинъ, и опять рядъ какихъ-то, только имъ обоимъ понятныхъ намековъ. То, прося Александра прислать ей свой бюстъ, она играетъ словами и говоритъ о „первенствѣ своихъ правъ“, то шутя разсуждаетъ о разныхъ свойствахъ воздуха

[1]) Correspondance de Napoléon, т. XIII, 10967.

въ Петербургѣ, который заставляетъ забывать „старыхъ знакомыхъ“, и въ Шарлоттенбургѣ, который „укрѣпляетъ память и воспоминанія“. Слѣдующее письмо написано уже послѣ возвращенія въ Потсдамъ, 13 августа. Это — то самое, гдѣ Луиза зоветъ Александра въ Берлинъ и обѣщаетъ ему быть умницей. Черезъ мѣсяцъ, когда война уже готова вспыхнуть, Луиза въ тревогѣ. Она собирается сопровождать короля въ армію и пишетъ Александру трогательныя слова, что „вѣритъ въ него, какъ въ Бога, и что дружба ея кончится только вмѣстѣ съ ея счастьемъ“. Въ письмѣ изъ Веймара отъ 29 сентября Луиза, чтобы сдѣлать удовольствіе Александру, посвящаетъ нѣсколько ласковыхъ словъ М. А. Нарышкиной, которая какъ разъ въ это время проѣзжала черезъ Веймаръ и отношенія которой и Александра были ей хорошо извѣстны. Она готова на все, лишь бы снова дождаться счастья — увидѣть Александра. А онъ на всѣ эти робкія, сдержанныя, скрывающія страсть письма отвѣтилъ однимъ холодно-офиціальнымъ, гдѣ нѣтъ ни одного слова, идущаго отъ сердца, гдѣ онъ ссылается на мать, какъ онъ это сдѣлалъ въ 1810 году съ Наполеономъ, отказывая герцогу Брауншвейгскому въ рукѣ своей сестры.

У Луизы было нехорошо на душѣ, когда она уѣзжала въ армію. Прощаясь съ Луизой Радзивиллъ, она шепнула ей: „Скажите ему, что на него вся моя надежда“. „Онъ“ — это ея старый обожатель, принцъ Луи, котораго при дворѣ считали самымъ способнымъ изъ прусскихъ генераловъ. Но она бодрилась. Ей казалось, что солдаты, которые такъ восторженно привѣтствовали ее, не могутъ быть побѣждены. Но черныя крылья несчастія уже были распростерты надъ ней.

10 октября при Заальфельдѣ Ланнъ наголову разбилъ прусскій авангардъ, и принцъ Луи, надежда страны, палъ отъ руки французскаго солдата.

Луиза была въ ужасѣ, но Наполеонъ не далъ ей долго горевать. 14 октября были Іена и Ауэрштедтъ. Луиза едва ускользнула отъ французскихъ разъѣздовъ. О королѣ она не имѣла извѣстій три дня. „Гдѣ король, гдѣ армія?“ спрашивала она одного офицера, который обогналъ ее по дорогѣ. „Король — не знаю. Армія не существуетъ болѣе“, былъ отвѣтъ. 17-го передъ Берлиномъ она получила письмо отъ короля, въ тотъ же день прибыла въ столицу, гдѣ равнодушный народъ обнаружи-

валъ больше любопытства, чѣмъ участія [1]), за ночь собрала, что было можно во дворцѣ, на утро выѣхала и 19-го была въ Штеттинѣ. Оттуда она поѣхала въ Кюстринъ, гдѣ ее ждалъ король. Потомъ уже бѣжали вмѣстѣ: изъ Кюстрина въ Грауденцъ, изъ Грауденца въ Остероде, изъ Остероде въ Ортельсбургъ, изъ Ортельсбурга въ Кенигсбергъ. Туда прибыли 9 декабря.

Наполеонъ не оставилъ ее въ покоѣ и теперь. Чуть не въ каждомъ бюллетенѣ онъ возвращался къ ея роли и не щадилъ ее. Въ 8-мъ бюллетенѣ говорилось: „Наканунѣ (сраженія при Іенѣ) она дѣлала смотръ своему полку. Она безпрестанно возбуждала короля и его генераловъ. Она хотѣла крови...“ 9-й бюллетень нѣсколько мягче: „Повидимому, правда, что про нее (королеву) говорятъ: она была здѣсь (въ Веймарѣ), чтобы раздуть пламя войны. Это—женщина съ красивымъ лицомъ, но съ малымъ умомъ, неспособная предсказать послѣдствія своихъ поступковъ. Теперь нужно не обвинять, а жалѣть ее; ибо она должна горько раскаиваться въ тѣхъ несчастьяхъ, которыя она причинила своей родинѣ“. Въ 11-мъ бюллетенѣ—опять воспоминанія о томъ, какъ королева подстрекала короля къ войнѣ: „Она передала ему, что о немъ говорятъ, будто ему недостаетъ храбрости и что онъ не хочетъ воевать только потому, что боится стать во главѣ арміи“. И тутъ же лицемѣрная защита короля: „А на самомъ дѣлѣ король такъ храбръ, какъ ни одинъ изъ прусскихъ принцевъ“. Мы уже знаемъ, какъ непристойно была высмѣяна Луиза въ 17-мъ бюллетенѣ. 18-й продолжаетъ въ томъ же духѣ: „Перемѣна, происшедшая съ тѣхъ поръ (все съ того же визита Александра), въ королевѣ, которая изъ боязливой и скромной женщины, занятой своими домашними дѣлами, сдѣлалась буйной и воинственной — была внезапной революціей“ [2]).

Послѣ этого бюллетеня, словно сообразивъ, что начинаетъ повторяться и, быть-можетъ, понявъ, что травля несчастной женщины не принесетъ ему большой славы, Наполеонъ оставилъ Луизу въ покоѣ.

Катастрофа съ одной стороны, эти армейскія оскорбленія— съ другой, не могли не дѣйствовать на Луизу. Королева была

---

[1]) Luise Radziwill, 45 Jahre aus meinem Leben, стр. 171.

[2]) Correspondance de Napoléon, т. XIII, 11018, 11026, 11064, 11094.

совершенно убита горемъ, но врожденное благородство не покидало ее ни на минуту. Она много плакала, особенно сначала, но потомъ взяла себя въ руки и не только справилась съ собою но сумѣла поднять духъ и у короля. А это было нелегко. Онъ былъ до такой степени оглушенъ и перепуганъ, что первое время могъ говорить и думать только о мирѣ. Лишь неудача его попытокъ найти пріемлемую базу для переговоровъ привела и его къ сознанію, что борьба — единственный выходъ. Всѣ свидѣтельства сходятся на томъ, что Луиза принимала большое участіе въ этомъ поворотѣ [1]). Современники и историки громко восхваляютъ ее за это, что, конечно, заслуженно. Пруссія не могла мириться, не подписавъ смертнаго приговора своей роли въ Германіи. Но что побуждало Луизу дѣйствовать въ этомъ направленіи: одно ли инстинктивное пониманіе положенія, или что-нибудь еще? Миръ Пруссіи съ Наполеономъ—это было ясно—привелъ бы къ разрыву Пруссіи съ Россіей. Кровь русскихъ, которые погибли бы въ единоборствѣ Наполеона и Александра, могла навсегда помѣшать новому сближенію Пруссіи съ Россіей. Луиза, которая, подготовляя войну, мечтала только о томъ, чтобы еще разъ увидѣть Александра, не могла забыть этихъ печальныхъ для нея возможностей. Еще разъ сказались послѣдствія мудраго флирта Александра: союзникъ его въ домѣ прусскаго короля былъ энергиченъ и настойчивъ.

Миръ не состоялся. Отъ прусской арміи послѣ капитуляцій при Пренцлау и Швартау, сдачи Штеттина и Магдебурга не осталось ничего кромѣ нѣсколькихъ тысячъ подъ начальствомъ Лестока и гарнизоновъ Кольберга, Грауденца, Данцига и Кенигсберга. Зато приближались русскія войска. Началась польская кампанія 1807 года.

VI.

20 декабря былъ Пултускъ. Беннигсенъ кричалъ о побѣдѣ, но отступалъ. 28 была стычка при Сольдау и разбитъ Лестокъ. Кенигсбергъ оказался открытымъ Наполеону. Луиза должна была бѣжать дальше. Король былъ при арміи. Больная, она еле добралась до Мемеля, гдѣ стала ждать дальнѣйшихъ извѣстій. И извѣстія стали лучше. 7 и 8 февраля разразилось кро-

[1]) Bailleu, Königin Luise, 215.

вопролитное сраженіе при Эйлау, Наполеонъ отошелъ на западъ. Опасность, грозившая Кенигсбергу, прошла. Мало того, Наполеонъ самъ началъ переговоры о мирѣ. Въ Мемель пріѣхалъ его адъютантъ, генералъ Бертранъ, который имѣлъ, кромѣ прочаго, еще особое порученіе къ королевѣ; Наполеонъ высказалъ сожалѣніе о нападкахъ на Луизу и выражалъ надежду, если миръ будетъ заключенъ, черезъ двѣ недѣли лично представиться ей въ Берлинѣ. Луиза отвѣчала Бертрану очень холодно, королю совѣтовала „оставаться твердымъ", а Гарденбергу, который былъ теперь призванъ къ совѣщаніямъ, успѣвала шепнуть на ухо: „упорство!" [1]).

Гарденбергъ, конечно, взвѣшивалъ всѣ соображенія, высказываясь противъ отдѣльнаго отъ Россіи мира съ Наполеономъ. Но Луиза прежде всего думала объ Александрѣ: сепаратный миръ съ Франціей былъ равносиленъ разрыву съ Россіей.

Александръ, однако, встревожился. Онъ не очень надѣялся на твердость короля, четыре мѣсяца назадъ умолявшаго Наполеона о мирѣ, и рѣшилъ при первой же возможности освѣжить привязанность и симпатію къ себѣ при прусскомъ дворѣ. 2-го апрѣля онъ пріѣхалъ въ Мемель. Луиза не могла сдержать слезъ при свиданіи съ нимъ и снова вся цѣликомъ отдалась во власть очарованія. „Я не могу передать, — писала она сестрѣ, — что я чувствовала, когда я хотѣла благодарить его, выразить ему нашу признательность. Никакъ не удавалось мнѣ это, слезы душили каждое слово, самъ онъ былъ такъ растроганъ, такъ печаленъ, но въ то же время такъ великъ, такъ благороденъ, когда говорилъ съ идущимъ изъ глубины души убѣжденіемъ: я выполняю только свой долгъ!" [2]).

А этотъ растроганный и печальный рыцарь торопился добиться у короля того, что ему было нужно. Цастровъ, настроенный въ пользу мира, былъ удаленъ; Гарденбергъ, стоявшій за войну, сдѣланъ первымъ министромъ. Но этого Александру было мало. Ему нужна были увѣренность, что Пруссія не заключитъ отдѣльнаго мира съ Наполеономъ. Бартенштейнская конвенція 26-го апрѣля дала ему эту увѣренность [3]).

---

[1]) Bailleu, тамъ же, 221.

[2]) Bailleu, тамъ же, 223.

[3]) Есть мнѣніе (его раздѣляетъ и в. кн. Николай Михайловичъ), что Бартенштейнъ былъ выгоденъ исключительно Пруссіи, что Александръ лишь

Для Луизы, казалось, настали лучшіе дни. Она ѣздила съ мужемъ и Александромъ въ Кидуллы на смотръ (еще до Бартенштейна, 10-го апр.), но держалась по отношенію къ Александру очень осторожно, чтобы не дать новой пищи злословію враговъ. Оттуда она поѣхала въ Кенигсбергъ и написала ему письмо, въ которомъ объясняетъ, почему она была такъ сдержанна съ нимъ въ Кидуллахъ. Тутъ она даетъ волю своему чувству: „Безконечное удовольствіе, которое я переживаю, бесѣдуя съ вами, дѣлаетъ меня эгоисткой. Я думаю только о себѣ, о наслажденіи, которое даетъ мнѣ письмо къ вамъ... Въ васъ воплотились всѣ совершенства, которыя люди всегда любятъ, какъ прекрасный идеалъ, наполняющій душу, но неосуществимый въ жизни. Нужно знать васъ, чтобы вѣрить въ совершенство. Но нельзя узнать васъ, не подвергаясь опасности привязаться на всю жизнь къ эмблемѣ добродѣтелей... Все, о чемъ я васъ прошу — не сжигать этого письма. Оно доказываетъ вамъ, какъ я васъ люблю. Пока я буду сама хорошей, пока я буду любить добродѣтель, я буду привязана къ вамъ всѣми тѣми чувствами, которыми я привязана къ Провидѣнію“ [1])... Искренны или нѣтъ эти изліянія? Нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ этомъ? Наивная нѣмецкая восторженность даетъ только слова, которыя звучатъ нѣсколько странно на французскомъ языкѣ [2]). Чувство идетъ изъ души. Луиза лишена возможности видѣться съ Александромъ, хотя онъ совсѣмъ близко отъ нея. Она отъ этого страдаетъ и горько жалуется въ другомъ письмѣ, отъ 10-го іюня [3]): „Одна изъ самыхъ большихъ жестокостей Бонапарта — то, что онъ нашелъ способъ отдалить насъ другъ отъ друга и лишить меня счастія принять васъ въ моей собственной странѣ... Я буду жаловаться на эту жестокость, пока вы будете жить въ Тильзитѣ; моимъ долгомъ было бы отправиться туда, но это чудовище сумѣло разорвать отношенія, такія невинныя...“

Это было послѣднимъ письмомъ Луизы изъ Кенигсберга.

по непонятному ослѣпленію рѣшился заключить договоръ. Съ этимъ трудно согласиться. Въ данный моментъ Бартенштейнъ *нуженъ былъ* только Александру.

[1]) Briefwechsel, № 458.

[2]) Ср. Sorel, VII, 161, прим.

[3]) Briefwechsel, № 461.

14-го былъ Фридландъ, а послѣ Фридланда очень скоро потянулись дни Тильзита. Бѣдная Луиза опять очутилась въ Мемелѣ, и оттуда 25-го іюня послала Александру еще одно письмо, жалобный стонъ, трогательный и безнадежный. Луиза словно предчувствуетъ, какую злую игру поведетъ ея „Провидѣніе“.

Тильзитъ — одинъ изъ самыхъ характерныхъ эпизодовъ жизни Александра. Его отношенія къ Наполеону, съ одной стороны, къ Фридриху-Вильгельму и Луизѣ, съ другой, — показываютъ, какъ жестоко заблуждались тѣ изъ современниковъ, въ томъ числѣ и Луиза, которые считали Александра ангеломъ и идеаломъ благородства. Послѣ Фридланда Александръ не задумался сдѣлать то, чего такъ опасался со стороны Пруссіи, для предупрежденія чего подписалъ Бартенштейнскую конвенцію: самостоятельно, безъ соглашенія съ Пруссіей, заключилъ перемиріе съ Наполеономъ.

Это было явнымъ нарушеніемъ договора съ Пруссіей, и нѣмецкіе историки съ Трейчке во главѣ справедливо называютъ тильзитскія прелиминаріи вѣроломствомъ. Вѣроломство притомъ было не только политическое, но и личное. Александръ тысячи разъ давалъ прусскому королю завѣренія въ дружбѣ, настойчиво звалъ его въ союзъ противъ Франціи, убѣдилъ несчастную Луизу въ томъ, что въ борьбѣ съ Наполеономъ — единственное счастіе для Пруссіи, увлекъ ее блестящими перспективами и неискреннимъ паѳосомъ на погибельный путь. А теперь, когда Пруссія осталась безъ войска, безъ денегъ, безъ территоріи, не задумался покинуть ее на произволъ судьбы. Политическія соображенія подсказывали ему, что послѣ Фридланда, когда пропала надежда поднять Австрію, лучше мириться одному, а не ставить на вѣсы рядомъ съ собою совершенно безсильную, уничтоженную Пруссію. Но по мѣрѣ того, какъ для него выяснялись намѣренія Наполеона насчетъ Польши, онъ сталъ приходить къ пониманію, что невозможно допустить полное сокрушеніе Пруссіи. Возстановленіе Польши было угрозою Россіи даже въ невинной сравнительно формѣ Герцогства Варшавскаго. Если бы Пруссія была окончательно выброшена изъ ряда державъ, Александру не на кого было бы опираться въ своихъ планахъ противъ Польши. Вотъ почему, по мѣрѣ того, какъ подвигались переговоры, Александръ все энергич-

нѣе защищалъ интересы Пруссіи. Подсказывало ему эту политику вовсе не рыцарское чувство по отношенію къ королевѣ Луизѣ, какъ утверждаетъ вел. кн. Николай Михайловичъ [1]), а холодный расчетъ, сознаніе возможности будущихъ осложненій изъ-за Польши [2]). Александръ еще разъ показалъ себя великолѣпнымъ дипломатомъ.

Для Луизы измѣна Александра была двойнымъ ударомъ: и политическимъ и личнымъ. Очевидно, подъ вліяніемъ этого удара она пыталась сблизиться съ представителями Англіи въ Мемелѣ, на что такъ горько жаловался русскій повѣренный въ дѣлахъ, баронъ Криднеръ [3]). Но въ политикѣ трудно было найти путь для новой системы, а въ сердцѣ — для забвенія старой привязанности.

Когда все было кончено, миръ заключенъ, Александръ уѣхалъ въ Россію, королевская семья перебралась въ Кенигсбергъ, Луиза писала однажды [4]) своей подругѣ, г-жѣ Бергъ: „Онъ (Александръ) не заслуживаетъ больше писемъ отъ меня, такъ какъ онъ могъ забыть обо мнѣ (me négliger) въ моментъ, когда все соединялось, чтобы сдѣлать меня такъ безпощадно несчастной, когда не оставалось страданій, съ которыми бы я не познакомилась. Нѣтъ, правда, міръ — не лучшій изъ міровъ, и люди въ немъ не лучшіе изъ людей. Не нужно Лагарповъ для моихъ сыновей. Нужны Ансильоны“.

Эти строки, полныя отчаянія и глубокаго пессимизма, ставящія чиновника съ продажными убѣжденіями выше свободолюбиваго ученаго республиканца, могла написать только женщина, задѣтая въ своихъ *личныхъ* чувствахъ. Но такъ сильны

---

1) „Имп. Александръ“, I, 48. Сознательно или безсознательно Александръ послѣдовалъ совѣту матери, убѣждавшей его (еще до Бартенштейна, письмомъ отъ 14-го марта) мириться съ Наполеономъ „не тогда, когда захочетъ этого Пруссія, а когда *вы* захотите этого и сочтете почетнымъ и необходимымъ для вашего государства“. „Имп. Александръ“, тамъ же.

2) Ср. Вандаль, „Наполеонъ и Александръ“, т. I, 101.

3) Въ письмѣ къ Румянцеву. Сборн. Имп. Рус Ист. Общ., т. 89, стр. 93. Криднеръ относитъ это ко времени, непосредственно слѣдовавшему за Кидуллами, но онъ ошибается (письмо написано 12-го окт. н. с.). Намеки на ухаживанія за англичанами имѣются въ письмахъ Луизы къ королю въ Тильзитъ.

4) Briefwechsel, стр. 469, прим. Балье относитъ это письмо къ іюню 1808 года. Намъ кажется, что оно написано въ концѣ лѣта или осенью 1807 г., когда еще впечатлѣнія Тильзита были свѣжи.

были эти чувства, что Луиза не сразу повѣрила въ измѣну Александра, а потомъ, оплакавъ эту измѣну, долго носила въ своей душѣ нетронутой старую привязанность. Это можно доказать документально.

Все время пребыванія короля въ Шавляхъ Пиктупененѣ и Тильзитѣ между нимъ и королевой шла самая дѣятельная переписка, найденная и опубликованная все тѣмъ же неутомимымъ Паулемъ Балье [1]).

Въ этихъ письмахъ раненая душа несчастной женщины раскрывается вся цѣликомъ.

Король былъ въ Мемелѣ, когда пришло извѣстіе о Фридландскомъ разгромѣ. Это было 16-го іюня. Какъ только выяснилось, что Мемелю французы непосредственно не угрожаютъ, онъ поѣхалъ въ Шавли къ Александру, куда прибылъ 21-го. И то, что онъ тутъ увидѣлъ, сразу наполнило его безпокойствомъ. Было ясно, что Александръ не думалъ продолжать войну, что переговоры о перемиріи уже идутъ, что союзникъ распорядился безъ вѣдома Пруссіи, что, быть можетъ, предстоитъ видѣться съ Наполеономъ. Все это онъ добросовѣстно сообщилъ королевѣ въ первомъ письмѣ [2]). Луиза пришла въ ужасъ. Наполеону она расточаетъ самыя крѣпкія слова, которыя она находитъ въ своемъ французскомъ лексиконѣ [3]), но даже не задумывается надъ тѣмъ, что тутъ дѣйствуетъ воля Александра. „Всѣ его прекрасныя намѣренія испорчены, исковерканы этимъ ужаснымъ Беннигсеномъ. Неужели онъ не прикажетъ его разстрѣлять или, по крайней мѣрѣ, лишить командованія!“ Два дня спустя она опять возвращается къ той же мысли: „Передайте мой привѣтъ императору. Я его очень жалѣю. Его добрыя намѣренія исполнялись такъ плохо, и онъ не въ силахъ справиться съ толпою злонамѣренныхъ людей, во главѣ которыхъ — великій князь“ [4]). Король съ своей стороны, очевидно, со словъ самого Але-

---

[1]) Deutsche Rundschau, B. XXVIII, 4 и 5. „Die Verhandlungen in Tilsit (1807). Briefwechsel König Friedrich Wilhelms III und der Königin Luise“, veröff. von P. Bailleu.

[2]) D. Rundschau, XXVIII, 4, стр. 32.

[3]) D. R. XXVIII, 4, стр. 34: „Voir l'origine du mal! le fléau de la terre! tout ce qu'il y a d'infame et de méchant réuni dans une personne“ etc.

[4]) Константинъ Павловичъ. D. R., тамъ же, стр. 37.

ксандра, разсказываетъ Луизѣ о „гигантскихъ усиліяхъ“, которыя дѣлалъ императоръ, чтобы спасти Пруссію, о его дружбѣ къ нему, о его расположеніи къ Пруссіи и проч. Вся подъ впечатлѣніемъ этой вѣры въ Александра со стороны короля, Луиза сама написала ему. Это единственное письмо къ царю за время Тильзита [1]). Съ каждой строки его брызжутъ слезы, но надежда еще теплится, подогрѣтая болѣе нѣжнымъ личнымъ чувствомъ: „На сердце, которое вмѣщаетъ всѣ добродѣтели, возлагаю я всѣ надежды на будущее. Что станетъ безъ васъ съ этимъ будущимъ, что станетъ съ королемъ, съ моими дѣтьми... Ахъ, дорогой кузенъ, не покидайте насъ. Если бы вы могли видѣть мое сердце, прочесть тамъ всю мою признательность за благодѣянія, уже совершенныя, вы, вѣроятно, были бы тронуты необъятностью моей преданности и моей вѣры въ васъ“. И Луиза прибавляетъ слова еще болѣе трогательныя: „Здоровье мое пострадало отъ всѣхъ этихъ безпокойствъ. Но это все равно, лишь бы вы и король устояли передъ всѣмъ. Я — существо столь мало интересное, и если я не выдержу, это ничего. Лишь бы былъ спасенъ король и не было отнято будущее у моихъ дѣтей; лишь бы король жилъ счастливый и независимый. Тогда я буду рада сдѣлаться жертвою за все это“. На другой день, въ письмѣ къ королю, оплакивая его свиданіе съ Наполеономъ, какъ послѣднее униженіе, Луиза пишетъ: „Но у меня одно утѣшеніе, что, будучи вмѣстѣ съ императоромъ... вы раздѣлили скандалъ съ человѣкомъ большого авторитета и признанной всѣми честности“ [2]).

Но мало-по-малу даже въ неповоротливомъ мозгу Фридриха Вильгельма зашевелилось подозрѣніе: хлопочетъ, хлопочетъ Александръ, а толку мало. 29-го іюня, посылая Луизѣ письмо фельдмаршала Калькрейта, прусскаго уполномоченнаго въ переговорахъ, считавшаго необходимымъ ея пріѣздъ въ Тильзитъ, король уже не скрываетъ, что у него нѣтъ надеждъ, умоляетъ ее быть осторожной въ выраженіяхъ, и прибавляетъ по-нѣмецки (переписка вся на французскомъ языкѣ): „Отнынѣ у насъ нѣтъ другого выхода, съ тѣхъ поръ, какъ и Россія измѣнила свою систему, измѣнила вынужденная (если бы въ другое время

---

[1]) $^{12}/_{25}$ (?) іюня. Briefwechsel, № 462.
[2]) D. R., ibid., стр. 97.

это случилось съ нами, сочли бы за преступленіе") [1]... Луиза живо почувствовала сдержанный горькій упрекъ Александру въ этихъ жалобныхъ скобкахъ. И она вся на сторонѣ своего несчастнаго, не смѣющаго даже громко пожаловаться, мужа: „То, что Россія измѣнила свою систему, меня удивляетъ, но еще больше то, что вы допускаете здѣсь nothgedrungen (вынужденность). Во-первыхъ, Россія не потеряла ни пяди земли; она не заплатила ни копейки своимъ войскамъ, потому что мы платили имъ. Провіантъ только теперь начинаетъ приходить изъ Россіи, великолѣпные резервы находятся въ пути" и т. д. Но нѣсколькими строками ниже опять старая музыка: „Какъ мнѣ жаль милаго (cet excellent) императора Александра. Я увѣрена, что его сердце разрывается отъ того, что при столькихъ добрыхъ намѣреніяхъ онъ не можетъ ничего сдѣлать, чтобы видѣть васъ такимъ счастливымъ и могущественнымъ, какъ бы ему хотѣлось. Слава Богу, что Силезія спасена изъ когтей, но наши милыя Kern-Provinzen! Ach, Gott!" [2]). И въ письмѣ она какъ будто не хочетъ понять того, на что давно намекаетъ ей мужъ: что самъ Александръ не хочетъ настаивать лично передъ Наполеономъ больше, чѣмъ ему кажется удобнымъ. Король не говоритъ пока этого прямо, и Луиза, пользуясь этимъ, проводитъ свою теорію: что Александръ весь полонъ добрыми намѣреніями, а окружающіе вредятъ дѣлу и вредятъ Пруссіи. Король почувствовалъ, наконецъ, это, и въ послѣднемъ письмѣ, отъ 4 іюля, которое Луиза получила уже по дорогѣ въ Тильзитъ, онъ высказываетъ свое мнѣніе открыто. Это было необходимо: Луиза могла повредить дѣлу со своей теоріей. „Было бы напрасно,—пишетъ Фридрихъ-Вильгельмъ,—надѣяться, что императоръ Александръ когда-нибудь заговоритъ съ Наполеономъ энергично. Все, что онъ сможетъ получить для меня путемъ разговоровъ, онъ, конечно, получитъ. Но ничего болѣе, я вамъ ручаюсь. Въ этомъ отношеніи всѣ слѣды энергіи исчезли со стороны Россіи. Рѣшили, повидимому, примириться съ необходимостью, какъ говорятъ здѣсь" [3]).

Это письмо должно было внести рѣшительныя поправки въ

---

[1]) D. R., XXVII, 5, стр. 205. № 58.
[2]) D. R., ib., стр. 208.
[3]) D. R., ib., 216.

теорію Луизы насчетъ Александра, и если у нея вообще оставались какія-нибудь иллюзіи, то за два дня пребыванія въ Тильзитѣ исчезли и онѣ.

VII.

Александръ поставилъ себѣ въ Тильзитѣ очень трудную задачу: внушить Наполеону увѣренность, что онъ весь подъ обаяніемъ его величія и готовъ передъ нимъ преклоняться, какъ передъ міровымъ геніемъ. Онъ убѣдился, что до поры до времени ему трудно открыто мѣряться силами съ французскимъ императоромъ, и старался о томъ, чтобы выиграть время. Для этого ему нужно было усыпить малѣйшія подозрѣнія Наполеона. Онъ рѣшилъ не останавливаться для этого ни передъ чѣмъ, даже передъ униженіями. Ненависть къ Наполеону не утратила ни въ силѣ, ни въ остротѣ, но онъ сумѣлъ ее скрыть и опасался ее обнаружить какимъ-нибудь неосторожнымъ поступкомъ. Добившись того, что Пруссія не будетъ вычеркнута изъ числа державъ, онъ успокоился и пересталъ о ней заботиться. Короля онъ не любилъ и мало огорчался его несчастнымъ видомъ. Что касается Луизы, то онъ былъ увѣренъ въ своей власти надъ ней и зналъ, что она проститъ ему все.

Пріѣздъ Луизы въ Тильзитъ былъ вызванъ желаніемъ Наполеона видѣть ее. Но Наполеонъ не выразилъ прямо своего желанія. Мюратъ сказалъ объ этомъ какъ-то въ бесѣдѣ съ Калькрейтомъ, а Наполеонъ въ тотъ же день (29 іюня) за обѣдомъ поднялъ бокалъ „за здоровье королевы Прусской". Такъ какъ дѣла Пруссіи шли очень плохо, то совѣтники короля настаивали на ея пріѣздѣ. Король, повидимому, былъ не въ очень большомъ восторгѣ отъ предстоящаго визита. Онъ понималъ, что для переговоровъ будетъ польза, но его смущали разныя другія вещи. Наполеонъ утверждалъ впослѣдствіи, что король ревновалъ Луизу къ Александру [1]). Въ этомъ, можетъ быть,

[1]) Mémorial de Sainte-Hélène, двухтомн. изд. 1905 г., I, 737: „On a pensé que le roi l'en avait empeché jusque-là par le commencement de jalousie contre un grand personnage. Et cette jalousie n'était pas, assurait-on, sans quelque léger fondament. Принцесса Луиза Радзивиллъ передаетъ и другой случай. Когда оба императора проѣзжали мимо дома, назначеннаго для Луизы, Наполеонъ воскликнулъ, указывая на него Александру: „Ну что! Ничего не говоритъ вамъ ваше сердце?" („45 Jahre aus meinem Leben" 222).

есть нѣкоторая правда. По крайней мѣрѣ, въ послѣднихъ письмахъ короля изъ Тильзита встрѣчаются намеки на Александра въ совсѣмъ неожиданной формѣ. „Мелочи военнаго быта французской арміи интересуютъ его очень сильно, но не меньше и хорошенькія тильзитскія дѣвицы“ [1]). Королю хотѣлось дать понять Луизѣ, что Александръ просто Донъ-Жуанъ и что она не должна вѣрить его сладкимъ рѣчамъ. А потомъ Фридриха-Вильгельма смущало другое: самъ Наполеонъ не сказалъ ему, что ему будетъ пріятенъ пріѣздъ королевы. Какъ относился къ пріѣзду Луизы Александръ, понять мудрено. Самой Луизѣ онъ говорилъ теперь, что имъ лучше быть подальше другъ отъ друга, чтобы не давать пищи разговорамъ, и мы видѣли, какъ оплакивала Луиза въ письмахъ къ нему это его рѣшеніе. Въ разговорѣ съ Наполеономъ онъ, вѣроятно, все-таки говорилъ о Луизѣ съ оттѣнкомъ фатовства, такъ ему свойственнымъ. Иначе трудно было бы объяснить намеки Наполеона [2]). Бесѣдуя съ королемъ, онъ сокрушался, что пріѣздъ Луизы обставленъ съ внѣшней стороны не совсѣмъ такъ, какъ нужно [3]). Вообще онъ путалъ. Естественнѣе всего предположить, что Александръ не былъ радъ пріѣзду Луизы, потому что ему было совѣстно передъ нею и потому еще, что онъ предчувствовалъ свое безсиліе ей помочь. Онъ угадывалъ, что играть свою роль съ Наполеономъ въ присутствіи Луизы,—а не играть было нельзя,—значило погубить если не симпатіи ея, то, по крайней мѣрѣ, то восторженное поклоненіе, которое такъ ему льстило. Но Александру нельзя было высказываться противъ пріѣзда Луизы: это разсердило бы Наполеона и огорчило пруссаковъ, такъ сильно уповавшихъ на свою королеву.

Для самой Луизы пріѣздъ въ Тильзитъ былъ настоящей Голгоѳой. Она чувствовала себя отвратительно и потому, что была по обыкновенію беременна, и потому, что ее терзало несчастье. Ѣхать, зная, что король соглашается на это нехотя, что Александръ этого не хочетъ [4]), не получая прямого приглашенія

---

[1]) Deut. Rundschau, XXVIII, 5, стр. 215.

[2]) Mémorial, I, 738—739. Ср. разсказъ, переданный О'Мэрой и приведенный выше стр. 48—49

[3]) Deutsche Rundschau, ibid., 215.

[4]) D., R., ib., 207: L'empereur de la Russie a assez témoigné qu'il ne voulait point de rapprochement (т.-е. число территоріальнаго) avec moi pour

отъ Наполеона, она считала такъ же, какъ и король, униженіемъ для себя, и это мучило ее еще больше. Вся гордость, все достоинство ея возмущалось, когда она думала о томъ, что должна встрѣтиться съ человѣкомъ, такъ грубо обидѣвшимъ въ ней женщину, и не только встрѣтиться, но быть съ нимъ любезной, расточать передъ нимъ просьбы, выносить послѣ казарменныхъ оскорбленій казарменныя любезности... „Въ груди моей — кинжалъ“, писала она королю. И все-таки поѣхала. То была великая жертва королевы и женщины, и Моммзенъ правъ, называя Луизу Ифигеніей освободительныхъ войнъ [1]).

Наполеонъ былъ радъ и гордъ, что Луиза рѣшила пріѣхать. Насколько пріятенъ былъ ему ея пріѣздъ, видно изъ того, что онъ писалъ о ней Жозефинѣ нѣсколько разъ [2]). 6-го онъ сообщаетъ ей: „Прекрасная королева прусская будетъ сегодня обѣдать у меня“. На другой день: „Другъ мой! Королева прусская вчера у меня обѣдала. Я долженъ былъ быть насторожѣ, чтобы не сдаться на ея настоянія и не уступить еще чего-нибудь ея мужу. Я былъ галантенъ, но держался своей политической линіи“. 8-го іюля: „Прусская королева дѣйствительно очаровательна. Она очень кокетлива со мною. Но не ревнуй. Я — какъ клеенка, по которой все это только скользитъ. Изображать любезнаго кавалера стоило бы мнѣ слишкомъ дорого“. Впечатлѣніе, произведенное на Наполеона Луизою, было гораздо сильнѣе, чѣмъ онъ изображалъ его Жозефинѣ. На св. Еленѣ онъ признавался, что если бы она пріѣхала къ началу переговоровъ, Калькрейтъ добился бы гораздо большаго [3]). Даже за тѣ два дня, что она провела въ Тильзитѣ, онъ былъ однажды (въ первое свиданіе) совсѣмъ готовъ уступить. Но какъ разъ въ это время въ комнату, гдѣ происходилъ политическій tête-à-tête, вошелъ король. Наполеонъ говорилъ потомъ Александру: „Король вошелъ во-время. Приди онъ на четверть часа позже, я обѣщалъ бы ей все“ [4]). Красота и благородство

---

les raisons à vous connus, et en disant que pour traiter d'affaires, les femmes ne devaient point être presentes.

[1]) Mommsen. Reden und Aufsätze, 64 (рѣчь, посвященная памяти Луизы).

[2]) Correspondance, XV, 12681, 12869, 12875.

[3]) Mémorial, тамъ же.

[4]) Prinzessin Luise von Preussen, Fürstin Radziwill, „45 Jahre aus meinem Leben“, стр. 225.

Луизы заставили Наполеона совершенно перемѣнить отношеніе къ ней. Съ этихъ поръ, говоря о ней, онъ неизмѣнно выражалъ восхищеніе и уваженіе, всегда расточалъ ей похвалы [1]).

Луиза видѣла, какое она производитъ впечатлѣніе, и старалась этимъ воспользоваться. На многое она, конечно, не надѣялась, но думала, что ей удастся, по крайней мѣрѣ, отстоять крѣпость Магдебургъ, которую Наполеонъ рѣшилъ отдать, вмѣстѣ съ западными частями Пруссіи, королевству Вестфаліи. Тѣмъ болѣе тяжело было ей разочарованіе. Въ послѣдній обѣдъ Наполеонъ протянулъ ей розу, и Луиза въ отвѣтъ на кокетливую и трогательную мольбу: „Съ Магдебургомъ?“ услышала холодный отказъ [2]). Легче было добиться чего-нибудь отъ тонкой толедской шпаги императора, чѣмъ отъ него самого.

Политическая миссія ея была безуспѣшна. Жертва на алтарь родины пропала даромъ. Нечеловѣческое нервное напряженіе больной женщины не принесло пользы Пруссіи. Но если Луиза уѣзжала изъ Тильзита истощенная въ конецъ, то этому была и другая причина, болѣе интимная. „Она видѣла,— говоритъ Сорель [3]),— за этимъ столомъ пытокъ, въ этомъ салонѣ униженія, друга, который вызывалъ такое преклоненіе и который теперь былъ неузнаваемъ, такого Александра, о какомъ она не подозрѣвала: полную противоположность прежнему, карикатуру на него, съ игривой улыбкой на довольномъ лицѣ кукольнаго архангела“. Луиза искала и не находила въ его глазахъ вдохновенія мемельскихъ дней 1802 года, рыцарской восторженности, готовности на подвигъ, плѣнявшей ее въ Потсдамѣ полтора года назадъ. Она уже не думала теперь сравнивать его съ Альпами.

Глубокое, горькое разочарованіе въ Александрѣ такъ и струится, словно жемчужины слезъ, со страницъ писемъ Луизы къ брату, наслѣдному принцу мекленбургскому Георгу. Вотъ что она пишетъ ему изъ Мемеля 5 августа, т.-е. приблизительно

---

[1]) Гертруда Кирхейзенъ. Женщины вокругъ Наполеона, стр. 328. Bailleu, Kön. Luise, 250.

[2]) Марбо, который былъ въ это время въ Тильзитѣ, передаетъ разсказъ по другому. У пояса королевы была чудесная роза. Наполеонъ сталъ ее хвалить. Луиза тогда сказала: „Хотите, ваше величество, я дамъ вамъ эту розу въ обмѣнъ на Магдебургъ»? Наполеонъ отказалъ. Marbot, Mém. т. I, гл. 36.

[3]) L'Europe et la Révolution, VII, 148.

черезъ мѣсяцъ послѣ возвращенія изъ Тильзита: „Богатая опытомъ, бѣдная вѣрою, кладу я усталую голову къ тебѣ на грудь. Ахъ, Георгъ, какая судьба, какое будущее, какое прошлое! Возможно ли, чтобы Богомъ были созданы такіе люди, которыхъ я видѣла! *Добрые творятъ зло*,—дьяволы это зло высиживаютъ (brüten es aus) и обучаютъ ему тѣхъ. Вотъ что я видѣла лицомъ къ лицу". И спустя четыре дня: „Если ты находишь, что послѣднія письма, дошедшія до васъ, написаны не такъ, не такъ спокойны, какъ ты могъ ихъ ожидать, судя по первымъ, то я скажу тебѣ: ничто на свѣтѣ не потрясаетъ меня такъ, какъ видъ паденія *добрыхъ людей*, какъ необходимость отказаться отъ надеждъ, *построенныхъ на добродѣтели*" [1]). Упрековъ нѣтъ недавнему кумиру: одна робкая жалоба на судьбу. Какъ будто судьба предала ее Наполеону, а не бывшій другъ!

И все-таки Тильзитъ не прошелъ даромъ для Луизы. Въ какихъ-то тайникахъ ея души, не чуждой мистическаго порыва, она нашла горькое утѣшеніе: что чаша испита до дна и что отнынѣ для Пруссіи начнется возрожденіе. Но она вовсе не думала спокойно ждать, когда придетъ возрожденіе. Она работала. Сначала объ руку со Штейномъ, потомъ поддерживая Гарденберга, пока хватало силъ, она дѣлала все, чтобы облегчить Пруссіи борьбу съ результатами разгрома. Мало того, во внѣшнихъ дѣлахъ, когда можно было это сдѣлать по секрету отъ страшнаго Наполеона, она своими нѣжными руками ковала первыя звенья коалиціи 1813 года. На этой почвѣ у нея возобновились отношенія и съ Александромъ.

Послѣ Тильзита Александръ не могъ не чувствовать, какое тяжелое впечатлѣніе долженъ былъ онъ произвести на Луизу. И онъ не пробовалъ напоминать ей о себѣ въ теченіе цѣлаго года. Онъ зналъ женщинъ и хотѣлъ дать зажить ранамъ Луизы. Написалъ онъ ей, повидимому [2]), въ первый разъ послѣ Тильзита 30 августа 1808 года, когда уже рѣшился ѣхать въ Эрфуртъ на свиданіе съ Наполеономъ и такъ или иначе дол-

[1]) Письма къ принцу Георгу напечатаны все тѣмъ же Балье въ Deutsche Rundschau, XXVII, 3, стр. 382—383. Они большей частью написаны по-нѣмецки. Курсивъ мой.

[2]) Письмо не сохранилось. Предположеніе о датѣ принадлежитъ Балье. Briefwechs., стр. 469.

женъ былъ лично увѣдомить объ этомъ Луизу. Такъ какъ ни для кого не было секретомъ, что въ Эрфуртѣ будутъ обсуждаться отношенія Франціи съ Австріей, такъ какъ уже въ это время война между двумя этими имперіями считалась возможной, то Луиза сочла своимъ долгомъ предупредить Александра. Она начинаетъ свое письмо [1]) словами, въ которыхъ слышится упрекъ за Тильзитъ: „Ваше письмо носитъ на себѣ отпечатокъ вашей души, т.-е. дышитъ *только* [2]) нѣжностью и добротой"... Потомъ она переходитъ къ политикѣ, и мудрыя, дальновидныя слова ея, вѣроятно, — отголосокъ мнѣній Штейна: „Вы увидите снова Наполеона, человѣка, который, я знаю, внушаетъ вамъ ужасъ, какъ и мнѣ... Я заклинаю васъ, дорогой кузенъ, со всей нѣжностью, на какую способна моя дружба, будьте осторожны съ этимъ ловкимъ обманщикомъ и прислушайтесь къ моему голосу, который говоритъ только ради васъ, ради вашей славы, которую я люблю, какъ свою собственную: не давайте увлечь себя на какіе-либо шаги противъ Австріи. Я увѣрена, что онъ будетъ васъ на нихъ подбивать... Слѣдуйте вашему сердцу, вашимъ наклонностямъ. Я никогда не перестану взывать къ этому сердцу, которому присущи всѣ добродѣтели, которое хочетъ добра, не терпитъ зла и несправедливости. Дайте ему твердо и энергично увидѣть эту добродѣтель. Вы могущественны, вы должны, вы можете еще, слава Богу, имѣть желанія, имѣть намѣренія, которыя вы хотите видѣть выполненными. Пусть софизмы не путаютъ вашихъ мыслей, которыя чисты и просты, потому что онѣ принадлежатъ добродѣтели, любви къ добру. О, дорогой кузенъ, отчего душа моя не можетъ незримо сопровождать васъ, чтобы быть вашимъ геніемъ-хранителемъ! Прислушайтесь къ моему голосу. Это — голосъ друга, какого у васъ нѣтъ второго на свѣтѣ"...

Мы намѣренно выписали чуть не цѣликомъ это длинное письмо. Какая разница съ прежними! Въ тѣхъ были простыя слова и настоящее чувство, здѣсь—сплошная риторика. Чувство умерло или умираетъ. Потребность общаться прошла, и только необходимость заставляетъ браться за перо. Слѣдующее письмо, написанное черезъ три недѣли, 29 сентября, уже носитъ чи-

---

[1]) Briefwechsel, № 464.
[2]) Курсивъ мой.

сто дѣловой характеръ [1]). Александръ въ Эрфуртѣ, и нужно, чтобы онъ выхлопоталъ у Наполеона облегченіе въ порядкѣ уплаты тильзитской контрибуціи.

У насъ имѣются и прямыя свидѣтельства о томъ, что чувство Луизы къ Александру, принесшее ей столько горя, уже не согрѣвало послѣднихъ годовъ ея жизни. Въ самомъ концѣ 1808 года Луиза съ мужемъ и съ нѣкоторыми другими членами прусскаго королевскаго дома поѣхала по приглашенію царя въ Петербургъ. Пребываніе ея тамъ, подробно описанное ею въ дневникѣ [2]), а Елизаветой Алексѣевной въ письмахъ къ матери [3]), было настоящей мукой. У нея были опять всѣ признаки беременности, къ тому же она, очевидно, простудилась, а отъ нея требовали, чтобы съ ранняго утра до поздней ночи она присутствовала на парадахъ, на смотрахъ, на церковныхъ службахъ, дѣлала визиты, принимала визиты, ходила въ театры, просиживала на парадныхъ обѣдахъ и ужинахъ, танцовала, танцовала, танцовала... Не даромъ бѣдная женщина чуть не каждый день записываетъ въ дневникъ: „Мало спала, чувствую себя отвратительно, тошнитъ, болятъ зубы, вообще всѣ горести“. „Устала какъ собака“. „Умираю отъ усталости“, и проч. Александръ явно избѣгалъ интимныхъ бесѣдъ, такихъ, какъ въ Мемелѣ и Потсдамѣ. Они почти не видѣлись не на людяхъ. Только разъ Луиза воспользовалась его посѣщеніемъ и заговорила съ нимъ „о дѣлахъ“. Послѣ этого она занесла въ дневникъ слѣдующія слова по-нѣмецки: „Ахъ, будущее! Почему ты такъ давишь мое сердце! И почему слезы тоски выступаютъ на глазахъ!“ Нужно думать, что Александръ не сказалъ ей ничего утѣшительнаго ни относительно Австріи, которая совсѣмъ была готова ввязаться въ войну, ни о Пруссіи. И будущее, будущее ея дѣтей вдругъ представилось ей въ еще болѣе уныломъ, сѣромъ свѣтѣ.

Луиза была очень признательна царской семьѣ за вниманіе и за подарки, которые пополнили ея оскудѣвшій до послѣдней степени гардеробъ. Но петербургская атмосфера ее не удовлетворяла. Петербургскій дворъ представлялся ей черезчуръ „ма-

[1]) Briefwechsel, № 465.
[2]) Briefwechsel, стр. 538—553.
[3]) В. К. Николай Михайловичъ, Императрица Елизавета Алексѣевна, II, стр. 308 слѣд.

теріальнымъ", не „духовнымъ", какъ и ея прежній кумиръ, Александръ. Она пишетъ о немъ своему вѣрному другу, г-жѣ Бергъ: „Человѣкъ, который любитъ только форму и только внѣшность — это еще очень мало" [1]. Нужно было увидѣть Александра именно въ холодномъ, пышномъ, рабскомъ Петербургѣ, чтобы раскусить его окончательно.

Послѣ петербургской поѣздки они почти не переписывались: сохранилось всего два письма Луизы и одно Александра [2]. Они и не видѣлись больше.

Луиза скоро умерла, 19 іюля 1810 г. Передъ смертью она могла переѣхать изъ Кенигсберга въ Берлинъ, очищенный, наконецъ, французскимъ оккупаціоннымъ отрядомъ.

Для Пруссіи смерть ея была настоящимъ несчастьемъ. Она отнимала умную и чуткую совѣтницу у неумнаго и нечуткаго короля. Она лишала опоры дѣятелей прусскихъ реформъ. Она устраняла изъ числа враговъ Наполеона одного изъ самыхъ сильныхъ [3]. Ее оплакивали поэты въ безчисленныхъ стихахъ. Но самая мѣткая оцѣнка смерти королевы сдѣлана была Фридрихомъ Генцемъ въ недавно опубликованномъ письмѣ [4] его къ веймарскому журналисту Беттигеру: „Смерть королевы прусской, — пишетъ Генцъ, — самый тяжелый ударъ, который могъ еще поразить это государство. Съ ней исчезаетъ не только единственный дѣйствительный элементъ жизни, который одушевлялъ эту умирающую машину, но и единственное крупное украшеніе, которое удерживало за нимъ извѣстное уваженіе извнѣ. Для всего, что зовется общественнымъ мнѣніемъ, даже для обычнаго денежнаго кредита Пруссіи — не могло случиться ничего болѣе ощутительнаго".

Къ счастью для Пруссіи, Луиза завѣщала свою любовь къ Пруссіи своимъ друзьямъ и почитателямъ. Они благоговѣйно подняли знамя, выпавшее изъ ея прекрасныхъ рукъ, и понесли его дальше, къ реформамъ и къ побѣдамъ.

---

[1]) Bailleu, Kön. Luise, 304.

[2]) Briefwechsel, №№ 466—468.

[3]) Мы знаемъ, какъ она предостерегала Александра передъ его поѣздкой въ Эрфуртъ. Еще раньше, 29 ноября н. с. 1807 г., бар. Криднеръ жаловался Румянцеву, что королева своими „imprudences si affichés" очень затрудняетъ его задачи. Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 89, стр. 238.

[4]) Briefe von und an F. von Gentz, herausg. von F. C. Wittichen. 1909, т. I, 309.

XIII.

Королева Луиза была крупная женщина. Ея страданія подняли ее на вершины духа и пріобщили ее къ сонму героинь нѣмецкой исторіи. Въ 1806 году она хотѣла разыграть валькирію, но двигали ею земные помыслы, и боевой порывъ ея не увѣнчала слава. Потомъ она сожгла на жертвенномъ алтарѣ свою страсть и, очищенная мукой, отдала Пруссіи всю любовь, на какую была способна ея восторженная душа. И мирный подвигъ ея сталъ угоденъ судьбѣ.

Королева Луиза была крупная женщина. Но она была женщина прежде всего. Въ этомъ обаяніе ея образа, обаяніе, котораго нехватаетъ такъ называемымъ великимъ женщинамъ, въ родѣ Елизаветы англійской, Маріи Терезіи или нашей Екатерины. Луиза сдѣлана изъ того же матеріала, что Марія Стюартъ. Чувствительность и восторженность, любовь къ жизни и къ удовольствіямъ были у нихъ одинаковы, только у одной была французская кровь, болѣе живой темпераментъ, больше вѣтрености. Душа Луизы складывалась подъ холоднымъ небомъ Мекленбурга, въ туманахъ Балтійскаго моря. У нея было больше мечтательности и больше мягкости.

Нѣмцы долго считали, что Луизу погубилъ Наполеонъ. Войны 1812—1815 годовъ для пруссаковъ были столько же войнами за освобожденіе, сколько отплатой Наполеону за королеву Луизу. „Высоко въ воздухѣ, показывая путь, несся передъ бойцами освободительныхъ войнъ ея свѣтлый образъ“, говоритъ Трейчке [1]). „Наконецъ будетъ отомщена королева Луиза“, восклицалъ Блюхеръ, когда прусскія войска завидѣли Парижъ въ мартѣ 1814 года. Какъ патріотическая легенда въ 1813—1815 годахъ, такая версія была очень удобна. Французскій коршунъ заклевалъ бѣлую прусскую голубку. Французскому коршуну, значитъ, нужно обломать за это хищные когти. По старой памяти нѣмецкіе біографы еще и теперь охотно повторяютъ эту патріотическую легенду. Но факты ей противорѣчатъ.

---

[1]) Рѣчь 1876 года въ память королевы Луизы. Deutsche Bücherei, вып. 88.

Преждевременная смерть королевы Луизы не лежитъ на совѣсти Наполеона. Ея здоровье было подорвано рано, въ первые годы замужества, невозможными условіями жизни въ Потсдамѣ, гдѣ царили сырость и холодъ. Затѣмъ, за семнадцать лѣтъ замужества Луиза имѣла десять человѣкъ дѣтей, при чемъ въ этотъ счетъ не входитъ мертворожденный первенецъ. Что касается до униженій Пруссіи, то Наполеонъ виноватъ въ нихъ не больше, чѣмъ тѣ, которые подбивали миролюбиваго короля къ разрыву съ Франціей, и прежде всего Александръ. За Наполеономъ слишкомъ много настоящихъ грѣховъ, чтобы была еще необходимость приписывать ему фантастическіе.

Правда, Наполеонъ былъ къ ней безжалостенъ. Но уже послѣ того, какъ онъ убѣдился, что Луиза сама ополчилась на него. Мирную голубку не тронулъ бы онъ. А она захотѣла стать орлицей и взлетѣть такъ высоко, куда голубки не залетаютъ. Наполеонъ былъ солдатъ. Кто шелъ на него, тотъ долженъ былъ знать, что онъ шутить не любитъ. Его нападки на Луизу въ бюллетеняхъ отвратительны и недостойны его. Но въ пылу борьбы, отъ исхода которой зависѣла судьба имперіи и его собственная, у него не было времени золотить конецъ шпаги, которой онъ наносилъ ударъ обступившимъ его отовсюду врагамъ. Во всякомъ случаѣ, Наполеонъ не совершилъ по отношенію къ Луизѣ предательства: не обольщалъ ее, не увлекалъ ее, и, обольстивши и увлекши, не покинулъ ее на произволъ судьбы въ самый тяжелый моментъ ея жизни.

На удары Наполеона Луиза отзывалась страданіями и слезами. Ея страданія соткали ей у потомства ореолъ почитанія и славы. Изъ каждой ея слезы, падавшей на прусскую землю, выросталъ вооруженный воинъ; ихъ были тысячи и они завоевали для Пруссіи такое положеніе, о какомъ не рѣшалась мечтать Луиза въ самыхъ смѣлыхъ своихъ золотыхъ грезахъ.

Дружба Александра навлекла на Луизу дурныя подозрѣнія при жизни. А въ потомствѣ ея почитатели стараются обходить этотъ эпизодъ, чтобы не быть вынужденными дѣлать упреки королевѣ за легкомысліе, за слѣпую довѣрчивость, за отсутствіе женской чуткости.

И неизвѣстно, что было хуже для Луизы: Тильзитъ, гдѣ ее грубо, по-солдатски, заставили нести тяжелый крестъ, или полная внѣшняго вниманія и лицемѣрной ласки, усыпанная цвѣ-

лами, пышная, но скучная, безплодная и мучительная петербургская встрѣча.

Королева Луиза была дѣйствительно несчастная женщина: Фридрихъ-Вильгельмъ былъ ея мужемъ, Александръ—другомъ, Наполеонъ—врагомъ.

Война 1812 года.

1. Планъ Наполеона.

Можно утверждать съ довольно большой опредѣленностью, что общій планъ кампаніи у Наполеона измѣнился въ теченіе похода. Онъ былъ одинъ въ Дрезденѣ и Вильнѣ, другой—въ Смоленскѣ. И нужно сказать, что тотъ, съ которымъ онъ начиналъ свой походъ, былъ не только лучше, но онъ былъ единственно возможный. Наполеона погубило то, что онъ отъ него отступилъ.

Въ Дрезденѣ, въ маѣ 1812 г., Наполеонъ уже зналъ, что ему приходится отказаться отъ надежды вызвать русскую армію на атаку послѣ перехода черезъ Нѣманъ. Онъ былъ готовъ къ тому, что русскіе будутъ уклоняться отъ битвы и отступать. И все-таки рѣшилъ преслѣдовать ихъ только до извѣстнаго предѣла. Онъ говорилъ Меттерниху: „Мое предпріятіе принадлежитъ къ числу тѣхъ, рѣшеніе которыхъ дается терпѣніемъ. Торжество будетъ удѣломъ болѣе терпѣливаго. Я открою кампанію переходомъ черезъ Нѣманъ. Закончу я ее въ Смоленскѣ и Минскѣ. Тамъ я остановлюсь. Я укрѣплю эти два города и займусь въ Вильнѣ, гдѣ будетъ моя главная квартира въ теченіе ближайшей зимы, организаціей Литвы, которая жаждетъ сбросить съ себя русское иго. И мы увидимъ, кто изъ насъ двухъ устанетъ первый: я отъ того, что буду содержать свою армію насчетъ Россіи, или Александръ отъ того, что ему придется кормить мою армію на счетъ своей страны. И, можетъ-быть, я самъ уѣду на самые суровые мѣсяцы зимы въ Парижъ“. Меттернихъ спросилъ Наполеона, что онъ будетъ дѣлать, если оккупація Литвы не вынудитъ Александра къ миру. Наполеонъ отвѣтилъ: „Тогда, перезимовавъ, я двинусь къ центру страны,

и въ 1813 году буду такъ же терпѣливъ, какъ въ 1812 г. Все, какъ я вамъ сказалъ, является вопросомъ времени“ [1]). Наполеонъ не хитрилъ съ Меттернихомъ. Онъ, дѣйствительно, излагалъ ему тотъ планъ, который онъ рѣшилъ осуществлять въ теченіе лѣта и осени 1812 года. И онъ еще въ Вильнѣ держался его твердо. Онъ говорилъ тамъ Себастьяни: „Я не перейду Двины. Хотѣть итти дальше въ теченіе этого года, значитъ итти навстрѣчу собственной гибели“ [2]). Мало того, уже въ Смоленскѣ Даву услышалъ отъ императора слѣдующія слова, такъ обрадовавшія осторожнаго маршала: „Теперь моя линія отлично защищена. Остановимся здѣсь. За этой твердыней я могу собрать свои войска, дать имъ отдыхъ, дождаться подкрѣпленій изъ Данцига. Польша завоевана и хорошо защищена; это — результатъ достаточный. Въ два мѣсяца мы пожали такіе плоды, которыхъ могли ожидать развѣ въ два года войны. Довольно! До весны нужно организовать Литву и снова создать непобѣдимую армію. Тогда, если миръ не придетъ искать насъ на зимнихъ квартирахъ, мы пойдемъ и завоюемъ его въ Москвѣ“ [3]).

Но онъ не выдержалъ этой тактики терпѣнія, и захотѣлъ въ первую же кампанію добиться того, что онъ сознательно откладывалъ до кампаніи 1813 года. Онъ не остановился ни въ Минскѣ, ни въ Смоленскѣ, а пошелъ на Москву. Что его побудило къ этому?

Чтобы остановиться въ Смоленскѣ и Минскѣ и зазимовать въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, нужно было, чтобы кампанія прошла съ такимъ же блескомъ, съ какимъ проходили кампаніи 1805, 1806, 1809 годовъ. Иначе Парижъ и Европа могли дать знать о себѣ. Престижъ имперіи требовалъ, разъ война началась, чтобы было то, что самъ Наполеонъ называлъ un grand coup. Онъ боялся, что разъ война пойдетъ скучно, будетъ складываться изъ множества болѣе или менѣе нерѣшительныхъ дѣлъ, Франція начнетъ высказывать недовольство, подвластныя и вассальныя страны заволнуются. И кто могъ предсказать, куда приведетъ это недовольство, во что выльется это волненіе [4]).

---

[1]) Metternich, Mém., т. I. 122.
[2]) Ségur, Hist. de Napoléon et de la grande armée, en 1812, т. I, 264.
[3]) Ségur, тамъ же, стр. 265.
[4]) Zurlinden, Napoléon et ses marechaux, т. 1, 181.

Политика путала стратегическіе расчеты великаго полководца [1]).

Переправясь черезъ Нѣманъ, Наполеонъ рѣшилъ врѣзаться между расположеніями двухъ нашихъ армій, отрѣзать, окружить и уничтожить Багратіона. Это было бы однимъ изъ тѣхъ grands coups, которые ему были нужны. Но Багратіонъ ускользнулъ; подъ Смоленскомъ наши арміи соединились и снова двинулись къ Витебску. Наполеонъ обошелъ лѣвое крыло русской арміи и собирался внезапнымъ захватомъ Смоленска пробить себѣ дорогу черезъ Днѣпръ, ударить русскимъ въ тылъ [2]) и разгромить ихъ. Это тоже было бы grand coup, но это тоже не удалось. Помѣшалъ подъ Краснымъ Невѣровскій. Взятіе Смоленска стоило большихъ потерь и въ стратегическомъ отношеніи крупнаго значенія не имѣло.

При такихъ условіяхъ остановиться на зимовку въ Смоленскѣ, значило оживить всѣ возможныя неудовольства и волненія во Франціи и въ Европѣ. Политика погнала Наполеона дальше и заставила его нарушить свой превосходный первоначальный планъ.

„Походъ изъ Смоленска въ Москву,—говоритъ Наполеонъ [3])—былъ основанъ на мысли, что непріятель для спасенія столицы дастъ сраженіе, что онъ будетъ разбитъ, что Москва будетъ взята, что Александръ для ея спасенія заключитъ миръ". Въ случаѣ упорства царя, Наполеонъ надѣялся найти въ Москвѣ достаточно рессурсовъ для зимовки и разсчитывалъ еще оттуда вызвать крестьянское возстаніе. Предвидѣнія оказались математически правильными, и взятіе Москвы, конечно, было бы тѣмъ grand coup, въ которомъ такъ нуждался Наполеонъ, если бы не московскіе красные пѣтухи. Пожаръ Москвы привелъ

---

[1]) Своимъ окружающимъ онъ выставлялъ и другія причины. Онъ зналъ, что армія разстраивается, что чуть не двѣ трети ея были въ отсталыхъ. Но ему нуженъ былъ миръ, чтобы она не разстроилась окончательно, и онъ былъ убѣжденъ, что найдетъ его въ Москвѣ. «Моя армія,—говорилъ онъ,—составлена такъ, что при всей ея дезорганизаціи одно движеніе поддерживаетъ ее. Во главѣ ея можно итти впередъ, но не останавливаться и не отступать. Это армія нападенія, а не защиты». (Сегюръ, тамъ же). Но не это была главная причина, а та, которая указана выше.

[2]) Mém. écrits par les géneraux sous la dictée de Napoléon, t. IV, 242—243.

[3]) Тамъ же, стр. 247.

къ фіаско всѣ стратегическіе планы Наполеона. Имъ были испорчены разсчеты наступленія, какъ потомъ морозами—разсчеты отступленія.

2. Составъ великой арміи и ея вожди.

Полчища, брошенныя на Россію мановеніемъ руки Наполеона, номинально составляли 533,500 человѣкъ, раздѣленныхъ на 12 корпусовъ, не считая гвардіи. Изъ этой суммы 60,000 человѣкъ входили въ XI корпусъ маршала Ожеро, который былъ оставленъ въ Пруссіи и послалъ на подкрѣпленіе дѣйствующихъ войскъ лишь незначительную свою часть: дивизію Луазона (10,000 чел.). Почти 50,000 человѣкъ, слѣдовательно, Нѣмана не перешли. Не увидѣлъ Россіи и начальникъ корпуса, герцогъ Кастильонскій. И едва ли Наполеонъ могъ жалѣть о томъ, что его старый сподвижникъ, герой походовъ 1796 и 1797 гг., простоялъ въ резервѣ. Ожеро давно уже не былъ тѣмъ блестящимъ генераломъ, богатымъ на боевую выдумку, изворотливымъ и безумно храбрымъ, какимъ видѣли его поля Кастильоне и болота Арколе. Уже въ походѣ 1807 г. онъ казался утомленнымъ и далеко не игралъ той роли, какую играли Ланнъ, Ней, Даву, Мюратъ. Въ 1813 г. онъ окажется уже просто какимъ-то фельдфебелемъ и на упрекъ императора: куда дѣвался прежній Ожеро, найдетъ только одинъ отвѣтъ: „Дайте мнѣ прежнихъ солдатъ, и явится прежній Ожеро!“

IX корпусъ маршала Виктора тоже былъ предназначенъ служить резервомъ. Онъ былъ расположенъ въ великомъ герцогствѣ Варшавскомъ и насчитывалъ въ себѣ 33,500 человѣкъ, среди которыхъ было 12,000 поляковъ, а остальные нѣмцы (вестфальцы, баденцы, гессенцы, саксонцы). Однако, событія пошли такъ, что его пришлось вызвать на поле военныхъ дѣйствій уже въ октябрѣ. Сенъ-Сиръ соединился съ нимъ, отступая отъ Полоцка навстрѣчу Наполеону. Начальникъ корпуса, герцогъ Беллунскій, былъ однимъ изъ самыхъ посредственныхъ вождей великой арміи. Въ рукахъ Наполеона онъ былъ превосходнымъ оружіемъ. Исполнительный, энергичный и храбрый дивизіонный генералъ, онъ совершенно не годился для самостоятельной команды. Во время отступленія Сенъ-Сира, если

бы Викторъ былъ нѣсколько рѣшительнѣе, они соединенными силами могли окружить и уничтожить Витгенштейна, не подозрѣвавшаго о появленіи IX корпуса. По необъяснимымъ причинамъ, Викторъ отказался содѣйствовать Сенъ-Сиру, хотя тотъ чуть не ежедневно посылалъ къ нему ординарцевъ, прося подкрѣпленій и указывая, какъ зайти въ тылъ Витгенштейну. Когда Наполеонъ узналъ о поведеніи Виктора, то былъ разъяренъ: „Викторъ неспособенъ командовать даже полкомъ!“, восклицалъ онъ въ бѣшенствѣ. Подъ Березиной Викторъ продолжалъ отличаться: онъ долженъ былъ прикрывать переправу, но далъ такія чудесныя приказанія своимъ подчиненнымъ, что дивизія Партуно, поднимаясь *вдоль* рѣки, угодила прямо въ середину войскъ Витгенштейна, стоявшаго *въ сторонѣ* отъ рѣки. На него падаетъ почти цѣликомъ отвѣтственность за Березинскую катастрофу.

Остальная часть великой арміи перешла границу въ іюнѣ. 12 іюня у Понѣмуня, выше Ковно, переправились черезъ Нѣманъ гвардія и первые три корпуса. Гвардія (47,000 человѣкъ) была подъ командою трехъ маршаловъ: Лефевра (старая), Мортье (молодая) и Бессьера (кавалерія). Старый герцогъ Данцигскій, „самый честный солдатъ арміи“, типъ „ворчуна“, счастливый супругъ m-me Sans Gêne, обладавшій огромной энергіей, непоколебимымъ мужествомъ и самымъ полнымъ лексикономъ отборныхъ солдатскихъ словечекъ, былъ безхитростный вояка, преданный и нужный. Герцогъ Тревизскій, невредимо прошедшій черезъ столько кровавыхъ битвъ и погибшій отъ бомбы революціонера уже при іюльской монархіи, былъ генералъ болѣе культурнаго типа. Хорошій теоретикъ, человѣкъ огромнаго опыта, онъ не скомпрометировалъ ни одной задачи, которую поручалъ ему выполнить Наполеонъ. Онъ съ честью вышелъ подъ Дирренштейномъ въ 1805 г., когда Кутузовъ чуть совсѣмъ не окружилъ его, сдѣлалъ свое дѣло и подъ Краснымъ во главѣ молодой гвардіи. „Мнѣ нужно, чтобы вы продержались сутки, чтобы армія спокойно могла отступить“, сказалъ ему Наполеонъ. „Я продержусь сутки“, просто отвѣтилъ Мортье. И сдержалъ обѣщаніе. Но онъ не былъ человѣкомъ самостоятельной команды. Бессьеръ, герцогъ Истрійскій,— копія Мюрата, сильно уступавшая оригиналу. Землякъ короля неаполитанскаго, гасконецъ, какъ и онъ, храбрецъ, отличный кавале-

рійскій генералъ, но гасконецъ менѣе выраженный, безъ того неподражаемаго апломба, какимъ блисталъ Мюратъ, безъ его театральнаго великолѣпія, а въ битвѣ — безъ его неудержимаго и неодолимаго порыва. Бессьеръ былъ думающій гасконецъ, а это всегда портитъ типъ. Подъ Бородинымъ именно онъ совѣтовалъ Наполеону не трогать гвардію, а во время отступленія всегда былъ на сторонѣ самаго осторожнаго рѣшенія. Наполеонъ очень любилъ его.

Во главѣ I корпуса, самаго многочисленнаго (72,200 чел., въ числѣ которыхъ были два не французскихъ пѣхотныхъ полка, баденскій и испанскій, и два конныхъ, польскій и мекленбургскій), стоялъ маршалъ Даву, герцогъ Ауэрштедтскій, князь Экмюльскій, единственный, кромѣ Наполеона, настоящій большой полководецъ „великой арміи". Онъ перешелъ Нѣманъ, увѣнчанный многочисленными лаврами прежнихъ подвиговъ: Аустерлица, гдѣ онъ непоколебимо выдержалъ натискъ вчетверо сильнѣйшаго врага, пока императоръ готовилъ свой сокрушительный ударъ на Праценъ; Ауэрштедта, гдѣ, покинутый Бернадотомъ, онъ съ 25,000 разбилъ 75,000 пруссаковъ въ совершенно самостоятельной борьбѣ; Эйлау, Экмюля, Ваграма. Въ Россіи онъ одержалъ первую значительную побѣду: надъ Багратіономъ при Салтановкѣ. Если бы Наполеонъ въ 1812 г. слушался Даву, онъ зимовалъ бы въ Смоленскѣ, какъ и самъ предполагалъ съ самаго начала. А при Бородинѣ, вмѣсто того, чтобы атаковать въ лобъ такого стойкаго врага, какъ русскіе, обошелъ бы ихъ позиціи слѣва. Наполеонъ сердито оборвалъ Даву, когда онъ предлагалъ ему свой безошибочный планъ, и маршалъ пошелъ въ атаку, въ успѣхъ которой не вѣрилъ. Русское ядро убило подъ нимъ лошадь и жестоко контузило ему животъ, но онъ остался въ строю, и потомъ, во время отступленія, былъ однимъ изъ самыхъ твердыхъ. Характеръ Даву былъ не изъ очень пріятныхъ. Высокомѣрный, требовательный и неуживчивый, онъ не ладилъ съ товарищами, ссорился съ ними и былъ способенъ забыть о дѣлѣ изъ-за личныхъ счетовъ. Наполеонъ временами бывалъ очень золъ на него, но онъ его цѣнилъ высоко, несмотря на всѣ его недостатки. „Если бы у меня было два Даву, я бы разстрѣлялъ одного, но онъ одинъ, и я долженъ съ нимъ мириться", говорилъ онъ. Даву, конечно, зналъ себѣ цѣну и порою своеволь-

ничалъ, не слишкомъ боясь императорскаго гнѣва. Но зато солдаты чувствовали себя за нимъ, какъ за каменной горой. Въ его корпусѣ никогда ни въ чемъ не было недостатка. А въ Россію онъ привезъ съ собою цѣлую систему натуральнаго хозяйства, только безъ земледѣлія. Въ его корпусѣ были ремесленники на всѣ руки: столяры, слесаря, литейщики, портные, сапожники, булочники, шорники, кузнецы, что угодно. И ни въ одномъ корпусѣ не было такого подбора дивизіонныхъ генераловъ, какъ у Даву. Ихъ было пять. Моранъ, Фріанъ и Гюденъ были неразлучны съ маршаломъ съ 1805 года. Вмѣстѣ дрались подъ Аустерлицемъ, вмѣстѣ били пруссаковъ при Ауэрштедтѣ, вмѣстѣ сдѣлали походы 1807 и 1809 годовъ. Не всѣ вернулись изъ Россіи. Гюденъ былъ убитъ подъ Валутиной горой, и его дивизія перешла къ Жерару, генералу достойному гюденовскихъ солдатъ, будущему маршалу. Фріанъ, раненый при Бородинѣ, нѣсколько опередилъ армію на обратномъ пути. Моранъ былъ тоже раненъ тамъ, но сравнительно легко, такъ же, какъ и Дессе, начальникъ IV дивизіи. Компану, начальнику V дивизіи, принадлежитъ главная заслуга взятія Шевардинскаго редута. Онъ съ честью бился при Бородинѣ и единственный изъ генераловъ, не принадлежащихъ къ корпусу принца Евгенія, участвовалъ въ бою подъ Малоярославцемъ.

Второй корпусъ (37,600 чел.; кромѣ французовъ, швейцарцы, кроаты, португальцы) находился подъ начальствомъ маршала Удино. Герцога Реджьо звали Баярдомъ французской арміи. Ни у кого не было столько ранъ, сколько у него. Въ этомъ отношеніи могъ конкурировать съ нимъ только генералъ Раппъ. Но храбростью исчерпывались всѣ боевыя качества Удино. Какъ самостоятельный командиръ, онъ не годился никуда. Это онъ и доказалъ, когда Наполеонъ имѣлъ неосторожность послать его противъ Витгенштейна. Онъ сразу такъ испортилъ дѣло, что потомъ поправить его стало невозможно. Хорошо еще, что онъ былъ раненъ и долженъ былъ передать команду Сенъ-Сиру. Впрочемъ, то были еще ягодки по сравненію съ тѣмъ, что онъ надѣлалъ въ 1814 году во французской кампаніи. Наоборотъ, подъ Березиною, очутившись снова въ рукахъ Наполеона, въ привычномъ безотвѣтственномъ положеніи, онъ отлично сдѣлалъ свое дѣло, и, конечно, былъ раненъ снова. А дня два спустя въ Плещеницахъ, защищаясь, раненный, отъ

русскихъ гусаръ, онъ съ честью получилъ свою двадцать девятую рану.

III корпусъ велъ Ней, герцогъ Эльхингенскій, потомъ князь Бородинскій (Prince de la Moskowa), настоящій герой русскаго похода. Въ его корпусѣ было 39,000 чел., мало французовъ, немного иллирійцевъ и португальцевъ, больше всего вюртембержцевъ. До Смоленска Ней не принималъ участія въ дѣлахъ. Въ Смоленскѣ онъ соперничалъ съ Даву и сумѣлъ вдохнуть мужество и стойкость въ разноплеменные легіоны своего корпуса. Подъ Бородинымъ онъ нѣсколько разъ водилъ атаки лично и не раненъ какимъ-то чудомъ. Если бы Наполеонъ такъ же внимательно слѣдилъ за дѣйствіями своихъ генераловъ подъ Бородинымъ, какъ при Фридландѣ, онъ могъ бы повторить свое восклицаніе по адресу Нея, когда тотъ бѣшенымъ натискомъ врывался въ Фридландъ и отрѣзывалъ Беннигсена отъ рѣки: „C'est un lion!“. Но настоящая слава Нея выросла во время отступленія. Когда Наполеонъ передалъ командованіе арьергардомъ ему—это было въ Вязьмѣ: Даву своей строгостью вызывалъ ропотъ, опасный въ это несчастное время—дѣйствія арьергарда сдѣлались пѣснью изъ Иліады. Подъ Краснымъ Ней покинутъ на произволъ судьбы, среди бѣлыхъ полей и казацкихъ полчищъ. Онъ бьется до наступленія темноты, отходитъ назадъ къ Смоленску и бросается въ сторону. Куда? Онъ самъ не знаетъ, но казаки его потеряли, и это самое главное. „Неважныя дѣла!“ тихо говоритъ маршалъ одному изъ офицеровъ.—„Что вы думаете дѣлать?“ спрашиваетъ тотъ въ отвѣтъ.—„Перейду Днѣпръ“.—„А гдѣ дорога?“—„Найдемъ“.—„А если онъ не замерзъ?“—„Замерзнетъ.“ Все такъ и случилось. Разбили тонкій ледъ въ маленькомъ ручейкѣ, узнали, куда онъ течетъ. „Тамъ Днѣпръ!“ воскликнулъ маршалъ. Пришли въ деревню; она стояла у самой рѣки. Ледъ былъ крѣпокъ. Пока войска переправлялись, Ней бросился на землю и два часа проспалъ глубокимъ сномъ. „Въ подвалахъ Тюльери у меня лежитъ 600 милліоновъ. Я отдамъ ихъ всѣ за спасеніе Нея!“ восклицалъ Наполеонъ въ отчаяніи, почти увѣренный, что Ней отрѣзанъ и взятъ. Какова была его радость, когда прискакали польскіе уланы съ сообщеніемъ, что Ней спасся и идетъ на соединеніе! На Березинѣ опять Ней съ войсками Удино, болѣе свѣжими, чѣмъ московскіе корпуса,

опрокидываетъ русскихъ на правомъ берегу, затѣмъ снова пропускаетъ всѣхъ и снова ведетъ арьергардъ. Подъ Ковно казаки насѣдаютъ такъ, что почти неминуема гибель арьергарда. Ней хватаетъ ружье и отбивается штыкомъ, собирая вокругъ себя своихъ храбрецовъ. А въ концѣ декабря, когда все будетъ кончено, въ Гумбиненъ, въ домикъ мѣстнаго врача, занятый генераломъ Дюма, войдетъ высокій человѣкъ съ почернѣвшимъ, словно обгорѣлымъ лицомъ, съ отросшей длинной рыжей бородой, съ красными, лихорадочно блестящими глазами.—„Вотъ и я, наконецъ!..“ Всѣ удивленно всматриваются въ это дикое, чужое лицо. „Да вы, кажется не узнаете меня, генералъ?“ — „Кто вы?“ „Я арьергардъ великой арміи, — маршалъ Ней. Я выпустилъ послѣдніе выстрѣлы на Ковенскомъ мосту. Я потопилъ послѣднее орудіе въ Нѣманѣ. Я пришелъ сюда, пробираясь лѣсами“... Этимъ не будетъ кончена славная жизнь. Пули и картечь не тронутъ Нея ни въ 1813, ни въ 1814 году, ни подъ Ватерлоо, гдѣ подъ нимъ будетъ убито *пять* лошадей, гдѣ онъ тщетно будетъ искать смерти, показывая солдатамъ „какъ умираетъ французскій маршалъ“. Грудь, не знавшую страха, пробьютъ французскія пули, стрѣлявшія по приказу трусливыхъ бурбонскихъ шакаловъ, водворенныхъ во Франціи штыками европейской реакціи...

Въ тотъ же день, 12 іюня, у Тильзита переправился черезъ Нѣманъ X корпусъ маршала Макдональда. Макдональдъ былъ одинъ изъ „тѣней Ланна“. Произведенный въ маршалы послѣ Ваграма, онъ никогда не достигалъ своей прежней силы. Прежнимъ въ немъ остались только его язвительное остроуміе и его ловкость во всѣхъ видахъ тѣлесныхъ упражненій. Она ему скоро понадобится, когда послѣ лейпцигскаго разгрома придется переплывать черезъ Эльстеръ въ полной маршальской формѣ. Русскій походъ не принесъ славы герцогу Тарентскому. Въ его отрядѣ, насчитывавшемъ 32,500 человѣкъ, было три полка поляковъ, одинъ баварцевъ, одинъ вестфальцевъ. Остальное составлялъ 20,000 прусскій вспомогательный отрядъ, который по совѣту Штейна король Фридрихъ-Вильгельмъ III отдалъ подъ начальство стараго генерала Іорка, ненавидѣвшаго Наполеона всѣми силами души. Макдональду трудно было съ Іоркомъ. Вмѣсто того, чтобы комбинировать свои дѣйствія съ Удино и Сенъ-Сиромъ, онъ точно приросъ

къ стѣнамъ Риги и не шелъ дальше Динабурга. Петербургская операція вслѣдствіе этого была обречена на неудачу. Генералъ, который при революціи былъ способенъ вести самостоятельно войска къ побѣдамъ, который могъ на Треббіи три дня оспаривать побѣду у самого Суворова, который при Ваграмѣ заслужилъ свой маршальскій жезлъ храбростью и искусными маневрами, простоялъ безъ пользы для общаго плана кампаніи подъ второстепенной крѣпостью.

Недѣлю спустя, 18 іюня, у Пренъ переправился IV корпусъ принца Евгенія, въ которомъ было 44,800 человѣкъ, почти сплошь итальянцевъ. Въ Россіи недюжинныя военныя дарованіе сына Жозефины развернулись вполнѣ. То, что еще намѣчалось въ Египтѣ, что обнаружилось въ 1809 году подъ Раабомъ и при Ваграмѣ, въ Россіи сложилось въ нѣчто такое, что ставило вице-короля Италіи много выше такихъ старыхъ испытанныхъ солдатъ, какъ Удино, Викторъ, Макдональдъ. При Бородинѣ Евгеній не только велъ всю пѣхотную атаку на батарею Раевскаго и вошелъ въ нее почти одновременно съ кирасирами несчастнаго Коленкура, но еще отбилъ нападеніе кавалеріи Уварова и Платова, заскакавшихъ слѣва въ тылъ французамъ. Малоярославецъ, который тактически былъ несомнѣнной побѣдой, ибо укрѣпленныя позиціи города были отняты у русскихъ,— по справедливости долженъ считаться днемъ славы итальянцевъ и ихъ вице-короля. Они обильно полили своей кровью этотъ уголокъ Калужской губерніи. Они оставили тамъ превосходнаго генерала Дельзона, убитаго картечью во главѣ своей дивизіи. Евгеній отлично дѣлалъ свое дѣло и во все время отступленія. А въ самый послѣдній моментъ, уже за Нѣманомъ, когда Мюратъ уѣхалъ „къ своимъ подданнымъ“ въ Неаполь, онъ, не имѣвшій еще маршальскаго жезла, младшій изъ корпусныхъ командировъ, принялъ главную команду и спасъ все, что было можно.

Вслѣдъ за Евгеніемъ перешелъ Нѣманъ VI корпусъ, баварскій (24,200 чел.), подъ начальствомъ генерала Гувьонъ Сенъ-Сира, сдѣланнаго потомъ маршаломъ за Полоцкую побѣду. Подъ его командой были два баварскихъ дивизіонныхъ генерала, Деруа и Вреде. Одинъ, 70-лѣтній старикъ, пламенный поклонникъ Наполеона былъ убитъ въ первой полоцкой битвѣ. Другой, тайный врагъ французовъ, всячески имъ вредилъ, терпѣлъ дезертирство. Позднѣе онъ имѣлъ возможность помѣряться съ

Наполеономъ силами. Это было въ 1813 году при Ганау, послѣ Лейпцига, гдѣ французы—говоря словами Наполеона,—lui passèrent sur le ventre. СамъСенъ-Сиръ—далеко не изъ самыхъ привлекательныхъ маршаловъ Наполеона. Большой карьеристъ, очень себѣ на умѣ, онъ нѣсколько въ типѣ Бернадота. Умный, образованный, онъ былъ полководцемъ съ большимъ темпераментомъ, но и съ большими странностями. Въ Полоцкѣ въ самое горячее время онъ цѣлыми днями просиживалъ въ монастырѣ, гдѣ была его главная квартира, играя на скрипкѣ. Эта скрипка вызывала много насмѣшекъ у офицеровъ, но не мѣшала ему дѣлать свое дѣло. Онъ очень поздно смѣнилъ Удино въ командѣ операціями подъ Полоцкомъ: когда все было испорчено, и къ Витгенштейну уже пришелъ на подмогу корпусъ Штейнгеля Потомъ ему по очереди отказывали въ содѣйствіи Макдональдъ и Викторъ. Во всякомъ случаѣ не онъ виноватъ, что Витгенштейнъ пришелъ къ Березинѣ со всѣмъ своимъ отрядомъ.

18-го около Гродно переправлялись три послѣднихъ корпуса великой арміи V, VII и VIII. Наполеонъ имѣлъ неосторожность ввѣрить команду надъ этимъ отрядомъ своему бездарному брату, Жерому, королю Вестфальскому. Въ первоначальномъ планѣ Наполеона этимъ тремъ корпусамъ была предназначена очень важная роль. Жеромъ медлилъ по-королевски и провалилъ блестящую идею. Наполеонъ былъ внѣ себя. Жерому дали понять, что подданные очень по немъ соскучились, и онъ уѣхалъ въ свою нѣмецкую столицу. Его вестфальцы (VIII корпусъ, 17,100 чел.) остались подъ командою генерала Жюно, стараго боевого товарища Наполеона. Герцогъ Абрантесъ надѣялся привезти изъ русскаго похода свой маршальскій жезлъ, но у несчастнаго голова была уже не совсѣмъ въ порядкѣ: сказывалась старая рана, полученная еще въ Италіи въ 1797 году. Подъ Валутиной горой онъ былъ охваченъ такой апатіей, что даже энергія Мюрата, лично водившаго въ атаку его вестфальцевъ и указывавшаго ему, въ какомъ пунктѣ сраженія онъ найдетъ свой маршальскій жезлъ, не могли расшевелить его. Планъ Наполеона опять былъ проваленъ. Подъ Бородинымъ Жюно просто спалъ, несмотря на то, что Мюратъ посылалъ къ нему адъютанта за адъютантомъ, чтобы заставить его двинуться. Послѣ сраженія Наполеонъ поставилъ его въ Можайскѣ, чтобы онъ руководилъ эвакуаціей раненыхъ. Но и тутъ онъ

не сдѣлалъ ничего. При отступленіи Жюно едва не погубилъ всей арміи, включая и императора. Послѣ Березины онъ шелъ въ авангардѣ вслѣдъ за Евгеніемъ и приказалъ сжечь гать, проходившую на растояніи двадцати пяти верстъ по болоту. Его едва удержали. Вскорѣ послѣ этого его отправили въ Иллирію.

Съ вестфальцами шли поляки (V корпусъ, 36,300 чел.) подъ командою своего „некоронованнаго короля“, какъ называлъ Наполеонъ князя Іосифа Понятовскаго. Блестящій магнатъ, пламенный патріотъ, великолѣпный генералъ, сдѣланный въ 1813 г. маршаломъ за Лейпцигъ и утонувшій на другой день въ Эльстерѣ, — Понятовскій оказалъ Наполеону неоцѣнимыя услуги въ Россіи. Если Польша лежала въ тылу у французовъ, спокойная, преданная, полная энтузіазма, готовая еще и еще лить кровь своихъ сыновъ, то этимъ не въ малой степени Наполеонъ былъ обязанъ Понятовскому. А поведеніе поляковъ подъ Смоленскомъ, гдѣ они покрыли себя славою подъ его начальствомъ, и атака русскаго лѣваго фланга подъ Бородинымъ, едва не кончившаяся охватомъ Кутузова съ тылу, показали, что князь дѣйствительно заслужилъ честь стоять во главѣ поляковъ въ тотъ моментъ, когда они бились за возстановленіе старой Польши.

Наконецъ, VII корпусъ подъ начальствомъ ген. Ренье состоялъ сплошь изъ саксонцевъ (17,000 чел.). Графъ Ренье командовалъ корпусомъ въ 1809 г. Поэтому получилъ корпусъ и теперь. Въ великой арміи было сколько угодно дивизіонныхъ генераловъ, болѣе способныхъ, чѣмъ онъ. Кобринская катастрофа скоро показала, чего стоитъ этотъ генералъ.

Въ общій счетъ корпусовъ не вошли австрійцы, которые составляли особый корпусъ подъ начальствомъ князя Шварценберга. Подъ его командою было 32,200 чел., присланныхъ австрійскимъ императоромъ своему зятю. Очевидно, у Шварценберга были свои инструкціи отъ Меттерниха, ибо нельзя себѣ представить болѣе миролюбивыхъ военныхъ дѣйствій, чѣмъ тѣ, которыми онъ руководилъ на Волыни. Вялость и медленность его граничили съ измѣною, и если онъ вмѣстѣ съ Ренье одержалъ побѣду подъ Городечной, за которую получилъ по ходатайству Наполеона фельдмаршальскій жезлъ, то только потому, что Тормасовъ, разбросавшій свои силы, самъ шелъ на пораженіе. То, что онъ выпустилъ Тормасова, не уничтоживъ

его, было преступнымъ попустительствомъ; то, что онъ пропустилъ Чичагова къ Минску, было почти предательствомъ. Наполеонъ презрительно говорилъ про него потомъ. „Я сдѣлалъ его фельдмаршаломъ, но я не могъ сдѣлать изъ него генерала. Онъ могъ сражаться только имѣя четырехъ противъ одного".

Особо отъ общей массы великой арміи стояла резервная кавалерія (40,500 чел.), раздѣленная на четыре самостоятельныхъ корпуса. Во главѣ ея стоялъ Мюратъ, лучшій кавалеристъ Наполеона, самый блестящій его генералъ. Мюратъ былъ замѣчательный человѣкъ. Трудно себѣ представить такое абсолютное отсутствіе культуры ума, соединенное съ такими огромными качествами сердца и души. Онъ былъ какъ ребенокъ, безконечно добрый, готовый раздать послѣднее, никогда не помнившій обиду, хотя готовый вспылить на каждомъ шагу. Гасконская веселая храбрость, не знавшая, что такое страхъ, не останавливавшаяся ни передъ чѣмъ, дополнялась тоже гасконской страстью къ хвастовству и рисовкѣ. Такой костюмъ, въ которомъ онъ постоянно красовался, могъ изобрѣсти только онъ. Онъ, конечно, отлично зналъ, что онъ красивъ. Успѣхи у женщинъ сказали ему достаточно ясно, что высокая, стройная фигура, синіе глаза, полныя губы и особенно длинные, вьющіеся темные волосы будутъ всегда обращать на него вниманіе. И чтобы сдѣлать себя еще красивѣе, онъ придумалъ себѣ свой кричащій театральный костюмъ. Его честолюбіе было гасконскимъ тщеславіемъ, взращеннымъ успѣхомъ. Королевскій титулъ доставлялъ ему огромное удовольствіе. Такъ какъ въ арміи объ этомъ титулѣ часто забывали, а подчасъ и умышленно его игнорировали, какъ это дѣлалъ Даву, то всякій, кто говорилъ ему „ваше величество", становился ему другомъ. Больше всего на свѣтѣ Мюратъ не любилъ думать. Когда Наполеонъ ставилъ его во главѣ 80,000 всадниковъ и приказывалъ ему разрѣзать надвое непріятельскую армію, какъ это было при Эйлау, онъ только обнажалъ шпагу, кричалъ „впередъ!" и несся сломя голову, топча пѣхоту и артиллерію. Онъ былъ увѣренъ въ себѣ и зналъ, что если онъ, Мюратъ, кричитъ „впередъ!", то отсталыхъ не будетъ. Въ этомъ онъ былъ правъ. Но онъ былъ убѣжденъ, что во всѣхъ обстоятельствахъ жизни можно кричать „впередъ!" и бросаться сломя голову. И часто забывалъ, что за спиною у него не всегда стоятъ десятки

тысячъ кавалеристовъ. Подъ Валутиной и Бородинымъ этотъ неудержимый размахъ приносилъ огромную пользу. Но когда послѣ Малоярославца Мюратъ предлагалъ стать во главѣ арміи и тѣмъ же темпомъ вести ее на Петербургъ „черезъ всѣ русскіе лѣса“, то это показалось всѣмъ операціей рискованной. Такая мысль могла родиться только въ не любившей думать головѣ Мюрата. Бурная стремительность была не единственнымъ его достоинствомъ на войнѣ. Онъ не скоро терялся въ затрудненіяхъ. Если бы не его энергія и способность поспѣвать всюду, Тарутино сдѣлалось бы могилою всего французскаго авангарда. Но вообще для самостоятельной команды онъ былъ человѣкъ рискованный. Подъ Островной онъ непремѣнно хотѣлъ покончить все дѣло съ одной кавалеріей. Подъ Краснымъ, наткнувшись на Невѣровскаго, онъ не сообразилъ, что уложитъ безъ пользы тысячи своихъ кавалеристовъ, ибо безъ пѣхоты нельзя было выбить русскихъ изъ ихъ позиціи въ лѣсу. Въ немъ было много элементарной гасконской хитрости. Онъ могъ поймать врага въ ловушку, какъ это было съ княземъ Ауэршпергомъ на Вѣнскомъ мосту въ 1805 г. Но никого нельзя было легче поддѣть на военную хитрость, чѣмъ Мюрата. Шенграбенскій трюкъ Багратіона въ 1805 г. или тарутинская хитрость Кутузова въ 1812 г. достаточно свидѣтельствуютъ объ этомъ. Его положеніе въ арміи дѣлало неизбѣжнымъ врученіе ему главной команды послѣ отъѣзда Наполеона. И тутъ, гдѣ нужно было много думать, Мюратъ оказался не на высотѣ. Онъ не сумѣлъ собрать и хоть нѣсколько привести въ порядокъ армію въ Вильнѣ, изобиловавшей и съѣстными припасами, и одеждой, и боевыми снарядами. Это случилось не потому, что у него нехватило мужества, а потому, что было слишкомъ уже ясно, что тутъ нельзя кричать „впередъ!“ и мчаться, а нужно было дѣлать что-то другое. Только могучая рука Наполеона, которому былъ нуженъ Мюратъ съ его несравненнымъ умѣніемъ кричать „впередъ!“, съ его страусовыми перьями, съ его хлыстомъ, дѣлавшимъ чудеса въ атакѣ, — могла поддерживать этого удивительнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ безпомощнаго человѣка на высотѣ, куда онъ его вознесъ. Предоставленный себѣ, оказавшись вдобавокъ лицомъ къ лицу съ такимъ партнеромъ, какъ Меттернихъ, онъ сейчасъ же запутался, и когда въ послѣдній разъ въ жизни вздумалъ крикнуть „впередъ!“, оказалось,

что за нимъ никого нѣтъ, а передъ нимъ стоятъ австрійскіе жандармы. И еще разъ храбрый изъ храбрыхъ палъ, какъ и Ней, не отъ боевой, а отъ полицейской пули, по манію руки послѣднихъ трусовъ.

Подъ начальствомъ Мюрата въ Россіи было четыре корпуса резерва кавалеріи, лучшіе въ мірѣ конные солдаты, наравнѣ съ гвардіей баловни Наполеона. Но уже немного было настоящихъ кавалерійскихъ генераловъ, которыми когда-то блистала великая армія. Келлермана младшаго не было въ Россіи. Морланъ погибъ подъ Аустерлицемъ. Отпуль, неизмѣнный вождь несокрушимыхъ кирассирскихъ атакъ, — подъ Эйлау. Лассаль, несравненный Лассаль, герой кампаніи 1806 г., бравшій неприступныя крѣпости во главѣ гусарскаго эскадрона, лучшій Наполеоновскій генералъ легкой кавалеріи, палъ подъ Ваграмомъ. Но все-таки и въ Россіи, кромѣ Мюрата и Бесьера, было два великолѣпныхъ кавалерійскихъ генерала: командиръ перваго кавалерійскаго корпуса графъ Нансути и особенно командиръ второго, графъ Монбренъ, лучшій послѣ Мюрата кавалеристъ великой арміи. Онъ былъ убитъ подъ Бородинымъ во главѣ конной атаки. Нансути, тоже водившій въ атаку своихъ кавалеристовъ, былъ тяжело раненъ. Командиромъ третьяго кавалерійскаго корпуса былъ Груши, тогда еще генералъ. Впереди его ждалъ маршальскій жезлъ и тяжелая отвѣтственность за разгромъ при Ватерлоо. Командиръ четвертаго корпуса Латуръ-Мобуръ былъ генералъ, какихъ много.

Во главѣ артиллеріи стоялъ графъ Ларибуазьеръ, но душою артиллеріи былъ генералъ Друо, Наполеонъ говорилъ про него на св. Еленѣ, что это „такой же прирожденный артиллеристъ, какимъ Мюратъ былъ прирожденнымъ кавалеристомъ“. Въ 1812 г. Друо могъ обнаружить свой талантъ только при Бородинѣ, и онъ его обнаружилъ. Французская артиллерія уступала численностью русской, но огонь ея былъ гораздо дѣйствительнѣе.

Генеральный штабъ арміи находился подъ начальствомъ маршала Бертье, князя Невшательскаго и Ваграмскаго. Болѣе точнаго исполнителя, болѣе пунктуальнаго и методичнаго военнаго чиновника, болѣе предусмотрительнаго помощника Наполеонъ не имѣлъ никогда. Бертье въ походѣ не имѣлъ ни минуты покоя. Онъ спалъ въ парадной формѣ, ибо его будили нѣсколько разъ въ ночь, а Наполеонъ требовалъ, чтобы начальникъ шта-

ба являлся къ нему одѣтый по этикету, и ждать не любилъ. Въ передачѣ приказаній императора Бертье былъ сама аккуратность. Передъ битвою при Эйлау, когда нужно было непремѣнно обезпечить содѣйствіе корпуса Бернадота, а условія сношеній были тяжелыя, онъ послалъ къ нему разными дорогами восемь адъютантовъ съ однимъ и тѣмъ же письмомъ, и оказался правъ: дошелъ одинъ, остальные пропали. Но даже для Бертье трудности русской кампаніи оказались неодолимы. Огромное пространство, длинная коммуникаціонная линія, разбросанность корпусовъ, многоязычность штабовъ — все это дѣлало штабную службу настоящимъ испытаніемъ, и не Бертье, конечно, виноватъ, что у него не всегда все ладилось. Онъ работалъ такъ же напряженно, какъ и въ былыя времена, хотя подъ конецъ чувствовалъ себя окончательно истощеннымъ и тщетно просилъ Наполеона разрѣшить ему уѣхать съ нимъ вмѣстѣ во Францію.

Въ штабѣ Наполеона было нѣсколько великолѣпныхъ офицеровъ: Огюстъ Коленкуръ, получившій корпусъ Монбрена послѣ его смерти подъ Бородинымъ и павшій во главѣ его въ такой же конной атакѣ на батарею Раевскаго; Раппъ, одинъ изъ любимцевъ императора, водившій подъ Аустерлицемъ французскую кавалерію противъ нашихъ кавалергардовъ, подъ Бородинымъ раненый во главѣ дивизіи Морана, гдѣ онъ замѣнилъ раненнаго раньше ея начальника и еще разъ раненый подъ Боровскомъ, когда онъ отстоялъ отъ лихого казачьяго наѣзда самого императора; Мутонъ, графъ Лобау, герой кампаніи 1809 г. Онъ привезъ тогда подъ Ландсгутъ какія-то депеши къ императору. — „Вотъ и отлично. Во-время пріѣхали,— сказалъ ему Наполеонъ.—Становитесь во главѣ этой колонны и возьмите мнѣ Ландсгутъ“.— Мутонъ слѣзъ съ лошади, обнажилъ шпагу и повелъ колонну на штурмъ. Городъ былъ взятъ однимъ ударомъ. Мутонъ вложилъ шпагу въ ножны и пошелъ доканчивать свой докладъ императору. Потомъ онъ еще отличился въ бояхъ на островѣ Лобау незадолго до Ваграма. Онъ тоже будетъ маршаломъ.

Комадный составъ великой арміи былъ не изъ самыхъ блестящихъ. Кромѣ Бретье, Нея, Даву, Мюрата и, пожалуй, Сенъ-Сира, не было выдающихся людей. Насколько лучше былъ составъ арміи въ 1809 году, когда во главѣ корпусовъ стояли

еще Ланнъ, Массена, Бернадотъ, особенно двое первыхъ. Если только представить себѣ операцію противъ Витгенштейна въ рукахъ Массены, а противникомъ Тормасова и Чичагова — Ланна! Но Ланнъ лежалъ на Ваграмскомъ полѣ, Массена, тщательно отстраняемый Наполеономъ, командовалъ во Франціи военнымъ округомъ, а Бернадотъ назывался уже наслѣднымъ принцемъ шведскимъ и охаживалъ императора Александра. Черезъ годъ этотъ буйный якобинецъ дней директоріи будетъ въ вражескомъ станѣ и поведетъ противъ своихъ соотечественниковъ полчища европейской реакціи.

Такова была та живая туча, которую двигала на Россію воля Наполеона, погоняемая могущественнымъ экономическимъ стимуломъ: соперничествомъ французской и англійской буржуазіи изъ-за міроваго рынка.

Россія должна была встрѣтить ее тѣмъ, чѣмъ она была сильнѣе всего: необъятнымъ пространствомъ и 27-градуснымъ морозомъ.

3. Вторженіе.

I.

Нѣсколько выше Ковно, тамъ, гдѣ въ Нѣманъ впадаетъ маленькая рѣчка Еся, рѣка образуетъ большую луку въ сторону западнаго берега. Восточный берегъ принимаетъ здѣсь видъ полуострова длиною около 3 верстъ и шириною въ полторы. Лѣвый берегъ весь окаймленъ возвышенностями, и какъ разъ у самаго устья Еси, у вершины луки высится большой холмъ, командующій надъ всѣмъ полуостровомъ и надъ рѣкою. Еще выше по теченію — деревня Понѣмунь, дальше — островъ.

Это мѣсто избралъ Наполеонъ для перехода черезъ Нѣманъ главной части своей арміи [1]). Наканунѣ 11-го іюня онъ тщательно осмотрѣлъ берега рѣки въ окрестностяхъ Ковно [2]) и лучшаго мѣста найти не могъ. Да и нечего было искать. Если

---

1) Сначала, впрочемъ, онъ думалъ переправиться въ Ковно, а здѣсь устроить только демонстрацію; но когда обнаружилось, что русскіе не собираются защищать переправу, Наполеонъ рѣшилъ переправляться у Понѣмуня.

2) Разсказъ о переодѣваніи его и Бертье въ шинели польскихъ уланъ принадлежитъ, повидимому, къ области сказокъ.

бы даже противоположный берегъ былъ занятъ непріятельской арміей, удобства мѣстности были таковы, что переправа должна была совершиться безъ большого труда. Стоило поставить на возвышенности артиллерію, и наводка мостовъ была обезпечена.

Подъ вечеръ корпусъ Даву, который первымъ долженъ былъ ступить на русскую землю, подошелъ къ рѣкѣ и затихъ среди холмовъ и лѣса. Огней не разводили, и ничто не указывало на то, что черезъ нѣсколько часовъ десятки тысячъ людей будутъ на той сторонѣ рѣки. Въ эту пору темнѣетъ поздно, и лишь съ наступленіемъ ночи подготовка переправы началась. Собрали лодокъ и паромовъ, сколько могли, и въ темнотѣ рота саперъ переправилась на правый берегъ. Тамъ они нашли утлую деревушку и укрѣпились въ ней. Русскія войска тщательно наблюдали Нѣманъ отъ Ковно до Гродно. Имъ были извѣстны всѣ передвиженія непріятеля. Ближайшей отъ мѣста переправы воинской частью былъ авангардъ 2-го пѣхотнаго корпуса подъ начальствомъ ген. Всеволожскаго. Онъ занималъ мѣстечко Яново. Подъ командою Всеволожскаго были тѣ казачьи разъѣзды, которые наблюдали за переправой (они принадлежали къ л.-гв. казачьему и Бугскому полкамъ) [1]). Когда французскіе саперы переправились, одинъ изъ этихъ разъѣздовъ спокойно приблизился къ нимъ, и офицеръ спросилъ, что за люди. „Французы", былъ отвѣтъ. „Чего вы хотите и зачѣмъ вы въ Россіи?" продолжалъ спрашивать офицеръ. „Воевать съ вами, взять Вильну, освободить Польшу!" Офицеръ не спрашивалъ дальше, повернулъ коня, и патруль быстро скрылся въ лѣсу. Саперы послали ему вдогонку нѣсколько пуль [2]). То были первые французскіе выстрѣлы, прозвучавшіе въ Россіи. Завязалась перестрѣлка. Она послужила сигналомъ. Три роты пѣхоты немедленно переправились вслѣдъ за саперами, четвертая заняла островъ, на возвышенностяхъ лѣваго берега развернулось нѣсколько батарей. Изъ лѣса, изъ-за холмовъ показались войска. Безъ шуму подходили они къ берегу, безъ шуму занимали мѣста, дожидаясь очереди. Была торжественная, жуткая тишина. Солдаты словно чув-

1) См. полк. Н. П. Поликарповъ. Очерки Отеч. войны. «Нов. Жизнь», 1911, X.

2) Segur, т. I, 126.

ствовали, что они идутъ на Голгоѳу. Наполеонъ почти не покидалъ своей палатки. Въ какомъ-то странномъ безсиліи провелъ онъ весь этотъ день, и былъ внѣ себя, когда до слуха его донесся звукъ первыхъ выстрѣловъ.

Въ 11 часовъ вечера три моста были готовы, и едва сталъ свѣтлѣть востокъ, какъ потянулись живой нескончаемой лентой, неудержимымъ потокомъ, стряхнувъ оцѣпенѣніе, желѣзные легіоны великой арміи, покрытые славой столькихъ битвъ, лаврами столькихъ побѣдъ: уланы съ пестрыми значками, драгуны съ конскими хвостами, гусары, кирасиры, карабинеры, гренадеры, вольтижеры, велиты, фланкеры, стрѣлки, артиллерія, обозы...

Императоръ переправился одинъ изъ первыхъ. Ступивъ на непріятельскій берегъ, онъ долго стоялъ у мостовъ, ободряя солдатъ и слушая восторженные „Vive l'Empereur!“. Потомъ, наэлектризованный, пришпоривъ коня, поскакалъ въ лѣсъ во весь опоръ, и долго мчался впередъ, совершенно одинъ, въ какомъ-то опьянѣніи. Наконецъ опомнился, медленно вернулся къ мостамъ, и, присоединившись къ одному изъ гвардейскихъ отрядовъ, направился въ Ковно.

Погода хмурилась. Собирались тучи. И еще много оставалось войскъ по ту сторону Нѣмана, когда разразилась жесточайшая лѣтняя гроза. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ оглушительные раскаты грома потрясали все кругомъ, вселяя ужасъ въ суевѣрныя души. Дождь лилъ, какъ подъ тропиками, не переставая, и дороги превратились постепенно въ непроходимое болото, въ которомъ завязали лошади и въ которомъ приходилось бросать повозки. Холодъ и сырость смѣнили тропическую жару [1]). Русское небо посылало свое предостереженіе баловню судьбы [2]).

Великая армія была въ предѣлахъ Россіи. Куда броситъ ея несокрушимую силу воля Наполеона?

---

1) Ségur, Histoire de la grande armée, стр. 130.

2) Въ тотъ же день, что и главная часть великой арміи, переправился черезъ Нѣманъ нѣсколько сѣвернѣе, у Тильзита, корпусъ Макдональда. Остальныя части арміи перешли границу позднѣе. Жеромъ занялъ Гродно 16-го, вице-король переправился черезъ Нѣманъ у Пренъ 18-го, Шварценбергъ — черезъ Бугъ 26 іюня.

II.

Александръ около мѣсяца уже былъ въ Вильнѣ. Вечеромъ 12 іюня онъ находился на балу у ген. Беннигсена. Тутъ ему шопотомъ доложили, что Наполеонъ въ Россіи. Пробывъ среди веселой, ничего не подозрѣвавшей толпы еще нѣкоторое время, императоръ уѣхалъ. На утро появилась за его подписью прокламація къ войскамъ, извѣщающая о началѣ войны, и рескриптъ фельдмаршалу графу Н. И. Салтыкову, кончавшійся словами: „Оборона отечества, сохраненіе независимости и чести народной принудили насъ препоясаться на брань. Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ". 13-го царь отправилъ къ Наполеону генералъ-адъютанта А. Д. Балашова съ собственноручнымъ письмомъ, а 14-го выѣхалъ самъ: въ Свѣнцяны и дальше.

Великая армія быстро подвигалась впередъ. Наши войска упорно защищались, но, несмотря на цѣлый рядъ блестящихъ арьергардныхъ стычекъ [1]), не могли задержать наступленія французовъ. Уже 15-го авангардъ Мюрата ночевалъ въ Рыконтахъ, верстахъ въ 20 отъ Вильны.

На слѣдующій день, 16-го, произошли три небольшихъ дѣла, завершившія Нѣманъ - Виленскую операцію: одно—самое крупное подъ Вилькомиромъ, на нашемъ правомъ флангѣ, гдѣ Удино—опрокинулъ арьергардъ Витгенштейна [2]), другое на лѣвомъ, гдѣ Жеромъ выбилъ изъ Гродно Платова, третье въ центрѣ, у самой Вильны, когда главныя французскія силы съ боемъ вошли въ городъ, тѣсня арьергардъ Барклая подъ начальствомъ кн. Шаховского.

Барклай сначала думалъ-было защищать Вильну. Поэтому онъ весь день 15-го пробылъ еще въ городѣ, подтягивая къ себѣ войска, и только 16-го, подъ стремительнымъ натискомъ французовъ, началъ отступленіе, безпрерывно задерживая непріятеля арьергардными стычками.

Населеніе Вильны встрѣтило Наполеона восторженно. Но На-

---

1) См. указ. выше статью полк. Поликарпова.

2) См. картинное изображеніе его у Марбо (Mém., III, гл. VI) и детальное описаніе у Поликарпова, цит. ст.

полеонъ, не останавливаясь, проѣхалъ черезъ городъ на Свѣнцянскую дорогу, отдалъ необходимыя приказанія о преслѣдованіи русской арміи, велѣлъ снабдить артиллеріей командующія высоты и навести мосты на Виліи, и только потомъ вернулся въ Вильну. Здѣсь 18-го онъ принялъ Балашова [1]).

Миссія Балашова довольно подробно, не очень тенденціозно, изображена въ „Войнѣ и мирѣ". Въ нашей исторіографіи въ ней обыкновенно видятъ послѣднюю ставку на миръ со стороны Александра. Это невѣрно. Миссія Балашова вовсе не была ставкою на миръ. Она была лишь неискренней демонстраціей миролюбія. Какъ истый дипломатъ, Александръ задумалъ ловкій ходъ, чтобы передъ лицомъ Европы и Россіи окончательно переложить отвѣтственность за войну на французскаго императора. Балашовъ получилъ такія инструкціи, которыя дѣлали невозможнымъ открытіе мирныхъ переговоровъ. Онъ долженъ былъ требовать обратнаго перехода французовъ черезъ границу. Вынудить Наполеона уйти за Нѣманъ, когда онъ перебросилъ въ Россію полмилліона вооруженныхъ людей и занялъ цѣлую русскую область, конечно, было нельзя, и Александръ это вѣроятно понималъ очень хорошо. Но начать переговоры теперь же, пока французы были еще въ Вильнѣ, Наполеонъ не отказывался. Этого не хотѣлъ Александръ.

При такихъ условіяхъ миссія Балашова была заранѣе обречена на неудачу, и положеніе его становилось смѣшнымъ, когда онъ вынужденъ былъ выслушивать справедливые порой упреки Наполеона. Но, связанный инструкціей, Балашовъ молчалъ, и уѣхалъ мрачнымъ вѣстникомъ, какъ только его отпустили. Ужасы войны стали неотвратимы.

4. Дѣйствія на флангахъ.

Въ то время, какъ Наполеонъ съ главными силами своей арміи велъ наступленіе по дорогѣ къ Смоленску, на флангахъ разыгрывались событія, которыя оказывали большое вліяніе на общій ходъ военныхъ дѣйствій.

---

[1]) См. записку А. Д. Балашова (Зап. Имп. Акад. Наукъ, т. 43, стр. 14 и слѣд.).

Наполеонъ выдвинулъ на оба фланга своей главной арміи сначала только по одному корпусу. На лѣвомъ флангѣ Макдональдъ съ X корпусомъ (32.500 чел.), наступая отъ Тильзита, долженъ былъ захватить Ригу, чтобы обезпечить подвозъ провіанта и военныхъ припасовъ съ моря и вверхъ по Двинѣ, а потомъ угрожать правому флангу арміи Барклая. На югѣ Шварценбергъ со своими 32.000 австрійцевъ долженъ былъ ограждать предѣлы Великаго герцогства Варшавскаго и удерживать обсерваціонную армію Тормасова. Событія очень быстро показали, что выдвинутыхъ на фланги силъ недостаточно. Оба корпуса были составлены изъ вассальныхъ и союзныхъ войскъ. У Шварценберга были исключительно австрійцы. У Макдональда — пруссаки (около 20 тыс.), баварцы, вестфальцы, поляки. Поэтому оба корпуса дѣйствовали вяло. У Шварценберга были даже, повидимому, опредѣленныя инструкціи — не ввязываться въ серьезныя дѣла. А Макдональдъ ничего не могъ подѣлать съ пруссаками Іорка. Іоркъ былъ пламенный прусскій патріотъ, ненавидѣвшій Наполеона. Именно поэтому онъ былъ поставленъ во главѣ вспомогательнаго прусскаго корпуса. Король, который тоже ненавидѣлъ Наполеона и любилъ Александра, зналъ, что Іоркъ не будетъ серьезно воевать съ русскими. Еще 31 марта, т.-е. задолго до открытія военныхъ дѣйствій, прусскій союзникъ Наполеона писалъ Александру: „Если война начнется, мы будемъ вредить другъ другу лишь въ такой мѣрѣ, какая будетъ безусловно неизбѣжна. Мы будемъ всегда напоминать другъ другу, что мы друзья, что когда-нибудь мы снова сдѣлаемся союзниками... Да, Ваше Величество, будьте покойны насчетъ моихъ!..“ Нѣтъ ничего удивительнаго, что союзники на сѣверѣ и на югѣ вели себя крайне вяло. Поэтому Наполеону скоро пришлось усилить фланги.

Макдональдъ, выдѣливъ часть войскъ для осады Риги, двинулся вверхъ по Двинѣ къ Якобштадту, чтобы здѣсь перейти на правый берегъ рѣки и броситься на нашъ правый флангъ. Корпусу Макдональда мы могли противопоставить только рижскій гарнизонъ, совершенно иммобилизованный, и трехтысячный отрядъ въ Динабургѣ.

Осада Риги оказалась безуспѣшной, ибо пруссаки умышленно не проявляли никакой энергіи, а обходъ нашего фланга рядомъ обстоятельствъ оказался возложеннымъ на другія части,

а не на Макдональда. Витгенштейнъ былъ вынужденъ подъ Вилькоміромъ къ отступленію, та же неудача отрѣзала его отъ Вильно-Свѣнцянской дороги. Со своимъ 25-тысячнымъ корпусомъ онъ долженъ былъ отступить въ совершенно противоположную сторону, къ Друѣ [1]). Вслѣдствіе этого онъ сталъ самостоятельной частью и получилъ назначеніе прикрывать Петербургъ. Тогда естественно на корпусъ Удино была возложена задача дѣйствовать противъ Витгенштейна и противъ Петербурга. У Удино номинально было 37.000 чел., но фактически едва 28.000. Такъ какъ одному ему задача была непосильна, то онъ долженъ былъ дѣйствовать сообща съ Макдональдомъ. Оба маршала сговорились перейти Двину, соединиться въ тылу Витгенштейна, у Себежа, отрѣзать его отъ Пскова, его базы, и Петербурга, и опрокинуть на главныя силы Наполеона. Тогда дорога на Петербургъ сдѣлалась бы свободной и оба корпуса могли угрожать нашей столицѣ очень опасными неожиданностями. Исполняя этотъ планъ, Удино быстро двинулся къ дрисскому лагерю, разрушилъ его, поднялся выше по рѣкѣ, перешелъ ее у Полоцка, гдѣ учредилъ свою главную квартиру, и повернулъ на сѣверъ. Но Макдональдъ вмѣсто того, чтобы перейти Двину у Якобштадта и итти навстрѣчу Удино, спустился къ Динабургу и тамъ задержался. Этимъ воспользовался Витгенштейнъ, который направилъ всѣ свои силы на Удино. Онъ двинулся отъ Росицы, чтобы захватить Клястицы и загородить дорогу французамъ. И хотя Удино успѣлъ предупредить его и занять Клястицы, но для этого ему пришлось оставить на переправѣ черезъ Дриссу одну изъ своихъ трехъ дивизій. У Витгенштейна получился перевѣсъ въ силахъ; 18 іюля онъ выбилъ непріятеля изъ его позиціи и заставилъ отступить къ югу. Удино сосредоточилъ свои силы, перешелъ обратно черезъ Дриссу, уничтожилъ у Боярщины (20 іюля) авангардъ Кульнева — самъ Кульневъ былъ тутъ смертельно раненъ [2]) —

---

[1]) См. ст. полк. Поликарпова въ „Нов. Жизни“, 1911, X.

[2]) Обстоятельства смерти Кульнева передаются различно. Большинство военныхъ историковъ, въ томъ числѣ ген. Богдановичъ, вслѣдъ за Сегюромъ, утверждаютъ, что Кульневъ былъ раненъ ядромъ въ обѣ ноги, между тѣмъ, какъ Марбо—очевидецъ, въ двухъ шагахъ отъ котораго находился Кульневъ, утверждаетъ, что онъ былъ убитъ ударомъ сабли въ горло, нанесеннымъ ему коннымъ стрѣлкомъ. (См. его „Мемуары“, т. III, гл. IX). Подъ Боярщиной мы потеряли 14 орудій и около 2.000 человѣкъ.

и попробовалъ было снова перейти въ наступленіе. Но отбитый при Головщицѣ, 21-го отступилъ къ Полоцку. Витгенштейнъ, неспокойный насчетъ Макдональда, передвинулся къ западу и сталъ у Росицы, наблюдая за обоими маршалами. Но Макдональда словно какія-то чары приковали къ Динабургу. Онъ не подавалъ никакихъ признаковъ дѣятельности, и это спасало Витгенштейна.

Между тѣмъ къ Удино подошли подкрѣпленія. Наполеонъ отдалъ подъ его начальство войска VI баварскаго корпуса Гувіона Сенъ-Сира. При переходѣ черезъ Нѣманъ въ немъ числилось 24.000 человѣкъ. Но Наполеонъ отобралъ отъ него всю кавалерію, и онъ такъ разстроился отъ недостатка провіанта — онъ шелъ въ хвостѣ великой арміи, — что численность его, когда онъ прибылъ въ Полоцкъ, не превышала 13.000 чел. Но все-таки это была хорошая поддержка. 30 іюля Удино возобновилъ наступленіе, но на Свольнѣ былъ отбитъ и снова отошелъ къ Полоцку, преслѣдуемый Виттенштейномъ. Послѣдній 5 августа атаковалъ французовъ, занявшихъ позиціи въ городѣ и впереди него, но былъ отбитъ. Удино, раненый, — такова уже была его судьба, что онъ всюду первый получалъ рану — сдалъ команду Сенъ-Сиру. Этотъ генералъ былъ человѣкомъ другого темперамента. 6-го, обманувъ Витгенштейна притворнымъ отступленіемъ, онъ обрушился на него всѣми силами, привелъ въ разстройство и заставилъ поспѣшно отступить на сѣверъ за Дриссу. Но такъ какъ онъ не чувствовалъ себя достаточно сильнымъ для дальнѣйшаго наступленія, а Макдональдъ попрежнему стоялъ на мѣстѣ, то его энергія на этомъ изсякла. Онъ вернулся въ Полоцкъ, гдѣ продолжалъ оставаться въ бездѣйствіи: весь августъ и сентябрь авангарды занимались лѣнивой перестрѣлкой.

На югѣ дѣйствія Шварценберга съ самаго начала казались Наполеону подозрительными, а такъ какъ на него ложилась миссія очень отвѣтственная, то императоръ счелъ за лучшее отозвать его къ главнымъ силамъ, а его задачи возложить на VII саксонскій корпусъ графа Ренье. У Ренье было мало народу, всего около 17.000 человѣкъ, въ то время какъ у Тормасова — около 47.000, хотя и разбросанныхъ по большому пространству. Ренье повернулъ отъ Несвижа къ Слониму, въ то время, какъ Шварценбергъ двинулъ свой корпусъ въ обрат-

номъ направленіи. Отъ Слонима Ренье началъ развертывать свои силы, чтобы занять линію Брестъ-Кобринъ-Пинскъ и тѣмъ преградить Тормасову путь къ Литвѣ. Самъ онъ съ главными силами двинулся къ Пинску, а 4-тысячный отрядъ ген. Клингеля направилъ къ Кобрину и Бресту. Клингель укрѣпился въ Кобринѣ и послалъ эскадронъ гусаръ захватить Брестъ, когда Тормасовъ, узнавъ объ отходѣ Шварценберга, рѣшилъ перейти въ наступленіе. Посланный имъ авангардъ Ламберта безъ труда выгналъ саксонскихъ гусаръ изъ Бреста. Противъ Кобрина, занятаго Клингелемъ, Тормасовъ сосредоточилъ отрядъ въ 20 тыс. слишкомъ человѣкъ. 15 іюля, окруженные со всѣхъ сторонъ саксонцы, въ числѣ около 2.500 чел., сложили оружіе. Это была первая побѣда русскихъ надъ непріятелемъ.

Но Тормасовъ, подобно Макдональду у Динабурга, вмѣсто того, чтобы обрушиться на Ренье и разбить его, вдругъ сдѣлался неподвиженъ и твердо сохранялъ свою неподвижность до 28 іюля. За это время Ренье, не тревожимый серьезно никѣмъ, отступилъ къ Скопину, куда на соединеніе съ нимъ повернулъ изъ Несвижа получившій новыя приказанія Шварценбергъ. Соединившись, оба повели наступленіе черезъ Пружаны на Кобринъ, при чемъ общая численность австро-саксонскаго отряда достигала теперь почти 40.000. Авангардъ Ламберта столкнулся съ непріятелемъ у Пружанъ 27 іюля, былъ опрокинутъ, потерялъ орудіе и отступилъ къ Городечнѣ, гдѣ соединился съ Тормасовымъ. Этотъ мудрый генералъ, между тѣмъ, распорядился такъ хорошо, что къ моменту боя изъ 40.000 человѣкъ, находившихся подъ его командою, на позиціи оказалось всего 18.000. Остальные были гдѣ-то въ рекогносцировкахъ. Благодаря отличной позиціи у Городечны, онъ 30 іюля цѣлый день выдерживалъ атаку саксонцевъ Ренье; Шварценбергъ ограничивался почти исключительно канонадою и очень неохотно помогалъ своему товарищу. Но угрожаемый охватомъ превосходныхъ непріятельскихъ силъ, 31 іюля Тормасовъ отступилъ къ Луцку. Ренье не могъ одинъ его преслѣдовать, а Шварценбергъ становился все болѣе и болѣе подозрительнымъ, по мѣрѣ того, какъ на главномъ театрѣ войны дѣло шло къ затяжкѣ. Такъ, на правомъ флангѣ Наполеона все застыло. Въ этомъ застыломъ состояніи противники находились до тѣхъ

поръ, пока съ юга не подошла армія Чичагова, т.-е. до первыхъ чиселъ сентября.

Такимъ образомъ, ни на одномъ флангѣ военачальники Наполеона не сдѣлали ничего, что могло бы помочь ему въ его главной задачѣ. Будь дѣйствія на флангахъ энергичнѣе, судьба великой арміи была бы, быть-можетъ, не такъ плачевна. Ибо если бы на сѣверѣ тремъ соединеннымъ корпусамъ удалось уничтожить Витгенштейна и двинуться на Петербургъ, а на югѣ, подъ Городечной, окружить Тормасова—война приняла бы другой оборотъ. Прекрасно составленный планъ Березинской операціи: окружить Наполеона и всѣ его войска, находящіяся по сю сторону границы, сталъ бы невозможенъ, если бы оба крыла нашей арміи были разбиты въ первую половину кампаніи. Наоборотъ, прекрасно составленный планъ общей стратегической операціи Наполеона потерпѣлъ неудачу изъ-за того, что на двухъ его флангахъ ему почти открыто измѣнили „союзники“: Шварценбергъ и Іоркъ. Сказалась невозможность той политической комбинаціи, которую Наполеонъ положилъ въ основу своихъ военныхъ расчетовъ. Ни Австрія, ни Пруссія не были покорены окончательно и повиновались въ своихъ дѣйствіяхъ логикѣ собственныхъ политическихъ интересовъ.

Въ этомъ главный интересъ анализа операцій на флангахъ. Остальное—вопросы второстепенные. Русскіе генералы исполняли дѣло добросовѣстно. Но если Витгенштейнъ заслуживаетъ большой похвалы за свои дѣйствія, то относительно Тормасова можно сказать, что онъ сдѣлалъ все, чтобы испортить свои дѣла, и что спасъ его только Шварценбергъ.

5. Вступленіе французовъ въ Москву.

Кутузовъ рѣшилъ отдать Москву послѣ зрѣлаго размышленія. Ему нужно было достигнуть двухъ цѣлей одновременно: спасти армію и заслонить южныя губерніи. Между Можайскомъ и Москвой не было удобныхъ позицій, гдѣ армія могла бы перестроиться въ виду насѣдавшаго непріятеля и выполнить фланговое движеніе. Къ тому же битва могла быть и съ тактической стороны опасна для арміи: подкрѣпленія подходили туго и казались не вполнѣ удовлетворительными. Отдавая Москву

французамъ, Кутузовъ получилъ возможность свободно перейти на Рязанскую, а потомъ на Калужскую дорогу, т.-е. совершить тотъ фланговый маршъ, въ которомъ онъ видѣлъ не только единственное спасеніе въ данный моментъ, но и единственный шансъ для будущихъ успѣховъ. Этотъ планъ былъ задуманъ давно фельдмаршаломъ и для безпрепятственнаго осуществленія его онъ готовъ былъ на всякія жертвы [1]). Вотъ почему на совѣтѣ въ Филяхъ Кутузовъ безъ колебанія отдалъ приказъ объ очищеніи Москвы.

Въ то время какъ главнокомандующій принималъ это торжественное и трагическое рѣшеніе, Москву спѣшно покидали ея жители. Губернаторъ Ростопчинъ, который почему-то думалъ, что говорить съ народомъ можно только балаганнымъ языкомъ, выпускалъ свою предпослѣднюю прокламацію, которая все съ тѣмъ же фальшивымъ воодушевленіемъ и все въ томъ же скоморошьемъ стилѣ призывала москвичей на Три Горы биться съ врагомъ. „Я буду съ вами“,—обѣщалъ храбрый начальникъ губерніи. Но когда москвичи съ вилами и дрекольемъ да со старымъ оружіемъ изъ арсенала пришли въ указанный имъ срокъ на Три Горы, ихъ постигло разочарованіе. Ростопчина тамъ не было, но была опять прокламація. Московскій Сципіонъ вмѣсто того, чтобы итти сражаться съ Наполеономъ, устроилъ себѣ у своего крыльца болѣе безопасную кровавую потѣху—съ Верещагинымъ. А потомъ бѣжалъ, унося на колесахъ своей коляски кровь несчастнаго.

Почему жители покидали Москву? Наряду съ вопросомъ о томъ, какъ и почему сгорѣла Москва, этотъ вопросъ наиболѣе существенный среди тѣхъ, которые возникаютъ при изученіи условій московскаго періода войны. На анализѣ этого вопроса еще разъ вскрываются могучія соціальныя отношенія, двигавшія волею отдѣльныхъ лицъ въ 1812 году.

Первыми Москву стали покидать богатые дворяне, жившіе тамъ и имѣвшіе тамъ дома. Ихъ примѣръ оказался заразительнымъ. За богатыми дворянами потянулись купцы и мелкіе помѣщики, соображавшіе, что разъ крупные баре ѣдутъ, то, значитъ, имѣется какая-нибудь весьма уважительная причина. А

---

[1]) См. письма Кутузова къ дочерямъ, напечатанныя въ журн. Мин. Нар. Просв. 1912, январь.

баре уѣзжали по причинѣ, съ ихъ точки зрѣнія дѣйствительно очень уважительной. Они были наслышаны о томъ, что Наполеонъ дастъ волю крѣпостнымъ людямъ, сильно этими вѣстями были напуганы и просто боялись поставить лицомъ къ лицу съ французами все свое барское, рабовладѣльческое великолѣпіе: всѣхъ этихъ безчисленныхъ дворовыхъ людей, шутовъ, шутихъ, арапокъ, карлицъ, актрисъ. Присутствіе французовъ, во-первыхъ, могло просто отнять у нихъ все это, а во-вторыхъ, челядь, осмѣлѣвшая отъ разныхъ слуховъ и наговоровъ, могла и взбунтоваться. Такіе случаи уже были подъ Витебскомъ и подъ Смоленскомъ.

И крѣпостная пышность и повседневный крѣпостной порядокъ нуждались для своего поддержанія въ томъ, чтобы рядомъ стояла опекающая полицейская сила русскаго государства. Разъ она ушла, крѣпостной порядокъ становился непроченъ. Вотъ почему крупные помѣщики, жившіе въ Москвѣ, побоялись встрѣтить Наполеона среди своего „боярскаго“ великолѣпія и потянулись въ такія мѣста, гдѣ русская полиція была на своихъ постахъ, готовая оберегать крѣпостной строй. Тѣ, которые послѣдовали примѣру крупнаго дворянства, частью разсуждали такъ же, частью подчинялись общей паникѣ.

Въ Москвѣ осталось немного народу: дворовые, приставленные къ охранѣ домовъ и имущества; люди, не имѣвшіе физической возможности уѣхать; колодники, выпущенные изъ тюремъ, низшіе полицейскіе чины, ростопчинскіе шпіоны и иностранцы. Послѣдніе пережили часы страшной тревоги. Погромные замашки Ростопчина ни для кого не были секретомъ. Къ оставшимся въ Москвѣ темнымъ элементамъ большого довѣрія быть не могло. Люди помнили „Харонову барку“ [1]) и готовились къ худшему. Къ счастью, опасенія ихъ не оправдались.

Въ то время, какъ они ожидали, что въ двери вломятся грабители, они услышали у оконъ чистый французскій говоръ, приправленный настоящими солдатскими словечками. Усталая армія входила въ Москву.

Когда Кутузовъ рѣшилъ уступить Москву безъ боя и былъ

---

[1]) Это та барка, на которую Ростопчинъ нагрузилъ сорокъ человѣкъ „подозрительныхъ“ иностранцевъ и которая по Москва-рѣкѣ доставила ихъ въ Нижегородскую губернію. Условія, въ которыхъ жили во время переѣзда бѣдные французы, были варварскія.

отданъ приказъ о переходѣ на Рязанскую дорогу, французы сейчасъ же почувствовали это по поведенію нашего арьергарда. Милорадовичъ, который велъ его, упорно отбиваясь и задерживая всячески Мюрата, сталъ мягче и пересталъ защищаться за каждымъ оврагомъ и на каждомъ пригоркѣ. Само собою случилось такъ, что торопившіеся изо всѣхъ силъ французы почти догнали хвостъ русской колонны. Въ московскіе пригороды входили чуть не вмѣстѣ.

Наполеонъ присоединился къ авангарду и въ 10 час. утра былъ на Поклонной горѣ. Сцена безплоднаго ожиданія депутаціи „бояръ" сначала здѣсь, на горѣ, потомъ у Дорогомиловской заставы слишкомъ хорошо извѣстна по сегюровскому разсказу, которому Толстой придалъ такую законченную художественную форму. Едва ли стоитъ его тутъ воспроизводить. Пусть читатель возьметъ у себя съ полки третій томъ „Войны и мира" и пробѣжитъ эти страницы.

Еще больше, чѣмъ Наполеонъ, ждали Москвы солдаты великой арміи. Нужно читать ихъ воспоминанія, чтобы увидѣть, какъ велики были надежды, возлагавшіяся ими на занятіе Москвы. „Пока наводили мосты,—пишетъ одинъ офицеръ,—къ 11-ти часамъ, генеральный штабъ расположился на высокомъ пригоркѣ. Оттуда мы вдругъ увидали тысячи колоколенъ съ золотыми куполообразными маковками. Погода была великолѣпная; все это блестѣло и горѣло въ солнечныхъ лучахъ и казалось безчисленными свѣтящимися шарами... Мы были поражены красотой этого зрѣлища, которое приводило насъ въ еще большій восторгъ, когда мы вспоминали о перенесенныхъ тяжелыхъ невзгодахъ. Никто не въ силахъ былъ удержаться. У всѣхъ вырывался радостный крикъ: „Москва! Москва!"... Услышавъ давно жданный возгласъ, всѣ толпой кинулись къ пригорку"... А вотъ слова другого офицера, экспансивнаго итальянца: „Прекрасная столица подъ лучами яркаго солнца горѣла тысячами цвѣтовъ: группы золоченыхъ куполовъ, высокія колокольни, невиданные памятники. Обезумѣвъ отъ радости, хлопая въ ладоши, задыхаясь, наши кричатъ: „Москва! Москва!". При этомъ имени, передававшемся изъ устъ въ уста, всѣ карабкаются на холмъ, откуда раздается этотъ громкій крикъ. Каждому хочется первому увидѣть Москву. Лица озарились радостью. Солдаты словно преобразились. Мы обнимаемся и съ благодарностью

поднимаемъ руки къ небу. Многіе плачутъ отъ радости, и повсюду слышно: „Наконецъ-то! Наконецъ, Москва!“ И автору приходятъ на память стихи Тассо изъ „Освобожденнаго Іерусалима“:

Ali ha ciascuno al core ed ali al piede,
Ni del suo ratto andar pero s'accorge...

Крылья выросли у каждаго на ногахъ и на сердцѣ,
Никто не чувствуетъ подъ собою ногъ отъ радости...

Это ликованіе понятно.

Солдаты были увѣрены, что занятіе Москвы означаетъ миръ, т.-е. конецъ утомленіямъ, конецъ жизни впроголодь, возвращеніе домой. Трудности похода давали себя знать. Рѣдко кто не чувствовалъ, что силы его приходятъ къ концу.

Но вотъ слышенъ одинокій пушечный выстрѣлъ. Это — сигналъ. Императору надоѣло ждать, и онъ двинулъ въ городъ горѣвшія нетерпѣніемъ войска. Въ полномъ порядкѣ, чрезъ всѣ западныя и сѣверныя заставы, полился живой потокъ въ молчаливый городъ. Солдаты надѣли парадную форму. Шли съ музыкой и барабаннымъ боемъ. Тамбуръ-мажоры въ своихъ затѣйливыхъ костюмахъ, съ длинными жезлами, шли впереди.

Однако очень скоро послѣ вступленія чувство какой-то жути стало охватывать людей, умѣвшихъ безтрепетно стоять подъ картечью. Городъ былъ пустъ. Ни одного дымка не было видно надъ зданіями; окна наглухо закрыты; на балконахъ почти нигдѣ нѣтъ людей. У дверей и у воротъ изрѣдка попадаются какія-то мрачныя фигуры, которыя глядятъ на нарядныя колонны французовъ сверкающими ненавистью глазами. Лишь самые большіе оптимисты утѣшали себя тѣмъ, что жители смотрятъ на нихъ изъ-за ставенъ. Большинство подавлено этимъ тяжелымъ безмолвіемъ, этимъ гулкимъ эхомъ, которое поднимаютъ въ пустыхъ улицахъ мѣрные шаги и барабанный бой. У всѣхъ зарождается предчувствіе чего-то недобраго. Лишь ближе къ центру стали показываться на улицѣ люди.

Южныя части города были еще полны отступавшими русскими солдатами.

Еще до вступленія французовъ въ Москву Милорадовичъ прислалъ къ Мюрату офицера съ предложеніемъ перемирія на одинъ день. Русскіе отдавали столицу непріятелю, но требо-

вали, чтобы имъ дали возможность спокойно пройти чрезъ нее. Въ противномъ случаѣ Милорадовичъ грозилъ сжечь Москву. Перемиріе было дано, и когда Мюратъ во главѣ авангарда вступилъ въ городъ и проѣхалъ до центра его, онъ оказался окруженнымъ цѣлой толпой казачьихъ офицеровъ, которые тѣснились къ нему, чтобы вблизи взглянуть на перваго храбреца великой арміи. Искренно или притворно они восхваляли его безстрашіе, и Мюратъ, простодушный и элементарно-тщеславный, какъ истый гасконецъ, въ восторгѣ отъ комплиментовъ, моментально роздалъ на память врагамъ-поклонникамъ не только всѣ деньги, какія были при немъ и при его адъютантахъ, но и часы свои собственные, бывшаго тутъ же полковника Гурго и другихъ офицеровъ. Казаки, необыкновенно довольные, кричали, что великодушіе короля равно его храбрости. Окруженный казаками и собственнымъ штабомъ, весь сіяя золотомъ, съ широко-развѣвающимися на шляпѣ страусовыми перьями, Мюратъ доѣхалъ до одной изъ южныхъ заставъ и хотѣлъ ѣхать дальше. Русскіе офицеры остановили его: „Мы вамъ уступили городъ, Ваше Величество! Дальше вы будете нашимъ плѣнникомъ“. Мюратъ отдалъ приказъ нѣкоторымъ частямъ авангарда слѣдовать за русскими и не упускать ихъ изъ виду. Между солдатами отношенія тоже были самыя дружескія. Они подѣлили какую-то партію быковъ, найденную тутъ же. Ночевали на Рязанской дорогѣ чуть не рядомъ.

Занятіе Москвы не обошлось однако совсѣмъ безъ сопротивленія. Такъ какъ арсеналъ давно былъ открытъ и кремлевскія стѣны казались все такими же прочными, какъ двѣсти лѣтъ назадъ, во времена польскаго сидѣнія, небольшая толпа людей, не то побуждаемыхъ фанатизмомъ, не то повѣрившихъ балаганной похвальбѣ Ростопчина, заперлась въ Кремлѣ и открыли стрѣльбу по французской колоннѣ. Мюратъ приказалъ привезти три пушки. Послѣ перваго же залпа защитники Кремля разбѣжались, побросавъ оружіе.

Расквартированіе огромной арміи не могло совершиться сразу. Медленно входили отрядъ за отрядомъ, занимали отведенныя имъ кварталы и расходились по домамъ. Въ первый день въ городъ вошли далеко не всѣ корпуса. Тѣ, кому посчастливилось размѣститься первыми, торопились устроиться какъ-нибудь и выйти погулять, чтобы найти объясненіе этой странной пу-

стотѣ. И когда люди съ тревогой глядѣли на небо, чтобы уловить два-три дымка, свидѣтельствующіе о томъ, что еще не всѣ жители покинули столицу, вдругъ повалилъ густой столбъ чернаго дыма изъ самаго центра города. То горѣли Торговые ряды на Красной площади.

Пожаръ начался еще засвѣтло. Были пущены въ ходъ всѣ средства, чтобы затушить его въ самомъ началѣ. Саперы и солдаты соперничали другъ съ другомъ въ усердіи. Но все было напрасно. Зданіе было деревянное и все было полно легко воспламеняющимся товаромъ. Убѣдившись, что спасти ничего нельзя, солдаты начали грабить магазины наперерывъ съ русскими. Добычи было много и грабежъ шелъ методическій. Львиныя доли достались гвардіи, расквартированной въ Кремлѣ и близлежащихъ частяхъ.

По мѣрѣ того, какъ темнѣло, вспыхивали пожары и въ другихъ мѣстахъ. Ихъ было такъ много, что они становились все болѣе и болѣе подозрительны. Кто тутъ работалъ: слѣпой случай или злая воля? Пока высшее начальство задумывалось надъ этимъ вопросомъ, настроеніе солдатъ дѣлалось все мрачнѣе. Печальныя предчувствія принимали опредѣленную форму. Предстоящія бѣдствія страшнымъ миражемъ выростали передъ арміей...

6. Вопросъ о мирѣ послѣ занятія Москвы.

Однимъ изъ первыхъ результатовъ пожара Москвы было, какъ извѣстно, то, что Наполеонъ сталъ самъ искать мира, вмѣсто того, чтобы дожидаться предложеній со стороны Александра. Онъ пробовалъ сдѣлать это черезъ Тутолмина, черезъ Яковлева, и, наконецъ, 22-го сентября прямо послалъ Лористона къ Кутузову въ Тарутинскій лагерь. Изъ попытокъ ничего не вышло. Александръ не отвѣчалъ, Кутузовъ отказался даже начать переговоры. Наполеону приходилось полагаться только на свои силы.

Внѣшній ходъ этихъ попытокъ выясненъ въ достаточной мѣрѣ. Менѣе ясенъ и при настоящемъ состояніи источниковъ едва ли можетъ быть выясненъ вполнѣ одинъ вопросъ, очень существенный: почему Александръ рѣшилъ не мириться съ На-

полеономъ? Если когда-нибудь будутъ опубликованы дневники Александра, мы узнаемъ, быть-можетъ, его мотивы. Теперь мы можемъ только сопоставлять извѣстные намъ факты и дѣлать изъ нихъ выводы.

Уже очень скоро послѣ занятія Москвы, 9-го сентября, въ бесѣдѣ съ полковникомъ Мишо, посланнымъ Кутузовымъ, Александръ твердо заявилъ, что не помирится ни при какихъ условіяхъ. Этого рѣшенія онъ не измѣнилъ. Удержаться твердо въ такомъ критическомъ положеніи, когда многіе изъ близкихъ людей горячо настаивали на мирѣ, было подвигомъ, почти сверхъестественнымъ, и во всякомъ случаѣ требующимъ объясненія. Все положеніе, казалось, было таково, что Александръ не могъ не желать мира. На это, несомнѣнно, разсчитывалъ Наполеонъ, отлично знавшій настроеніе и постоянныхъ совѣтниковъ Александра, и придворныхъ сферъ. Почему же Александръ обманулъ ожиданія геніальнаго сердцевѣда?

Партія мира въ Петербургѣ была очень сильна. Во главѣ ея стоялъ Константинъ Павловичъ, который кричалъ „мира, мира!" и во дворцѣ, и на улицѣ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Въ концѣ-концовъ, чтобъ цесаревичъ не очень смущалъ народъ, признали за благо отправить его въ Тверь, подъ попеченіе храброй сестры, Екатерины Павловны. Менѣе крикливо, но тоже очень энергично дѣйствовала императрица-мать; она хотя и ненавидѣла Наполеона, но находила, что нужно подчиниться судьбѣ. Вліяніе Маріи Θеодоровны грозило быть очень опаснымъ для партіи войны; Александръ могъ не любить ее, но къ мнѣніямъ ея всегда прислушивался. Во главѣ мирно настроенной петербургской бюрократіи были трое самыхъ вліятельныхъ сановниковъ: канцлеръ Румянцевъ, начинавшій, правда, утрачивать вліяніе на Александра, министръ полиціи Балашовъ и всесильный военный министръ Аракчеевъ. Бюрократія была за миръ. Придворные круги и высшая аристократія — за малыми исключеніями. Рядовой Петербургъ, боявшійся участи Москвы, — всецѣло. Александръ былъ окруженъ партизанами мира. Казалось настолько невѣроятнымъ, что онъ устоитъ противъ этихъ единодушныхъ настояній, что появились даже разсказы о томъ, будто онъ самъ пытался вступить въ переговоры. Во французской арміи въ этомъ были почти увѣрены. Бертье прямо утверждалъ, что миръ „въ карманѣ" у

Наполеона[1]). Имѣются и другія указанія. Во „Frankfurter Zeitung“, нѣсколько позднѣе (13-го марта 1813 года), было напечатано, напр., такое извѣстіе. Императоръ послалъ Великаго Князя Константина къ Наполеону съ собственноручнымъ письмомъ. Подъ Москвой, проѣзжая чрезъ русскія войска, цесаревичъ встрѣтилъ одного генерала, который сказалъ ему отъ имени арміи, что онъ, очевидно, заблудился, что для того, чтобы попасть на вѣрную дорогу, ему нужно повернуть назадъ и проѣхать въ сѣверо-западномъ направленіи ровно столько, сколько онъ проѣхалъ въ юго-восточномъ; при этомъ ему дано было понять, что если онъ будетъ продолжать свое путешествіе, съ Александромъ можетъ приключиться одно изъ тѣхъ происшествій, которыя нерѣдки въ русской императорской семьѣ. Константинъ вернулся[2]).

Разсказъ этотъ носитъ всѣ признаки выдумки. Но въ немъ есть вещи и правдоподобныя, и несомнѣнныя. Правдоподобны колебанія Александра, заставлявшія его, очевидно, не разъ принимать и отмѣнять рѣшеніе объ отправкѣ къ Наполеону довѣреннаго лица. Несомнѣнно же то, что страхъ передъ арміей былъ одной изъ главныхъ причинъ, удержавшихъ царя отъ мира.

Армія опредѣленно хотѣла продолженія войны. Точнѣе, не армія, а офицерство. Кто создавалъ настроеніе въ этомъ разноязычномъ собраніи генераловъ? Безспорно одно: если среди русскихъ генераловъ и были сторонники мира, то иностранцы были почти сплошь за войну. Но и русское офицерство было въ огромномъ большинствѣ за продолженіе войны. Это понятно. Офицерство выходило изъ помѣщичьей среды. А помѣщики были одержимы настоящей паникой изъ-за слуховъ о намѣреніи Наполеона отмѣнить крѣпостное право. Только въ случаѣ побѣды надъ французами помѣщики могли быть увѣрены, что перспектива отмѣны крѣпостного права будетъ ликвидирована начисто. Ибо послѣ побѣды, послѣ изгнанія французовъ даже волненія крестьянъ переставали быть опасны. Наоборотъ, если бы миръ былъ заключенъ въ моментъ пребыванія французовъ въ Москвѣ, то Наполеонъ могъ навязать Але-

---

[1]) Ген. Матье Дюма (Souvenirs, III, 456) разсказываетъ объ этомъ со словъ самого начальника генеральнаго штаба великой арміи.

[2]) Цитата приведена Боссе, Mét., II, 103—104.

ксандру условія въ духѣ тѣхъ противофеодальныхъ замысловъ, которые приписывала ему молва. Да и съ крестьянами справиться стало бы труднѣе. Это была одна причина, заставлявшая дворянское офицерство возставать противъ мира. Другая была та же, которая заставляла помѣщиковъ всѣ пять лѣтъ франко-русскаго союза (1807—1812) громко роптать по поводу разрыва съ Англіей: вздорожаніе колоніальныхъ товаровъ, сокращеніе русскаго хлѣбнаго вывоза и проч. [1]). Для помѣщиковъ побѣда надъ Наполеономъ была почти вопросомъ жизни, и офицерство выражало настроеніе помѣщиковъ, когда противилось миру.

Столь же ревностно боролись противъ заключенія мира иностранцы, но, разумѣется, по своимъ причинамъ. Самымъ энергичнымъ, самымъ безпокойнымъ, самымъ дѣятельнымъ партизаномъ войны quand même былъ англійскій коммисаръ Вильсонъ, бдительно слѣдившій за тѣмъ, чтобы не было никакой поблажки французамъ. Это онъ устроилъ бурную сцену Кутузову 23 сентября, когда стало извѣстно, что фельдмаршалъ согласился принять Лористона. Къ Вильсону примыкали нѣмцы, которые въ Россіи бились за свои, нѣмецкіе, интересы и которыхъ миръ оставилъ бы ни съ чѣмъ. Тутъ были такіе вліятельные люди, какъ герцогъ Александръ Виртембергскій, герцогъ Августъ Ольденбургскій и многое множество прусскихъ и австрійскихъ офицеровъ, отчасти сдѣлавшихъ себѣ потомъ громкое имя: пресловутый Пфуль, графъ Шазъ, умершій въ концѣ 1812 г., три героя освободительныхъ войнъ: Бойенъ, будущій фельдмаршалъ и военный министръ, Клаузевицъ, лучшій военный теоретикъ своего времени, Люцовъ, блестящій кавалерійскій генералъ, будущій начальникъ „Чернаго Отряда“, а кромѣ нихъ еще десятки людей, имена которыхъ ничего не скажутъ русскому читателю, но каждаго изъ которыхъ Арндтъ, встрѣчавшій ихъ въ Смоленскѣ и въ Петербургѣ, называлъ съ радостнымъ трепетомъ [2]). Среди русскихъ офицеровъ было много старыхъ поклонниковъ Наполеона. Нѣкоторые изъ нихъ смотрѣли далеко впередъ, какъ Кутузовъ. Ихъ стремленіе сводилось къ тому, чтобы выжить врага изъ предѣловъ родины. Для

---

[1]) См. выше, стр. 27.

[2]) „Erinnerungen aus d. äusseren Leben“, стр. 138 и слѣд.

нѣмцевъ, для англичанъ этого было недостаточно. Имъ нужно было сокрушить Наполеона. И они заражали своимъ настроеніемъ русскихъ. Такъ создавалось въ арміи то настроеніе, которое заставляло Ростопчина писать Александру изъ Красной Пахры: „Миръ былъ бы смертнымъ приговоромъ для васъ и для насъ“ [1]).

Но не только страхъ передъ арміей заставлялъ Александра противиться миру. Въ Петербургѣ противъ партизановъ мира дѣйствовала партія войны, не такая сильная, но искусная и отлично проводившая свою линію. Душой ея были тоже нѣмцы, движущей пружиной — тоже нѣмецкія дѣла. Нѣмецкіе интересы настолько явственно сказывались въ петербургскихъ интригахъ, что были цѣлыхъ двѣ нѣмецкихъ фракціи: династическая и народная. Первая, во главѣ которой стоялъ герцогъ Ольденбургскій Петръ, выгнанный Наполеономъ, хотѣла возстановленія до-наполеоновской Германіи исключительно силами правительствъ. Другая мечтала о возрожденіи Германіи силой энтузіазма народа, заинтересованнаго въ созданіи новыхъ порядковъ. Во главѣ ея былъ одинъ изъ творцовъ новой Пруссіи, баронъ Штейнъ. Онъ былъ вызванъ Александромъ въ Петербургъ и жилъ тамъ, не поступая на русскую службу, но постоянно помогая своими совѣтами императору, своего рода неаккредитованнымъ посломъ Германіи. Огромный умъ, знанія, энергія, умѣнье разгадывать людей и дѣйствовать на нихъ дѣлали Штейна гораздо болѣе опаснымъ для Наполеона, чѣмъ всѣ нѣмецкіе генералы, вмѣстѣ взятые. Онъ не только нашелъ дорогу къ сердцу Александра. Онъ организовалъ нѣмецкую колонію такъ, что многіе вліятельные люди сознательно или безсознательно начинали смотрѣть на вещи его глазами.

Однимъ изъ важныхъ моментовъ, заставившихъ Александра не итти навстрѣчу Наполеону, было мнѣніе императрицы Елизаветы Алексѣевны, что мириться невозможно. Почему императрица была противъ мира? Во-первыхъ потому, что безошибочнымъ инстинктомъ любящей женщины она угадывала, гдѣ путь къ славѣ для любимаго человѣка. А затѣмъ Штейнъ черезъ близкихъ къ Елизаветѣ людей умѣлъ искусно затронуть

---

[1]) Point de paix. Ce serait une sentence de mort pour nous et pour Vous. Отъ 13 сентября. Русск. Арх., 1892, т. 8, 538.

не вполнѣ угасшія въ ней нѣмецкія чувства. Императрица, — это легко читается между строкъ въ другой книгѣ воспоминаній Арндта [1]), — находилась всецѣло подъ вліяніемъ пріятельницы Штейна, герцогини Виртембергской Антоніи, супруги герцога Александра. Всюду, гдѣ Штейнъ бывалъ, — у Уваровыхъ, у Салтыковыхъ, у Орловыхъ, у Кочубей, — его взгляды встрѣчали сочувствіе, и именно эти дома не раздѣляли общаго мнѣнія о необходимости мира. Частыя бесѣды Штейна съ царемъ, конечно, не могли обходить этого важнаго вопроса, и хотя у насъ нѣтъ положительныхъ свѣдѣній, что Штейнъ послѣ Бородина и московскаго пожара дѣйствовалъ на царя въ этомъ смыслѣ [2]), но было бы совершенно невѣроятно, если бы онъ не дѣйствовалъ именно такъ. Говорить объ этомъ, даже въ письмахъ, ему, вѣроятно, было неудобно: онъ самъ могъ быть неувѣренъ, чему нужно приписать окончательное рѣшеніе царя. Но что было въ его силахъ, онъ, несомнѣнно, дѣлалъ.

Другая нѣмецкая партія, ольденбургская, въ этомъ ему дѣятельно помогала, хотя и по своимъ собственнымъ соображеніямъ. Миръ съ Наполеономъ окончательно сдѣлалъ бы герцога Петра изгнанникомъ, отнялъ бы у него всякую надежду на возвращеніе своихъ владѣній. Съ этимъ не мирились ни онъ, ни его сыновья. Они дѣйствовали на Александра черезъ его любимую сестру Екатерину Павловну, жену младшаго сына герцога Ольденбургскаго, Георга. Великая княгиня была нѣжно привязана къ своему первому мужу и готова была для него назойливо выпрашивать у брата самыя незначительныя вещи. Это извѣстно всякому, кто читалъ пространныя письма въ изданіи Великаго Князя Николая Михайловича. При этомъ она хорошо знала Александра и всегда умѣла найти въ немъ его чувствительныя струны. Письма написаны отлично, и видно по отвѣтамъ Александра, что они на него дѣйствовали. Несомнѣнно, ея горячіе протесты противъ мира свое дѣло сдѣлали [3]). А въ связи съ настояніями императрицы, ловкими ар-

---

[1]) „Meine Wanderungen und Wandelungen mit Frhr. vom Stein“, 57 слѣд.

[2]) Новѣйшій біографъ Штейна Максъ Леманъ („Frhr. vom Stein“, III, 167 слѣд.) приводитъ факты, указывающіе, что Штейнъ былъ въ большой тревогѣ насчетъ того, какое рѣшеніе приметъ Александръ.

[3]) Вотъ, напр., письмо отъ 3 сент. 1912 г. „Moscou est pris. Il est des choses inexplicables. N'oubliez pas votre résolution: point de paix, et vous

гументами Штейна и особенно страхомъ передъ арміей, эти протесты заставили царя принять окончательное рѣшеніе.

Такъ нѣмцы и англичане въ арміи и нѣмцы въ Петербургѣ вкупѣ съ русскими помѣщиками добились того, что миръ съ Наполеономъ не былъ заключенъ. Александръ потомъ былъ непрочь приписать заслугу этого факта исключительно себѣ. Нѣмцы съ этимъ соглашались очень охотно. На тщеславіи Александра они вели большую игру. Имъ нужно было приготовить его къ такому шагу, который былъ для Россіи чреватъ самыми губительными послѣдствіями: къ перенесенію войны въ Европу. Разжиганіе тщеславія Александра было самымъ вѣрнымъ путемъ къ этому.

Будущее показало, что нѣмцы не ошиблись.

7. Наполеонъ передъ отступленіемъ.

Pour la première fois l'aigle baissait sa tête.
V. Hugo.

Когда надежды на миръ окончательно исчезли и сдѣлалось ясно, что Александръ будетъ продолжать войну, передъ Наполеономъ во всей его серьезности сталъ вопросъ, что же дѣлать дальше: оставаться въ Москвѣ, продолжать наступленіе или пуститься въ обратный путь.

О продолженіи наступленія никто серьезно не думалъ. Всѣ наступательные проекты маскировали требованіе отступленія. Мюратъ предлагалъ двинуться на Калугу, разбить тамъ Кутузова и итти зимовать на Днѣпръ. Евгеній находилъ, что правильнѣе итти на Тверь, потомъ на Петербургъ, а оттуда на Ригу на соединеніе съ Макдональдомъ; зимовать, по его мнѣнію, нужно было на Двинѣ. Даву убѣждалъ Наполеона итти на Калугу и Тулу, сжечь оба города съ ихъ складами и двигаться на Украйну, ближе къ границѣ. Словомъ, и король Неаполитанскій, и вице-король Италіи, и князь Экмюльскій совѣтовали отступать. Ней прямо, не скрывая, совѣтовалъ съ первыхъ

---

avez encore l'espoir de recouvrer votre honneur. Si vous êtes dans la peine, n'oubliez pas vos amis prêts à voler vers vous et trop heureux s'ils pouvaient vous être quelque secours; disposez d'eux. Mon cher ami, pas de paix et, fussiez-vous à Kazan, pas de paix".

же дней думать объ отступленіи. По его мнѣнію, нужно было отдохнуть дней восемь въ Москвѣ, набрать съѣстныхъ припасовъ и пуститься въ обратный путь на Смоленскъ, пока не наступили холода. Для Наполеона было ясно, такимъ образомъ, что выбирать приходится не одно изъ трехъ, а одно изъ двухъ: оставаться въ Москвѣ или отступать.

Было ли уже такъ невозможно оставаться въ Москвѣ? Послѣ того, какъ Москва сгорѣла, Наполеонъ, смотря на обуглившуюся груду развалинъ, громоздившихся на мѣстѣ пышныхъ дворцовъ и хоромъ, спросилъ однажды у Дарю, главнаго интенданта арміи: „Что дѣлать?“ Дарю отвѣчалъ: „Оставаться здѣсь, размѣститься въ уцѣлѣвшихъ домахъ, въ подвалахъ, собрать съѣстные припасы, какіе еще можно найти въ городѣ, поторопить прибытіе провіанта и припасовъ изъ Вильны, превратить эти развалины въ огромный укрѣпленный лагерь, сдѣлать неуязвимыми наши сообщенія съ Литвою, съ Германіей, съ Пруссіей,— и снова начать весною“.

„Это совѣтъ льва!“ — воскликнулъ Наполеонъ. Но онъ все-таки предпочелъ отступленіе [1]).

Самое трудное, оставаясь въ Москвѣ, было кормить лошадей [2]). Казаки и партизаны зорко стерегли окрестности, и фуражиры, выходившіе небольшими партіями, подвергались большому риску. Да и то ген. Дедемъ [3]) утверждаетъ, что овса было такъ много, что послѣ выступленія изъ Москвы его оставалось достаточно, чтобы прокормить двадцать тысячъ лошадей въ теченіе полугода. По его мнѣнію, нехватало только сѣна и соломы, изъ-за которыхъ и приходилось, главнымъ образомъ, разсылать фуражировъ. Что касается провіанта, то съ нимъ дѣло обстояло не такъ плохо. Объ этомъ подробно говоритъ Наполеонъ въ бесѣдахъ съ докторомъ О'Мэрою на св. Еленѣ [4]). Объ этомъ же говорятъ и русскіе современники: пишетъ М. А. Волкова въ своихъ письмахъ [5]), пишетъ приказчикъ Бата-

---

[1]) Rapp, Mém., 235.

[2]) Лошади французской кавалеріи были очень крупной породы. Высокія и массивныя, онѣ плохо были приспособлены къ усталости и лишеніямъ и не могли обходиться безъ обильной пищи. Это въ полной мѣрѣ сказалось во время отступленія. Ср. Pion des Loches, Mes campagnes, стр. 271.

[3]) Mém., 253.

[4]) См. Napoléon dans l'exil. Бесѣда 8 ноября 1816 г.

[5]) См. особ. письма отъ 17 сент. и 15 окт. Въ послѣднемъ мы читаемъ:

шова Соковъ и мн. др. Капитанъ Куанье утверждаетъ, что запасовъ въ Москвѣ было достаточно на всю зиму [1]). Много добра было зарыто въ погребахъ и припрятано въ тайникахъ, устроенныхъ въ разныхъ мѣстахъ домовъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ чаще находились припасы, замурованные въ стѣнахъ и погребахъ уцѣлѣвшихъ домовъ [2]). О томъ же говоритъ Боссе въ извѣстномъ мѣстѣ своихъ мемуаровъ: „Мы собрали массу запасовъ всякаго рода, которые ежедневно увеличивались, благодаря открытіямъ солдатъ въ погребахъ сгорѣвшихъ домовъ. По очень понятной предосторожности русскіе, уѣзжая, замуровали входы въ эти погреба, спрятавъ тамъ все наиболѣе цѣнное. Въ подвалахъ находили кучи всякихъ вещей: муки, роялей, сѣна, часовъ, вина, платьевъ, мебели краснаго дерева, водки, оружія, шерстяныхъ матерій, книгъ въ великолѣпныхъ переплетахъ, мѣховъ на разныя цѣны. Церкви тоже были полны запасами“ [3]). Солдаты съ необыкновеннымъ увлеченіемъ производили эти розыски и съ каждымъ днемъ отыскивали больше. Припасы собирали, и когда насталъ часъ оставленія Москвы, то пришлось сжигать цѣлые склады. Въ Симоновомъ монастырѣ сгорѣли огромные склады третьяго корпуса, да и въ самой Москвѣ осталось немало, чего не успѣли сжечь [4]). Ген. Дедемъ, уѣзжая изъ Москвы, видѣлъ „магазинъ необъятной длины, доверху полный лучшей мукою“, который грабили солдаты. Онъ говоритъ далѣе, что болѣе трети города осталась цѣла и была полна всѣмъ, въ чемъ нуждалась армія [5]).

Это подтверждаетъ и такой осторожный свидѣтель, какъ маршалъ Даву. Онъ пишетъ женѣ $^{18}/_{30}$ сентября: „Несмотря на пожаръ, мы находимъ огромные рессурсы для продовольствованія войскъ. Въ этомъ отношеніи чудовища (les monstres), разрушившія городъ, не достигли цѣли“. И черезъ нѣсколько

„Говорятъ, что въ какой-то газетѣ пишутъ, что Москву сдали опустѣлую, увезли изъ нея все до послѣдней нитки. Видно, что кто въ газетѣ пишетъ, у того въ Москвѣ волоса нѣтъ“. Свидѣтельства русскихъ современниковъ сопоставлены у С. П. Мельгунова; см. „Отеч. война и русское общество“, т. IV, стр. 80.

[1]) Les cahiers, стр. 212.

[2]) Pion des Loches, Mes campagnes, 304.

[3]) Bausset, Mém., II, 107.

[4]) Fezensac, Journal, 65—68.

[5]) Mém., 253.

дней, 22 сентября—4 окт.: „Мы оправились и отдохнули съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь, даже больше, чѣмъ могли бы разсчитывать. Съ каждымъ днемъ мы выигрываемъ во всѣхъ отношеніяхъ“. Спустя еще пять дней, 27 сент.—9 окт., маршалъ восхваляетъ „мягкость московскаго климата“ [1]).

Наконецъ, едва ли не самымъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ тому, что и въ сгорѣвшей Москвѣ было много провіанта, является еще одинъ фактъ: послѣ того, какъ французы предали пламени то, что не могли увезти съ собою, русскіе, вернувшись, нашли нѣсколько лабазовъ съ хлѣбомъ [2]).

Обыкновенно указываютъ на то еще, что, оставаясь въ Москвѣ, Наполеонъ долженъ былъ сознательно итти на полную дезорганизацію арміи. И это едва ли такъ справедливо. Всѣ свидѣтельства, въ томъ числѣ и русскія, сходятся въ томъ, что французская часть великой арміи была не тронута или почти не тронута дезорганизаціей. Мародеровъ доставляли почти исключительно иностранные, особенно нѣмецкіе контингенты. Настоящая дезорганизація, охватившая и французовъ, началась только во время отступленія.

Съ военной точки зрѣнія зимовка въ Москвѣ едва ли также представляла опасность. Правда, Наполеонъ, стремясь получить въ руки крупный козырь и занять столицу, сдѣлалъ двѣ большія ошибки передъ вступленіемъ въ Москву. О нихъ говоритъ Ростопчинъ въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову отъ 28 апр. 1813 г. [3]): „Если бы онъ (Наполеонъ) послѣ Бородина вмѣсто большой дороги пошелъ на Верею и Боровскъ, онъ подвергъ бы голодовкѣ нашу армію, отрѣзавъ всѣ подвозы, которые были направлены на Калугу и приходили оттуда. Тогда онъ вступилъ бы въ Москву нѣсколькими днями позднѣе. Если бы вмѣсто того, чтобы оставаться въ Москвѣ, онъ тотчасъ же напалъ на Кутузова, онъ разсѣялъ бы всю нашу армію и могъ бы спокойно отдыхать“. Но даже имѣя по сосѣдству нашу армію, Наполеонъ большой опасности не подвергался. Кутузовъ никогда не рискнулъ бы напасть на Наполеона въ укрѣпленной Москвѣ. Опасность была только со стороны арміи Чича-

1) A d'Eckmühl et M-ise de Blocqueville, Le Maréchal Davout, raconté pas les siens et par lui même. La Russie et Hambourg, стр. 177 и слѣд.

2) „Рус. Арх.“, 1866, стр. 699.

3) „Рус. Арх.“, 1908, кн. 6, стр. 274.

гова, которая двигалась съ юга. Но корпусъ Виктора былъ уже на мѣстѣ, и если бы Наполеонъ остался въ Москвѣ, сохраняя стотысячную слишкомъ армію, Шварценбергъ не посмѣлъ бы оказать ему неповиновенія. Шести корпусовъ, оставшихся въ тылу: Шварценберга, Ренье, Виктора, Макдональда, Удино и Сенъ-Сира, хотя послѣдніе два и сильно порѣдѣли, было совершенно достаточно, чтобы Наполеонъ въ Москвѣ могъ не бояться ни наступленія Чичагова, ни опасной диверсіи Витгенштейна [1]).

Наполеонъ это взвѣшивалъ очень хорошо, и одинъ моментъ такъ твердо было уже рѣшеніе зимовать, что онъ велѣлъ Боссе составить списокъ тѣхъ артистовъ Comédie Française, которыхъ безъ большого ущерба для театра можно было бы вызвать изъ Парижа въ Москву [2]). Сообщая объ этомъ, Боссе горько прибавляетъ: „Разумѣется, если бы онъ рѣшился остаться въ Москвѣ, не случилось бы ничего хуже того, что случилось".

Наполеонъ не остался, въ концѣ-концовъ, не по военнымъ соображеніямъ, а по политическимъ. Онъ боялся зимовать такъ далеко отъ Германіи, такъ далеко отъ Парижа, когда никакихъ рѣшительныхъ успѣховъ за нимъ не было. Онъ боялся, что какая-нибудь роковая случайность отрѣжетъ его среди зимы отъ Германіи и Франціи и въ случаѣ какой-нибудь неожиданности онъ не сможетъ во-время поспѣть, куда нужно. Если принять во вниманіе всю совокупность политическихъ условій, нужно признаться, что предосторожность Наполеона не была излишней. Къ тому же факты очень скоро показали, что императоръ отлично зналъ психологію людей, покоренныхъ и задавленныхъ деспотизмомъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ великая армія выступила изъ Москвы, въ Парижѣ разыгрался заговоръ генерала Мале, который едва не кончился удачно. Словно предчувствуя его, Наполеонъ торопился оставить городъ, сдѣлавшійся роковымъ въ его судьбѣ. Его дальнѣйшій планъ кампаніи былъ выработанъ. Весною онъ рѣшилъ итти на Петербургъ. Москва была занята. Гнаться за русскими до Волги и до Урала не имѣло никакого смысла. Занятіе сѣ-

---

[1]) Ср. Saint-Cyr, Mém., т. III, гл. V. Мнѣніе Дедема (Mém., 256) о томъ, что Кутузовъ, получивъ подкрѣпленія, могъ бы зайти Наполеону въ тылъ на Можайскъ и Вязьму, едва ли можетъ серьезно поддерживаться.

[2]) Bausset, Mém., II, 107.

верной столицы давало больше увѣренности на миръ. Но итти немедленно на Петербургъ было рискованно. Во-первыхъ, мѣстность была плохо заселена и, слѣдовательно, трудно было провіантировать армію. Во-вторыхъ, походъ на Петербургъ изъ Москвы былъ опасенъ тѣмъ, что ставилъ великую армію между Кутузовымъ и Витгенштейномъ, разрывалъ ея сообщенія съ коммуникаціонной линіей Вильна-Москва и удалялъ ее отъ польскихъ и литовскихъ базъ [1]). Необходимость быть ближе къ Германіи и Франціи заставила Наполеона предпринять отступленіе къ Смоленску, гдѣ онъ хотѣлъ зимовать, чтобы весною двинуться всѣми силами на Петербургъ. „Принимая во вниманіе,—говоритъ онъ [2]),—что разстояніе отъ Москвы до Петербурга то же, что отъ Смоленска до Петербурга, императоръ предпочелъ провести зиму въ Смоленскѣ, у литовской границы, чтобы весною итти къ Петербургу"...

Насколько выполнимымъ казался планъ ухода изъ Москвы и зимовки на Днѣпрѣ, видно изъ того, что тѣ же опасенія высказывалъ Ростопчинъ въ письмахъ къ Александру. „Я держусь того мнѣнія,—пишетъ онъ 8 сент.,—что Бонапартъ уйдетъ отъ него (отъ Кутузова) въ то время, какъ онъ будетъ всего менѣе ожидать того. Онъ направится на Тверь, гдѣ имѣются запасы, и произведетъ тревогу въ Петербургѣ. Держась на Порѣчьѣ, онъ снова очутится въ Бѣлоруссіи, не встрѣтивъ никакого препятствія. Тамъ онъ, можетъ-быть, останется на зимнихъ квартирахъ, возвратится въ Парижъ властителемъ Смоленска и разрушителемъ Москвы и приготовится къ другому походу на будущій годъ" [3]).

Словомъ, у Наполеона были важныя соображенія, вызвавшія необходимость оставить Москву. Изъ нихъ политическое опять-таки было главнымъ. Подобно тому, какъ политика заставляла Наполеона итти впередъ послѣ занятія Смоленска [4]) такъ теперь она толкала его изъ Москвы. Въ обоихъ случаяхъ онъ вынужденъ былъ дѣйствовать, вопреки всѣмъ указаніямъ пра-

---

[1]) Labaume, Rélation complète de la campagne de Russie, 237.

[2]) Mém., dictés aux généraux, IV, 248.

[3]) „Р. Арх.", 1892, 8, стр. 542. Ростопчину были извѣстны и первоначальныя намѣренія Наполеона относительно зимовки въ Москвѣ, но онъ не считалъ ихъ серьезными: „Онъ (Наполеонъ) прикидывался, будто намѣренъ провести въ ней (въ Москвѣ) зиму"... и пр. Тамъ же, стр. 554.

[4]) См. выше.

вилъ военнаго искусства. Сказывалась основная фальшивость всего политическаго положенія Наполеона, созданная его ненасытнымъ честолюбіемъ и его эгоистическими расчетами.

Но нужно отдать справедливость Наполеону. Онъ сдѣлалъ все, чтобы обезпечить успѣшное выполненіе своего новаго плана. „Движеніе къ Смоленску,—говоритъ онъ (тамъ же),—нельзя называть отступленіемъ“. Для него это былъ обыкновенный стратегическій маршъ, ибо армія не была разбита. И она не должна была быть разбита, если принять во вниманіе соотношеніе силъ Кутузова и Наполеона, если бы не морозы. Передъ тѣмъ, какъ покинуть Москву, Наполеонъ велѣлъ пересмотрѣть всѣ календари и справочники за сорокъ лѣтъ, чтобы установить, когда начнутся большіе морозы. Ему доложили, что раньше первыхъ чиселъ декабря н. с. этого опасаться нечего [1]). Слѣдовательно, чтобы дойти до Смоленска, въ его распоряженіи было около сорока дней, вдвое больше того, что ему было нужно. Стоявшая все время прекрасная погода подтверждала эти прогнозы. И та ошибка, которую допустилъ Наполеонъ, оставшись въ Москвѣ больше мѣсяца,—самая крупная ошибка его въ этотъ періодъ — не привела бы къ тѣмъ трагическимъ результатамъ, къ которымъ она привела, если бы сбылись его метеорологическіе прогнозы.

Но либо императору дали плохую справку, либо морозы ударили особенно рано, хотя середина октября ст. ст. едва ли черезчуръ необычный для морозовъ срокъ. Какъ бы то ни было, не успѣла армія перейти на Смоленскую дорогу, какъ морозы начались, и въ одну ночь отъ холода пало 30.000 лошадей. Армія была дезорганизована, не будучи ни разу побѣждена. Подобно тому, какъ пожаръ Москвы разбилъ планъ наступленія, такъ теперь морозы разбили планъ отступленія. Но даже при всей дезорганизаціи армія могла бы зимовать въ Смоленскѣ, если бы Шварценбергъ не покинулъ ее. Двинувшись не къ Минску, а къ Варшавѣ, онъ давалъ возможность Чичагову безпрепятственно итти къ Березинѣ и угрожать Вильнѣ съ ея магазинами. Одинъ изъ участниковъ похода полякъ Брандтъ, бывшій въ 1812 г. капитаномъ, указываетъ еще на одну ошибку, сдѣланную Наполеономъ: „Я всегда думалъ,—

---

[1]) Bausset, тамъ же, 108.

говоритъ онъ [1]),—что императоръ даже среди развалинъ Москвы могъ еще вернуть себѣ счастье, провозгласивши безъ оговорокъ возстановленіе Польши и направивъ, наконецъ [2]), къ Минску корпусъ кн. Понятовскаго. Послѣдній, присоединивъ къ себѣ дивизіи Брониковскаго и Домбровскаго, сумѣлъ бы заставить Шварценберга дѣйствовать рѣшительнѣе, помѣшалъ бы операціямъ Тормасова и Чичагова и, несомнѣнно, привелъ бы императору серьезное подкрѣпленіе къ Березинѣ. Большаго и не требовалось для того, чтобы измѣнить судьбу кампаніи". Но это не было сдѣлано, и въ рѣшительный моментъ единственнымъ резервомъ оказался корпусъ Виктора. Викторъ оставался одинъ и для того, чтобы поддерживать Удино противъ Витгенштейна (корпусъ Сенъ-Сира успѣлъ къ этому времени значительно растаять), и чтобы защищать Березину отъ Чичагова, и чтобы подавать руку Наполеону. Стратегическое положеніе сразу сдѣлалось невозможнымъ.

Въ конечномъ счетѣ, такимъ образомъ, Наполеона толкали на ошибку политическія причины, а довершили его сокрушеніе стихійныя обстоятельства, которыя трудно было предвидѣть.

8. „Народная война" въ 1812 году.

Внимательное изученіе событій 1812 года разрушило очень многія изъ прежнихъ представленій о характерѣ войны, о смыслѣ и значеніи отдѣльныхъ ея эпизодовъ, о роли различныхъ общественныхъ классовъ въ тяжелое наполеоновское полугодіе. Но многіе изъ укоренившихся взглядовъ продолжаютъ держаться и до сихъ поръ, хотя появленіе огромнаго количества новыхъ мемуаровъ участниковъ похода во многихъ отношеніяхъ проливаетъ новый свѣтъ на факты 1812 года.

Одинъ изъ наиболѣе интересныхъ и наиболѣе важныхъ во-

---

[1]) Ernouf, Souvenirs d'un officier polonais, стр. 292.

[2]) Понятовскій давно просилъ разрѣшенія сдѣлать съ своимъ корпусомъ диверсію на юго-западъ. Еще въ Смоленскѣ онъ умолялъ Наполеона объ этомъ, какъ говорили въ польскихъ войскахъ, на колѣнахъ. Онъ считалъ успѣхъ экспедиціи обезпеченнымъ и во всякомъ случаѣ надѣялся сдѣлать большой наборъ въ Кіевской области и особенно въ старыхъ польскихъ провинціяхъ. Его просьбу горячо поддерживалъ Даву. Ernouf, тамъ же, 262—263. Наполеонъ не согласился.

просовъ, требующихъ, какъ намъ кажется, пересмотра, это — вопросъ о такъ называемой „народной войнѣ“. Обычное представленіе заключается въ томъ, что крестьянство принимало самое дѣятельное участіе въ войнѣ, обнаруживало большое ожесточеніе противъ французовъ и въ большой мѣрѣ содѣйствовало разгрому наполеоновской арміи. Пишущій эти строки всецѣло раздѣлялъ это обычное представленіе до знакомства съ появившимися въ теченіе послѣдняго года, а отчасти и болѣе ранними мемуарами участниковъ войны 1812 года. Мемуары коренным образомъ поколебали это представленіе. Эти страницы имѣютъ цѣлью вновь поднять вопросъ и намѣтить основныя линіи болѣе правильнаго его рѣшенія.

I.

Итакъ, представленіе о „народной войнѣ“ складывается изъ трехъ элементовъ: крестьяне принимали очень дѣятельное участіе въ войнѣ; они обнаруживали большое ожесточеніе противъ французовъ; они сильно содѣйствовали разгрому непріятеля. Разсмотримъ отдѣльно каждый изъ этихъ элементовъ [1]).

Въ томъ, что въ Россіи послѣ вторженія французовъ поднимется народная война, русскіе командующіе круги были совершенно увѣрены еще до начала войны. Увѣренность эта была настолько крѣпка, что Балашовъ не поколебался высказать ее Наполеону въ своей извѣстной бесѣдѣ съ нимъ въ Вильнѣ 18 іюня. Отвѣчая на одинъ изъ вопросовъ Наполеона, онъ сопоставилъ Россію съ Испаніей и давалъ понять, что русскій народъ поднимется на защиту своихъ церквей такъ же, какъ поднялся испанскій. Таково было общее убѣжденіе. Оно опиралось на представленіе о томъ, что русскій народъ по религіознымъ своимъ взглядамъ и по традиціонной преданности престолу долженъ будетъ именно такъ встрѣтить французовъ, какъ ихъ встрѣтили въ Испаніи и въ Тиролѣ. Но къ этому

[1]) Чтобы не отягощать статью постоянными ссылками, скажу сейчасъ же, что выдержки изъ французскихъ мемуаровъ, здѣсь приводимыя, всѣ можно найти въ книгѣ „Французы въ Россіи. 1812 годъ по воспоминаніямъ современниковъ-иностранцевъ“. Сборникъ, составленный А. М. Васютинскимъ, А. К. Дживелеговымъ и С. П. Мельгуновымъ. Три части. М. 1912.

чувству примѣшивалось другое, гораздо менѣе побѣдоносное и по существу очень тревожное. И правительство, и помѣщики опасались, какъ бы этотъ самый крестьянинъ, на преданность котораго православной религіи и престолу такъ уповали, не былъ соблазненъ чѣмъ-то, что для него представляло непосредственную жизненную цѣнность: свободой отъ крѣпостныхъ узъ.

Тревога объ этомъ появилась гораздо раньше, чѣмъ французы вступили въ русскіе предѣлы. Уже въ декабрѣ 1806 г., когда былъ изданъ манифестъ о созывѣ ополченія, Ростопчинъ въ письмѣ Александру высказывалъ этого рода опасенія [1]). А въ 1812 году общее настроеніе командующихъ классовъ выразилъ не кто иной, какъ самъ Александръ, въ любопытномъ, только недавно опубликованномъ документѣ. Это — секретное письмо императора псковскому губернатору Ламсдорфу объ организаціи ополченія и о причинахъ, почему мѣстныя власти должны прилагать къ этому величайшія усилія [2]). „Цѣль сего вооруженія,— пишетъ Александръ,— есть имѣть въ готовности сильный отпоръ противъ непріятеля, который пользовался всѣми способами обольщенія черни, который, врываясь въ предѣлы воюющихъ съ нимъ державъ, всегда старался прежде всего ниспровергать всякое повиновеніе внутренней власти, возбуждать поселянъ противъ законныхъ ихъ владѣльцевъ, уничтожать всякое помѣщичье право, истреблять дворянство и, подрывая коренныя основанія государства, похищать законное достояніе и собственность прежнихъ владѣльцевъ, возводить на мѣста ихъ людей, ему преданныхъ, и, такимъ образомъ, утвердить свое самовластіе. Изъ сего видно, что война съ такимъ непріятелемъ не есть война обыкновенная, гдѣ одна держава споритъ съ другой о правѣ или пространствѣ владѣній. Въ настоящей войнѣ каждый помѣщикъ, каждый владѣлецъ долженъ признать себя лично и непосредственно участвующимъ: ибо цѣль непріятеля есть ниспровергать всякое личное имущество, всякое право собственности, въ государствѣ существующее. Ваше превосходительство, поставьте себѣ въ обязанность внушать помѣщикамъ сіи истины. Онѣ покажутъ имъ съ очевидностью, что каждый изъ нихъ, содѣйствуя сему ополченію,

[1]) См. статью В. И. Семевскаго „Волненія крестьянъ въ 1812 г.“ въ т. V изданія „Отечественная война и русское общество“.

[2]) „Историч. Вѣстникъ“, 1912, IX, 1117—1118.

будетъ содѣйствовать не только общей пользѣ, но и благу своему личному“.

Насколько такія опасенія имѣли основанія? И, прежде всего, насколько они отвѣчали намѣреніямъ самого Наполеона? Первоначально такія намѣренія у него дѣйствительно были. Еще до перехода черезъ Нѣманъ онъ говорилъ Коленкуру, что Александръ принужденъ будетъ просить мира черезъ два мѣсяца, ибо помѣщики заставятъ его сдѣлать это. Та же увѣренность сидѣла въ немъ еще въ Вильнѣ. Но первыя же попытки предпринять сколько-нибудь рѣшительные шаги въ этомъ направленіи должны были заставить его отказаться отъ мысли поднять крестьянъ. Лабомъ разсказываетъ, какъ истолковали литовскіе крестьяне подъ Ковно объявленную имъ императоромъ свободу: они рѣшили, что имъ предоставлено право грабить и жечь помѣщиковъ. Убѣдившись, что крестьяне въ Литвѣ его не понимаютъ, что объявленіе воли можетъ вызвать опасное для него неудовольствіе среди литовскихъ помѣщиковъ, Наполеонъ отложилъ осуществленіе своей соціальной диверсіи до вступленія въ предѣлы исконной Россіи. Въ Литвѣ и Бѣлоруссіи его солдатамъ, наоборотъ, приходилось усмирять крестьянъ, поднимавшихся противъ своихъ помѣщиковъ.

Ген. Дедемъ передаетъ, что когда въ окрестностяхъ Витебска, послѣ занятія всей области французами, крестьяне стали обнаруживать революціонное настроеніе, окрестные помѣщики стали обращаться къ поставленному Наполеономъ витебскому губернатору, генералу Шарпантье съ просьбою прислать солдатъ для ихъ защиты: крестьяне грабили усадьбы и угрожали жизни своихъ господъ. И эта мѣра была осуществлена. По разсказу маркиза Пасторе, интенданта Бѣлоруссіи, имѣвшаго резиденцію въ Витебскѣ, „губернатору было поручено послать по деревнямъ летучіе отряды, которые должны были выполнить двоякое назначеніе: подавить крестьянское возстаніе и переловить мародеровъ“. Въ Смоленскѣ событія сложились еще своеобразнѣе. Въ Смоленскомъ муниципалитетѣ принимали участіе назначенные французами изъ русскихъ помѣщиковъ „коммиссары“. Ихъ непосредственной задачей была поставка провіанта, но имъ приходилось и охранять помѣщиковъ отъ насилій, какъ со стороны французскихъ мародеровъ, такъ и русскихъ бунтующихъ крестьянъ. Особенную энергію

въ этомъ отношеніи проявлялъ помѣщикъ Щербаковъ. Онъ дѣятельно боролся съ крестьянскими волненіями, которыя вспыхивали въ его участкѣ подъ вліяніемъ пропаганды польскихъ офицеровъ и солдатъ. Какъ только онъ узнавалъ о волненіяхъ, онъ бралъ отрядъ французскихъ солдатъ и шелъ усмирять русскихъ мужиковъ. Въ результатѣ, какъ гласитъ офиціальный документъ, „разстроенный отъ ложнаго поляками разглашенія порядокъ мало-по-малу началъ приходить въ прежнее бытіе и нѣкоторое сдѣлалось повиновеніе своимъ помѣщикамъ и сельскимъ старшинамъ, также стали водворяться тишина и согласіе между жителями“ [1]).

Вновь вспомнилъ было Наполеонъ о крестьянахъ и о возможной соціальной диверсіи, когда въ Москвѣ рушились его надежды на миръ. Онъ сталъ распрашивать французовъ, жившихъ въ Россіи, о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ актъ объ отмѣнѣ крѣпостного права. Одной изъ опрошенныхъ была... владѣлица моднаго магазина въ Москвѣ г-жа Обэръ-Шальмэ. Она дала такой мудрый отвѣтъ: „одна треть оцѣнила бы это благодѣяніе, а двѣ трети не поняли бы, что имъ хотятъ сказать“ [2]). Отвѣтъ этотъ показывалъ, что почтенная дама, вѣроятно знавшая толкъ въ шелковыхъ матеріяхъ и брюссельскихъ блондахъ, понятія не имѣла о крестьянахъ. Крѣпостной крестьянинъ, который не понимаетъ, что такое воля! Наполеонъ, конечно, только сдѣлалъ видъ, что согласился съ нею. Если бы онъ самъ былъ убѣжденъ въ томъ, что онъ можетъ соединить свое имя съ такой мѣрой, онъ это сдѣлалъ бы, не спрашивая никого. Графъ Сегюръ передаетъ въ своихъ мемуарахъ, что въ Москвѣ онъ въ качествѣ генералъ-адъютанта императора получилъ нѣсколько прошеній отъ „разныхъ отцовъ семействъ“ изъ крестьянъ; въ нихъ были жалобы, что помѣщики обращаются съ ними, какъ со скотомъ, продаютъ ихъ и вымѣниваютъ сколько угодно. Они просили, чтобы Наполеонъ отмѣнилъ крѣпостное право, и предлагали каждый себя въ вожди

---

[1]) Всѣ эти французскіе чиновники изъ русскихъ помѣщиковъ попали послѣ войны подъ судъ. Оттого и сохранились свѣдѣнія объ ихъ дѣятельности. См. матеріалы, напечатанные въ „Журн. Мин. Юстиціи“, 1912, мартъ.

[2]) Разговоръ съ г-жей Шальмэ приведенъ у Домерга, Изарна, Шамбрэ и у нѣкоторыхъ другихъ современниковъ.

отдѣльнаго возстанія; они обѣщали, что эти возстанія сольются и станутъ однимъ, всеобщимъ. Но Наполеонъ колебался. На всякій случай онъ велѣлъ поискать въ архивахъ и библіотекахъ свѣдѣній о Пугачевскомъ бунтѣ. „Особенно, говоритъ Изарнъ, желали добыть одно изъ послѣднихъ воззваній Пугачева, гдѣ разсчитывали найти указанія о той фамиліи или фамиліяхъ, которыя можно было бы возвести на престолъ“. Изъ этого извѣстія видно, что Наполеонъ думалъ, быть можетъ, не столько о соціальной диверсіи противъ Александра, сколько о династической.

Почему же онъ не помышлялъ серьезно о томъ, чтобы поднять крестьянъ? Потомъ, въ декабрѣ 1812 г., вернувшись въ Парижъ, въ сенатѣ онъ говорилъ, что измѣнились его намѣренія объ освобожденіи крестьянъ, когда онъ увидѣлъ, въ какомъ состояніи дикости находятся русскіе мужики; освобождать ихъ при этихъ условіяхъ было бы равносильно тому, чтобы обречь семьи помѣщиковъ на смерть и ужасныя мученія. „Я никогда не былъ королемъ жакеріи“, сказалъ онъ въ другой разъ. Но не это была, повидимому, настоящая причина. Ген. Дедемъ формулируетъ ее иначе. „Подобный образъ дѣйствій шелъ слишкомъ въ разрѣзъ съ его личными интересами и съ его деспотической системой правленія, чтобы можно было этому повѣрить... Наполеонъ былъ уже въ то время не генералъ Бонапартъ, командовавшій республиканскими войсками. Для него было слишкомъ важно упрочить монархизмъ во Франціи, и ему трудно было проповѣдовать революцію въ Россіи“. Ту же мысль другими словами высказываетъ Сегюръ: „Природа Наполеона влекла его болѣе къ интересамъ государей, чѣмъ къ интересамъ народовъ“.

И все-таки, какъ стратегическую мѣру, онъ принялъ бы ее, если бы былъ увѣренъ въ дисциплинированности своихъ войскъ. Ген. Вильсонъ совершенно правъ, говоря, что „возстаніе рабовъ могло бы быть поднято въ Россіи, если бы возможно было поддержать дисциплину въ разнородной арміи Наполеона и избѣжать оскорбленій и насилій, которыя довели до отчаянія народъ и затронули его религіозные предразсудки“. Нельзя было одной рукой грабить крестьянъ, а другой даровать имъ волю.

Однако, несмотря на то, что у Наполеона измѣнились намѣренія по поводу освобожденія русскихъ крестьянъ, отноше-

ніе крестьянъ къ французамъ первое время цѣликомъ опредѣлялось слухами, что французы несутъ волю. Слишкомъ много усилій было положено передъ войной и въ началѣ войны на то, чтобы распространить слухи о революціонныхъ намѣреніяхъ Наполеона.

Таковъ, намъ кажется, исходный пунктъ для сужденія о „народной войнѣ“ въ 1812 году.

II.

Участіе русскихъ крестьянъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ французовъ могло начаться только послѣ занятія Смоленска. Раньше великой арміи приходилось имѣть дѣло почти исключительно съ польскимъ, литовскимъ и еврейскимъ населеніемъ, которое относилось къ ней очень радушно [1]). Послѣ Смоленска, особенно послѣ Бородина, начинается вербовка крестьянъ въ партизанскіе отряды. Но до Москвы крестьяне по своей инициативѣ не ополчались противъ „супостата“: по деревнѣ ходили смутные слухи о волѣ и разговоры, что воля придетъ отъ французовъ. Уличенныхъ въ распространеніи такихъ слуховъ ожидали жесточайшія кары, и самъ Александръ, обыкновенно старающійся проявлять гуманность, въ этихъ случаяхъ стоялъ за самыя суровыя наказанія. Практическій мужичокъ, сколько можно судить по крайне скуднымъ свѣдѣніямъ, не очень довѣрялъ этимъ слухамъ и по отношенію къ французамъ держался выжидательно [2]). И до занятія Москвы о добровольномъ участіи крестьянъ въ дѣйствіяхъ противъ французовъ мы слышимъ очень мало. Зато, какъ только русскія войска очищали ту или иную полосу, тамъ сейчасъ же почти начинались крестьянскія волненія: разгромъ усадебъ, грабежъ, иногда даже насилія надъ помѣщиками. Разговоры о волѣ дѣйствовали именно такъ, какъ Наполеонъ представлялъ въ сенатѣ послѣ возвращенія изъ Россіи.

Это продолжалось до занятія Москвы. Московскій пожаръ и его послѣдствія вывели крестьянъ изъ ихъ пассивнаго поло-

---

[1]) Евреи лишь въ періодъ отступленія стали обнаруживать рѣшительную враждебность.

[2]) Исчерпывающую сводку свѣдѣній о настроеніи крестьянъ въ 1812 г. далъ В. И. Семевскій въ названной статьѣ.

женія. Особенно подѣйствовали на нихъ набѣги французской легкой конницы, которая все дальше и дальше забиралась въ подмосковные районы въ поискахъ за фуражемъ и провіантомъ. Посѣщаемыя французами деревни, несомнѣнно, подвергались насиліямъ, несмотря на строгіе приказы, и крестьянамъ не оставалось ничего другого, какъ организовывать самозащиту. Но даже при этихъ условіяхъ отношенія французовъ и русскихъ крестьянъ въ окрестностяхъ Москвы были настолько хороши, что начиналъ уже завязываться правильный обмѣнъ между деревней и великой арміей, а сидѣвшій въ Красной Пахрѣ Ростопчинъ сталъ бояться, какъ бы населеніе не свыклось съ пришельцами окончательно [1]). Если бы въ великой арміи было больше дисциплины, регулярныя сношенія завязались бы очень скоро. Делаво разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что послѣ изданія прокламаціи, обѣщавшей безопасность крестьянамъ, привозящимъ въ Москву товары, много ихъ пріѣхало было туда. Но ихъ ограбили у заставъ караульные, и, конечно, второй разъ уже не поѣхалъ никто. Генералу Дедему, который строго-настрого наказывалъ своимъ фуражирамъ, которыхъ онъ разсылалъ по окрестностямъ за провизіей, ничего не брать даромъ, удалось отлично организовать сношенія съ крестьянами: его фуражиры возвращались „всегда благополучно“ черезъ четыре или пять дней и доставляли ему яйца, картофель, иногда даже дичь. Не всѣ дѣйствовали такъ мудро, какъ осторожный голландецъ. Большинство посылало на явный грабежъ, и фуражиры превращались въ мародеровъ. Противъ нихъ естественно защищались, и для защиты, именно для защиты и не для чего больше, образовывались крестьянскіе отряды, болѣе или менѣе крупные. Иначе было нельзя, потому что отряды фуражировъ разсылались очень многочисленные. Крестьянскихъ отрядовъ было очень немного, и среди нихъ только одинъ, отрядъ Курина, да и то по очень щедрому исчисленію, насчитывалъ 5,800 человѣкъ. Всѣ они, повторяемъ, имѣли въ виду исключительно самооборону. Едва ли можно заподозрѣть свидѣтельство генерала А. П. Ермолова, который говоритъ: „Если бы вмѣсто звѣрства, злодѣйствъ и насилій непріятель употребилъ кроткое съ поселянами обращеніе и къ тому еще не пожалѣлъ денегъ, то армія

[1]) Письма къ Александру, „Р. Арх.“, 1892, кн. 8.

не только не подверглась бы бѣдствіямъ ужаснѣйшаго голода, но и вооруженіе жителей или совсѣмъ не имѣло бы мѣста, или было бы не столь общее и не столь пагубное". Къ этому нужно прибавить, что даже при несомнѣнной наличности насилій вооруженіе все-таки не было ни „столь общее", ни „столь пагубное". Оно все-таки почти ограничивалось территоріально окрестностями Москвы, а хронологически—сентябремъ и началомъ октября, временемъ московскаго сидѣнія Наполеона. Да и то слухи объ образованіи крестьянскихъ отрядовъ очень часто оказывались ни на чемъ не основанными. Напряженная атмосфера, создавшаяся въ Москвѣ послѣ пожара, и дѣйствія партизановъ вызывали эти слухи. Такъ, Лабомъ передаетъ, что начальникъ 13-й дивизіи, стоявшей на Тверской дорогѣ, получилъ приказъ отправить бригаду въ Марѳино, тогда принадлежавшее гр. Салтыкову: поступило донесеніе, что тамъ организуется большой крестьянскій отрядъ. Бригада пришла подъ начальствомъ самого дивизіоннаго генерала, произвела тщательное обслѣдованіе и не нашла ни малѣйшаго подтвержденія слухамъ. И все-таки, уходя, французы почему-то сожгли великолѣпный Марѳинскій дворецъ.

Если бы можно было провѣрить всѣ факты, сообщенные по слухамъ и въ нѣкоторомъ количествѣ собранные теперь въ литературѣ [1]), вѣроятно, оказалось бы, что въ нихъ многое столь же достовѣрно, какъ и слухъ о крестьянскихъ отрядахъ въ Марѳинѣ.

Изъ другихъ мѣстъ крестьянскихъ вооруженій можетъ быть названа только часть Смоленской губерніи, особенно Сычевскій уѣздъ, районъ дѣйствій Четвертакова и старостихи Василисы. [2]). Здѣсь кромѣ обычнаго мотива, грабежей французовъ, у крестьянъ были и особенные, такіе, которые не вяжутся ни съ какимъ представленіемъ о „народной войнѣ". Французы помогали русскимъ помѣщикамъ усмирять ихъ, когда они поднимались противъ своихъ господъ, и крестьяне имъ мстили.

Самыя рѣшительныя опроверженія прежнихъ взглядовъ на „народную войну" приноситъ, однако, другое: роль крестьянъ во время отступленія французовъ. Во время отступленія мы не слышимъ отъ мемуаристовъ упоминаній о томъ, что кресть-

---

[1]) Особ. въ Щукинскихъ сборникахъ.

[2]) Факты, какіе можно было найти, собраны и сопоставлены В. И. Але-

15*

янскія партіи нападаютъ хотя бы на отсталыхъ или что онѣ помогаютъ войскамъ. Такого факта нельзя было бы проглядѣть. Мемуары о войнѣ въ Испаніи только и говорятъ, что о народныхъ партіяхъ, которыя на свой рискъ и страхъ, по своей иниціативѣ ведутъ неустанную, ожесточенную войну противъ французовъ. Участники русскаго похода говорятъ исключительно о казакахъ, какъ объ элементѣ, вносящемъ безпокойство и панику среди отсталыхъ и дезорганизованныхъ частей арміи. Это умолчаніе можно объяснить только тѣмъ, что крестьяне дѣйствительно не принимали участія въ „истребленіи" отступающаго врага. Здѣсь, повторяемъ, рѣшающій моментъ въ научномъ вопросѣ о „народной войнѣ". Когда, казалось бы, и выступать крестьянамъ, если бы у нихъ было такое страстное стремленіе принять участіе въ борьбѣ съ супостатомъ, какъ не во время отступленія? Врагъ теперь сталъ приходить все въ большее разстройство, и крестьянскій способъ веденія войны, съ помощью засадъ, облавъ, при самомъ элементарномъ вооруженіи, могъ принести огромный вредъ непріятелю. Но именно теперь крестьяне не вмѣшиваются. Врагъ настолько слабъ, что для нихъ уже не представляетъ непосредственной опасности: не грозитъ ихъ курамъ и коровамъ. И они его оставляютъ въ покоѣ. Пусть дерутся солдаты, казаки, партизаны. Имъ вмѣшиваться незачѣмъ. Извѣстная картина Верещагина, изображающая мужиковъ въ засадѣ, подъ усыпанными снѣгомъ деревьями: „Не замай, дай подойти", такая эффектная,— глубоко фальшива: она противорѣчитъ фактамъ [1]).

Столь же мало обоснованы и обычныя представленія о большомъ ожесточеніи противъ французовъ. Точнѣе, ожесточеніе было, но не квалифицированное, какое хотѣла создать патріотическая легенда. Здѣсь мы опять-таки можемъ сослаться на человѣка, способнаго скорѣе уклониться отъ истины именно

ксѣевымъ въ его статьѣ „Народная война" въ т. IV изданія „Отечественная война и русское общество". Ихъ очень немного.

[1]) Л. Н. Толстому часто дѣлали упрекъ, что онъ не изобразилъ въ „Войнѣ и мирѣ" „народной войны". Именно этотъ упрекъ ничѣмъ не оправдывается. Великій художникъ и не находилъ въ своихъ матеріалахъ достаточно яркихъ фактовъ, и чувствовалъ, что введеніе народной войны какъ крупнаго элемента въ его эпопею противорѣчило бы всей изображенной имъ соціальной обстановкѣ.

въ сторону патріотизма,— Рунича. „Патріотизмъ тутъ былъ ни при чемъ,— говоритъ онъ.— Русскій человѣкъ защищалъ не свои политическія права. Онъ воевалъ для того, чтобы истребить хищныхъ звѣрей, пришедшихъ пожрать его овецъ и куръ, опустошить его поля и житницы“. „Не за свои политическія права!“ Еще бы! За какія политическія „права“ долженъ былъ биться русскій крестьянинъ? За патріахальное рабство? А разъ русскій крестьянинъ защищалъ свое достояніе, своихъ овецъ и куръ, свои поля и житницы, то, значитъ, и ожесточеніе было только тамъ, гдѣ на него нападали, т.-е. больше всего подъ Москвой. Что у русскаго мужика не было никакой патріотической ненависти, видно изъ того, какъ крестьяне относились къ французамъ во время отступленія.

Юный офицеръ, капитанъ Комбъ, въ поискахъ за пищей далеко отошелъ отъ дороги (это было еще до Смоленска). Онъ углубился съ двумя-тремя товарищами въ лѣсъ и попалъ въ деревню. Первая же попавшаяся баба пріютила, обогрѣла, накормила всю компанію и укрыла ее отъ казаковъ. Цѣлыми и невредимыми присоединились они потомъ къ арміи.

Во время знаменитаго флангового движенія Нея, послѣ Краснаго, его отрядъ привелъ къ броду, т.-е. къ спасенію, тоже русскій мужичокъ, и не подумавшій разыгрывать Сусанина, а изъ цѣлой деревни, наблюдавшей за переправой, никому въ голову не пришло бѣжать искать рыскавшихъ кругомъ казаковъ [1]).

Капитанъ Куанье посланъ Наполеономъ изъ Смоленска въ Витебскъ со срочнымъ приказомъ. Изъ лѣсу навстрѣчу ему выходитъ крестьянинъ предупреждая: „казаки!“ Потомъ проводитъ сквозь чащу и выводитъ на дорогу, когда казаки исчезли.

Одинъ изъ оставленныхъ въ Вильно, врачъ Руа, долженъ былъ идти съ партіей по жесточайшему морозу въ глубь Россіи. Офицеръ увѣрялъ его, что онъ не рѣшается останавливаться въ деревняхъ: населеніе, по его словамъ, такъ ненавидѣло французовъ, что передушило бы всѣхъ, несмотря на присутствіе конвоя. А вотъ что происходило на самомъ дѣлѣ: „По мѣрѣ того, какъ

---

[1]) Подробнѣе и ярче всего разсказъ объ этомъ у полковника Фезанзака, который былъ неразлученъ съ маршаломъ.

мы подвигались внутрь страны и оказались въ Великороссіи, мы стали замѣчать гораздо больше сердечной мягкости по отношенію къ себѣ со стороны мѣстныхъ крестьянъ. Тѣ изъ нихъ, которые приближались къ нашимъ бивакамъ, высказывали намъ часто сочувствіе, а иногда даже проявляли свое расположеніе и болѣе реально. Женщины въ особенности были жалостливы: простыя крестьянки приносили намъ свое платье, доставляли намъ пищу и даже водку“. Были, конечно, случаи звѣрскихъ расправъ: сжиганія живьемъ, утопленія въ прорубяхъ, зарыванія живыми въ яму, но въ большинствѣ засвидѣтельствованныхъ случаевъ этого рода режиссерами свирѣпствъ едва ли не являются партизаны и казаки. Къ тому же, развѣ не старались люди ростопчинскаго облика распространять среди крестьянъ слухи о французахъ, способные пробудить и разжечь ненависть въ темной массѣ? Нужно удивляться не тому, что факты этого рода были, а тому, что ихъ было такъ мало.

Но если не было патріотической ненависти, быть можетъ, былъ патріотическій подъемъ? Героизмъ, который творитъ чудеса? Не было у крестьянъ и его. Рѣдко шли съ увлеченіемъ на защиту родины. Наоборотъ, охотно уклонялись отъ служенія ей. Растопчинъ разсказываетъ, что онъ заготовилъ у одной изъ московскихъ заставъ 5.000 крестьянскихъ повозокъ для раненыхъ при Бородинѣ. И около этихъ повозокъ, чтобы ихъ владѣльцы не разбѣжались, пришлось поставить сильный полицейскій отрядъ. Помѣщикъ Свербеевъ, собравъ своихъ крестьянъ, сталъ вызывать охотниковъ записываться въ ополченіе. Вызвался одинъ.

Крестьянамъ нуженъ реальный мотивъ, имъ близкій и понятный, ихъ непосредственнно затрогивающій. Такъ, крестьянскій богатырь Митька въ „Князѣ Серебряномъ“ равнодушно смотритъ на готовящееся въ „Божьемъ Судѣ“ посрамленіе правой стороны и близкое торжество порока. Но когда онъ узналъ въ Хомякѣ собственнаго обидчика, онъ въ одно мгновеніе оказывается съ нимъ лицомъ къ лицу: „я те научу нявѣстъ красть“. Съ *этимъ* онъ будетъ биться. Такъ и крестьяне въ 1812 г. Они били тѣхъ, кто вносилъ разореніе въ ихъ хозяйство и, можетъ быть, кралъ у нихъ женъ и невѣстъ. Патріотическіе мотивы положительнаго или отрицательнаго свойства были имъ

чужды. Они не были ихъ кровными мотивами и не могли быть ими, разъ держалось крѣпостное право.

Послѣ всего сказаннаго, вопросъ о стратегическомъ значеніи народныхъ выступленій противъ французовъ рѣшается, намъ кажется, легко. Вѣдь даже въ Испаніи, гдѣ партизанская народная война приняла большіе размѣры, ея роль была невелика. Первый ударъ французамъ былъ нанесенъ регулярными войсками Кастаньоса подъ Байленомъ, а окончательно побѣждены были они регулярными войсками Веллингтона. Въ Россіи великая армія, которая, слѣдуя разоренной дорогой, пришла сильно разстроенной въ Смоленскъ, была сокрушена двумя правильными сраженіями: подъ Краснымъ, гдѣ была разбита московская армія, и подъ Березиной, гдѣ были окончательно дезорганизованы мало пострадавшіе раньше и сравнительно свѣжіе корпуса Удино, Сенъ-Сира и Виктора. То и другое было дѣломъ регулярныхъ войскъ. Тутъ даже роль партизановъ была невелика. Значеніе же народной войны въ собственномъ смыслѣ было ничтожно. Подъ Москвой и, быть-можетъ, еще гдѣ-нибудь въ уѣздахъ Смоленской губерніи „народная война“ разбила нѣсколько фуражировокъ, разгромила два-три конвоя, перехватила двѣ-три эстафеты, перебила сотню-другую отсталыхъ. Вотъ и все.

Народная война, настоящая, въ полномъ смыслѣ этого слова, была въ Пруссіи въ 1813 году,—та народная война, про которую пѣлъ Теодоръ Кернеръ:

Das Volk steht auf, der Sturm bricht los...

У насъ ея не было. Не было народа подъ оружіемъ, поднятаго разгорѣвшимся внезапно патріотическимъ огнемъ, не было этой сокрушающей бури народнаго порыва, который кристаллизовался въ боевыя единицы: въ батальоны и полки, въ бригады и дивизіи. Ибо даже русское ополченіе было составлено не изъ волонтеровъ, по доброй волѣ несущихъ свою кровь родинѣ, какъ свободный даръ. Оно состояло изъ крѣпостныхъ, наряженныхъ помѣщикомъ насильно изъ тѣхъ, кто поплоше [1]), оцѣненныхъ на звонкую монету по очень высокому

---

[1]) Вотъ какъ приказчикъ князя Голицына объясняетъ своему барину нѣкоторый перерасходъ: „Ратники, кромѣ годныхъ восьми человѣкъ, поступили

тарифу [1]). Современники свидѣтельствуютъ, что при отправкѣ ополченцевъ происходили „раздирательныя сцены“, отнюдь не свидѣтельствовавшія, что есть сознаніе патріотическаго долга. А если въ крестьянахъ пробуждалось патріотическое стремленіе пролить кровь за родину, то ихъ ожидали сюрпризы: дворовый человѣкъ помѣщика Бѣльскаго, Евтихъ Михѣевъ явился въ Дорогобужское отдѣленное для записи ратниковъ присутствіе съ просьбой зачислить его въ ополченіе, этотъ поступокъ былъ признанъ за „побѣгъ“ и Евтиха отправили къ городничему „для поступленія съ нимъ по закону“. Гдѣ тутъ было удержаться патріотическимъ чувствамъ! Когда эти мужички становились подъ ружье, попадали въ огонь,—въ нихъ просыпались всѣ лучшія качества русскаго крестьянина: стойкость, непоколебимое мужество, умѣнье безропотно умирать и вѣрность присягѣ,—все то, что дѣлало изъ него великолѣпнаго солдата, „достойнаго побѣждать“. Но изъ всего этого не складывалась „народная“ война.

Наполеонъ былъ побѣжденъ не „народной войной“.

старые и увѣчные; къ тому же многіе были таковые, что жили въ вотчинѣ по старости лѣтъ, неспособности къ домоводству и по малоумію безъ тяготъ, питались отъ подаянія милостыни, которыхъ сбыть кромѣ сего случая было невозможно“. А другой крупный помѣщикъ, гр. Орловъ-Давыдовъ въ инструкціяхъ приказчику пишетъ: „Наблюдать очередь между крестьянъ, въ рекрутствѣ поставленную. Пьяницъ, мотовъ, непрочныхъ (т.-е. болѣзненныхъ) для вотчины отнюдь не беречь, хотя бы за нѣкоторыми и очереди не было“. См. ст. Кабанова „Ополченія 1812 годъ“ въ т. V изданія „Отечественная война и русское общество“, стр. 51.

[1]) „Ликвидація ополченія шла съ большой выгодой для дворянства“ говоритъ А. К. Кабановъ (назв. статьи, стр. 72) и приводитъ факты — за каждаго не явившагося назадъ, т.-е. убитаго или пропавшаго безъ вѣсти ополченца изъ крестьянъ, давали рекрутскую квитанцію, т.-е. за сплавленныхъ часто негодныхъ людей помѣщикъ сохранялъ здороваго крестьянина, ибо требованія при рекрутскомъ наборѣ были гораздо строже. Но иногда „выгода“ бывала и болѣе реальная. Тотъ же авторъ приводитъ разсказъ актера М. С. Щепкина объ одной помѣщицѣ, которая „у графини на именинахъ, за обѣдомъ, не краснѣя“, говорила: „Вообразите, какое счастье Ивану Васильевичу: онъ отдавалъ въ ополченіе 9 человѣкъ, а возвратился всего одинъ, такъ что онъ получилъ 8 рекрутскихъ квитанцій и всѣ продалъ по 3 тысячи, а я отдала 26 человѣкъ и на мою бѣду всѣ возвратились. Какое несчастье!“ Присутствовавшіе соглашались, что такое счастье, какое Богъ послалъ Ивану Васильевичу, немногимъ дается.

III.

Нашествіе было толчкомъ для народнаго сознанія, погруженнаго въ безпросвѣтный мракъ. Командующіе классы, съ одной стороны, правительство, съ другой, въ первый разъ почувствовали, что имъ нужна поддержка народа, и подошли къ мужику съ человѣческимъ словомъ, заткнувъ за поясъ традиціонную плетку. Но народъ не сразу приспособился къ новому положенію. Повторилось то же, что было въ Пруссіи въ 1806 и 1807 гг. Народъ въ массѣ спокойно и равнодушно смотрѣлъ на то, какъ непріятель билъ правительственныя войска. Онъ не связывалъ себя съ тѣмъ правительствомъ, которое отдало его во власть вотчиннаго деспотизма и благодушно закрывало глаза на всѣ прелести помѣщичьяго самовластія. За то правящіе круги не оставляли его въ покоѣ теперь. Когда въ предѣлахъ страны былъ могущественный врагъ, крестьянамъ давали понять,—хотя и въ темныхъ выраженіяхъ, хотя и не въ откровенныхъ заявленіяхъ, черезъ священниковъ въ церквахъ и внѣ церквей,—что если онъ поможетъ справиться съ этимъ врагомъ, то получитъ награжденіе. Волшебное слово „воля“ носилось по деревнямъ, пущенное съ лицемѣрными, своекорыстными цѣлями. Все зависѣло отъ исхода войны. Для прусскаго крестьянина война 1806—1807 года началась Іеной и кончилась Фридландомъ. Война 1812 года кончилась Березиной и Вильной. А такъ какъ она завершилась благополучно и страхи прошли, то уже не приходилось во имя интересовъ государства жертвовать интересами отдѣльныхъ соціальныхъ группъ. Если бы Бородино было болѣе рѣшительной побѣдой Наполеона, если бы вступленіе въ Москву было похоже на вступленіе въ Берлинъ, если бы вслѣдъ за нимъ было что-нибудь похожее на Тильзитъ — освобожденіе крестьянъ въ Россіи совершилось бы на много лѣтъ раньше. Побѣжденнымъ, какъ въ Пруссіи, былъ бы прежде всего феодально-крѣпостническій строй. Побѣжденный, онъ былъ бы вынужденъ, какъ въ Пруссіи, ликвидировать себя во имя высшихъ государственныхъ соображеній. Оставшись побѣдителемъ, онъ чувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы не думать о самоупраздненіи, забылъ о минутной слабости, за-

ставлявшей его тянуться за помощью къ холопамъ, и дѣлалъ видъ, что никакихъ обѣщаній насчетъ воли никогда и не было.

Вообще, настроеніе правящихъ круговъ въ 1812 году было чрезвычайно типично. Рабовладѣльческое общество растерялось до послѣдней степени и утратило способность оцѣнивать факты по ихъ дѣйствительному удѣльному вѣсу. Оно безпрестанно колебалось между жуткими тревогами и жалобными упованіями.

Основнымъ поводомъ для тревоги, больше, для паники, была угроза соціальнымъ переворотомъ, и хотя очень скоро факты стали указывать на совершенно противоположныя настроенія Наполеона, эта паника держалась до конца и продиктовала дворянству два важныхъ рѣшенія, роковыхъ для Наполеона: оставленіе Москвы и нежеланіе заключить миръ. Крѣпостной строй въ началѣ XIX вѣка не изжилъ себя. Его могъ опрокинуть только внѣшній толчокъ. Дворянское общество эту вещь если не понимало, то чувствовало. И всячески старалось возможный внѣшній толчокъ предотвратить.

Но въ то же время, боясь соціальной революціи, дворянское общество было убѣждено, что и крестьяне, особенно, если имъ кое-что пообѣщать, должны проникнуться тѣмъ же отношеніемъ къ Наполеону, что и помѣщичьи верхи. Для дворянско-помѣщичьихъ круговъ война съ Наполеономъ была дѣйствительно „народной" войной. Отъ того или иного исхода ея зависѣло будущее благосостояніе или разореніе дворянства. И *свое* представленіе о „народной" войнѣ дворяне съ типичнымъ для помѣщичьей психики наивнымъ эгоизмомъ ожидали найти у своихъ крестьянъ. Какъ могутъ дворовый человѣкъ Прошка и мужики Карпъ и Власъ мыслить иначе, чѣмъ мыслитъ баринъ?

И, быть можетъ, наиболѣе любопытное въ томъ, что, когда война кончилась, правящіе круги самымъ искреннимъ образомъ были убѣждены, что народъ проникся этимъ патріотическимъ настроеніемъ и что, движимый имъ, онъ все время, съ начала войны до конца, съ необыкновенной энергіей воевалъ съ супостатомъ. Они были увѣрены, что народныя усилія сдѣлали если не главное дѣло, то, во всякомъ случаѣ, оказали самую существенную услугу. Недаромъ они такъ прославляли „народную" войну. И,—здѣсь другой любопытный моментъ,—бу-

дучи въ этомъ увѣрены, они отказывались вознаградить народъ тѣмъ, что было для него единственно цѣннымъ. Крестьяне, по ихъ мнѣнію, выполнили только свой долгъ. Намекнуть имъ на будущія благодѣянія было, разумѣется, полезно, чтобы поднять ихъ энергію, но не отмѣнять же въ серьезъ крѣпостного права, разъ прошла военная опасность? Народъ обильно угощали слащавыми манифестами шишковскаго сочиненія и сулили ему обильныя награды на томъ свѣтѣ. „Крестьяне, вѣрный намъ народъ, да получатъ мзду свою отъ Бога". На этомъ свѣтѣ пока-что человѣческія слова были забыты, а плетка была вынута изъ-за пояса и весело пощелкивала въ привычныхъ къ ней помѣщичьихъ рукахъ. Правда, это сдѣлалось не сразу, а съ должной постепенностью. Николай Тургеневъ пишетъ въ „La Russie et les russes": „Когда врагъ былъ изгнанъ, крѣпостные крестьяне естественно полагали, что ихъ геройское сопротивленіе, храбрость, съ какой они смотрѣли въ лицо опасности, столько жестокихъ лишеній, которымъ они себя подвергали во имя освобожденія всѣхъ, дали имъ право на свободу. Убѣжденные въ этомъ, они въ многихъ мѣстностяхъ отказывались признавать власть своихъ помѣщиковъ. Для тѣхъ, кто ихъ зналъ, не было ничего удивительнаго въ томъ, что они не признавали домашняго рабства, когда они такъ успѣшно помогли сбросить рабство, которымъ Наполеонъ хотѣлъ сковать страну. Въ этихъ случаяхъ правительство, мѣстныя власти и даже помѣщики вели себя весьма благоразумно. Вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ насилію, этому единственному аргументу рабовладѣльцевъ, они позволяли крестьянамъ пользоваться правами, которыя они считали своими. Быть можетъ, нѣкоторыя угрызенія совѣсти не позволяли имъ свирѣпствовать по отношенію къ людямъ, жертвы которыхъ были столь велики и поведеніе исполнено такой любви къ отечеству. Прошло еще много времени послѣ того, какъ первое возбужденіе крестьянъ успокоилось само собою,— и администрація могла приняться за свою обычную дѣятельность".

Почему же Пруссія годъ спустя могла явить міру примѣръ народной войны, а Россія оказалась не въ состояніи?

Различіе народныхъ настроеній въ Пруссіи 1813 года и въ Россіи 1812 г. объясняется тѣмъ, что въ Пруссіи между 1807 и 1813 годами легла полоса реформъ Штейна и Гарден-

берга, которыя разрушили самыя тяжелыя стороны феодально-крѣпостнаго уклада и положили основы новому соціальному строю. За эти новыя соціальныя основы и бился народъ въ Пруссіи. Народная война въ Пруссіи была войною за родину. Въ условіяхъ крѣпостного режима она была бы борьбою за помѣщичьи интересы и за оберегающую помѣщичьи интересы власть. Только поэтому не было въ Россіи въ 1812 году „народной“ войны противъ французовъ.

„Народная“ война 1812 года не болѣе, какъ обманъ зрѣнія. Онъ въ свое время былъ порожденъ помѣщичьими страхами, контрабандой попалъ потомъ въ число историческихъ традицій и поддерживался до сихъ поръ дворянской научной идеологіей.

Историческая наука принимала его на вѣру только потому, что никто не пытался подвергнуть его сколько-нибудь серьезному анализу.

Паденіе Наполеона.

1. „Битва народовъ“.

I.

Лейпцигское сраженіе нанесло первый рѣшительный ударъ самому существованію монархіи Наполеона, послѣ того, какъ неудача похода въ Россію и испанской экспедиціи положили конецъ его политикѣ завоеваній. Пораженіе подъ Лейпцигомъ означало для Наполеона не только распаденіе Рейнскаго союза и возстановленіе старыхъ нѣмецкихъ династій, не только потерю всѣхъ завоеваній въ Европѣ — таланты принца Евгенія и маршала Даву могли только отдалить часъ этой потери: оно заставило его уйти за Рейнъ и думать о томъ, какъ защищать Францію противъ иноземнаго нашествія, неизвѣданнаго ею съ 1793 года. А вторженіе во Францію при томъ колоссальномъ перевѣсѣ силъ, который былъ на сторонѣ союзниковъ, и при той непримиримости, которую обнаруживали государи, дипломаты и военачальники коалиціи, могло кончиться только однимъ: низложеніемъ.

Въ этомъ отношеніи Лейпцигъ — настоящій поворотный моментъ. Ватерлоо политическаго значенія не имѣло. Наполеонъ *не могъ* выиграть кампаніи 1815 года. Кампанія 1813 года оставалась долго нерѣшительной, и у геніальнаго полководца было много шансовъ если не сокрушить коалицію, какъ въ 1805 и 1807 гг., то по крайней мѣрѣ добиться пріемлемаго мира. Послѣ Лейпцига это сдѣлалось невозможно.

Что же привело Наполеона къ Лейпцигу?

Неудача похода въ Россію даже въ связи съ испанскими событіями не несла съ собою ничего рокового для Наполеона.

Не было для него опасно само по себѣ и рѣшеніе императора Александра перенести войну за русскую границу. Рѣшеніе это очень характерно для Александра, который въ этотъ мо-

ментъ, упоенный побѣдою, которую одержалъ за него „генерал Морозъ“, пылая ненавистью къ Наполеону и опутанный нѣмецкими вліяніями, слѣпо стремился впередъ, чтобы додѣлать то, что началось въ Россіи. Онъ слушать не хотѣлъ мудрыхъ совѣтовъ старика Кутузова, который отлично понималъ, какъ опасно возстанавливать въ прежнихъ размѣрахъ могущество Пруссіи и Австріи, и всячески удерживалъ своего государя отъ перехода черезъ границу. Александръ хотѣлъ непремѣнно довершить реваншъ за Аустерлицъ въ полной мѣрѣ и вѣрилъ обѣщаніямъ прусскихъ патріотовъ.

Красивые жесты рѣдко удавались Александру, а этотъ былъ просто роковымъ для Россіи. Кровью русскихъ солдатъ было возстановлено разрушенное Наполеономъ могущество Австріи и Пруссіи, которое съ тѣхъ поръ непрерывно является угрозой нашему международному положенію. Цѣлымъ рядомъ униженій пришлось Россіи искупать несчастное, тщеславное рѣшеніе Александра — „освобождать“ Европу, а сейчасъ, сто лѣтъ спустя, приходится защищать противъ „освобожденныхъ“ 1813 года свое великодержавное положеніе.

Ближайшимъ образомъ, однако, нѣмцы оказались правы. Обѣщанія ихъ сбылись.

Въ настроеніи прусскихъ патріотовъ и руководимыхъ ими широкихъ круговъ прусскаго общества таилась причина успѣха кампаніи 1813 года. Александръ одинъ внѣ Россіи Наполеону былъ не страшенъ: въ 1807 году онъ побилъ его безъ большого напряженія. Александръ одинъ не могъ бы сдвинуть Австрію съ ея трусливо-осторожной позиціи и поднять на Наполеона: Меттернихъ хорошо помнилъ про Ваграмъ. Больше того: Александръ не сумѣлъ бы привлечь къ союзу даже прусскаго короля, который не забылъ ни тильзитскаго кошмара, ни режима Дарю, который съ ужасомъ вспоминалъ про угрозу Наполеона стереть Пруссію съ лица земли, если только она обнаружитъ враждебныя намѣренія. Фридрихъ-Вильгельмъ III рѣшился заключить союзъ только тогда, когда вся Пруссія была душою въ лагерѣ Александра и когда медлить дольше, значило рисковать вызвать революцію.

Александръ вѣрилъ, что это будетъ такъ, потому что его убѣдили въ этомъ нѣмцы, находившіеся при немъ: баронъ Штейнъ, Клаузевицъ, Бойенъ и др. А кромѣ того передъ нимъ

былъ такой фактъ, какъ Таврожская конція [1]). Онвенъ не понималъ только одного: что нѣмцы тянутъ его за Нѣманъ не изъ-за Россіи, а ради освобожденія прусскаго и прочихъ нѣмецкихъ отечествъ. И забывалъ, что таврожскую конвенцію заключили, какъ очень вѣрно замѣчаетъ В. К. Николай Михайловичъ, „шесть кровныхъ пруссаковъ", изъ которыхъ трое, — Дибичъ, Клаузевицъ и граф. Дона, — были на русской службѣ, а трое съ Іоркомъ во главѣ — на прусской; что скрѣпилъ конвенцію гр. Витгенштейнъ, „седьмой нѣмецъ".

Общественный подъемъ, подготовленный въ Пруссіи широкими реформами Штейна и Гарденберга и свободной пропагандой націоналистическихъ чувствъ такими патріотами, какъ Фихте, Шлейермахеръ, Арндтъ, старикъ Янъ, дѣятели тайныхъ обществъ, вылился прежде всего въ жажду освобожденія отъ иноземнаго ига. Этотъ могучій порывъ — и только онъ — далъ войнѣ противъ Наполеона ту нравственную силу, въ которой былъ залогъ побѣды и которой не было ни въ русской, ни въ австрійской арміяхъ. Вѣра въ правоту прусскаго дѣла, убѣжденіе, что война за освобожденіе — святая война, были настолько непоколебимы, что въ конечномъ торжествѣ не сомнѣвался никто, и скромный кавалерійскій офицеръ фонъ-Беловъ весной 1813 г. увѣренно обѣщалъ своимъ драгунамъ къ зимѣ привести ихъ въ Парижъ.

Дипломатическое искусство Александра заключалось въ томъ, что онъ воспользовался прусскимъ патріотическимъ подъемомъ, чтобы заставить короля подписать калишскій союзный договоръ, и тѣмъ положилъ начало грозной коалиціи противъ Франціи изъ Россіи, Англіи, Пруссіи, Швеціи и Австріи. Австрія примкнула, какъ извѣстно, позднѣе, послѣ Плесвицкаго перемирія, закончившаго удачную для Наполеона весеннюю кампанію Люцена и Бауцена.

II.

Когда попытки достигнуть соглашенія на пражскомъ конгрессѣ кончились ничѣмъ, когда возобновилась война и Австрія

[1]) Таврожскую конвенцію все время почему-то называли Тауроггенской конвенціей, что едва ли звучитъ очень по-русски. Tauroggen — нѣмецкая форма польскаго имени Тавроги. Нѣтъ никакихъ основаній образовывать прилагательное, удерживая въ немъ нѣмецкое падежное окончаніе множественнаго числа.

присоединилась къ союзникамъ, дѣла Наполеона сразу пошли хуже. Въ весеннюю кампанію ни у русскихъ, ни у пруссаковъ не было хорошаго полководца: Кутузовъ умеръ, Витгенштейнъ оказался никуда не годнымъ на посту главнокомандующаго, Шарнгорстъ, безподобный организаторъ, былъ очень посредственнымъ генераломъ и къ тому же скоро погибъ отъ полученныхъ ранъ. Послѣ перемирія въ лагерѣ союзниковъ былъ уже Шварценбергъ, не Богъ вѣсть какой геній, но генералъ, привыкшій къ самостоятельнымъ операціямъ, былъ Бернадотъ, одинъ изъ даровитѣйшихъ сподвижниковъ Наполеона, а, самое главное, былъ Моро, котораго выписали изъ Америки, чтобы онъ научилъ союзниковъ побѣждать Наполеона. И Моро научилъ.

Наполеонъ рѣшилъ защищать земли Рейнскаго союза противъ коалиціи. И такъ какъ нападенія шли съ различныхъ сторонъ, то ему казалось невозможнымъ придерживаться его старой, испытанной тактики: не дѣлить своихъ силъ и бить превосходящаго силами противника тѣмъ, чтобы въ каждомъ данномъ пунктѣ оказываться сильнѣе его. Такова была тактика славныхъ походовъ 1796—1797 и 1805 годовъ. Политическія соображенія, которыя всегда портили боевые замыслы Наполеона, испортили ихъ и здѣсь. Онъ рѣшилъ раздѣлить свои силы; выдвинулъ въ разныя стороны крупные корпуса подъ командою маршаловъ. На этомъ построилъ Моро систему борьбы съ Наполеономъ. Онъ совѣтовалъ союзникамъ избѣгать встрѣчъ съ самимъ Наполеономъ, сначала раздавить его маршаловъ, а потомъ уже обрушиться на него самого съ подавляющими силами. Этотъ фатальный совѣтъ, который былъ измѣною родинѣ со стороны Моро, рѣшилъ участь кампаніи. Наполеонъ разбилъ союзниковъ подъ Дрезденомъ въ двухдневномъ бою 14/26—15/27 августа. Побѣда была настолько рѣшительна, что Меттернихъ опять испугался и былъ готовъ выйти изъ коалиціи. Но Наполеонъ ею не воспользовался. Онъ заболѣлъ и не могъ распоряжаться преслѣдованіемъ. А потомъ очень скоро начались неудачи. Въ теченіе трехъ-четырехъ дней, 15/27—18/30 августа, генералы Наполеона потерпѣли рядъ пораженій: Удино, разбитый раньше, преслѣдуемый по пятамъ, пришелъ въ Виттенбергъ, Вандамъ капитулировалъ при Кульмѣ, Макдональдъ былъ разгромленъ при Кацбахѣ. Нѣсколько позднѣе Ней побѣжденъ при Денневицѣ. Изъ арміи Наполеона, которая

и безъ этого сильно уступала численностью союзнымъ войскамъ, выбыло въ короткое время болѣе 100.000 человѣкъ, и она лишилась половины всей артиллеріи. Иниціатива перешла къ союзникамъ. Они тѣснѣе скрѣпили свой союзъ (Теплицкіе договоры 28-го авг. — 9 сентября), заставили Баварію отложиться отъ Наполеона и начали окружать его.

У Лейпцига Наполеонъ остановился. Здѣсь произошелъ трехдневный бой, который зовутъ „битвой народовъ", 4/16 — 6/18 октября. У Наполеона было 150.000 человѣкъ, у союзниковъ — 350.000. Только высшее напряженіе генія и стеченіе счастливыхъ обстоятельствъ могло его спасти. И хотя геній былъ на высотѣ, но всѣ случайности оказались противъ. Первый день не принесъ успѣха союзникамъ. Ихъ атаки были отбиты. То же было и во второй. На третій день подошелъ Бернадотъ, и дѣло Наполеона было проиграно. Оно не было потеряно безнадежно. Онъ могъ защищаться въ городѣ; но саксонцы измѣнили ему и повернули противъ французовъ свои пушки. Ему было еще возможно отступить безъ большихъ потерь; но Бертье забылъ навести мостъ, а единственный мостъ черезъ Эльстеръ по какому-то несчастному недоразумѣнію взорвали французскіе саперы, когда еще полъ-арміи было на той сторонѣ. Теперь это было уже полнымъ разгромомъ. Собравъ остатки арміи, Наполеонъ пошелъ къ Майну. Баварскій генералъ Вреде загораживалъ ему дорогу у Ганау. Французская артиллерія, руководимая Друо, смела его съ пути, и скоро императоръ былъ уже за Рейномъ.

Но враги слѣдовали по пятамъ. Нужно было защищать Францію.

2. Союзники въ Парижѣ.

I.

19-го марта 1814 года Парижъ проснулся съ чувствомъ какого-то недоумѣнія. Не было слышно пушечной пальбы. Надъ городомъ нависла тяжелая тишина. Слухи рождались каждую минуту. Говорили разное. Роялисты, ликуя, сообщали всѣмъ, что капитуляція подписана, что депутація муниципалитета была у императора Александра, что онъ обѣщалъ принять Парижъ подъ свое покровительство. Бона-

партисты, которыхъ было все-таки очень много, кричали, что герцогъ Виченцскій въ Парижѣ, и Наполеонъ вступитъ въ городъ. Средній обыватель торопился повѣдать о своихъ страхахъ, что русскіе сожгутъ Парижъ, какъ сожгли полтора года назадъ Москву...

Съ 9-ти часовъ утра на площади Согласія появились субъекты съ бѣлыми кокардами и бѣлыми шарфами, которые кричали, пока еще пугливо озираясь по сторонамъ: „Да здравствуютъ Бурбоны!". Съ каждымъ получасомъ ихъ становилось больше. Они выстраивались по Елисейскимъ полямъ, крики ихъ дѣлались громче и смѣлѣе. Быстро распространилась вѣсть о капитуляціи. Въ 10 часовъ никто не сомнѣвался, что союзники скоро будутъ въ городѣ.

Въ 11 час. чрезъ Пантэнскую заставу показались красные гвардейскіе казаки, по 15-ти въ рядъ. За ними двигались кирасиры и гусары прусской гвардіи, русскіе лейбъ-драгуны и лейбъ-гусары. Вслѣдъ за своими гусарами ѣхалъ Александръ верхомъ на бѣломъ конѣ, въ шляпѣ, украшенной бѣлымъ султаномъ. По правую руку его ѣхалъ Шварценбергъ, представлявшій австрійскаго императора, по лѣвую — король прусскій; за ними поодаль — свита болѣе чѣмъ въ тысячу офицеровъ разныхъ генеральныхъ штабовъ. Потомъ двигались полки пѣхоты. Замыкали шествіе русскіе кавалергарды и 47 русскихъ кирасирскихъ эскадроновъ. Это были отборныя войска, и парижане дивились богатырскому росту русскихъ гвардейцевъ. Войска менѣе блестящія вступили въ Парижъ черезъ другія заставы.

Въ отдаленныхъ кварталахъ было немного народа, и союзниковъ встрѣчало зловѣщее молчаніе. Только послѣ того, какъ Александръ миновалъ Porte Saint-Denis, стали слышаться робкіе крики „Да здравствуетъ императоръ Александръ! Да здравствуютъ союзники!" При первыхъ же крикахъ Александръ отвѣчалъ на привѣтствія и громко сказалъ: „Я прихожу не какъ врагъ. Я несу вамъ миръ!". И новые крики были отвѣтомъ. По мѣрѣ приближенія къ центру привѣтствія становились громче. Чаще мелькали бѣлыя кокарды, изъ оконъ вывѣшивались бѣлыя знамена, наскоро изготовленныя изъ простынь и скатертей, появлялись женскія фигуры, махавшія платками. Въ толпѣ были слышны разговоры: „У нихъ вовсе не злой видъ!", „Какъ кра-

сивъ императоръ Александръ"! „Съ какимъ изяществомъ онъ раскланивается", „Пусть онъ остается въ Парижѣ или пусть намъ дадутъ государя, похожаго на него".

И снова, и снова гремѣли крики: „Да здравствуетъ Александръ! Да здравствуютъ союзники! Да здравствуетъ Вильгельмъ!".

У Елисейскаго дворца оба государя и Шварценбергъ остановились, чтобы пропустить мимо себя войска. Толпа тѣснилась кругомъ. Дамы взбирались на лошадей штабныхъ офицеровъ, чтобы лучше видѣть. „Гдѣ императоръ Александръ?" — раздавались вопросы отовсюду, и офицеры безпрестанно повторяли, указывая на него: „Бѣлая лошадь, бѣлый султанъ".

Послѣ смотра Александръ остановился въ роскошномъ особнякѣ Талейрана, и тутъ было рѣшено, что союзники не вступятъ въ переговоры ни съ Наполеономъ, ни съ кѣмъ бы то ни было изъ членовъ его семейства. Вопросъ о регентствѣ Маріи-Луизы къ великому торжеству Талейрана былъ сорванъ. Дѣло Бурбоновъ было обезпечено.

Нѣсколько дворянъ напоили десятокъ оборванцевъ и подговорили ихъ сбросить съ Вандомской колонны статую императора. Закинули канаты, стали тянуть. Статуя не подавалась. Тогда одинъ изъ нихъ взобрался на плечи статуи и дважды ударилъ ее по лицу...

II.

Капитуляція Парижа была обусловлена всей политической и стратегической комбинаціей. Франція къ началу 1814 года оскудѣла и деньгами, и людьми. Роялисты поднимали голову, и у нихъ былъ теперь аргументъ, который производилъ впечатлѣніе на истощенную страну: Бурбоны принесутъ съ собою миръ, т.-е. облегченіе налоговъ и наборовъ людьми. Несмотря на чрезвычайное напряженіе полицейской власти, налоги поступали въ незначительномъ количествѣ, а кадры новобранцевъ опустошались дезертирствомъ. Къ серединѣ января изъ 350 тыс. человѣкъ набора явилась лишь половина, и эту половину нечѣмъ было экипировать.

Но съ этой арміей, необученной, терпящей недостатокъ во всемъ необходимомъ, былъ Наполеонъ, и она дѣлала чудеса.

Кампанія 1814 года, согласно общему мнѣнію военныхъ историковъ, достойна стать рядомъ съ кампаніей 1796—1797 гг. Геній императора былъ свѣжъ и ярокъ, какъ въ лучшія его времена. Несмотря на то, что уже въ первый же мѣсяцъ кампаніи сила союзниковъ впятеро превышала его силы [1]), онъ остановилъ ихъ наступленіе.

Дважды Наполеонъ приводилъ союзныя войска на край гибели. Первый разъ это было 10-го февраля, послѣ блестящихъ боевъ при Шампоберѣ, Монмиралѣ и Монтеро. Онъ сбилъ арміи непріятеля около Труа и ждалъ наступленія, чтобы раздавить ихъ окончательно. Онъ былъ увѣренъ, что, несмотря на огромный численный перевѣсъ, при наступленіи союзники должны были быть разбиты по частямъ, какъ Вурмзеръ и Альвинци въ итальянскую кампанію. Александръ, который разыгрывалъ изъ себя полководца, горячо требовалъ наступленія и слѣпо рвался впередъ, не видя ловушки. Шварценбергъ, вопреки мнѣнію царя, отдалъ приказъ отступить и спасъ союзныя арміи. Во второй разъ это было 1-го марта, когда Наполеонъ послѣ жаркаго боя при Арси-сюръ-Объ обошелъ союзниковъ, сталъ на ихъ коммуникаціонной линіи и готовъ былъ протянуть руку Ожеро, получившему приказъ двигаться изъ Ліона въ тылъ союзникамъ. Всякая сколько-нибудь продуманная стратегія диктовала имъ отступленіе. И союзники должны были отступить, хотя отступленіе несло съ собою рискъ полнаго разгрома. Но, какъ и въ Россіи, Наполеона погубили политическія условія. Въ Москвѣ они помѣшали ему остаться на зимовку. Здѣсь они подсказали Шварценбергу смѣлую мысль итти на Парижъ, откуда къ союзникамъ протягивались съ мольбой руки недовольныхъ, куда ихъ страстно звали роялисты. Александръ былъ согласенъ на этотъ разъ съ австрійскимъ полководцемъ [2]).

Наполеонъ не ожидалъ такого движенія со стороны союзниковъ. Онъ забылъ, что Шварценбергъ учился въ его школѣ. Когда онъ убѣдился, что непріятель продолжаетъ итти впередъ,

---

[1]) Потомъ отношеніе сдѣлалось еще болѣе неровнымъ, когда въ кампанію вступили части арміи Бернадота; самъ онъ, какъ извѣстно, не пожелалъ лично вести враговъ въ предѣлы своей прежней родины.

[2]) Нужно сказать, что русскіе военные историки держатся иного мнѣнія насчетъ иниціативы движенія на Парижъ. Они почти единогласно утверждаютъ, что планъ этотъ „родился въ русскомъ штабѣ“.

онъ понялъ, что дѣло его проиграно. Отряды Мармона и Мортье, оставленные имъ въ видѣ заслона, были захвачены врасплохъ; послѣ отчаяннаго сопротивленія при Ферщампенуазѣ, полнаго актовъ величайшаго геройства, они отступили къ Парижу, а Наполеонъ не могъ съ оставшимися въ его распоряженіи силами преслѣдовать союзную армію, очутившуюся между нимъ и его столицей.

И когда 17-го марта союзники повели атаку на Парижъ, онъ былъ лишенъ возможности командовать тамъ. Наполеонъ понялъ, что моментъ наступилъ критическій. Какъ въ 1812 году, онъ поручилъ армію маршаламъ и поскакалъ въ Парижъ. Но онъ опоздалъ. Парижъ сдался. А потомъ измѣна Мармона вырвала у него изъ рукъ послѣдній шансъ спасти если не свой престолъ, то хотя свою династію. 25-го марта онъ подписалъ отреченіе.

Александръ торжествовалъ. Онъ отплатилъ за взятіе Москвы. И, что его сердцу было еще радостнѣе, — личный недругъ лежалъ предъ нимъ во прахѣ.

Еще три недѣли прожилъ Наполеонъ, одинокій, покинутый женою, лишенный сына, избѣгаемый маршалами, въ старинномъ Фонтенеблосскомъ дворцѣ.

20 апрѣля онъ выѣхалъ въ свою новою вотчину — Эльбу.

3. Возвращеніе.

Реставрація съ первыхъ же шаговъ показала, что она опьянена. „Бурбоны ничего не забыли и ничему не научились“ въ своемъ изгнаніи. Не успѣлъ водвориться новый порядокъ, какъ уже противъ него были самые вліятельные классы: буржуазія и крестьянство. Тотъ самый народъ, который во время перевозки Наполеона изъ Фонтенебло на югъ чуть было не растерзалъ его, подстрекаемый роялистами, раздраженный безконечными поборами,—теперь уже снова поклонялся ему. Поведеніе дворянства и духовенства, всѣхъ этихъ обозленныхъ людей, жаждавшихъ мщенія, ясно говорило группамъ третьяго сословія, что миръ при режимѣ патріархальнаго бурбонскаго деспотизма гораздо хуже, чѣмъ война при буржуазно-крестьянской монархіи Наполеона. Угроза соціальной реставраціей, готовой притти слѣдомъ за политической, рѣшила дѣло. Тщетно

старался хитрый старый Людовикъ, которому очень надоѣло безъ конца мѣнять мѣсто жительства,—держать своихъ въ уздѣ. Крайніе, les ultras, его не слушали. Они раздражали всѣхъ: буржуазію—тѣмъ, что покровительствовали землевладѣльческимъ группамъ, крестьянство—тѣмъ, что сулили отнять землю, интеллигенцію — буйнымъ фанатизмомъ духовенства, войско—попраніемъ славныхъ боевыхъ традицій.

Наполеонъ отлично зналъ обо всемъ, сидя на высокихъ красныхъ скалахъ Эльбы. Онъ ждалъ, пока Бурбоны дадутъ созрѣть новой революціи. Ибо для него было несомнѣнно, что привести его вновь на престолъ Франціи можетъ не простой династическій переворотъ, а революція, глубоко затрогивающая всѣ общественныя группы, кромѣ дворянства и духовенства. Предлоги для того, чтобы покинуть Эльбу, у него были въ какомъ угодно количествѣ. Союзники не выполнили обѣщаній, данныхъ въ Фонтенебло. Онъ не получалъ своего цивильнаго листа. Отъ него отняли сына. Къ нему не пускали жену. И чтобы послѣднее обстоятельство, такъ оскорблявшее императора, не имѣло характера насилія, Меттернихъ придумалъ „благовидный“ способъ, отнюдь не насильственный. Къ Маріи-Луизѣ былъ приставленъ, въ качествѣ камергера или другого придворнаго чина, графъ Нейпергъ, австрійскій офицеръ, извѣстный своими успѣхами у дамъ. У него былъ приказъ стараться о томъ, чтобы императрица забыла о своемъ супругѣ. Вышло все такъ, какъ предвидѣлъ опытный въ придворномъ флиртѣ разсчетъ Меттерниха. У Маріи-Луизы было чувствительное вѣнское сердце. Она забыла Наполеона. Она не поѣхала на Эльбу. И притомъ безъ всякаго насилія, совершенно добровольно.

Эти мелкіе и крупные удары приводили въ бѣшенство Наполеона. Онъ только и ждалъ изъ Франціи сколько-нибудь ободряющихъ извѣстій, чтобы покинуть Эльбу. Онъ не сомнѣвался, что сумѣетъ проскользнуть мимо сторожевыхъ кораблей, карауливщихъ островъ. Онъ обманулъ въ свое время Нельсона. Ему не были опасны захудалые испанскіе, англійскіе и французскіе капитаны, спустя рукава слѣдившіе за нимъ. Въ срединѣ февраля по новому стилю онъ получилъ точныя свѣдѣнія о томъ, что политика Бурбоновъ успѣла вызвать заговоры, что въ войскѣ и въ обществѣ, среди якобинцевъ, ожидаются вспышки. Тогда онъ рѣшился. 26-го февраля онъ по-

садилъ на корабли — ихъ было семь — свою эльбскую гвардію, проскользнулъ въ темнотѣ мимо сторожевыхъ судовъ и $\frac{\text{1 марта}}{\text{17 февр.}}$ высадился въ бухтѣ Жуанъ. Отсюда онъ двинулся по направленію къ Греноблю, опубликовавъ свои прокламаціи. Въ нихъ была знаменитая фраза о Бурбонахъ, приведенная выше, а одна изъ нихъ заканчивалась не менѣе знаменитымъ предсказаніемъ, столь блестяще оправдавшимся: „Орелъ съ національными цвѣтами полетитъ съ колокольни на колокольню вплоть до башенъ Собора Парижской Богоматери“.

Въ началѣ правительство и высшее военное начальство не придавали серьезнаго значенія походу императора съ его крошечнымъ отрядомъ. Два маршала, сподвижники Наполеона, командовавшіе въ Марселѣ и Ліонѣ: Массена и Макдональдъ, приняли мѣры къ его „обезвреженію“ совершенно спокойно. Но 5-го марта въ тѣснинѣ Лаффре, загораживавшей подступы къ Греноблю, произошло нѣчто, сразу измѣнившее всю обстановку. Капитанъ Рандонъ во главѣ отряда королевскихъ войскъ защищалъ тѣснину. Наполеонъ подошелъ къ своимъ старымъ солдатамъ на пистолетный выстрѣлъ, обнажилъ грудь и сказалъ такъ, какъ умѣлъ говорить только онъ: „Если есть среди васъ солдатъ, желающій убить своего императора, онъ можетъ это сдѣлать. Я — подъ вашими выстрѣлами“. Въ отвѣтъ на это раздались безумные крики, бѣлыя кокарды полетѣли на землю и солдаты окружили своего императора, ловя для поцѣлуя его руки, полы его сюртука, припадая къ его сапогамъ.

То былъ поворотный пунктъ. Въ Гренoблѣ рабочіе, „за неимѣніемъ ключей отъ города“, сорвали и принесли Наполеону тяжелыя городскія ворота. Въ Ліонѣ во главѣ 30,000-й арміи находился графъ Артуа, братъ короля. Настроеніе солдатъ при извѣстіи о событіяхъ въ Гренoблѣ сдѣлалось таково, что графъ счелъ за благо бѣгствомъ спасти свою драгоцѣнную жизнь. За нимъ послѣдовалъ и командующій округомъ маршалъ Макдональдъ, не пожелавшій признать своего прежняго государя. Армія передалась Наполеону. Народъ кричалъ: „Смерть роялистамъ! Долой поповъ!“

Движенію Наполеона съ юга отвѣчало движеніе съ сѣвера. Глава сѣверныхъ заговорщиковъ, начальникъ Лилльскаго гарнизона Друэ д'Эрлонъ взбунтовалъ своихъ солдатъ и повелъ

нхъ на Парижъ, сюда двигался и Наполеонъ. Войска въ Парижѣ обнаруживали самое недвусмысленное настроеніе. Одинъ оставался козырь у Бурбоновъ: армія Нея. Герой Фридланда и русскаго отступленія былъ, казалось, очень твердъ и обѣщалъ привести въ Парижъ „узурпатора“ „въ желѣзной клѣткѣ“. 14-го марта онъ съ нимъ встрѣтился. Армія его растаяла безъ выстрѣла. Ней, увидя императора, не выдержалъ и бросился къ нему навстрѣчу, протягивая руки. Дѣло Бурбоновъ было проиграно окончательно.

Теперь уже движеніе впередъ превратилось въ тріумфальное шествіе. Армію сплошнымъ кольцомъ окружали крестьяне сосѣднихъ деревень, какъ бы образуя ей почетный эскортъ отъ народныхъ низовъ. 20-го утромъ Наполеонъ былъ въ Фонтенебло, а ночь на 21-е провелъ уже въ Тюльери въ своей собственной спальнѣ. Отсутствіе его длилось ровно одиннадцать мѣсяцевъ.

Ему не приходилось терять времени. Вандея возстала, а государи, танцовавшіе въ Вѣнѣ на конгрессѣ въ промежуткахъ между рѣдкими совѣщаніями, — разсылали срочные приказы по арміямъ.

Чтобы показать, что онъ хочетъ теперь итти объ руку съ обществомъ, Наполеонъ издалъ „Дополнительный актъ“, составленный Бенжаменомъ Констаномъ, и сталъ готовиться къ защитѣ.

4. Ватерлоо.

Tu désertais, victoire, et le sort etait las.
V. Hugo.

I.

„При Ватерлоо побѣдила аристократія, побѣдило неправое дѣло застарѣлыхъ привилегій, низкое холопство и ложь, а потерпѣли пораженіе интересы свободы, равенства, братства, правды, разума. Битву проиграло при Ватерлоо человѣчество“...

Это, конечно, изъ Гейне. Нѣмецкіе, и не только нѣмецкіе, демократы были убѣждены въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, что Наполеонъ былъ „гонфалоньеромъ демократіи“, что, не будь онъ

побѣжденъ, реакціонная вакханалія эпохи конгрессовъ миновала бы Европу. Такія мысли подсказывала политика.

Наука не питаетъ въ настоящее время этой увѣренности. Она не можетъ, правда, гадать о томъ, что было бы, если бы Наполеонъ усидѣлъ на своемъ престолѣ, но факты, предшествовавшіе Ватерлоо, говорятъ, что демократическія идеи и демократическія учрежденія и въ случаѣ побѣды французовъ находились въ большой опасности. Скорѣе можно думать, что крушеніе имперіи спасло Наполеона отъ многихъ еще грѣховъ противъ свободы и демократіи, что только оно дало нѣкоторую убѣдительность его оправданіямъ въ этихъ грѣхахъ на св. Еленѣ, только оно сдѣлало возможнымъ созданіе демократической легенды.

Во всякомъ случаѣ, безславія Наполеону Ватерлоо не принесло, а французскую армію, особенно старую гвардію, покрыло еще разъ неувядаемой славою. Къ тому же значеніе ватерлооскаго разгрома было чисто тактическое. Кампанія все равно не могла быть выиграна. Слишкомъ велико было неравенство силъ враждующихъ сторонъ. Если не Ватерлоо, то какой-нибудь пунктъ по восточной границѣ сдѣлался бы мѣстомъ рѣшительнаго пораженія Наполеона. Побѣдить и добиться сколько-нибудь удовлетворительнаго мира императору суждено не было. Онъ разсчитывалъ на искусство своихъ дипломатовъ, но и оно потерпѣло неудачу. Вѣдь вѣсть о возвращеніи съ Эльбы пришла какъ разъ въ разгаръ „работъ" Вѣнскаго конгресса, когда всѣ великія державы съ такимъ увлеченіемъ занимались дѣлежомъ шкуры убитаго сообща медвѣдя. Могли ли онѣ потерпѣть, чтобы медвѣдь воскресъ и помѣшалъ имъ въ этомъ увлекательномъ занятіи?

Положеніе дѣлъ въ Вѣнѣ въ моментъ возвращенія было довольно кислое. Принципъ легитимизма, выдвинутый Талейраномъ, явно начиналъ торжествовать. Позиція Франціи все укрѣплялась. Саксонія почти была спасена отъ посягательствъ Пруссіи. Отношенія между Россіей и Пруссіей, съ одной стороны, Франціей, Англіей и Австріей, съ другой, были натянутыя. Александръ и Меттернихъ другъ къ другу не ходили, а при встрѣчахъ дѣлали видъ, что не замѣчаютъ одинъ другого.

Вѣсть о томъ, что Наполеонъ вернулся, сразу измѣнила всю картину. Принципъ легитимизма потерялъ свою неуязвимость.

Францiя лишилась плодовъ всѣхъ усилiй, всего искусства Талейрана. Меттернихъ сдѣлалъ визитъ Александру, и тотъ заключилъ его въ свои объятiя. Австрiя сблизилась съ Пруссiей и Россiей. А самое главное, — четыре державы возобновили союзъ противъ Францiи, рѣшили послать войска противъ нея и объявили внѣ закона „врага рода человѣческаго“. Двѣнадцати часовъ не прошло съ момента полученiя извѣстiя, и адъютанты скакали уже по всѣмъ направленiямъ, а народы могли уже читать прокламацiи, гдѣ съ большимъ лицемѣрiемъ и съ многократными упоминанiями имени Божьяго повторялось, что державы ведутъ борьбу противъ одного Бонапарта.

Смѣлый шагъ Наполеона засталъ союзниковъ мало подготовленными. Они такъ были увѣрены, что, сославъ императора на Эльбу, они отдѣлались отъ него окончательно, что 25 марта 1815 г., въ день заключенiя седьмой коалицiи противъ Францiи, на границѣ находилось едва 80.000 чел.: 30.000 пруссаковъ, 14.000 саксонцевъ, 23.000 англо-ганноверцевъ и около 10.000 голландцевъ и бельгiйцевъ. Эти войска стояли во всю длину восточной и сѣверо-восточной границы Францiи, и будь тѣ 50.000 солдатъ, которые составляли всю армiю Бурбоновъ, сколько-нибудь снабжены необходимымъ, Наполеонъ могъ уже 1 апрѣля быть въ Брюсселѣ. Ибо и вожди союзныхъ войскъ были очень далеко отъ границъ. Блюхеръ былъ въ Берлинѣ, Веллингтонъ — въ Вѣнѣ. Но Наполеонъ все-таки надѣялся на миръ. Эта надежда въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ неподготовленность войска, заставила его медлить съ открытiемъ военныхъ дѣйствiй. Только въ серединѣ мая онъ убѣдился, что союзники не будутъ съ нимъ мириться, и лишь тогда установилъ свой планъ кампанiи. Но къ этому времени коалицiя уже успѣла приготовиться и съ своей стороны.

Планъ союзниковъ, принятый окончательно, былъ таковъ. Шесть армiй двигаются отовсюду къ французскимъ границамъ и переходятъ ихъ, направляясь къ Парижу: нидерландская (93.000 англичанъ, ганноверцевъ, брауншвейгцевъ, голландцевъ и бельгiйцевъ) подъ начальствомъ Веллингтона концентрируется между Мобежемъ и Бомономъ; прусская (117.500 чел.) подъ начальствомъ Блюхера — между Филипвилемъ и Живе; русская (150.000 чел.) подъ начальствомъ Барклая-де-Толли двигается между Саарлуи и Саарбрюккеномъ; верхне-рейнская (210.000

австрійцевъ, баварцевъ, вюртембержцевъ и гессенцевъ) подъ начальствомъ Шварценберга идетъ черезъ Базель, отдѣливъ нѣсколько къ югу лѣвое крыло. Къ Парижу эти четыре арміи должны итти: Веллингтонъ черезъ Перрону, Блюхеръ — черезъ Ланъ, Барклай — черезъ Нанси, Шварценбергъ — черезъ Лангръ. Кромѣ нихъ будутъ дѣйствовать съ юга еще двѣ арміи: верхне-итальянская (38.000 австрійцевъ и 12.000 пьемонтцевъ) подъ начальствомъ Фримона и неаполитанская (25.000 чел.) подъ начальствомъ Бьянки. Обѣ онѣ должны перейти Альпы и двигаться одна на Ліонъ, другая черезъ Провансъ. Всего, слѣдовательно, у союзниковъ въ наличности имѣлось 645.000 человѣкъ. Съ резервами, которые обѣщали оба императора и прусскій король, численность союзныхъ войскъ безъ труда могла превысить милліонъ.

II.

Что могъ противопоставить этой громадѣ Наполеонъ? Къ началу іюня выяснились результаты лихорадочной дѣятельности императора и его военнаго министра, маршала Даву, оказавшагося превосходнымъ на своемъ посту. Были мобилизованы національные гвардейцы, призваны новобранцы, кликнутъ кличъ волонтерамъ, и жалкіе 50.000 выросли во много разъ. Наполеонъ распредѣлилъ ихъ такимъ образомъ: I корпусъ (Друэ д'Эрлонъ), II корпусъ (Рейль), III корпусъ (Вандамъ), IV корпусъ (Жераръ), VIII корпусъ (Мутонъ, графъ Лобау), резервъ кавалеріи (Груши) и императорская гвардія (Мортье, Фріанъ, Моранъ, Дюгемъ, Баруа), общей численностью въ 124.000, составили сѣверную армію подъ начальствомъ императора. V корпусъ (20.000 чел.) подъ начальствомъ Раппа образовалъ рейнскую армію; VI корпусъ (23.600 чел.) подъ начальствомъ маршала Сюше — альпійскую армію; VII корпусъ былъ раздѣленъ на два отряда: одинъ въ 6.800 чел. подъ начальствомъ Клозеля сдѣлался отрядомъ западныхъ Пиренеевъ, другой въ 7.600 — подъ начальствомъ Декана — отрядомъ восточныхъ Пиренеевъ. Кромѣ того, на западѣ, на случай волненій, былъ поставленъ корпусъ Ламарка въ 10.000 чел.; южная граница усилена варскимъ отрядомъ Брюна (6.000 чел.), а юго-восточная — юрскимъ отрядомъ Лекурба (8.500 чел.). Такимъ образомъ, подъ

ружьемъ въ арміяхъ находилось нѣсколько больше 200.000 человѣкъ: вмѣстѣ съ находящимися въ гарнизонахъ (въ Безансонѣ командовалъ Журданъ), въ депо, на пути и въ госпиталяхъ — 291.000 чел. Кромѣ того, по подсчету Анри Гуссе [1]), императоръ могъ разсчитывать на 222.000 человѣкъ, вполнѣ готовыхъ; къ 25 іюля еще на 90.000 чел., а къ 25 сентября еще на 242.000 человѣкъ. Цифры, дѣлающія борьбу съ коалиціей, располагающей милліономъ людей, не безнадежной. Но — увы! — весьма гадательныя цифры. На первое время Наполеонъ не могъ, если не хотѣлъ впасть въ самыя грустныя ошибки, разсчитывать на сумму, превышающую 250.000 человѣкъ, изъ которыхъ 125.000 находились подъ его командой въ сѣверной арміи, 75.000 — по границамъ и въ Вандеѣ, около 10.000—въ гарнизонахъ, остальное въ пути и въ депо. Первыя операціи должны были выпасть на долю сѣверной арміи.

Наполеонъ колебался довольно долго, прежде чѣмъ установить окончательно свой планъ. Ему предстояло выбрать одинъ изъ двухъ. Либо ждать вступленія союзниковъ во Францію и возобновить кампанію 1814 г. съ гораздо болѣе благопріятными шансами на успѣхъ, либо самому взять на себя иниціативу. Въ 1814 году у Наполеона противъ 600.000 союзниковъ было не больше 90.000 солдатъ, а битвы приходилось выдерживать иногда противъ вдесятеро сильнѣйшаго врага. Кромѣ того, Парижъ тогда не былъ защищенъ и не имѣлъ гарнизона. Теперь у него противъ 650.000 союзниковъ [2]) было подъ ружьемъ до 250.000 человѣкъ. Парижъ былъ прекрасно снабженъ всѣмъ необходимымъ, и тамъ былъ Даву, только что еще разъ прославившій себя защитой Гамбурга, съ національными гвардейцами. Но остановиться на этомъ планѣ, болѣе вѣрномъ, значило обречь востокъ Франціи всѣмъ ужасамъ новаго нашествія. Этого Наполеонъ хотѣлъ избѣгнуть по понятнымъ политическимъ причинамъ. Къ тому же, второй планъ болѣе соотвѣтствовалъ и его темпераменту и настроенію войскъ, которыя горѣли нетерпѣніемъ сразиться съ врагомъ и отплатить ему за прежнія пораженія. Поэтому императоръ окончательно рѣшилъ

---

[1]) 1815, II, 36—37.

[2]) Изъ нихъ 75.000 должны были дѣйствовать на югѣ, а около 150.000 человѣкъ — охранять коммуникаціонную линію.

предупредить союзниковъ и нанести самому первый ударъ. Во главѣ сѣверной арміи онъ рѣшилъ броситься въ Бельгію, разбить по частямъ Веллингтона и Блюхера, затѣмъ присоединить къ себѣ Раппа и тѣ резервы, которые будутъ готовы, и загородить дорогу Барклаю и Шварценбергу. Въ крайнемъ случаѣ, онъ могъ притянуть къ себѣ еще Лекурба.

Планъ былъ смѣлый, требовалъ необычайной быстроты, точности и исполнительности, т.-е. хорошихъ помощниковъ. Между тѣмъ именно хорошихъ помощниковъ и нехватало Наполеону. Даже больше: на высотѣ былъ только одинъ — Даву. Герой Аустерлица, Ауэрштедта, Ваграма, Бородина, Гамбурга на посту военнаго министра не обнаруживалъ никакого утомленія. Наоборотъ, онъ развивалъ какую-то нечеловѣческую энергію. Наполеонъ хотѣлъ сдѣлать его начальникомъ штаба вмѣсто Бертье, который былъ въ станѣ враговъ, но онъ побоялся отнять его у организаціи обороны. И онъ назначилъ начальникомъ штаба Сульта. Сультъ былъ въ рукахъ хорошаго главнокомандующаго превосходнымъ дивизіоннымъ и корпуснымъ командиромъ. Онъ это доказалъ въ Швейцаріи подъ начальствомъ Массены и въ кампаніяхъ 1805 и 1806 гг. Какъ командующій генералъ онъ уже былъ слабѣе. Его испанскіе подвиги прибавили не очень много яркихъ страницъ къ эпопеѣ французской славы. На посту начальника штаба онъ оказался еще хуже, и промахи, допущенные въ Ватерлооской операціи, въ значительной мѣрѣ падаютъ на отвѣтственность герцога Далматскаго. Другимъ пустымъ мѣстомъ, — къ сожалѣнію, не только пустымъ — былъ начальникъ резерва кавалеріи маршалъ Груши, жалкая пародія на Мюрата, генералъ, не обладавшій ни безумной отвагой, ни несокрушимой стремительностью короля Неаполитанскаго, тѣмъ élan, который свершалъ невозможное въ битвахъ. „Будь у меня Бертье начальникомъ штаба, будь у меня Мюратъ, чтобы вести атаки на англійскія карре, я не проигралъ бы битвы при Ватерлоо“, говорилъ Наполеонъ на св. Еленѣ. Онъ могъ прибавить еще многое къ этимъ грустнымъ словамъ. Ибо изъ прежнихъ сподвижниковъ при Ватерлоо былъ у него только одинъ Ней, которому онъ поручилъ командованіе первыми двумя корпусами. Но и Ней былъ лишь тѣнью героя, творившаго чудеса при Эльхингенѣ, при Фридландѣ, при Бородинѣ, во время русскаго отступленія. Прошли

тѣ времена, когда во главѣ каждаго корпуса „великой арміи“ стояли люди огромныхъ дарованій, полководцы перваго ранга, въ полномъ обладаніи всѣми своими способностями: Массена, Ланнъ, Даву, Мюратъ, Ней, Ожеро. Теперь изъ блестящей плеяды маршаловъ служили только Даву, Ней, Груши, Брюнъ, Сюше, Мортье и Журданъ. Мармонъ и Викторъ были у Людовика XVIII, Периньонъ и Ожеро совсѣмъ вычеркнуты изъ списковъ за измѣнническія выходки. Гувьонъ Сенъ-Сиръ и Келлерманъ не получили командованія, ибо все еще казались сомнительными. Удино, показавшій свою полную неспособность въ 1814 г., тоже не могъ быть возвращенъ подъ знамена. Макдональдъ и Монсе отказались служить сами. Массена былъ боленъ. Наконецъ Бертье находился въ Бамбергѣ и 1 іюня выбросился изъ окна, увидя проходившій по улицѣ русскій драгунскій отрядъ, направляющійся къ французской границѣ. Онъ разбился насмерть.

Что касается корпусныхъ командировъ, то среди нихъ были хорошіе солдаты: Жераръ, Мутонъ, Вандамъ, Рейль, а внѣ сѣверной арміи Раппъ, Клозель, но это были все-таки люди второго и третьяго калибра. А главное, у Наполеона не было кавалеристовъ, такихъ, какъ Мюратъ, Лассаль, Бессьеръ, Монбренъ, Нансути, Отпуль.

И самъ Наполеонъ уже былъ не тотъ, что при Аустерлицѣ и Ваграмѣ. Онъ хворалъ. Болѣзнь сдѣлала большіе успѣхи. Онъ сталъ сонливъ, нерѣшителенъ, терялъ цѣлые часы въ тяжеломъ раздумьѣ. У него уже не было вѣры въ свою звѣзду. „Я потерялъ,—говорилъ онъ потомъ,—увѣренность въ конечномъ торжествѣ. Я чувствовалъ, что фортуна покидаетъ меня. У меня не было уже успѣха, за которымъ не послѣдовала бы сейчасъ же неудача. И ни одинъ изъ этихъ ударовъ не былъ для меня неожиданностью. У меня было инстинктивное чувство несчастнаго исхода“.

Тѣмъ не менѣе, выработанный имъ планъ дѣйствій сѣверной арміи былъ превосходенъ. Предчувствуя, что въ ожиданіи удара Блюхеръ и Веллингтонъ будутъ стараться сблизиться, онъ безошибочно опредѣлилъ пунктъ, къ которому они будутъ смыкаться, и направилъ свой ударъ именно на него. Этимъ пунктомъ была дорога изъ Шарльруа въ Брюссель, и къ ней двинулъ Наполеонъ свои войска черезъ Филиппвиль и Бомонъ.

III.

12 іюня императоръ выѣхалъ къ арміи, 15-го перешелъ Самбру въ Шарльруа и 16-го, очутившись между Блюхеромъ и Веллингтономъ, ударилъ на обоихъ. Ней оттѣснилъ Веллингтона у Катръ-Бра, а главныя силы разбили Блюхера у Линьи. Тутъ и тамъ побѣда была одержана, но ни тутъ, ни тамъ она не была использована. У Нея нехватило силъ, чтобы раздавить Веллингтона окончательно, потому что онъ сначала безъ нужды приказалъ корпусу Друэ д'Эрлона двинуться на помощь Наполеону, а потомъ отозвалъ его, не давъ ему возможности поддержать главныя силы при Линьи. Веллингтонъ отступилъ къ сѣверо-западу по направленію къ Ватерлоо. Пруссаки потерпѣли въ битвѣ при Линьи около 20.000 чел., Блюхеръ былъ сбитъ съ коня и смятъ французскими кирасирами. Семидесятитрехлѣтній старикъ былъ почти безъ чувствъ, когда его подняли. Его начальникъ штаба Гнейзенау приказалъ отступать не къ Намюру и Люттиху, т.-е. на западъ, а на сѣверъ къ Вавру, чтобы не терять соприкосновенія съ англичанами. Оправившись, Блюхеръ на другой день снесся съ Веллингтономъ, и они сговорились помогать другъ другу. Наполеонъ между тѣмъ отрядилъ Груши, отдавъ подъ его начальство корпуса Жерара и Вандама, гусаръ Пажоля и драгуновъ Эксельмана, чтобы преслѣдовать и уничтожить пруссаковъ, а самъ 18 утромъ атаковалъ Веллингтона, укрѣпившагося на Сенъ-Жанскомъ плато подъ Ватерлоо, спиною къ Суаньскому лѣсу. Груши упустилъ главныя силы Блюхера. Дойдя до Вавра, онъ настигъ и разбилъ только 25.000 корпуса Тильмана. Онъ понялъ тогда, что его движеніе не достигло цѣли, тѣмъ болѣе, что уже слышалъ пальбу у Ватерлоо, но вмѣсто того, чтобы сейчасъ же повернуть къ Ватерлоо, онъ, какъ послѣдній фельдфебель, побоялся проявить иниціативу и рѣшилъ выполнить первоначальное приказаніе. Такъ онъ и остался стоять на мѣстѣ, ожидая новыхъ инструкцій. Между тѣмъ Сультъ не умѣлъ послать ему во-время приказа; та записка, которую Груши получилъ отъ Сульта, была нацарапана такъ, что вмѣсто bataille est engagée онъ прочелъ bataille est gagnée, а адъютантъ, привезшій ее, былъ мертвецки пьянъ и не могъ ничего разсказать. Въ результатѣ

35.000 человѣкъ подъ командою Груши, отъ которыхъ зависѣла участь сраженія и — кто знаетъ? — можетъ-быть, и Европы, въ отчаяніи отъ тупоумія и нерѣшительности своего начальника простояли на бивакахъ. Жераръ, Вандамъ, Эксельманъ чуть не со слезами убѣждали Груши двинуться на помощь императору. Все было напрасно. Груши былъ упрямъ. Онъ не пошелъ, и Наполеонъ былъ разбитъ.

У Наполеона и Веллингтона было почти одинаковое количество войска: французовъ 72.000 чел., англо-голландцевъ — около 70.000 чел. Наполеонъ, какъ и при Бородинѣ, чувствовалъ себя скверно и никакъ не могъ рѣшиться дать приказъ къ началу боя. Чтобы оправдать свою апатію и нерѣшительность, онъ все ссылался на то, что почва была черезчуръ вязка послѣ грозы, бывшей наканунѣ. Бой начался только въ 11 часовъ, т.-е. было потеряно добрыхъ шесть часовъ, — въ іюнѣ свѣтаетъ рано, — какъ разъ то время, которое было необходимо, чтобы разбить Веллингтона. Ибо первый прусскій корпусъ Бюлова появился на полѣ сраженія только въ 3 часа дня, когда англичане уже колебались. Десятичасовой атаки Веллингтонъ не могъ бы выдержать. Но и самъ Наполеонъ, и Сультъ были увѣрены, что Блюхеръ подойти не можетъ, и надѣялись, что въ случаѣ чего, его сдержитъ Груши.

Наполеонъ рѣшилъ обмануть Веллингтона, начавъ нападеніемъ на его правый флангъ. Онъ хотѣлъ заставить его стянуть туда больше войска, затѣмъ обрушиться на его центръ, пробить его и подвергнуть совершенному разгрому, ибо находившійся въ тылу у англичанъ лѣсъ дѣлалъ отступленіе въ порядкѣ почти невозможнымъ. Это была диспозиція Аустерлица, нѣсколько видоизмѣненная. Напрасно Сультъ и Рейль убѣждали Наполеона предпринять болѣе сложные маневры и не рисковать атакою англійскихъ позицій въ лобъ. Они оба много воевали въ Испаніи и знали хорошо стойкость англійскихъ солдатъ. Сульту Наполеонъ отвѣтилъ грубостью, а Рейля просто не сталъ слушать. Въ 11½ часовъ Рейль повелъ свой корпусъ противъ праваго фланга англичанъ, замка Угумонъ. Правый флангъ французовъ еще не двигался. Только пушки громили англійскую позицію, Э-Сентъ (Haie-Sainte). Въ 1 часъ дня Ней прислалъ сказать, что у него все готово къ атакѣ. Въ это время на высотахъ къ востоку отъ Ватерлоо, по дорогѣ изъ Вавра,

у опушки лѣса показалось темное пятно, которое быстро увеличивалось. Наполеонъ обратилъ на него вниманіе, послалъ развѣдочный отрядъ, который донесъ, что это прусскій корпусъ Бюлова. Императоръ не очень встревожился. Донесенія говорили объ одномъ корпусѣ; главныя силы пруссаковъ, по его мнѣнію, должны были быть заняты съ Груши. При этихъ условіяхъ создавшееся неравенство силъ не имѣло значенія въ его глазахъ. Онъ приказалъ Нею взять Э-Сентъ и атаковать Монъ-Сенъ-Жанъ. Противъ Бюлова былъ передвинутъ корпусъ графа Лобау и нѣкоторыя части кавалеріи. Они заслонили правый флангъ французовъ. Между тѣмъ Ней двинулъ пѣхоту д'Эрлона, которая горячо бросилась въ атаку, но не могла взять почти нетронутой артиллерійскимъ огнемъ фермы, въ которой засѣлъ непріятель. Ферму обошли такъ же, какъ на лѣвомъ флангѣ Рейль обошелъ не поддававшійся замокъ Угумонъ. Началась атака Монъ-Сенъ-Жана. Тутъ должна была рѣшиться судьба сраженія. Удержатся англичане до тѣхъ поръ, пока пруссаки подоспѣютъ къ нимъ на помощь, или они будутъ опрокинуты? Веллингтонъ уже начиналъ тревожиться, не слыша канонады на своемъ лѣвомъ флангѣ. Но онъ держался твердо. Онъ примѣнилъ здѣсь свою тактику, выработанную въ Испаніи и оказавшую ему немало услугъ. Главнымъ оружіемъ французовъ была ихъ стремительность и въ артиллерійской подготовкѣ, и въ атакѣ. Веллингтонъ приказывалъ своимъ войскамъ ложиться на землю подъ прикрытіемъ складокъ мѣстности, и они благодаря этому сравнительно мало страдали отъ артиллерійскаго огня. Когда же начиналась атака, пѣшая или конная, англичане, залегшіе на землѣ, довольно долго оставались скрыты отъ глазъ атакующихъ и встрѣчали ихъ залпами, когда они были совсѣмъ близко. Здѣсь эта тактика облегчалась еще тѣмъ, что все кругомъ было покрыто высоко поднявшимися хлѣбами, въ которыхъ англичане отлично прятались. Ней, вернувшій, наконецъ, свою прежнюю энергію, повелъ пѣхоту на Сенъ-Жанъ. Первыя попытки были отбиты, подъ самимъ маршаломъ убили трехъ лошадей, много было раненыхъ и убитыхъ высшихъ офицеровъ. Но Ней не прекращалъ атакъ и, вспомнивъ удачную попытку Коленкура подъ Бородинымъ, рѣшилъ поддержать пѣхоту кавалерійскимъ натискомъ. Онъ увлекаетъ за собою карабинеровъ и кирасиръ

Мильо и молодого Келлермана и взлетаетъ во главѣ ихъ на плато. Здѣсь его ждутъ красныя англійскія карре, разставленныя въ шахматномъ порядкѣ, а за ними артиллерія. Много карре прорвано и разсѣяно, но другія держатся, пушки изрыгаютъ картечь, и храбрецы не выдерживаютъ. Ней, подъ которымъ убили четвертую лошадь, тщетно хочетъ собрать ихъ и вести на новую атаку. Дѣло приближается къ 4 часамъ, и Веллингтонъ уже начинаетъ терять мужество. „Пусть придетъ ночь или пусть придутъ пруссаки“, нервно говоритъ онъ окружающимъ. А въ штабѣ шепчутся, что другой такой атаки выдержать нельзя.

Но въ это время Блюхеръ съ корпусомъ Бюлова выходитъ, наконецъ, изъ лѣсовъ и холмовъ и обрушивается на французовъ справа, явно обнаруживая намѣреніе зайти имъ въ тылъ, занять ихъ опорный пунктъ, Плансенуа, и окружить совсѣмъ. Мутонъ со своимъ корпусомъ и съ отданной въ его распоряженіе кавалеріей держится два часа, въ теченіе которыхъ Ней еще разъ пытается взять Сенъ-Жанскія высоты, и еще разъ безуспѣшно. Шесть часовъ. Ней проситъ подкрѣпленія. Мутонъ отступаетъ. Наполеонъ бросаетъ два батальона старой гвардіи на помощь Мутону, и общими силами французы отбиваютъ пруссаковъ. А на Монъ-Сенъ-Жанъ идетъ молодая гвардія. Этотъ натискъ едва не сталъ роковымъ для англичанъ. Веллингтонъ былъ притиснутъ вплотную къ Суаньскому лѣсу. Въ это время на лѣвомъ флангѣ англичанъ послышалась канонада. „Груши!“ пронеслось по всей французской линіи. То былъ второй прусскій корпусъ, Цитена. Когда это сдѣлалось ясно, передъ Наполеономъ встала альтернатива: или отступить сейчасъ же или итти на рискъ полнаго разгрома при нѣкоторой надеждѣ на побѣду. Отступить, быть-можетъ, было уже поздно: трудно было сконцентрировать войска. Кромѣ того, отступить значило открыть границу Веллингтону и Блюхеру, вернуться къ отвергнутому, оборонительному, плану кампаніи при болѣе трудныхъ условіяхъ. Отступить значило поднять всѣ оппозиціонные элементы во Франціи. Онъ рѣшилъ биться дальше, поставивъ на карту все.

Цитенъ, выслушавъ донесенія адъютантовъ, считая Веллингтона разбитымъ окончательно, двинулся было на помощь къ Блюхеру. Веллингтонъ послалъ къ нему нѣсколькихъ адъю-

тантовъ съ просьбою помочь ему. Къ нему прискакалъ съ той же просьбой прусскій генералъ Мюфлингъ, состоявшій въ штабѣ англійскаго главнокомандующаго. Вмѣстѣ они едва уговорили его поддержать оборону плато. Этимъ битва была рѣшена. У Наполеона остается шесть батальоновъ старой гвардіи. Онъ ставитъ одинъ около себя, а пять отдаетъ Нею, чтобы попытать счастье въ послѣдній разъ. „Храбрый изъ храбрыхъ“ верхомъ, рядомъ съ Фріаномъ, героемъ Ауэрштедта и Бородина, идетъ еще разъ туда, откуда несется смерть. Скоро подъ нимъ убиваютъ пятую лошадь. Онъ идетъ пѣшкомъ. Пять батальоновъ доходятъ до плато, опрокидываютъ нѣсколько отрядовъ, но ихъ останавливаетъ огонь въ упоръ англійской гвардіи, поднявшейся изъ хлѣбовъ. Потомъ ихъ осыпаютъ картечью съ фронта и съ боковъ. Они не выдерживаютъ. „La garde recule!“ въ отчаяніи восклицаютъ во французскомъ штабѣ. Это—нѣчто до тѣхъ поръ небывалое. Моральный результатъ неудачи послѣдней атаки сказался сейчасъ же именно потому, что неудачу потерпѣла гвардія. Французы дрогнули. Веллингтонъ приказалъ трубить атаку. Цитенъ вырвался впередъ во главѣ прусской кавалеріи. Еще нѣсколько минутъ, и по рядамъ французовъ пронесся зловѣщій крикъ: „Спасайся, кто можетъ!“

У подножія Сенъ-Жана старая гвардія собралась въ три карре, и медленно и мрачно продолжала отступать, отстрѣливаясь отъ непріятеля. Но остановить его уже было нельзя. Уже подходилъ прусскій корпусъ Пирша и остатки разбитаго корпуса Тильмана. Наполеона силою увлекли по дорогѣ въ Шарльруа.

Карре гвардіи таяли, отступая. Гвардія умирала, но не сдавалась. Вотъ упалъ, раненый въ голову, Камбронъ, послѣдній генералъ, остававшійся въ строю. Англійская и прусская кавалерія бросилась на послѣдніе остатки гвардіи, изъ глубины карре въ послѣдній разъ раздалась команда: Joue! Feu!.. Прозвучали послѣдніе выстрѣлы... и не стало четвертьвѣковой легенды.

У фермы Бель Альянсъ встрѣтились Блюхеръ и Веллингтонъ и было рѣшено, что преслѣдованіе будутъ производить не участвовавшіе въ битвѣ пруссаки. Преслѣдованіе продолжалось три дня и длилось до самаго Лана, т.-е. на пространствѣ въ 150 километровъ. Наполеонъ потерялъ больше 30.000 человѣкъ, союзники — около 20.000.

Груши спасъ свой отрядъ; онъ привелъ его къ Лану.

5. Второе отреченіе.

I.

Если бы Наполеонъ разгромилъ армію Блюхера и Веллингтона въ Бельгіи, онъ могъ бы еще, быть-можетъ, нѣкоторое время сопротивляться коалиціи. Побѣдить ее онъ не могъ. Слишкомъ велико было неравенство силъ. Теперь, когда его главная армія была разбита, когда отъ 125.000 у него осталось едва 50.000, годныхъ въ дѣло, считая войска Груши, дѣло императора погибло безповоротно.

Правда, Даву будто бы успѣлъ собрать въ Парижѣ 800.000 человѣкъ. Это извѣстіе воспроизводится большинствомъ французскихъ историковъ. Но въ немъ нѣтъ никакого внутренняго правдоподобія. Или эти сотни тысячъ совсѣмъ были лишены снаряженія, тогда они не представляли собою арміи, или они существовали только въ болѣе или менѣе отдаленныхъ предположеніяхъ. Ибо трудно себѣ представить, чтобы Наполеонъ, имѣя подъ командою у себя 800.000 солдатъ, позволилъ „кучкѣ говоруновъ и политикановъ", какъ онъ называлъ палату, распоряжаться въ Парижѣ, распоряжаться собою.

Оставивъ армію въ Ланѣ, Наполеонъ поспѣшилъ въ Парижъ, чтобы предупредить взрывъ оппозиціонныхъ чувствъ. Онъ прибылъ въ Тюльери въ ночь на 21 іюня. Онъ едва владѣлъ собою, и прямо упалъ на руки Коленкуру, поджидавшему его у подъѣзда. Съ трудомъ поднялся онъ по лѣстницѣ и повалился на первый диванъ. Окружавшимъ его людямъ онъ крикнулъ; „Армія дѣлала чудеса. Ее охватила паника, и все было потеряно. Ней дѣйствовалъ какъ безумный. Онъ подвелъ подъ убой всю мою кавалерію. Мнѣ нужно два часа отдыха, чтобы быть способнымъ думать о дѣлахъ. Я задыхаюсь. Ванну. Скорѣе ванну!"

Нѣсколько успокоившись, онъ бесѣдовалъ съ Жозефомъ и Люсьеномъ, которые поспѣшили во дворецъ, узнавъ о пріѣздѣ брата, а утромъ принялъ министровъ. Тѣ выразили сожалѣніе, что онъ покинулъ армію. Но императоръ оборвалъ эти косвенные упреки, рѣзко указавъ на то, что другого выхода не было. Онъ потребовалъ назначенія диктатуры и новаго набора сол-

дать. Министры долго молчали. Карно, организаторъ побѣды, помня, какія чудеса ему удалось сдѣлать въ 1793 г., готовъ былъ попытать счастье. Но другіе не раздѣляли этого оптимизма. Наконецъ Реньо-де-Санъ-Жанъ-д'Анжели рѣшился сказать, что палаты ждутъ его отреченія. Наполеонъ сталъ доказывать, что есть еще возможность защищать страну. Онъ взялъ карандашъ и сталъ набрасывать цифры. Онѣ не убѣдили министровъ.

Тутъ только начало обнаруживаться, какую большую ошибку совершилъ Наполеонъ, покинувъ армію. Правда, уѣзжая изъ Лана, онъ не зналъ еще, что Груши удалось привести туда свой корпусъ почти безъ потерь. Онъ не былъ даже увѣренъ, живъ ли Ней, котораго онъ видѣлъ въ послѣдній разъ въ самомъ пеклѣ, съ обломкомъ шпаги въ рукахъ, съ почернѣвшимъ отъ пороха лицомъ, тщетно старавшимся остановить панику. Коленкуръ, который зналъ очень хорошо опасность парижскихъ настроеній, прямо сказалъ императору, что армія была его единственнымъ прибѣжищемъ, единственной силой, единственнымъ безопаснымъ мѣстомъ. „Армія! — воскликнулъ Наполеонъ. — У меня нѣтъ больше арміи. Есть толпа бѣглецовъ, а не армія. Я, быть-можетъ, найду людей, но чѣмъ я ихъ вооружу? У меня нѣтъ ружей!“ Онъ ошибался. У него были корпуса Жерара и Вандама, кавалерія Пажоля и Эксельмана, и вокругъ этого ядра въ Ланѣ собирались бѣглецы. Остался бы онъ самъ въ Ланѣ, все пошло бы иначе.

Попавъ въ Парижъ безъ арміи, Наполеонъ отдался водовороту событій, съ которыми уже не въ силахъ былъ совладать. Парижская буржуазія, не очень воинственно настроенная и раньше, послѣ Ватерлоо опредѣленно хотѣла мира: дальнѣйшая война грозила ей разореніемъ, а пока Наполеонъ былъ императоромъ, мира быть не могло. Выходъ изъ такого труднаго положенія буржуазія видѣла одинъ: добровольное или вынужденное отреченіе Наполеона. Внѣ Парижа, особенно во главѣ арміи, Наполеонъ не испытывалъ бы во всей тяжести давленія буржуазныхъ настроеній. Тѣмъ болѣе, что внѣ Парижа, несомнѣнно, вліяли бы и крестьянскія настроенія, благопріятныя для него. Въ Парижѣ буржуазныя опасенія въ союзѣ съ дворянской ненавистью раздавили императора.

Лидеромъ измѣняющаго Наполеону парижскаго общества былъ Фуше, который хотѣлъ разъ навсегда связать свое имя съ

крупнымъ событіемъ, подобно тому, какъ это сдѣлалъ Талейранъ въ дни перваго отреченія. Онъ давно уже подготовлялъ на всякій случай соотвѣтствующее настроеніе въ палатѣ. Теперь, благодаря Ватерлоо, онъ сразу оказался во главѣ дисциплинированнаго большинства, враждебнаго Наполеону. Пока-что, онъ дѣйствовалъ въ полномъ согласіи съ Лафайетомъ. Этотъ нечаянный „герой" медовыхъ мѣсяцевъ революціи вынырнулъ опять на поверхность какъ разъ въ эти дни, чтобы присутствовать на похоронахъ послѣднихъ остатковъ революціи: съ какимъ-то особеннымъ сладострастіемъ исполнялъ онъ теперь роль могильщика. Талантами „красный маркизъ" не блисталъ никогда, а теперь ему было на двадцать шесть лѣтъ больше, чѣмъ въ 1789 г. Его тупоумная самоувѣренность сдѣлала изъ него легкую добычу для Фуше. Этотъ, по крайней мѣрѣ, былъ уменъ и зналъ, чего хотѣлъ. Надъ принципами онъ всегда смѣялся, кромѣ собственной персоны никого не любилъ, былъ ловокъ и обладалъ отличнѣйшей способностью ловить рыбу въ мутной водѣ. Онъ интриговалъ одновременно и въ Вѣнѣ, въ главной квартирѣ союзниковъ, и въ Гентѣ, при дворѣ Людовика XVIII, и въ лагерѣ Веллингтона, и въ совѣтѣ министровъ, и въ палатѣ. Пріѣхавъ въ Парижъ, Наполеонъ попалъ въ искусно разставленныя сѣти Фуше, и не было за нимъ арміи, чтобы разорвать эти сѣти. „Я долженъ былъ отрубить десятокъ головъ, и голову Фуше — первую", говорилъ онъ потомъ.

Пока въ Тюльери императоръ совѣщался съ министрами, палата успѣла собраться, и Лафайетъ уже нанесъ первый ударъ императору. Онъ сказалъ: „Если я впервые послѣ стольких лѣтъ поднимаю голосъ, который узнáютъ еще старые друзья свободы, это потому, что я чувствую себя призваннымъ говорить вамъ объ опасностяхъ отечества. Вы одни имѣете власть его спасти. Распространились зловѣщіе слухи. Они подтвердились къ несчастью. Насталъ моментъ сомкнуться вокругъ стараго трехцвѣтнаго знамени, — знамени свободы, равенства и общественнаго порядка. Его мы должны защищать противъ иностранныхъ поползновеній и внутреннихъ покушеній". Если бы Лафайетъ говорилъ передъ конвентомъ, его послали бы на гильотину за то, что онъ вмѣсто „братства" подставилъ „общественный порядокъ", старый девизъ всякихъ реакцій. Если бы онъ говорилъ передъ собраніемъ, просто уважающимъ

себя, оно не потерпѣло бы такого неприличнаго намека на „внутреннія покушенія“ со стороны императора. Но то было сборище людей напуганныхъ, желавшихъ мира во что бы то ни стало,— людей, которымъ мѣшалъ Наполеонъ. Оно аплодировало Лафайету и, согласно его предложенію, объявило свои засѣданія непрерывными, а всякую попытку роспуска — преступной. Это былъ маневръ конституціонной самообороны. При томъ настроеніи, въ которомъ находилась страна, онъ рѣшалъ судьбу императора. Палатѣ было прочитано посланіе Наполеона, гдѣ онъ доказывалъ возможность обороны страны. Депутатъ Лакастъ, взявъ слово, заявилъ: „Я вижу одного человѣка между миромъ и нами. Пусть онъ уйдетъ, и отечество будетъ спасено“. Люсьенъ попробовалъ заступиться за брата. Тогда опять выступилъ Лафайетъ. „Франція шла за нимъ, — сказалъ онъ, — въ пескахъ Египта и въ пустыняхъ Россіи, въ пятидесяти сраженіяхъ, въ успѣхѣ и въ несчастіи. И потому, что она шла за нимъ, мы оплакиваемъ теперь кровь трехъ милліоновъ французовъ. Этотъ человѣкъ хочетъ снова сражаться нашей кровью противъ Европы!“ Другіе говорили въ томъ же духѣ. Палата назначила комиссію, чтобы выработать мѣры, требуемыя общественнымъ благомъ.

Наполеонъ, которому тотчасъ же сообщили рѣшеніе палаты, колебался. Люсьенъ, помогавшій брату 18 брюмера, толкалъ его на насильственныя мѣры. Маре и Коленкуръ совѣтовали подчиниться требованію палаты. Явилась комиссія, выбранная палатою, чтобы просить его удалиться. Онъ велѣлъ сказать ей, чтобы она подождала. Но на другой день, 22 іюня, измученный, онъ подписалъ документъ, въ которомъ отрекался отъ престола и назначалъ императоромъ своего сына подъ именемъ Наполеона II. Палата въ жаркомъ засѣданіи отвергла требованія сторонниковъ Наполеона (Сегюръ, Маре, особ. Лабедуайеръ) провозгласить немедленно императоромъ Наполеона II, и сейчасъ же выбрала временное правительство, въ которое вошли Фуше (предсѣдатель), Карно, Кинетъ, Коленкуръ и ген. Гренье. Лафайетъ былъ устраненъ интригами Фуше, который уже боялся, что онъ будетъ мѣшать ему обдѣлывать свои личныя дѣлишки.

II.

Палата могла дѣйствовать тѣмъ смѣлѣе, что союзныя арміи приближались. Блюхеръ и Веллингтонъ перешли границу. Австро-русскій корпусъ блокировалъ Страсбургъ, гдѣ заперся Раппъ, и направился къ Парижу, не встрѣчая сопротивленія. Лекурбъ былъ осажденъ въ Бельфорѣ. Брюнъ капитулировалъ въ Варѣ. Даву все-таки высказывался за продолженіе войны. Наполеонъ въ послѣдній разъ обратился къ временному правительству. Онъ предлагалъ ему стать во главѣ арміи въ качествѣ простого дивизіоннаго генерала, предлагалъ ему шпагу Арколе и Риволи. Предложеніе было отвергнуто. Продолжать войну — значило все-таки продолжать дѣло Наполеона. Этого не хотѣли теперешніе вершители судебъ Франціи.

Императоръ удалился въ Мальмезонъ, свидѣтель столькихъ счастливыхъ дней, столькихъ праздниковъ и торжествъ. Теперь онъ былъ въ запустѣніи. Жозефина умерла незадолго передъ тѣмъ, и некому было поддерживать пышный дворецъ. Паркъ былъ заброшенъ. Рѣдкостныя деревья, привезенныя изъ-подъ тропиковъ, завяли и стояли сухія. Черные лебеди, плававшіе на пруду, куда-то исчезли. Клѣтки, въ которыхъ пѣли любимыя птицы Гортензіи, были пусты. Сама Гортензія съ трогательной преданностью пріѣхала къ Наполеону и старалась скрасить ему своими утѣшеніями послѣдніе дни во Франціи. Но Фуше и тутъ не давалъ ему покоя. Онъ настаивалъ на томъ, чтобы поверженный императоръ покинулъ предѣлы Франціи какъ можно скорѣе: приближался отрядъ Груши, и временное правительство боялось осложненій. Въ Мальмезонъ былъ командированъ ген. Бекеръ со спеціальной цѣлью торопить отъѣздъ. Не столько настоянія Бекера, столько опасность попасть въ руки прусскихъ разъѣздовъ, рыскавшихъ въ окрестностяхъ Мальмезона, заставили императора ускорить отъѣздъ. Съ Блюхеромъ шутить не приходилось. Старый генералъ грозилъ, если Наполеонъ попадется ему, разстрѣлять его немедленно. И онъ былъ способенъ сдержать свое слово.

30-го Наполеонъ выѣхалъ въ Рошфоръ, чтобы сѣсть на какое-нибудь судно и удалиться въ Америку. Онъ прибылъ туда

3-го іюля. Портъ оказался блокированнымъ англичанами. Гурго былъ посланъ въ Лондонъ за пропускомъ. До 15-го Наполеонъ прождалъ его напрасно. Ему предлагали сѣсть въ барку и рискнуть пробраться на датскій бригъ, обѣщавшій доставить его въ Америку. Жозефу это удалось. Онъ не рѣшился. Измученный травлей, онъ вдругъ почему-то проникся вѣрою въ благородство англичанъ и вздумалъ просить у нихъ гостепріимства. 16 іюля онъ прямо отправился на бортъ англійскаго фрегата „Беллерофонтъ", который доставилъ его въ Торбэ, на берегу Англіи. Письмо къ принцу-регенту, въ которомъ онъ отдавалъ себя подъ защиту законовъ Англіи, осталось безъ отвѣта. Державы-союзницы объявили его военноплѣннымъ и поручили Англіи сторожить его. 30 іюля лордъ Китъ привезъ ему рѣшеніе Англіи: водвореніе на св. Елену. То былъ конецъ всѣмъ надеждамъ. „Это хуже, чѣмъ тамерлановская клѣтка!" воскликнулъ императоръ.

Съ „Беллерофонта" Наполеонъ перешелъ на „Northumberland". У него отняли шпагу, точно боясь, что блескъ ея подниметъ вновь на ноги всѣхъ демоновъ революціи... Его послѣднимъ актомъ въ Европѣ былъ слѣдующій краснорѣчивый протестъ противъ Англіи: „Я торжественно протестую передъ лицомъ неба и передъ людьми противъ нарушенія самыхъ священныхъ моихъ правъ, противъ насильственнаго обращенія съ моей особою и съ моей свободою. Я по своей волѣ пришелъ на „Беллерофонтъ". Я не плѣнникъ. Я гость Англіи. Очутившись на борту „Беллерофонта", я былъ у очага британскаго народа. Если правительство, приказавъ командиру „Беллерофонта" принять меня и мою свиту, хотѣло только устроить мнѣ ловушку, оно преступило противъ чести, оно запятнало британскій флагъ. Если этотъ актъ [1]) свершится, англичане тщетно будутъ говорить о своей лойяльности, о своихъ законахъ, о своей свободѣ. Британская вѣрность найдетъ себѣ могилу въ гостепріимствѣ „Беллерофонта". Я апеллирую къ исторіи. Она скажетъ, что непріятель, который двадцать лѣтъ воевалъ съ англійскимъ народомъ, добровольно пришелъ въ часъ невзгоды искать убѣжища у его законовъ. Какое могъ онъ дать болѣе яркое доказательство своего уваженія? А чѣмъ отвѣтили въ Англіи на

---

[1]) Водвореніе на св. Елену.

такое довѣріе? Сдѣлали видъ, что протягиваютъ этому врагу гостепріимную руку, и, когда онъ довѣрчиво отдалъ себя,—его закололи".

На этотъ разъ „исторія" цѣликомъ на сторонѣ Наполеона.

Шатобріанъ, который ненавидѣлъ Наполеона, сказалъ: „Это нарушеніе международнаго права, это нарушеніе гостепріимства было возмутительно (était révoltante)". Гейне, который обожалъ Наполеона, восклицалъ много лѣтъ спустя: „Британія! Тебѣ принадлежатъ моря. Но нехватитъ воды въ этихъ моряхъ, чтобы смыть позоръ, который завѣщалъ тебѣ, умирая, великій человѣкъ... А вѣдь онъ былъ твоимъ гостемъ, онъ садился у очага твоего!.."

16 октября 1815 года корабль, который везъ Наполеона, присталъ къ св. Еленѣ.

Жизнь кончилась. Начиналось житіе.

Вѣнскій конгрессъ.

Вѣнскаго конгресса, какъ это ни покажется неожиданнымъ, собственно, не было. Едва ли можно установить съ достовѣрностью, какого числа происходили первыя совѣщанія. Въ сентябрѣ работы уже шли. Открытіе конгресса было назначено на 19-е октября — 1-е ноября. Но оно не состоялось. И такъ до самаго „Заключительнаго акта“ 9-го іюня 1815 года продолжались частныя совѣщанія, разговоры въ салонахъ, при случайныхъ встрѣчахъ монарховъ и дипломатовъ, интриги, перехватыванье секретовъ всѣми способами. Дневники Генца, воспоминанія Делагарда и графини Эдлингъ, донесенія тайныхъ австрійскихъ агентовъ начальнику секретной полиціи Гагеру, опубликованныя Вейлемъ [1]) и проф. Фурньеромъ [2]), сохранили намъ драгоцѣнныя бытовыя черты, показывающія, какъ приходилось помогать политикѣ интригой и добиваться крупныхъ дипломатическихъ результатовъ средствами, отнюдь не политическими.

I.

Когда молодой графъ Делагардъ, пріѣхавъ въ Вѣну въ октябрѣ 1814 года, явился съ визитомъ къ своему родственнику, старому принцу де-Линь, тотъ встрѣтилъ его словами:

„Вы прибыли во-время, чтобы увидѣть великія вещи. Вся Европа въ Вѣнѣ. Коверъ политики расцвѣченъ празднествами. Въ вашемъ возрастѣ любятъ встрѣчи, балы, удовольствія, и я вамъ ручаюсь, что вамъ не придется оставаться празднымъ. Конгрессъ не идетъ впередъ; онъ танцуетъ... Здѣсь впервые можно наблюдать странную вещь: развлеченія приводятъ къ миру“.

---

[1]) См. Revue de Paris, 1913.

[2]) Die Geheimpolizei auf d. Wiener Kongress, 1913.

Что путемъ развлеченій въ Вѣнѣ пришли къ прочному миру, и въ настоящее время, думаютъ многіе серьезные историки. „Среди разсѣяннаго времяпрепровожденія,—говоритъ профессоръ Фурньеръ,--работали такъ плодотворно, что Европа десятки лѣтъ могла жить въ мирѣ“.

Можно долго спорить о томъ, что обезпечило великимъ державамъ Европы долгій миръ — работы вѣнскаго конгресса или что-нибудь другое. Но что совершенно безспорно, это — то, что долгіе годы мира, благодаря вѣнскому конгрессу и его четыремъ продолженіямъ въ Аахенѣ, Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ, были временемъ самаго безпросвѣтнаго угнетенія. На вѣнскомъ конгрессѣ много говорили о разныхъ политическихъ принципахъ, о легитимизмѣ, политическомъ равновѣсіи, національномъ самоопредѣленіи. Много раздавалось тамъ и лицемѣрныхъ словъ о свободѣ. Результатомъ его была реакція почти повсюду. Гдѣ она оказалась недостаточно прочной, ее укрѣпляли потомъ съ большимъ усердіемъ. Одна Англія осталась въ сторонѣ отъ этой реставраціонной вакханаліи. Ей было важно сокрушить опасную мощь французской буржуазіи. Она этого достигла, и ей не требовалось больше ничего. Ея правительство дѣйствовало въ нитересахъ могущественной уже буржуазіи. Въ государствахъ континентальной Европы правительства отражали интересы отживающей феодально-аристократической группы. Поэтому имъ нужно было бороться съ политическими тенденціями буржуазіи. Противъ буржуазнаго либерализма былъ поднятъ щитъ феодальной реакціи. И осѣненъ знаменемъ Священнаго Союза.

Державы-побѣдительницы, вѣрнѣе дипломаты и политики державъ-побѣдительницъ, принесли на конгрессъ старое пониманіе государственности, тотъ самый raison d'Etat XVIII вѣка, который лежалъ въ основѣ всѣхъ экспериментовъ просвѣщеннаго абсолютизма. Они не хотѣли считаться съ тѣми идеями, которыя вошли въ общественный обиходъ европейской буржуазіи, благодаря революціи и ея продолженію, вооруженной пропагандѣ Наполеона. Они игнорировали одно изъ главныхъ пріобрѣтеній революціоннаго періода, принципъ самоцѣнности національнаго начала. То, съ чѣмъ пришли на конгрессъ Александръ и Меттернихъ, съ чѣмъ слѣпо соглашался Фридрихъ-Вильгельмъ, что принимали очень охотно — ибо это было выгодно — англичане, было просто безыдейное, анархическое самоуправство,

апоѳеозъ права сильнаго. Нужно было предупредить на будущее время всякую возможность для Франціи повторить эпопею имперіи. Этого только и добивались. Нѣкоторую идейность попытался внести въ это убогое политическое „творчество“ Талейранъ придуманнымъ имъ принципомъ легитимизма. Для него самого легитимизмъ былъ орудіемъ династической бурбонской дипломатіи: онъ долженъ былъ укрѣпить Бурбоновъ на французскомъ тронѣ и возстановить ихъ на неаполитанскомъ. То были двѣ прямыхъ задачи. Двѣ косвенныя, которыя могли осуществиться при помощи того же принципа легитимизма, были: провалъ мечты Александра о возстановленіи Польши и спасеніе Саксоніи отъ угрожавшихъ ей прусскихъ покушеній.

Принципъ легитимизма былъ явно сочиненъ; въ немъ не было никакой внутренней убѣдительности. Но онъ восторжествовалъ въ концѣ-концовъ. Это была заслуга Талейрана. И, дѣйствительно, на конгрессѣ не было человѣка, способнаго тягаться съ этимъ геніальнымъ проходимцемъ. Его безподобно рисуетъ Трейчке. „Непоколебимая увѣренность въ выступленіяхъ издавна была еще побѣдоноснѣе на полированномъ паркетѣ салоновъ, чѣмъ привѣтливость и любезность. Если Меттернихъ и Гарденбергъ достигали большихъ успѣховъ въ высшемъ обществѣ очарованіемъ подкупающихъ формъ, то циничное безстыдство Талейрана дѣйствовало еще неотразимѣе. Какое огромное должно было быть впечатлѣніе, когда его безобразная фигура, въ старомодномъ костюмѣ временъ директоріи, тяжело ступая кривыми ногами, появлялась въ блестящемъ придворномъ кругу. Надъ высокимъ галстукомъ огромный ротъ съ черными зубами, маленькіе, глубоко сидящіе сѣрые глаза безъ всякаго выраженія, лицо, поражающее своей незначительностью, холодное и спокойное, неспособное покраснѣть или выдать внутреннее волненіе... Настоящій Мефистофель. Дамы восхищенно слушали, когда онъ съ усмѣшкой фавна бросалъ имъ какую-нибудь двусмысленность или злую остроту. На вопросы дипломатовъ онъ давалъ съ неисчерпаемой холодной флегмой снисходительные отвѣты. Нечистоплотныя привычки, которыя у всякаго другого прослыли бы плебейскими, у него считались оригинальными. Родовитый представитель старинной фамиліи князей Перигоръ, оракулъ всѣхъ законодателей моды, глубокій знатокъ придворной жизни,— онъ самъ себѣ создавалъ законы хорошаго тона“.

Ему нужно было импонировать всѣмъ, чтобы добиться цѣли, и онъ достигъ этого. Самымъ важнымъ было для него разрушить солидарность четырехъ державъ-побѣдительницъ: Россіи, Англіи, Австріи и Пруссіи. И онъ разрушилъ ее, пользуясь косвенными выводами изъ принципа легитимизма: польскимъ и саксонскимъ вопросами. Онъ безошибочно предугадалъ, что солидарность „четырехъ" не выдержитъ этого двойного искуса. Такъ и случилось. Англіи и Австріи понадобилась поддержка Франціи противъ Пруссіи и Россіи. Вмѣсто четырехъ вершительницъ судебъ Европы теперь явилось пять. Старый циникъ съ каменнымъ лицомъ и скуднымъ словомъ своего добился. Франція была уравнена въ правахъ съ державами-побѣдительницами.

Система дѣятельности конгресса и темпъ его работъ отъ этого не измѣнились. Фридрихъ-Вильгельмъ, отправляясь на конгрессъ, разсчитывалъ пробыть въ Вѣнѣ три недѣли. Онъ просидѣлъ цѣлыхъ девять мѣсяцевъ. И это не потому, что было много работы. Просто люди не торопились. Сказывалось огромное напряженіе, которое пришлось имъ пережить въ предшествовавшіе полтора-два года борьбы съ „чудовищемъ". Нервы требовали отдыха. Работа шла, конечно. Но уже всѣ старались, чтобы одной работой пребываніе въ Вѣнѣ не ограничивалось, всѣ заботились, чтобы промежутки не пропадали даромъ. И случилось какъ-то само собою, что политическая дѣятельность конгресса отступила далеко на заднiй планъ передъ его внѣполитическимъ времяпрепровожденіемъ. Газета „Österreichischer Beobachter" за девять мѣсяцевъ лишь однажды помѣстила статью о трудахъ конгресса, и никому это не казалось неестественнымъ. Зато о развлеченіяхъ конгресса помѣщала много.

II.

Вопросъ особый, какіе „плодотворные" результаты давало веселое времяпрепровожденіе на конгрессѣ. Зато веселье само по себѣ, независимо отъ результатовъ, дѣйствительно, могло казаться главнымъ занятіемъ участниковъ конгресса. Балы, маскарады, званые обѣды, спектакли, прогулки въ экипажахъ и верхами, взаимныя посѣщенія безъ конца — вотъ что наполняло время монарховъ, ихъ посланниковъ и министровъ въ то

время, какъ добросовѣстные чиновники, въ родѣ Анстетта при Александрѣ, или Гуделиста при Меттернихѣ, напрягали все свое остроуміе, проводя ночи надъ докладами и мемуарами. Неутомимый, искусный на всякую работу, жадный на всякія деньги, Фридрихъ Генцъ, секретарь конгресса, умѣлъ всѣ дѣла приводить въ такой элегантный видъ, дѣлать ихъ такъ удобопонятными, что монархамъ не приходилось очень изнурять себя. Они быстро сбывали съ рукъ всякіе доклады и торопились навстрѣчу новому веселью.

Чаще всего всю великосвѣтскую компанію можно было встрѣтить въ маскарадѣ на „Редутахъ“. Когда графъ Делагардъ съ принцемъ де-Линь пришли туда и затерялись въ толпѣ домино, пастушекъ, венеціанцевъ, принцъ сталъ называть самыхъ знаменитыхъ: какъ Елена Пріаму на троянскихъ стѣнахъ.

„Обратите вниманіе на эту красивую, элегантную, воинственную фигуру. Это — императоръ Александръ. Онъ идетъ подъ руку съ принцемъ Евгеніемъ Богарне... Знаете, кто вонъ тотъ высокій господинъ съ благородной осанкой, котораго обнимаетъ своими полными руками эта изящная неаполитанка? Король прусскій. Его лицо, правда, не сдѣлалось отъ этого болѣе оживленнымъ. А ласкающаяся къ нему маска, можетъ-быть, императрица, а можетъ-быть гризетка. Вонъ въ венеціанскомъ костюмѣ нашъ императоръ, — живой образъ отеческаго деспотизма и образецъ самаго милаго гостепріимства. Тамъ стоитъ съ открытымъ лицомъ, на которомъ такъ и отражается доброта сердца, король баварскій Максимиліанъ, а этотъ маленькій, блѣдный человѣчекъ съ огромнымъ орлинымъ носомъ и свѣтлыми бѣлокурыми волосами — король датскій. Его зовутъ шутомъ бригады государей. Вонъ та фигура, колоссальные размѣры которой не можетъ ни скрыть, ни умалить черное домино, — король Вюртембергскій, а рядомъ — сынъ его, кронпринцъ. Эти два молодыхъ человѣка — кронпринцъ баварскій и его братъ, принцъ Карлъ. Голова послѣдняго можетъ поспорить съ головой Антиноя“.

Когда прекращалось веселье въ общественныхъ мѣстахъ, оно сейчасъ же начиналось въ частныхъ домахъ. Первыми открыли свои салоны княгиня Багратіонъ и герцогиня Саганъ. За ними — представители австрійской аристократіи: князья Лихтенштейны, графы Зичи, Эстергази и др. Съ ними соперничали вѣнскіе

банкиры: Арнштейнъ, Эскелешъ, Геймюллеръ, для которыхъ конгрессъ былъ неистощимымъ полемъ наживы. Изъ русскихъ салоновъ блисталъ салонъ князя Разумовскаго, посла въ Вѣнѣ. Тамъ много ворчали по поводу того, что Александръ даетъ управлять собою нерусскимъ людямъ, что цѣлыми часами работаетъ со Штейномъ, Каподистріей, Чарторыжскимъ. Салонъ Разумовскаго, однако, скоро закрылся поневолѣ. Его домъ сгорѣлъ въ разгаръ пышнаго бала. Польская аристократія, очень заинтересованная въ исходѣ конгресса, имѣла многочисленныхъ представителей въ Вѣнѣ, державшихъ открытые дома. Тутъ были княгиня Любомірская, тетка Адама Чарторыжскаго, Сапѣги, Ланскоронскіе, графъ Скарбекъ.

Гостепріимство, оказываемое въ такомъ широкомъ масштабѣ, стоило вѣнскому двору недешево. На одинъ придворный столъ ежедневно уходило 50,000 гульденовъ, а всего на конгрессъ было израсходовано изъ австрійской государственной казны 16 милліоновъ гульденовъ. Не только нехватало денегъ на многое нужное, не только солдаты-инвалиды принуждены были просить милостыню на улицахъ. Оказалось необходимо и другое. Пришлось на цѣлыхъ 50% повысить промысловой налогъ. Нести расходы за всѣхъ „монарховъ на каникулахъ“ оказывалось для вѣнцевъ непосильнымъ. Естественно, вѣнская публика, хотя и падкая до веселья, въ концѣ-концовъ стала роптать. Когда въ январѣ 1815 года дворъ устроилъ пышную поѣздку на саняхъ для высокопоставленныхъ особъ, вѣнцы кричали имъ вслѣдъ: „На наши пятьдесятъ процентовъ катаетесь!“.

Горе вѣнцевъ смущало и хозяевъ и гостей меньше всего. Веселье продолжалось, и въ салонѣ старой графини Пергенъ, гдѣ собирались почти исключительно высокопоставленныя старухи, аккуратно сплетничали каждый вечеръ. Каковы были темы этихъ сплетенъ? Мы знаемъ теперь это доподлинно изъ разныхъ полицейскихъ донесеній и нескромныхъ воспоминаній мемуаристовъ. Сегодня судачатъ о томъ, что король прусскій въ первый разъ появился въ гусарской формѣ, что очень огорчило Александра: у него не было хорошаго гусарскаго мундира, и онъ послалъ за нимъ курьера въ Петербургъ. Завтра будутъ говорить о томъ, что кронпринцъ вюртембергскій совсѣмъ не любитъ свою невѣсту, Великую Княгиню Екатерину Павловну. Потомъ пойдутъ другіе сюжеты: что судъ гастрономовъ на обѣдѣ

у Талейрана провозгласилъ сыръ бри королемъ всѣхъ сыровъ: что король прусскій такъ влюбленъ въ прекрасную Юлію Зичи, что на послѣднемъ балу совсѣмъ не отходилъ отъ нея; что король датскій открыто взялъ подъ свое высочайшее покровительство даму не очень строгихъ нравовъ, которую зовутъ Каролиной; что старая нѣжность императрицы Елизаветы Алексѣевны къ князю Адаму Чарторыжскому вспыхнула съ новой силой; что Александръ и князь Гарденбергъ, оба тугіе на-ухо, вынужденные говорить о секретныхъ дѣлахъ у княгини Багратіонъ, чтобы не кричать при людяхъ, удалились вчера въ спальню княгини; что Гуделистъ, правая рука Меттерниха, опять ожидалъ его два съ половиной часа, пока канцлеръ не вернулся отъ герцогини Саганъ; что Генцъ снова принялъ деньги и отъ русскихъ, и отъ англичанъ, и неизвѣстно еще отъ кого... Высокопоставленныя старухи, собиравшіяся у графини Пергенъ, обнаруживали большую освѣдомленность.

III.

Въ первый періодъ конгресса самыми острыми вопросами были польскій и саксонскій. Александръ рѣшилъ изъ территоріи герцогства Варшавскаго образовать Царство Польское, соединенное съ Россіей реальной уніей, а Пруссію вознаградить за потерю польскихъ земель Саксоніей. Этому противился Меттернихъ, котораго поддерживали Англія и Франція. Александръ давно не любилъ Меттерниха: съ тѣхъ поръ, какъ канцлеръ въ нарушеніе честнаго слова, даннаго царемъ Швейцаріи, разрѣшилъ австрійскому отряду пройти черезъ швейцарскую территорію. Теперь, когда Меттернихъ сталъ еще противорѣчить польскимъ планамъ царя, онъ возненавидѣлъ его окончательно. Ему нужно было сломить сопротивленіе Меттерниха. Для этого, какъ онъ думалъ, было проще всего добиться его отставки. И онъ не только всячески старался объ этомъ непосредственно при встрѣчахъ съ императоромъ, но искалъ и всякихъ косвенныхъ способовъ.

Среди свѣтскихъ красавицъ, которыя, какъ бабочки на огонь, слетѣлись на свѣтъ праздничной иллюминаціи конгресса, блистала княгиня Екатерина Павловна Багратіонъ, вдова героя

Шенграбена и Бородина. Она давно жила вдали отъ мужа за границей и имѣла репутацію весьма громкую. Долгое время она была въ связи съ Меттернихомъ. Александру нужно было узнать старые секреты австрійскаго канцлера, и, едва прибывъ въ Вѣну, онъ поѣхалъ къ княгинѣ и скоро сдѣлался ея интимнымъ другомъ. Полицейскія донесенія безпрестанно отмѣчаютъ его позднія визиты къ ней и силятся угадать причины, привлекающія Александра къ княгинѣ помимо ея красоты. „Если даже,— читаемъ мы въ одномъ донесеніи, составленномъ, очевидно, лицомъ изъ большого свѣта,— если даже княгиня показала царю всю свою переписку съ Меттернихомъ, меня утѣшаетъ и т. д.“

Императору, однако, было мало овладѣть секретами княгини Багратіонъ. Меттернихъ былъ очень увлеченъ другой красавицей, герцогиней Саганъ. Слава этой дамы была не меньше, чѣмъ слава прекрасной Багратіонъ. Вильгельмина Саганъ была старшей изъ четырехъ принцессъ Курляндскихъ, наполнявшихъ своими именами свѣтскую и скандальную хронику первыхъ десятилѣтій XIX вѣка [1]). Въ Вѣнѣ она сразу сдѣлалась центромъ общаго вниманія, сблизилась съ австрійскимъ канцлеромъ и поэтому заинтересовала Александра. Когда герцогиня обратилась однажды къ Александру съ какой-то просьбой насчетъ своихъ русскихъ имѣній, Александръ велѣлъ ей передать, что онъ сдѣлаетъ для нея все, если она порветъ съ Меттернихомъ. Герцогиня должна была согласиться. Меттернихъ долго не могъ притти въ себя отъ ярости. Генцъ записывалъ въ своихъ дневникахъ, что бесѣдовалъ съ Меттернихомъ о герцогинѣ чуть не ежедневно въ теченіе двухъ-трехъ недѣль: такъ долго не могъ успокоиться влюбленный канцлеръ. Зато Александръ торжествовалъ. Онъ сталъ часто ѣздить къ герцогинѣ и, вѣроятно, она тоже „показала ему письма Меттерниха“.

Когда графъ Гохбергъ, наслѣдный принцъ баденскій, узналъ объ этихъ исторіяхъ, онъ сказалъ: „Наконецъ, Меттернихъ наберется мужества и, изъ ненависти къ Александру, будетъ противодѣйствовать его пагубнымъ проектамъ“. Что касается до обѣихъ красавицъ, то позднѣе обѣ онѣ, повидимому, получали

---

[1]) Младшей была герцогиня Дино, жена графа Перигора, племянника Талейрана. На Вѣнскомъ конгрессѣ она жила на квартирѣ своего знаменитаго родственника и слыла его любовницей.

пенсію отъ русской миссіи и доставляли ей свѣдѣнія, добытыя у поклонниковъ. Поклонники мѣнялись у нихъ очень часто, что, должно быть, тоже входило въ виды русскаго правительства. У княгини Багратіонъ — принцъ Карлъ Баварскій, принцъ Евгеній Богарне, кронпринцъ Вюртембергскій, женихъ великой княгини Екатерины Павловны; княгиня отплачивала своей старой соперницѣ: извѣстно, что Екатерина Павловна была близка съ генераломъ Багратіономъ. Герцогиня Саганъ занималась спеціально англичанами. Ея другомъ былъ сначала секретарь посольства Ламбъ, потомъ посолъ Чарльзъ Стюартъ, братъ Кэстльри. Были подозрѣнія даже насчетъ Веллингтона.

Взаимная ненависть между Александромъ и Меттернихомъ держалась долго. Она доходила иногда до очень рѣзкихъ столкновеній. Александръ однажды передалъ прусскому королю заявленіе, якобы сдѣланное ему Меттернихомъ, что онъ готовъ уступить въ польскомъ вопросѣ, если Россія перестанетъ настаивать на передачѣ Пруссіи Саксоніи. Меттернихъ, узнавъ объ этомъ, написалъ Гарденбергу, что онъ готовъ въ присутствіи Александра назвать его сообщеніе неправдой. А Александръ такъ былъ обиженъ этимъ протестомъ, что, если вѣрить Меттерниху, послалъ ему вызовъ на дуэль.

Какъ извѣстно, несмотря на всѣ усилія, коренное разногласіе по польскому и саксонскому вопросу между Россіей и Пруссіей съ одной стороны, Австріей, Франціей и Англіей — съ другой, не могло быть улажено. Талейрану, который утверждалъ, что принципъ легитимизма нарушается передачей Саксоніи Пруссіи, удалось заключить между Австріей, Франціей и Англіей тайный союзъ. И этотъ союзъ обнаруживалъ готовность оружіемъ защищать свою точку зрѣнія.

Неизвѣстно, чѣмъ кончилось бы это напряженное положеніе, если бы Наполеонъ не вздумалъ какъ разъ въ этотъ моментъ покинуть Эльбу.

IV.

Когда вѣсть объ этомъ пришла въ Вѣну, всѣ эти веселые монархи, министры, дамы легкаго поведенія и герцогини, съ ними конкурирующія, словно притаились и притихли. Надъ всѣми нависло что-то неизмѣримо болѣе серьезное, чѣмъ всѣ удо-

вольствія, споры, разногласія. Меттернихъ сейчасъ же сдѣлалъ визитъ Александру, котораго онъ демонстративно бойкотировалъ. Талейранъ, который былъ бродиломъ конгресса, стушевался, измышляя, чѣмъ замѣнить рухнувшую теперь идею легитимизма. Но онъ оставался спокоенъ и успокаивалъ свою встревоженную племянницу, графиню Перигоръ, опасавшуюся, что изъ-за Наполеона можетъ не состояться любительскій спектакль у княгини Меттернихъ. Веллингтонъ уѣхалъ къ арміи. Во всѣ концы поскакали флигель-адъютанты съ приказами. И только послѣ Ватерлоо вновь принялись за работу и наспѣхъ составили „Заключительный актъ". Легитимизмъ воскресъ снова и сильно окрасилъ собою постановленія конгресса.

Но темпъ работъ теперь сталъ иной. Начали торопиться. Было лѣто, стояла жара. Красавицы разъѣхались по курортамъ. Всѣмъ хотѣлось поскорѣе двинуться слѣдомъ за ними.

При такихъ условіяхъ компромиссы достигались быстро. Меттернихъ предалъ Мюрата въ угоду Бурбонамъ. Александръ разбилъ свою мечту о возстановленіи исторической Польши, соединенной съ Россіей реальной уніей. Фридрихъ-Вильгельмъ отказался отъ столь же дорогой мечты: инкорпорированія всей Саксоніи. Восточнаго вопроса не поставили совсѣмъ, несмотря на желаніе Александра. Львиную долю выгодъ получили Англія и Австрія. Меньше всего — Россія, собственноручно посадившая у своей западной границы двухъ страшныхъ въ будущемъ противниковъ. Совершенно обездоленной оказалась Италія. Она вновь потеряла Ломбардію и Венецію и была превращена въ „географическое понятіе". Ее разбили на куски, изъ которыхъ только одинъ—Сардинія-Пьемонтъ—получилъ итальянскаго государя. Остальные были отданы подъ власть чужеземцевъ и папы, который былъ хуже чужеземцевъ. Католическую по вѣрѣ, французскую по языку Бельгію соединили съ Голландіей, чтобы создать лишній барьеръ между Франціей и Европой. Чѣмъ-то въ родѣ „географическаго понятія" оказалась и Германія, получившая конституцію „Союза", чреватую репрессіями и „карлсбадскими" скорпіонами, но очень далекую отъ желаннаго нѣмцами единства. Лучшій подарокъ достался отъ конгресса Швейцаріи: вѣчный нейтралитетъ и три прекрасныхъ новыхъ кантона въ придачу.

Уже тогда, когда подписаніемъ Заключительнаго акта закан-

чивались работы конгресса, его участники чувствовали, что дѣло, ими сдѣланное или ими оформленное, непрочно. Меттернихъ еще въ 1817 году говорилъ, что конгрессъ создалъ „увѣренность во владѣніи“. Но „увѣренности“ дипломатовъ и государей было мало. Кругомъ скоро стали скопляться тревожные признаки, шедшіе изъ гущи народной жизни. Въ ближайшіе годы зданіе реакціи и реставраціи, возведенное въ Вѣнѣ, пришлось снабжать четырьмя подпорами, сооруженными въ Аахенѣ, Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ.

И все-таки оно стало разсыпаться очень скоро. Уже въ греческомъ возстаніи принципъ національностей, попранный столь легкомысленно на конгрессѣ, заявилъ о себѣ, и практическая Англія порвала съ однимъ изъ основныхъ завѣтовъ конгресса: съ легитимизмомъ. Это было начало конца. Съ 1830 года, когда Бельгія сбросила съ себя иго Голландіи, крушеніе „вѣнскихъ“ постановленій пошло еще быстрѣе.

Въ теченіе ста лѣтъ, протекшихъ послѣ Вѣнскаго конгресса, пересмотръ его постановленій совершался по частямъ. Судьбѣ было угодно, чтобы ровно черезъ сто лѣтъ они были подвергнуты генеральному пересмотру.

Меттернихъ.

Je suis l'homme de ce qui était.
Metternich.

I.

Въ эпохи крупныхъ международныхъ потрясеній слѣдомъ за великими полководцами всегда появляются замѣчательные дипломаты. Ибо звонъ мечей и громъ орудій имѣютъ свой неизбѣжный эпилогъ за зеленымъ столомъ: когда пустѣютъ поля сраженій, наполняются гостиныя; когда уцѣлѣвшіе храбрецы уходятъ лѣчить раны, выступаютъ искусники другого сорта, оружіе которыхъ—политическая интрига.

Ни одинъ европейскій катаклизмъ не создалъ столько даровитыхъ дипломатовъ, сколько породила французская революція. Талейранъ, Кэстльри, Каннингъ, Меттернихъ, Гарденбергъ, Александръ I,— каждый изъ нихъ былъ типиченъ въ своемъ родѣ. И въ исторіи дипломатіи у каждаго изъ нихъ свое мѣсто. Но въ то время, какъ, напр., Талейранъ, быть-можетъ, самый геніальный изъ этой плеяды, интересенъ только какъ дипломатъ, интересъ такихъ людей, какъ Александръ и Меттернихъ, гораздо шире. Гарденбергъ и Каннингъ тоже были первыми министрами, но надъ первымъ стояла воля его короля, надъ вторымъ—воля парламента. Меттернихъ дѣйствовалъ такъ же самостоятельно, какъ Александръ, хотя очень любилъ говорить отъ имени своего императора.

Поэтому дипломатическая въ основѣ дѣятельность Меттерниха пріобрѣла такой широкій общеполитическій размахъ.

Почвой, подготовившей ее, было то слѣдствіе революціи, которое продолжало существовать и тогда, когда „исчадіе" и олицетвореніе революціи, Наполеонъ, былъ водворенъ на Св. Елену. Вѣдь революція, прежде всего соціальная во Франціи,

въ Европѣ стала главнымъ образомъ національной. А всякія національныя движенія имѣютъ ту особенность, что если имъ дать толчокъ, они продолжаются и тогда, когда причина устранена. Поэтому и послѣ Вѣнскаго конгресса въ Европѣ въ разныхъ странахъ оставалось еще много революціонныхъ элементовъ.

Александръ, который всегда судилъ о событіяхъ съ точки зрѣнія своихъ личныхъ симпатій и антипатій, склоненъ былъ думать, что съ устраненіемъ Наполеона кончились всѣ европейскія осложненія. А такъ какъ Людовикъ XVIII, котораго онъ же привезъ въ Парижъ на лафетахъ своей артиллеріи, не обнаружилъ по отношенію къ нему подобающей признательности и не выказывалъ тѣхъ знаковъ почитанія, которыхъ Александръ считалъ себя въ правѣ ожидать отъ него,— то русскій монархъ настроился относительно Франціи на либеральный ладъ. Послѣ возвращенія Наполеона онъ очень сдержанно относился къ идеѣ возстановленія Людовика XVIII и склонялся къ кандидатурѣ герцога Орлеанскаго. Онъ объяснялъ эту свою перемѣну тѣмъ, что Франція желаетъ династіи болѣе либеральной и что онъ не считаетъ себя въ правѣ итти противъ опредѣленно выраженной воли страны. Тутъ, кромѣ одного, чисто личнаго, ощущенія: недовольства противъ Бурбоновъ, сказывалось другое, тоже чисто личное чувство: успокоеніе отъ пережитыхъ страховъ. Онъ думалъ, что Россія сожгла въ пламени патріотическаго одушевленія все свое вольнодумство и считалъ себя съ этой стороны спокойнымъ. Аплодисменты европейскихъ либераловъ доставались ему, казалось, безъ всякаго риска и пріятно ласкали его больное самолюбіе. Въ результатѣ, въ сужденія о европейскихъ дѣлахъ приносился тотъ удобный и безопасный либерализмъ, который со стороны казался такъ трудно объяснимымъ практически, такимъ романтичнымъ.

Меттернихъ былъ другого мнѣнія. Австрія ближе стояла къ центру европейскихъ осложненій, и руководителю ея политики отнюдь не приходилось проявлять романтизма. Онъ абсолютно не понималъ ни послѣдовательной смѣны фазъ революціи, ни характера того возбужденія, которое таилось въ нѣмецкомъ, итальянскомъ, испанскомъ обществѣ. Но онъ инстинктомъ чуялъ, что подъ пепломъ тлѣетъ огонь какой-то крамолы, что этотъ

огонь очень опасенъ для царствующей въ Австріи династіи и для классовъ, на которые она опирается. Имъ руководила опредѣленная боязнь, рожденная инстинктивно-вѣрной оцѣнкой положенія. Эта боязнь опредѣляла его ошибки. Еще въ 1814 г., при первой встрѣчѣ съ Меттернихомъ въ главной квартирѣ союзниковъ, Кэстльри далъ ему такую характеристику: „Австрія и на войнѣ и въ правительственныхъ дѣлахъ — держава трусливая. Ея министръ по необходимости долженъ приноравливаться къ обстоятельствамъ. На него взваливается больше ошибокъ, чѣмъ онъ дѣлалъ бы отъ себя. Но и у самого у него ихъ достаточно, хотя онъ обладаетъ зато болѣе значительными способностями для подталкиванія машины впередъ, чѣмъ кто-либо другой въ главной квартирѣ" (письмо къ Ливерпулю, 26 февр. 1814). Эта необыкновенно хорошо подмѣченная особенность Австріи, какъ державы, давящая на всю дѣятельность Меттерниха, была главнымъ факторомъ европейской политики эпохи конгрессовъ. Австрія боялась революціи, и Меттернихъ велъ съ ней борьбу. Какъ онъ велъ эту борьбу?

Дипломатія и дипломатическое искусство бываютъ разныя. Лучшая дипломатія та, которая исходитъ въ своихъ выкладкахъ и въ своихъ дѣйствіяхъ изъ оцѣнки внутренняго политическаго состоянія каждаго государства, ищетъ въ нихъ равнодѣйствующую національныхъ силъ, опредѣляетъ ея направленіе, разсчитываетъ потомъ, какъ національныя равнодѣйствующія будутъ сталкиваться на международной аренѣ, и по этимъ даннымъ составляетъ свою линію поведенія. Такъ дѣйствовали англичане: Каннингъ, за нимъ Пальмерстонъ; отчасти Гарденбергъ. Мастеромъ этой, если можно такъ выразиться, научной дипломатіи былъ Бисмаркъ. Если бы у Наполеона была хорошая политическая подготовка, онъ не имѣлъ бы соперниковъ въ этой области. Меттернихъ абсолютно не понималъ такой дипломатіи. У него недоставало для этого теоретическихъ идей, твердыхъ принциповъ и умѣнія разгадывать національныя настроенія. Его дипломатія была другая. Она у него неразрывно связывалась съ единичными людьми. Въ мысляхъ отдѣльныхъ людей онъ умѣлъ читать, ихъ настроенія онъ умѣлъ разгадывать. И, что самое существенное, онъ умѣлъ находить тѣхъ людей или того человѣка, на которыхъ нужно было дѣйство-

вать, чтобы добиться своихъ цѣлей въ каждое данное время, во всѣ моменты крупныхъ осложненій.

Онъ наблюдалъ революцію во Франціи, грандіознѣйшее событіе цѣлаго періода. Онъ не понималъ ея. Въ ней онъ видѣлъ одно разрушеніе, одну анархію и не разглядѣлъ напряженнѣйшаго соціальнаго и политическаго творчества. И, разумѣется, сдѣлался ея врагомъ. Когда революція перешагнула черезъ Рейнъ, и чуткіе люди среди нѣмецкихъ политиковъ: Форстеръ, Вильгельмъ Гумбольдтъ, Гарденбергъ, Гнейзенау, Шарнгорстъ, поняли ея творческую роль; когда Штейнъ, обращенный фактами, положилъ революціонный методъ въ основу своихъ реформъ, чтобы оплодотворить вызванный революціей національный подъемъ,—Меттернихъ продолжалъ смотрѣть на нее, какъ на длительную анархію и не воспользовался ни однимъ зерномъ ея. У него была своя вѣра: во всемогущество и незыблемость бюрократическаго абсолютизма. Онъ никогда не пришелъ къ пониманію того, что конституціонный принципъ представляетъ политическую цѣнность. Притворно или серьезно онъ увѣрялъ, что не существуетъ различія между англійской конституціей и французской 1793 года. Политику французскихъ доктринеровъ онъ считалъ опаснѣе радикализма, про Карла X, только что вступившаго на престолъ, говорилъ, что онъ... „склоняется влѣво“. И, наконецъ, однажды объявилъ, что „Франція и Англія могутъ быть разсматриваемы, какъ страны, лишенныя правительства“. Это было особенно остроумно сказать про Англію, правительство которой взорвало на воздухъ — и безъ всякаго труда — зданіе Священнаго союза, охраняемое коалиціей четырехъ реакціонныхъ державъ. Австрія потомъ, при Сольферино и при Садовой, была жестоко наказана за этотъ самоувѣренный дипломатическій догматизмъ своего министра. Но Меттерниха нельзя винить въ этомъ. Онъ не былъ виноватъ, что онъ былъ слѣпъ и не умѣлъ видѣть народныхъ движеній. Онъ былъ только дипломатъ. И какъ дипломатъ со своей особой методой, онъ дождался момента, когда можно было начать борьбу съ революціей при хорошихъ шансахъ на успѣхъ.

Онъ не могъ разгадать ее, пока въ ней за націей не было видно людей. Онъ чувствовалъ къ ней отвращеніе, какъ человѣкъ извѣстнаго классоваго настроенія, но онъ не видѣлъ никакихъ политическихъ средствъ борьбы съ нею. За то когда ре-

волюцію проглотилъ одинъ человѣкъ и самъ сдѣлался олицетвореніемъ революціи, Меттернихъ почувствовалъ, что онъ можетъ найти линію поведенія. Онъ попросилъ назначить его посломъ въ Парижъ спеціально для того, чтобы изучить и разгадать Наполеона. Изучилъ и разгадалъ. Теперь онъ зналъ, какъ бороться съ принципами революціи. И нужно признать, что его политика въ 1812 и 1813 годахъ была шедевромъ дипломатическаго искусства.

II.

Въ 1812 году, до похода Наполеона въ Россію, Австрія была страной, уничтоженной на войнѣ, потерпѣвшей банкротство, обезсиленной. Война Франціи съ Россіей дала Меттерниху возможность поставить ее снова на прежнее мѣсто. Онъ держался политики „вооруженнаго нейтралитета“, а чтобы усыпить недовѣріе Наполеона, далъ ему 30.000 вспомогательный корпусъ Шварценберга, получившаго предписаніе не очень серьезно воевать съ русскими. Когда Наполеонъ ушелъ изъ Россіи, а Александръ заключилъ союзъ съ Пруссіей, игра Меттерниха сдѣлалась безпроигрышной. Австрія занимала фланговое положеніе и могла выступить вершительницей судьбы. Но Шварценбергъ не былъ готовъ, и, чтобы выиграть время, Меттернихъ выступилъ съ „вооруженнымъ посредничествомъ“. Онъ предложилъ Наполеону послѣ Люцена и Бауцена перемиріе, для того якобы, чтобы воюющія стороны, при посредствѣ Австріи, могли столковаться объ условіяхъ мира. На самомъ дѣлѣ ему нужно было дать Шварценбергу время закончить вооруженія. Наполеонъ разгадалъ игру Меттерниха, но у него не было выхода. Онъ долженъ былъ принять посредничество: если бы онъ его не принялъ, онъ показалъ бы, что не хочетъ мира; а это противорѣчило его прежнимъ заявленіямъ и было бы встрѣчено съ неудовольствіемъ во Франціи. Принимая его, онъ зналъ, что даетъ время Австріи подготовиться. Что касается существа переговоровъ, то Меттернихъ былъ увѣренъ, что для Наполеона въ его политическомъ положеніи условія мира окажутся непріемлемы, и тогда передъ лицомъ Европы Наполеонъ окажется виновникомъ вступленія Австріи въ союзъ. Пражскій

конгрессъ, на которомъ шли переговоры о мирѣ, былъ настоящимъ тупикомъ для Наполеона. Онъ рвался, но сѣти, которыя онъ самъ сплелъ для себя, кинувшись очертя голову въ русскую авантюру, которыми теперь такъ ловко пользовался Меттернихъ, были крѣпкія. Наполеонъ запутался въ первый разъ въ жизни. А когда насталъ срокъ, указанный Шварценбергомъ, Меттернихъ оборвалъ переговоры и примкнулъ къ Россіи и Пруссіи.

Этимъ не кончился дипломатическій поединокъ съ Наполеономъ. Во Франкфуртѣ онъ еще разъ предложилъ Наполеону начать переговоры, исходя изъ основы оставленія Франціи въ естественныхъ границахъ. Ни онъ, ни союзные монархи не собирались уступить Франціи эти естественныя границы, но Меттернихъ зналъ, что Франція встрѣтитъ это предложеніе съ восторгомъ, а Наполеонъ его отвергнетъ и, такимъ образомъ, передъ лицомъ страны окажется виновникомъ вторженія союзниковъ во Францію. Такъ и вышло. Для Меттерниха лучшимъ торжествомъ была фраза Наполеона, сказанная по поводу франкфуртскаго манифеста, если только она не изобрѣтена самимъ побѣдителемъ императора французовъ. Наполеонъ сказалъ будто бы: „Только Меттернихъ могъ написать это. Чтобы говорить о Рейнѣ, Альпахъ и Пиринеяхъ, нужно было быть мастеромъ по части хитростей. Такая мысль могла притти лишь человѣку, который знаетъ Францію такъ хорошо, какъ онъ". Во всякомъ случаѣ, фраза, подлинная или вымышленная, вѣрно оцѣнивала факты. Манифестъ союзниковъ положилъ начало отчужденія между Франціей и Наполеономъ, которое, въ концѣ-концовъ, погубило его. Побѣда досталась Меттерниху потому, что онъ зналъ *человѣка*. Побѣждать по-другому онъ не умѣлъ [1]).

На Вѣнскомъ конгрессѣ задача Меттерниха облегчалась тѣмъ, что онъ былъ окруженъ дипломатами. Изъ нихъ только одинъ оказался искуснѣе его — Талейранъ. Остальными, въ томъ числѣ и Александромъ и Кэстльри, онъ игралъ, какъ хотѣлъ. А возвращеніе съ Эльбы, раздавившее Талейрана, сдѣ-

---

[1]) См. блестящую статью Альбера Сореля „Metternich" въ „Essais d'histoire et de critique". Сорелю вообще принадлежитъ лучшее, что написано о Меттернихѣ: въ „Europe et Révolution" и въ отдѣльныхъ очеркахъ.

лало его снова господиномъ положенія, и онъ началъ подготовлять свой второй дипломатическій шедевръ.

Въ эпоху успокоенія, чтобы получить свободу въ дѣлѣ борьбы съ революціей, онъ тоже искалъ человѣка, дѣйствуя на котораго, онъ могъ надѣяться осуществить свою политическую задачу. И опять нашелъ, хотя на этотъ разъ съ бóльшимъ трудомъ. То былъ Александръ, который, увлекаясь личными побужденіями, пытался одновременно вести двѣ противоположныя линіи, ни одна изъ которыхъ не была искренней: линію Священнаго союза и линію либерализма. Методика Священнаго союза всегда претила Меттерниху, ибо онъ былъ практикъ и не любилъ безсодержательныхъ, невѣсомыхъ настроеній. Но идеологія Священнаго союза ему по крайней мѣрѣ не мѣшала. Наоборотъ, либерализмъ Александра, которому сами либералы вѣрили или дѣлали видъ, что вѣрятъ, и о которомъ, во всякомъ случаѣ, сильно кричали,—стоялъ Меттерниху поперекъ дороги. И вообще противорѣчія, въ которыхъ путался Александръ, портили Меттерниху всю его игру.

Меттернихъ всегда относился къ Александру немного сверху внизъ, и отлично умѣлъ пользоваться своимъ главнымъ преимуществомъ передъ нимъ. Александръ всегда былъ заряженъ неожиданностями. Всѣ нити его политическаго поведенія расходились изъ одного узла: изъ его собственнаго я. Свои удовольствія, свои обиды, свои страданія, свое торжество онъ дѣлалъ исходнымъ пунктомъ своей политики, и такъ какъ ощущенія его бывали часто очень перемѣнчивы, то и политика не отличалась и не могла отличаться постоянствомъ. Если какое нибудь личное ощущеніе держало его долго въ своей власти, какъ ненависть къ Наполеону, онъ могъ обнаруживать послѣдовательность; тогда его крупный дипломатическій талантъ раскрывался весь, и ему на долю выпадали большіе дипломатическіе тріумфы: таково было осуществленіе союза съ Пруссіей въ 1813 году. Но вообще Александръ былъ само непостоянство. Поэтому положиться на него можно было только въ одномъ случаѣ: вызвавъ въ немъ какое-нибудь сильное и длительное личное ощущеніе. Меттернихъ этимъ и занялся.

Самъ онъ въ противоположность Александру умѣлъ отдѣлять свои личныя чувства отъ политическихъ расчетовъ. Умъ его былъ холодный. Интересы его политической системы у него

были на первомъ планѣ, онъ не упускалъ ихъ изъ виду и последовательно велъ свою линію. Въ этомъ и было его преимущество передъ Александромъ. Когда ему понадобилось подчинить своей волѣ русскаго царя, нетвердые принципы Александра склонились передъ твердой безпринципностью Меттерниха. Уже на Аахенскомъ конгрессѣ 1818 г. онъ началъ оплетать впечатлительнаго Александра. Во Франціи очередные выборы дали большинство либераламъ. Въ Германіи передъ этимъ студенты устроили вартбургскую демонстрацію, на которой сожгли нѣсколько реакціонно-полицейскихъ сочиненій и символы жандармскаго режима: косичку, офицерскій корсетъ и капральскую палку. Едва пріѣхавъ въ Аахенъ, Александръ получилъ „записку" валаха Стурдзы „Sur l'état actuel de l'Allemagne", гонораръ за которую выплатила, вѣроятно, вѣнская полиція. Тамъ говорилось, что Германія пропадаетъ отъ чрезмѣрнаго либерализма, и что университеты — очаги мятежнаго духа, атеизма и сердечной испорченности. А такъ какъ и въ Россіи въ это время уже появились темные еще слухи о сообществахъ въ офицерской средѣ, то Меттерниху было что комбинировать. Либерально-конституціонныя увлеченія царя сразу пошли на убыль. „Идеи" ловкаго бессарабскаго проходимца онъ рѣшилъ использовать въ Россіи и уже не очень спорилъ съ Меттернихомъ насчетъ нѣмецкой крамолы. Во всякомъ случаѣ, Меттернихъ и Генцъ были очень довольны его поведеніемъ. Но онъ еще не совсѣмъ сдался. Около него стоялъ его министръ, графъ Каподистрія, который понималъ невыгоды для Россіи близости съ Австріей, толкалъ Александра къ сближенію съ Франціей и старался поколебать въ нестойкой душѣ своего государя привязанность къ идеямъ Священнаго союза. Меттерниха Каподистрія понялъ хорошо и предостерегалъ противъ него Александра. Меттернихъ платилъ своему русскому коллегѣ ненавистью, подкапывался подъ него, но долженъ былъ мириться съ тѣмъ, что Александръ поддавался туго. Нужно было работать дальше. Тутъ подоспѣло убійство Коцебу. Коцебу, какъ и Стурдза, былъ чиновникомъ на службѣ русскаго правительства. Онъ былъ талантливымъ драматургомъ, но, очевидно, литературныхъ гонораровъ ему было мало, и онъ получалъ еще жалованье отъ русской казны. Радикальная молодежь считала его просто полицейскимъ аген-

томъ. Іенскій студенческій кружокъ „непримиримыхъ" (Unbedingte), объявившій безпощадную войну реакціи, постановилъ умертвить Коцебу. Исполненіе приговора досталось на долю студента Занда, который и закололъ его кинжаломъ въ Мангеймѣ 23 марта 1819 г.

Для Меттерниха и его друзей это была неожиданная удача. Она открывала возможность не только немедленно пустить въ ходъ машину репрессій въ Германіи, но и довершить обращеніе Александра. Генцъ писалъ Меттерниху 1 апрѣля 1819 г. „...Я внутренно убѣжденъ, что первой причиной покушенія является — въ особенности, всецѣло! — то неправильное мнѣніе, будто Коцебу возстанавливалъ императора Александра противъ популярныхъ писателей Германіи, противъ университетовъ, будто онъ поселилъ въ немъ вражду къ либеральнымъ идеямъ. Вѣдь извѣстно, насколько вся партія когда-то разсчитывала на этого монарха. Она, впрочемъ, достаточно показала, какимъ страшнымъ ударомъ для нея было отступничество царя... Коцебу, слѣдовательно, былъ пораженъ потому, что эти изступленные люди въ своемъ ослѣпленіи считали его виновникомъ лишенія ихъ покровителя, на котораго они возлагали самыя большія надежды. Такое объясненіе императоръ Александръ найдетъ, конечно, и самъ. Къ тому же онъ долженъ быть лично оскорбленъ покушеніемъ на одного изъ своихъ государственныхъ совѣтниковъ... Его поведеніе со времени вартбургскихъ эксцессовъ, языкъ, которымъ онъ говорилъ при всякихъ обстоятельствахъ, идеи и чувства, которыя онъ высказывалъ до, во время и послѣ аахенскихъ совѣщаній, — все заставляетъ надѣяться, что онъ будетъ въ этомъ вопросѣ дѣйствовать очень серьезно"... Въ этомъ письмѣ, какъ нетрудно видѣть, Генцъ очень ловко, почти незамѣтно, подсказываетъ своему патрону разные дипломатическіе мотивы, увѣренный, что онъ сумѣетъ найти имъ примѣненіе. Меттернихъ отвѣчалъ Генцу очень удовлетвореннымъ тономъ: „... Несчастіе имѣетъ свою полезную сторону. Печальный конецъ бѣднаго Коцебу даетъ намъ argumentum ad hominem, который герцогъ Веймарскій со всѣмъ своимъ либерализмомъ не будетъ въ состояніи опровергнуть. Всѣ мои усилія будутъ направлены къ тому, чтобы дать дѣлу наилучшее движеніе и извлечь изъ него наибольшія выгоды, какія возможны. Я буду дѣйствовать энерги-

чески въ этомъ смыслѣ... Мы не замедлимъ увидѣть, что скажетъ русскій императоръ насчетъ такого любезнаго обращенія съ его государственными совѣтниками въ Германіи"... По почему-то Александръ дразнилъ любознательность обоихъ друзей довольно долго. 3 іюня Генцъ писалъ Меттерниху: „Вещь въ высокой степени странная — то глубокое молчаніе, которое хранитъ императоръ Александръ по поводу покушеній противъ Стурдзы и Коцебу. Я не могу сказать, чтобы это меня мучило, ибо его вмѣшательство не принесло бы большой пользы, если бы даже онъ нашелъ настоящую линію поведенія (а у него было сто шансовъ противъ одного, что она отъ него ускользнетъ). Но мнѣ очень любопытно знать, какъ объяснится со временемъ это молчаніе". Меттернихъ тоже, очевидно, не зналъ ничего, ибо онъ не вывелъ Генца изъ неизвѣстности. Зато пока Александръ молчалъ, Меттернихъ обработалъ прусскаго короля и среднихъ монарховъ Германіи. Общими силами они скоро облагодѣтельствовали страну полицейской конституціей, носящей названіе Карлсбадскихъ постановленій.

Александръ ничего не возражалъ противъ Карлсбадскихъ постановленій. Кинжалъ Занда, комментированный агентами Меттерниха, убѣдилъ его. Потомъ пошли революціи: въ Неаполѣ, въ Пьемонтѣ, въ Испаніи. На конгрессѣ въ Троппау, когда рѣшался въ принципѣ вопросъ о вмѣшательствѣ, Александръ получилъ извѣстіе о бунтѣ въ Семеновскомъ полку. Этого было болѣе, чѣмъ достаточно для того, чтобы подчинить Александра идеямъ Меттерниха. Онъ испугался, а ловкій сердцевѣдъ стоялъ на сторожѣ, и окончательно овладѣлъ волею Александра, притворившись, что теперь онъ вполнѣ оцѣнилъ всю глубину идеи Священнаго союза. Меттернихъ обошелъ царя, затронувъ въ немъ еще разъ двѣ личныя струны: примкнувъ для виду къ излюбленной политической мечтѣ Александра и снова разбудивъ въ немъ его опасенія о крамолѣ въ Россіи.

Въ этомъ отношеніи Троппау было поворотнымъ пунктомъ. Особенно встревожила Александра Семеновская исторія. „Царь думаетъ, — писалъ Меттернихъ 15 ноября 1820 г., — что должны были быть причины тому, что 3000 русскихъ солдатъ рѣшились на актъ, столь мало отвѣчающій національному характеру. Онъ допускаетъ даже, что все подстроено радикалами, чтобы устрашить его и заставить вернуться въ Петербургъ".

Генцъ, настроившійся по этому поводу чрезвычайно радостно, гордо говорилъ: „Теперь есть только двѣ державы: Россія и Австрія“, и думалъ про себя, что у этихъ двухъ державъ одна воля: князя Меттерниха. Насколько полно было подчиненіе Александра австрійскому канцлеру, обнаружилось въ Лайбахѣ. Съ лайбахскаго конгресса 9 мая 1821 г. Меттернихъ писалъ слѣдующее: „Сегодня я имѣлъ долгое совѣщаніе съ императоромъ Александромъ... Если когда-нибудь кто сдѣлался изъ чернаго бѣлымъ, — это именно онъ“. Вліяніе Каподистріи тутъ было сокрушено, а обращеніе Александра, повидимому, совершилось съ такой стремительностью, что Меттернихъ и самъ уже былъ не радъ. „Будетъ, — пишетъ онъ дальше, — большой заслугой съ моей стороны, если я употреблю вліяніе, которымъ теперь пользуюсь, для того, чтобы помѣшать перейти за границы справедливости и блага. Ибо зло начинается тамъ, гдѣ кончается благо“...

И кажется, довольно скоро, на веронскомъ конгрессѣ, опасенія Меттерниха насчетъ импульсивнаго русскаго царя стали сбываться: Александръ уже шелъ впереди него въ проектахъ репрессій противъ революціонныхъ народовъ. Въ борьбѣ грековъ противъ турокъ русскій царь видѣлъ лишь „революціонный признакъ времени“ и горячѣе всѣхъ стоялъ за вооруженное вмѣшательство въ испанскія дѣла. Меттерниху было нелегко удержать Александра на той линіи, которая была выгодна съ точки зрѣнія его австрійскихъ интересовъ. Ибо Александръ, увлекаемый опять личными соображеніями, путалъ планы и расчеты Меттерниха. „Императоръ Александръ, — писалъ Каннингу Веллингтонъ, который представлялъ Англію, — желаетъ вмѣшательства въ дѣла Испаніи, но не иначе, какъ посредствомъ русскаго войска или такой арміи, въ которой русскія войска составляли бы главную часть. Ибо у него на сердцѣ лежитъ забота не столько подавить революцію, сколько занять собственныя войска. Русская армія весьма недовольна его политикой въ восточномъ вопросѣ; она отказалась бы отъ своего желанія обнажить мечъ за грековъ лишь въ томъ случаѣ, если бы императоръ объявилъ, что ему необходимы всѣ его силы для подавленія революціонной партіи на Западѣ и особенно въ Испаніи“. Съ трудомъ настоялъ Меттернихъ на врученіи карательныхъ функцій Франціи. Новое появленіе рус-

ской арміи въ Европѣ вовсе не казалось Меттерниху заманчивой перспективой. Александръ же рвался впередъ все стремительнѣе и со своими новыми настроеніями опять начиналъ уходить изъ рукъ. Если бы онъ не умеръ, Меттерниху, быть-можетъ, пришлось бы думать о томъ, чтобы вновь направить его на другой путь.

Таковы были два крупнѣйшихъ дипломатическихъ шедевра Меттерниха, его побѣды надъ двумя очень искусными противниками, изъ которыхъ каждый въ моментъ начала борьбы былъ сильнѣе Австріи: Наполеономъ и Александромъ.

Онъ до конца жизни Александра такъ и оставался не вполнѣ имъ довольнымъ. Когда Александръ умеръ, Меттернихъ писалъ, восхваляя „монархическій" образъ мыслей Вел. Кн. Константина, котораго онъ считалъ уже воцарившимся: „Или я очень ошибаюсь, или начинается *исторія* Россіи на томъ мѣстѣ, гдѣ кончился *романъ*". Нѣсколько дней спустя онъ говоритъ въ письмѣ къ другому лицу. „Либеральныя газеты все время связываютъ меня съ императоромъ Александромъ. Онѣ не ошибаются, но онѣ плохо блюдутъ свои собственные интересы. Этимъ либералы побуждаютъ его преемника не разставаться съ человѣкомъ, который умѣлъ вести съ ними борьбу. Ибо я сильно сомнѣваюсь, чтобы императоръ Россіи сталъ когда-нибудь хорошимъ республиканцемъ. Если бы бѣдный Александръ не надѣлалъ грѣховъ въ своей юности; если бы въ зрѣломъ возрастѣ ему не „нехватало чего-то", какъ говорилъ Наполеонъ, — гдѣ былъ бы теперешній либерализмъ?"..

Для Меттерниха типично, что первой причиной либеральнаго движенія если не въ Европѣ, то въ Германіи, онъ считалъ Александра: онъ вѣдь никогда не понималъ народныхъ процессовъ. Но еще типичнѣе другое. Онъ, конечно, имѣлъ всѣ основанія сомнѣваться, что русскій императоръ сдѣлается когда-нибудь „хорошимъ республиканцемъ", но послѣ всего того, что ему было извѣстно, послѣ лайбахской исповѣди и веронскихъ заявленій, называть романомъ царствованіе Александра было тоже рискованно. Романъ, герои котораго Аракчеевъ, Фотій, А. Н. Голицынъ; романъ, чрезъ который тянется голгоѳа военныхъ поселеній; романъ, который принесъ крестьянамъ новыя цѣпи, вмѣсто обѣщанной за борьбу съ супостатомъ вольности! Что же тогда нужно было назвать не романомъ, а „исторіей"?

III.

Эта реакціонная ненасытность, эта неудовлетворенность никакими репрессивными мѣрами, цѣликомъ исходила изъ политическаго положенія Меттерниха. „Австрія — трусливая держава, а Меттернихъ министръ Австріи". Нѣтъ чувства, которое съ большей легкостью порождаетъ жестокости, чѣмъ страхъ. Ибо ему никакія — ни предупредительныя ни карательныя — мѣры не кажутся достаточными никогда. Меттернихъ ни за что не сказалъ бы ни себѣ, ни другимъ, что главный двигатель его политики страхъ. Но онъ сознательно внушалъ страхъ сначала Фридриху-Вильгельму III, потомъ Александру, черезъ этотъ страхъ захватилъ власть надъ ними, т.-е. гегемонію, если не въ европейской, то въ средне-европейской политикѣ. Если въ эти годы (1818—1824) онъ такъ много занимался Россіей и всячески стращалъ Александра краснымъ пугаломъ, то только потому, что, имѣя русскаго царя противъ себя, онъ потерялъ бы вліяніе и надъ прусскимъ королемъ, и въ концертѣ пяти великихъ державъ. Ибо для него поддерживаніе реакціи во всѣхъ странахъ на наиболѣе высокомъ уровнѣ, какой гдѣ былъ возможенъ, отнюдь не было, какъ для Александра, своего рода политической метафизикой, вытекавшей изъ идей Священнаго союза, а представляла самую реальную практическую задачу. Упадокъ реакціи гдѣ бы то ни было немедленно начиналъ грозить какой-нибудь реальной опасностью Австріи. Австрія, какъ сказалъ Талейранъ, была верхней палатой между державами.

Фикція, которой Меттернихъ разукрашивалъ эгоистическій цинизмъ своей политики, заключалась въ томъ, что народы хотятъ мира, что революція есть война, что поэтому революцію необходимо всемѣрно искоренять. Онъ дѣлалъ видъ, что даже и не знаетъ о томъ, что „народы" еще больше, чѣмъ мира, хотятъ свободы, той самой политической свободы, которая была имъ обѣщана на Вѣнскомъ конгрессѣ. И онъ поэтому не любилъ говорить громко о свободѣ. Когда ему нужно было упомянуть о ней, онъ вмѣсто „свобода" говорилъ „республика". Послѣ этого монархамъ, даже наиболѣе либеральнымъ

сейчасъ же становилось страшно и свободы никакой не получалось.

Встаетъ вопросъ, сколько было искренности въ его политикѣ. Искренность рѣдко бываетъ добродѣтелью дипломатовъ, но неискренность бываетъ у нихъ разная. Все зависитъ отъ воли надъ собою. Александръ принципіально былъ неискреннимъ. Но онъ могъ быть неискреннимъ, т.-е. могъ не обнаруживать своихъ настоящихъ ощущеній, только тогда, когда былъ спокоенъ. Когда онъ сердился, а особенно, когда онъ боялся, онъ выдавалъ себя. Наполеонъ становился тѣмъ непроницаемѣе, чѣмъ тяжелѣе ему приходилось. Меттернихъ могъ потерять власть надъ собою только въ моментъ тяжелаго личнаго несчастья, — несчастья, касающагося именно его собственной персоны: даже когда оно касалось самыхъ близкихъ ему людей, онъ оставался спокоенъ. Въ маѣ 1820 года онъ потерялъ свою любимую дочь Клементину. Ея смерть вызвала лишь нѣсколько холодныхъ декламацій въ его письмахъ къ близкимъ. А въ одномъ изъ нихъ проскальзываетъ фраза, которая изображаетъ Меттерниха во весь ростъ: „Къ счастью, у меня есть способность не терять власти надъ собою даже тогда, когда сердце наполовину разбито. Я доказалъ это въ послѣдніе мѣсяцы. Тридцати членамъ конференціи, которые ежедневно собираются за зеленымъ столомъ, въ голову не могло притти, что происходитъ внутри меня: я произносилъ рѣчи, длившіяся три-четыре часа, и диктовалъ сотни страницъ“. Въ этихъ словахъ много рисовки, какъ во всемъ, что пишетъ Меттернихъ, но въ нихъ все правда. Онъ былъ человѣкъ безъ сердца, занятый только собой и чувствующій только свои собственныя огорченія.

Въ мартѣ 1848 года онъ не только вынужденъ былъ съ позоромъ уйти въ отставку, но и долженъ былъ бѣжать, спасая свою жизнь. Тутъ его „способность“ измѣнила ему: вмѣсто великолѣпнаго, гордаго вельможи былъ жалкій старикъ, потерявшій голову, хныкавшій безпрестанно и затруднявшій этимъ женѣ нелегкое дѣло своего спасенія. Добравшись до замка, гдѣ онъ могъ считать себя на нѣкоторое время въ безопасности, онъ безпомощно повалился на диванъ, и дѣти, бѣжавшія изъ Вѣны вмѣстѣ съ нимъ, заботливо покрывали его своими плащами и своими шалями. Позднѣе онъ представ-

лялъ свое бѣгство, какъ фактъ зрѣлаго политическаго размышленія: „Мнѣ больше нечего было дѣлать въ Вѣнѣ послѣ того, какъ я покинулъ свой постъ“. Для того, чтобы быть вѣрнымъ правдѣ, онъ долженъ былъ прибавить: „ибо народъ былъ настроенъ такъ, что при нѣкоторомъ промедленіи я могъ очутиться на фонарѣ“. Но когда онъ писалъ „послѣднюю главу“ своихъ мемуаровъ, онъ уже успѣлъ оправиться отъ потрясеній и старался по своему обыкновенію обмануть потомство.

Такова была его привычка; она цѣликомъ вытекала изъ страсти къ рисовкѣ. Онъ обманывалъ не только своихъ современниковъ. Всѣ его мемуары, вся его переписка подобраны и редактированы такъ (въ этомъ ему помогалъ его сынъ, опубликовавшій много лѣтъ спустя послѣ смерти отца собранные тѣмъ автобіографическіе документы), чтобы у потомства не осталось никакого сомнѣнія въ необычайной геніальности Меттерниха. И не только геніальности, но и душевнаго величія, благородства, даже... либерализма. Когда судьба опрокидываетъ тирана, находящагося на вершинѣ своихъ дерзаній, онъ неизмѣнно исполняется желаніемъ доказать потомству, что онъ какъ разъ въ этотъ моментъ совсѣмъ уже готовъ былъ облагодѣтельствовать людей и что ему помѣшала катастрофа. Мемуары Меттерниха — то же, что бесѣды съ Ласказомъ и Dictées de Sainte Helène Наполеона. Но если даже у Наполеона апологія выходила мало убѣдительной, то у Меттерниха она выходитъ просто комичной. „Созывъ депутатовъ областныхъ сеймовъ въ принципѣ былъ рѣшенъ, когда мартовскій ураганъ 1848 года опрокинулъ все политическое зданіе“. „Я всегда считалъ деспотизмъ, каковъ бы онъ ни былъ, симптомомъ слабости. Тамъ, гдѣ онъ показываетъ себя, — это зло, которое въ самомъ себѣ находитъ свое возмездіе“. „Во всѣ эпохи, во всѣхъ положеніяхъ я былъ человѣкомъ „порядка“, и я всегда имѣлъ въ виду установленіе „свободы“ истинной, а не ложной. Тиранія, какова бы она ни была, всегда была для меня синонимомъ чистаго безумія“. Такихъ и подобныхъ сентенцій можно набрать множество въ „послѣдней главѣ“ мемуаровъ и въ „завѣщаніи“. Если бы вѣрный Генцъ былъ живъ, когда это писалось, если бы онъ могъ прочитать эти торжественныя заявленія своего патрона, они доставили бы ему немало веселыхъ минутъ.

IV.

Фальшивость Меттерниха сразу бросалась въ глаза сколько-нибудь внимательному наблюдателю. Наполеонъ по первымъ его шагамъ поставилъ ему безошибочный діагнозъ: „Онъ отлично лжетъ". Если бы Меттернихъ былъ лживъ только въ дипломатическихъ сношеніяхъ, это, вѣроятно, никого бы не удивляло. Но Меттернихъ лгалъ не только тогда, когда это было нужно для блага Австріи, онъ лгалъ всегда, ибо его лживость была слѣдствіемъ его личной безпринципности, его полнаго моральнаго скептицизма. Меттернихъ былъ эгоистъ, и всѣ его поступки имѣли одинъ источникъ — выгоду его собственной персоны. Связавъ свою судьбу съ судьбою европейской, и въ частности австрійской реакціи, онъ научился видѣть въ ней свое личное дѣло, близкое и дорогое. Этимъ объясняется его страстность и стремительность при искорененіи „революціи", его жестокость къ либераламъ, его абсолютная неспособность понять и оцѣнить безкорыстныя побужденія, высшее благородство долга, самопожертвованіе во имя идеи. Чуждый идейныхъ порывовъ, хорошо зная, сколько стоитъ совѣсть любого изъ его приближенныхъ, онъ вѣрилъ или старался вѣрить, что и революціонеры дѣлаютъ свое дѣло за деньги. Искать причинъ освободительнаго движенія въ Германіи и Италіи въ фактахъ соціальнаго роста ему не приходило въ голову. Онъ много говорилъ о соціальной революціи, но это понятіе у него крайне смутное. Проще и удобнѣе казалась ему другая теорія. Источникъ смуты — вредныя идеи, главнымъ образомъ, иностраннаго происхожденія. Онъ не замѣчалъ, что событія съ каждымъ годомъ краснорѣчивѣе доказываютъ нелѣпость этой теоріи. Слѣпая, почти догматическая вѣра въ нее не покидала его до конца. Свергнутый въ мартѣ 1848 г., онъ бросилъ своимъ побѣдителямъ жалкое заявленіе о томъ, что революцію производятъ „жиды, итальянцы и швейцарцы".

Въ „послѣдней главѣ" мемуаровъ, написанной подъ конецъ жизни, когда онъ имѣлъ возможность обдумать богатый опытъ 1848 года, и услышать много вѣрныхъ разсужденій о причинахъ революціи, онъ уже дѣлаетъ нѣкоторыя уступки,

но отъ своей теоріи не отказывается. Революцію въ Австріи онъ объясняетъ шестью причинами: 1) продолжительной эпохой мира, которая дала „умамъ, взвинченнымъ соціальной революціей 1789 года“, свободное поле для подготовки, 2) недостаточно бдительнымъ надзоромъ со стороны правительства, 3) элементами соціальной революціи во Франціи, которые были обузданы Наполеономъ и (!) получили свободу при Бурбонахъ, 4) поведеніемъ нѣмецкихъ князей, разрушившихъ принципы федеральной организаціи союза, 5) происками польскихъ, итальянскихъ и нѣмецкихъ эмигрантовъ, 6) вліяніемъ, которое пріобрѣли въ Австріи, вслѣдствіе попустительства администраціи, оппозиціонные элементы въ школѣ, въ печати, въ сеймахъ.

Эти строки писались въ 50 годахъ, когда не только были напечатаны журнальныя статьи и брошюры Маркса и его послѣдователей, но когда уже вышла въ свѣтъ знаменитая книга Лоренца Штейна. Вѣдь „шесть причинъ“ Меттерниха — дѣтскій лепетъ. Онѣ ничего не объясняютъ. Австрійскую революцію, выросшую, подготовлявшуюся на его глазахъ, онъ такъ же не понялъ, какъ въ свое время французскую. Народныя движенія, принципы, выкованные на огнѣ народныхъ страданій, ему были абсолютно непонятны. Мало того, онъ до конца не былъ знакомъ какъ слѣдуетъ съ той страною, которою онъ управлялъ, съ Австріей. Онъ не понималъ того патріотическаго броженія, которое шло въ Венгріи и особенно въ Италіи, не понималъ славянскихъ національныхъ стремленій, чаяній нѣмецкихъ либераловъ. А, самое главное, онъ не представлялъ себѣ ясно, какую тяжесть могутъ и какую не могутъ вынести плохо сколоченные элементы габсбургскаго государства. На Вѣнскомъ конгрессѣ, упоенный побѣдой и опять-таки смущаемый страхомъ, онъ взвалилъ на Австрію ношу, для нея непосильную: онъ взялъ не только Далмацію и Истрію, но и всю сѣверную Италію. Вмѣстѣ съ землями чешской и венгерской короны и гегемоніей въ Германіи это было черезчуръ много. Австрія не могла удержать въ своихъ рукахъ всего сразу. И, дѣйствительно, какъ только національное начало въ Европѣ получило свободу, Австрія лишилась Италіи, была изгнана изъ Германіи и должна была сдѣлать равноправнымъ членомъ имперіи вчерашнюю рабу, Венгрію. Были люди, которые въ 1814 году понимали неизбѣжность всего этого. Меттернихъ былъ не изъ ихъ числа.

Тутъ сказывалось не только приложеніе собственной эгоистической мѣрки, собственнаго моральнаго скептицизма къ оцѣнкѣ чужихъ побужденій. Тутъ сказывалась поразительная бѣдность теоретическими идеями. Тамъ, гдѣ дѣло не касалось людей, которыхъ можно наблюдать непосредственно, которыхъ разгадывать онъ умѣлъ очень легко, Меттернихъ обнаруживалъ полную безпомощность. Зато, когда онъ усваивалъ себѣ какую-нибудь руководящую мысль, онъ держался за нее съ необычайнымъ упорствомъ. Міръ могъ перевернуться: онъ не измѣнялъ своей точкѣ зрѣнія. Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ, онъ продолжалъ проводить ее, не боясь остаться совершенно одинокимъ. И вдобавокъ рисовался своимъ одиночествомъ, какъ и всѣмъ другимъ: „Я былъ одинокъ на моральной и политической почвѣ. Я это зналъ, я долженъ былъ это знать, потому что я могъ имѣть подтвержденія этому факту ежедневно и со всѣхъ точекъ зрѣнія. Долженъ ли я былъ изъ-за этого мѣнять свой образъ мыслей и дѣйствій? Я не захотѣлъ этого, а если бы и захотѣлъ, это было бы мнѣ невозможно. Я никогда не могъ итти противъ совѣсти, не могъ порвать со своими взглядами на то, что справедливо и несправедливо, благоразумно и рискованно, и я всегда былъ гораздо строже къ своимъ собственнымъ поступкамъ, чѣмъ къ поступкамъ другихъ“.

Утверждать съ такой наивной рѣшительностью, что онъ никогда не шелъ противъ совѣсти, могъ человѣкъ или дѣйствительно чистый сердцемъ, или очень самоувѣренный въ своемъ цинизмѣ.

Меттернихъ былъ самоувѣренъ. Самоувѣренность его была безгранична. Ею онъ гипнотизировалъ нѣмецкихъ и иныхъ дипломатовъ и, зная, какой эффектъ производитъ она, часто старался обнаружить самоувѣренность тамъ, гдѣ ея уже не было. Послѣ побѣды надъ Наполеономъ, упоенный торжествомъ, онъ писалъ: „Я знаю, чего хочу, и что другіе могутъ сдѣлать. Я вооруженъ съ головы до ногъ. Мечъ мой обнаженъ, перо очинено, мои идеи ясны и свѣтлы, какъ кристальная вода чистаго источника“. Его языкъ мало мѣнялся и при пораженіяхъ. Въ 1825 году онъ испыталъ первую крупную неудачу. Вопреки его настояніямъ и проискамъ, Англія, Россія и Франція помогли Греціи завоевать самостоятельность. Меттернихъ въ

августѣ 1825 г. писалъ австрійскому посланнику въ Лондонѣ, побуждая его противодѣйствовать планамъ Каннинга: „Ничто не можетъ быть измѣнено, ни въ принципахъ, ни въ расчетахъ нашего кабинета, ибо принципы наши правильны, а направленіе нашей политики свободно отъ второстепенныхъ цѣлей. Политика его императорскаго величества имѣетъ всю цѣнность религіи, и расчеты наши никогда не имѣютъ въ виду потребностей дня и момента“. По тому же греческому вопросу онъ писалъ въ другой разъ: „Если бы я могъ дѣйствовать самостоятельно, я обязался бы притти къ быстрому и правильному рѣшенію, ибо въ спорѣ, насъ занимающемъ, весь міръ ошибается, за исключеніемъ меня“. Даже полное крушеніе его системы въ 1848 году не вылѣчило его отъ самомнѣнія. Въ мартѣ 1848 г., изгнанный изъ Австріи, онъ встрѣтился въ Брюсселѣ съ другимъ такимъ же доктринеромъ, съ Гизо, министромъ французскаго короля Луи-Филиппа. Какъ Меттернихъ бѣжалъ изъ Вѣны, такъ Гизо бѣжалъ изъ Парижа. Двѣ „жертвы“ революціи разговорились, и Гизо услышалъ отъ Меттерниха: „Никогда заблужденіе не касалось моего разума“. Эти слова были сказаны съ полуулыбкой, такимъ тономъ, какъ будто Меттернихъ разрѣшалъ своему собесѣднику не вѣрить ему, но просилъ у него разрѣшенія самому быть въ этомъ убѣжденнымъ. Гизо, передавшій этотъ любопытный разговоръ, такъ это и понялъ. Онъ оставилъ своему товарищу по несчастью его иллюзіи, которыя тоже не были искренними. Но самоувѣренность не покидала Меттерниха и послѣ катастрофы. „Завѣщаніе“ кончается гордой фразою: „Я *дѣлалъ* исторію. Поэтому мнѣ некогда было ее *писать*“.

Въ безумномъ ослѣпленіи успѣхомъ Меттернихъ, дѣйствительно, вѣрилъ въ то, что ходъ исторіи предопредѣленъ его политикою разъ навсегда. Идея косности и неподвижности возводилась у него въ культъ: „Я думаю,— писалъ онъ однажды,— что моя душа имѣетъ цѣну потому, что она неподвижна“. Неподвижность эта, впрочемъ, была особаго сорта.

Въ житейскихъ дѣлахъ онъ былъ очень подвиженъ душой и умѣлъ пользоваться благами жизни. Больше того, маленькія сердечныя радости и огорченія заботили его гораздо больше, чѣмъ вопросы государственные. Какъ настоящій эпикуреецъ, онъ цѣнилъ свое высокое положеніе больше всего ради утѣхъ,

которыя оно ему доставляло. Бесѣдуя съ потомствомъ въ мемуарахъ, онъ пишетъ: „Я ни одного часа не жилъ для себя“. Въ этомъ заявленіи столько же правды, какъ и въ томъ, что онъ никогда не шелъ противъ совѣсти. Откроемъ „Дневники“ Генца за время вѣнскаго конгресса и посмотримъ, для кого жилъ Меттернихъ въ эти дни, когда рѣшалась судьба Австріи и Европы. 12 августа Генцъ записываетъ: „Былъ у князя Меттерниха. Длинный разговоръ съ нимъ, но не о политическихъ дѣлахъ (къ несчастью), а о его и моихъ отношеніяхъ къ герцогинѣ Саганъ“. 14 октября: „Кэстльри склонилъ меня къ своему мнѣнію о передачѣ Саксоніи прусскому королю... Возвращаюсь къ Меттерниху. Бесѣда съ нимъ... увы! — о несчастной связи съ княгиней Виндишгрецъ, которая интересуетъ его гораздо больше, чѣмъ всѣ дѣла міра“. 17 октября: „Въ $9^1/_2$ часовъ у Меттерниха. Большое волненіе изъ-за завтрашняго бала“. 20 октября: „Дѣло герцогини Саганъ... Разговоръ съ Меттернихомъ объ его отношеніяхъ къ ней... У герцогини въ 11 часовъ вечера для переговоровъ по очень важному вопросу“. 22 октября: „Обѣдъ у Меттерниха вмѣстѣ съ Нессельроде. Меттернихъ сообщаетъ мнѣ о своемъ окончательномъ разрывѣ съ герцогиней. Это теперь событіе первостепенной важности“. 24 октября: „Съ Вессенбергомъ у Меттерниха. Длинный разговоръ съ княземъ, главнымъ образомъ по дѣлу Вильгельмины“ (герц. Саганъ). 29 октября: „Конференція длилась до $12^1/_2$ часовъ ночи. Потомъ отдѣльное совѣщаніе въ продолженіе часа съ Кэстльри и Меттернихомъ о Польшѣ. Потомъ еще цѣлый часъ разговоровъ съ Меттернихомъ о его дѣлахъ съ герцогиней“. 11 ноября: „Большая бесѣда съ Меттернихомъ все еще больше объ этой проклятой женщинѣ, чѣмъ о дѣлахъ“... 3 декабря: „Въ 10 час. вечера Меттернихъ велѣлъ позвать меня. Провелъ съ нимъ вечеръ въ пикантныхъ разговорахъ (sur les objets frivoles)“ [1]). Такъ было всегда. Въ 1810 году, когда онъ былъ въ Парижѣ, онъ больше думалъ объ измѣнахъ легкомысленной Каролины Мюратъ, волосы которой онъ носилъ въ видѣ браслета на рукѣ, чѣмъ о переговорахъ съ Наполеономъ. Самая политическая дѣятельность для него почти всегда была неотдѣлима отъ свѣтскихъ обязанностей и свѣт-

[1]) Gentz, Tagebücher т. I, стр. 300—344, passim.

скихъ развлеченій. „Никто не умѣлъ, говоритъ Трейчке, такъ ловко, какъ онъ, завязать дипломатическую интригу, въ промежуткѣ между званнымъ обѣдомъ и балъ-маскарадомъ, передъ отъѣздомъ на свиданіе съ дамой набросать депешу или съ выраженіемъ самой теплой нѣжности въ красивыхъ голубыхъ глазахъ основательно налгать чего-нибудь въ лицо близкому другу [1])“.

Онъ любилъ говорить про своего alter ego Генца, что его можно купить шоколадомъ. „Если вы хотите, чтобы Генцъ васъ обожалъ,—пишетъ онъ сыну,—пошлите ему конфетъ и какихъ-нибудь модныхъ духовъ“. Онъ не находилъ въ этомъ ничего неестественнаго. Онъ понималъ своего Генца. Разстроенное свиданіе съ какой-нибудь придворной дамой заботило его порою больше, чѣмъ бѣдствія цѣлой провинціи. И ни за что въ мірѣ не отдалъ бы онъ добровольно своего сана и своей должности, которыя давали ему возможность безпрепятственно копить милліоны, строить замки, оплодотворять свѣтскихъ красавицъ и вообще чувствовать себя полновластнымъ владыкою и первымъ человѣкомъ повсюду. Этотъ ясный эпикуреизмъ примирялъ съ Меттернихомъ многихъ изъ его современниковъ, отлично его понимавшихъ и хорошо знавшихъ ему цѣну. Эпикуреизмъ пропитывалъ всю его фигуру своебразной прелестью. Его скептицизмъ въ дѣлахъ нравственныхъ пріобрѣталъ какую-то тонкую грацію, а легкая фривольность скрашивала самый цинизмъ. Но это обаяніе было сдѣланное, искусственное, непохожее на врожденное обаяніе, которымъ плѣнялъ, напримѣръ, Александръ.

Въ одномъ нужно, однако, отдать ему справедливость. Какъ бы онъ ни былъ приверженъ къ утѣхамъ и усладамъ жизни, онъ никогда не позволялъ личнымъ чувствамъ вторгаться въ политику. Потому что свои удовольствія онъ любилъ холодною любовью. Въ немъ не было страсти. Даже его главная слабость, женщины, не будили въ немъ темперамента. Онъ былъ изящно сластолюбивъ, не больше. Недаромъ онъ былъ скупъ до скаредности въ частной жизни. Съ такой натурой нетрудно сохранять власть надъ собою, и не давать чувствамъ воли въ политикѣ.

Оттого его политика и была такая бездушная.

---

[1]) Treitschke, Deutche Gesch. I, 602.

V.

Въ чемъ же заключалась его система, знаменитая „система Меттерниха“? Въ ней нужно различать двѣ стороны: ея методологію и ея содержаніе.

„Обстоятельства,— говорилъ Меттернихъ,—вопреки мнѣ бросили меня въ политическую жизнь, для которой я былъ вооруженъ умомъ, способнымъ отстаивать только что-нибудь *положительное*. Мой темпераментъ — темпераментъ *историческій*, проникнутый антипатіей ко всему, что отдаетъ *романомъ*. Мой способъ дѣйствія — *прозаическій*, не *поэтическій*“. Эти слова „Завѣщанія“ правильно опредѣляютъ форму его дѣйствій, его холодную, бездушную практичность, его сухой политическій прозаизмъ. Набрасывая на склонѣ дней эти строки, опредѣляя политическій типъ, противоположный собственному, Меттернихъ, несомнѣнно, думалъ объ Александрѣ, ибо въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ онъ характеризуетъ его почти въ тѣхъ же словахъ.

Но если Меттернихъ правильно передаетъ форму своей системы, то, опредѣляя содержаніе ея, онъ далеко уходитъ отъ „положительной“ точки зрѣнія и явно вторгается въ область „поэзіи“.

„Такъ какъ, — говоритъ онъ, — выраженіе *система Меттерниха*, покоящееся на нелогичной путаницѣ идей, получило цѣнность неоспоримой формулы, я считаю долгомъ объяснить, что составляло основу этой системы. Я возвѣстилъ передъ лицомъ міра *систему Меттерниха* въ нѣсколькихъ словахъ: „Сила въ правѣ“. Это—девизъ, который я выбралъ для себя и для моихъ потомковъ... Приложенный къ имперіи, онъ получилъ въ качествѣ твердаго фундамента ея исторію“. И дальше, резюме: „То, что называютъ системою Меттерниха,— не система, а примѣненіе законовъ, управляющихъ міромъ. Революціи покоятся на системахъ. Вѣчные законы находятся внѣ того, что имѣетъ по праву лишь цѣнность системы; они выше этого“. Въ другомъ мѣстѣ онъ снова комбинируетъ хорошія слова: „Счастливъ, кто можетъ сказать про себя, что онъ не уклоняется отъ *вѣчнаго права*. Моя совѣсть никогда не отказывается засвидѣтельствовать мнѣ это... *Истинная сила — въ правѣ*. Безъ *права* все недолговѣчно“.

Какъ всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда ему нечего сказать, а сказать что нибудь нужно, Меттернихъ нагромождаетъ слова. Приведенныя тирады — самыя положительныя, а много ли въ нихъ реальнаго смысла? Если бы девизъ „la force dans le droit“ былъ провозглашенъ Гладстономъ, онъ не нуждался бы ни въ какихъ комментаріяхъ. Сила англійскаго правительства именно въ томъ, что оно опирается на право и уважаетъ право. Меттернихъ, очевидно, не чувствовалъ, что въ *его* девизѣ такія слова должны были вызывать либо насмѣшку, либо негодованіе.

О какомъ правѣ могъ говорить Меттернихъ? Развѣ не было то правомъ, когда на Вѣнскомъ конгрессѣ нѣмецкіе государи торжественно обѣщали ввести сословную конституцію въ Германіи? А что сдѣлалъ Меттернихъ съ этимъ обѣщаніемъ? Когда нѣмцы начали требовать осуществленія дарованнаго имъ *права*, ихъ наградили карлсбадскими постановленіями. И не кто иной, какъ Меттернихъ, былъ духовнымъ отцомъ этого вопіющаго преступленія противъ права. Въ этомъ ли была его сила? Но онъ говоритъ не всегда о правѣ просто. Ему онъ предпочитаетъ „вѣчное право“, т.-е., очевидно, такое, которое изначала принадлежитъ какъ индивидуму, такъ и коллективу. А что онъ дѣлалъ съ этимъ вѣчнымъ правомъ, когда люди поднимали голосъ во имя его? Если это были отдѣльные итальянскіе патріоты, какъ Сильвіо Пеликко, ихъ гноили въ Шпильбергѣ; если это были группы людей, какъ въ Пьемонтѣ, Неаполѣ, Испаніи,— противъ нихъ посылали солдатъ съ пушками, и тонули въ крови мечты о „вѣчномъ правѣ“. Если это были польскіе патріоты, на нихъ натравливали крестьянъ, и чудовищная полицейская пугачевщина выбивала изъ вольнолюбивыхъ шляхетскихъ головъ безсмысленныя мечтанія. Если это былъ вольный городъ Краковъ, пользующійся своими „правами“ тоже отъ Вѣнскаго конгресса, его присоединяли къ Австріи. Если это были греки, которые вопили о „правѣ“ подъ саблями башибузуковъ, имъ совѣтовали сидѣть смирно и терпѣть все отъ своего легитимнаго государя.

И все это творилось либо по приказанію, либо съ соизволенія и одобренія краснорѣчиваго апостола „вѣчнаго права“. Одно только вѣчное право признавалось священнымъ,— право, „освященное исторіей“, легитимное право монарховъ, легитим-

ное право дворянства, легитимное право духовенства, какъ то было растолковано у евангелистовъ безвременья, не признающаго „системъ“: Галлера и Ад. Мюллера.

Другими словами, позволить себѣ роскошь имѣть права, или ссылаться на права могли только тѣ, у кого была сила. Въ такой перестановкѣ девизъ Меттерниха былъ бы вѣрнымъ отображенiемъ его системы. Ибо, очевидно, „примѣнять законы, управляющiе мiромъ“, значило не что иное, какъ провозглашать силу правомъ и сокрушать тѣхъ, кто этому не хотѣлъ вѣрить.

Въ этомъ и заключалась „система Меттерниха“. Оригинальнаго въ ней не было рѣшительно ничего. Ее примѣнялъ деспотизмъ, начиная съ ассирiйскихъ и египетскихъ царей, и она всегда имѣла одно и то же содержанiе. У Меттерниха были огригинальны лишь детали. Какъ дипломатъ, онъ хотѣлъ сдѣлать свой деспотизмъ международнымъ, организовать международное общество взаимнаго страхованiя отъ революцiи. И все съ одной и тою же цѣлью: чтобы въ Австрiи жива была и благоденствовала династiя Габсбурговъ и чтобы при ней жилъ и наслаждался ея вѣрный паладинъ князь Венцеславъ-Клементiй-Непомукъ Меттернихъ, владѣтель Дарувара и Iоганнисберга, герцогъ Портелла, грандъ и герцогъ Испанiи, кавалеръ безчисленныхъ австрiйскихъ и иностранныхъ орденовъ и прочая, и прочая, и прочая.

Чувствовалъ ли самъ Меттернихъ глубокое лицемѣрiе своихъ заявленiй, чувствовалъ ли онъ цинизмъ своихъ торжественныхъ громкихъ девизовъ, настолько прозрачный, что онъ уже переставалъ быть возмутительнымъ и становился только смѣшнымъ?

Въ тѣ рѣдкiя минуты, когда ему надоѣдали стилистическое пустозвонство и самовлюбленныя рѣчи къ потомству, наполняющiя теперь восемь толстыхъ томовъ его мемуаровъ, онъ проговаривался: „Моя жизнь совпадаетъ съ отвратительнымъ перiодомъ. Я явился въ свѣтъ либо очень рано, либо очень поздно. Теперь я не гожусь ни на что... Я провожу жизнь въ томъ, чтобы подпирать зданiя, изъѣденныя червями“.

Въ „послѣдней главѣ“ мемуаровъ онъ скажетъ это по-другому: „Je suis l'homme de ce qui était“, что въ вольномъ переводѣ означаетъ: „Я дѣйствую во имя того, что умерло и умерло безповоротно“...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Изданія М. и С. Сабашниковыхъ.

Гершензонъ, М. Декабристъ Кривцовъ и его братья. 2 руб.

М. О. Гершензонъ достигъ высокого совершенства въ особомъ родѣ произведеній, которыя стоятъ, можно сказать, на рубежѣ научнаго изслѣдованія и художественнаго изображенія общественныхъ типовъ минувшихъ временъ. Таковы его труды о Печеринѣ, о Чаадаевѣ, о грибоѣдовской Москвѣ. Къ этой же серіи вполнѣ примыкаетъ и книга о братьяхъ Кривцовыхъ. На первый взглядъ можетъ показаться, что авторъ просто пересказываетъ документы семейной хроники, при чемъ, благодаря выдающемуся литературному таланту его, этотъ пересказъ возвышается до цѣльной художественной картины и читается съ живымъ интересомъ, какъ мастерски написанный романъ. Но по мѣрѣ чтенія нельзя не замѣтить, что въ форму яркаго разсказа о жизни той или иной семьи былой эпохи авторъ въ высшей степени искусно вкладываетъ психологическій и историко-бытовой анализъ общественныхъ типовъ соотвѣтствующаго времени, оттѣняя этимъ господствовавшія черты культурнаго развитія общества. Такъ, бокъ-о-бокъ съ художественнымъ изображеніемъ идетъ научное изслѣдованіе, въ основу котораго полагается пристальный микроскопическій анализъ старинной частной переписки, мемуаровъ, дневниковъ и тому подобныхъ матеріаловъ.

Чтеніе книги М. О. Гершензона даетъ читателю въ одинаковой мѣрѣ и умственное, и эстетическое наслажденіе.

А. Кизеветтеръ. *„Русскія Вѣдомости“.*

Гершензонъ, М. Грибоѣдовская Москва. 1 рубль.

Читая книгу М. Гершензона, прежде всего изумляешься его искусному перевоплощенію въ художника-хроникера, а потомъ ужъ соглашаешься, что его очеркъ—превосходный опытъ исторической иллюстраціи къ „Горе отъ ума“. Неизданныя письма Римскихъ-Корсаковыхъ дали возможность автору нарисовать такіе чудесные портреты, начиная съ Маріи Ивановны, поразительно выпуклой фигуры московской барыни до и послѣ-пожарной Москвы, и кончая горничной Дуняшей, по-французски характеризующей гостей,—что испытываешь временами то же эстеческое волненіе, какое доставляетъ романъ большой художественной цѣнности.

„Русскія Вѣдомости“

Ешевскій, С. Собраніе сочиненій по русской исторіи. Съ портретомъ автора и приложеніемъ мемуаровъ его и біографіи, составленной **К. Бестужевымъ-Рюминымъ.** 2 руб.

Имя С. В. Ешевскаго вспоминается тотчасъ же, какъ только на память приходятъ дорогія имена Т. Н. Грановскаго и П. Н. Кудрявцева. Ихъ даровитый ученикъ и достойный преемникъ по каѳедрѣ, талантливый профессоръ Ешевскій занимаетъ вполнѣ опредѣленное, давно установившееся и очень почетное положеніе какъ въ русской исторической наукѣ, такъ и въ традиціяхъ Московскаго Университета... Изданію предпослана извѣстная статья К. Н. Бестужева-Рюмина о С. В. Ешевскомъ и отрывокъ изъ записокъ послѣдняго: „Московскій Университетъ въ 1861 году“. Перепечатка этихъ въ высшей степени любопытныхъ записокъ представляется какъ нельзя болѣе умѣстною въ настоящемъ сборникѣ.

„Русскія Вѣдомости“.

Изданія М. и С. Сабашниковыхъ.

Лависсъ, Э. и Рамбо, А. Эпоха крестовыхъ походовъ. Перев. М. Гершензона, съ предисловіемъ проф. А. Н. Савина, въ 2-хъ томахъ. Ц. 4 р.

Книга эта, какъ и все изданіе „Всеобщей исторіи" Лависса и Рамбо, является коллективнымъ трудомъ, въ которомъ каждый отдѣлъ написанъ спеціалистомъ-историкомъ, среди которыхъ имена первоклассныхъ ученыхъ — Сеньобосъ (переводчикъ даетъ французскую транскрипцію—Сеньобо), Люшеръ, Ревиль, Лаплуа и, наконецъ, редакторы Лависсъ и Рамбо. Одно изъ главныхъ достоинствъ этого труда—научность и въ то же время популярность изложенія. Поэтому „Эпоха крестовыхъ походовъ" одинаково полезна какъ для тѣхъ, кто посвящаетъ себя серьезному историческому образованію, такъ и для чтенія въ цѣляхъ общаго самообразованія.

„Рѣчь".

Петрушевскій, Д. Великая Хартія Вольностей и конституціонная борьба въ англійскомъ обществѣ во второй половинѣ XIII вѣка. Ц. 85 к.

Прекрасное пособіе по исторіи первыхъ зачатковъ англійскаго конституціонализма. Авторъ даетъ въ началѣ общую картину англійской государственности, какъ она сложилась въ результатѣ нормандскаго завоеванія; затѣмъ изображаетъ послѣдовательную борьбу бароновъ съ Іоанномъ Безземельнымъ, революцію 1258 г. („бѣшеный парламентъ"), гражданскую войну 1263—1264 гг. (Симонъ де-Монфоръ), наконецъ, движеніе 1297 года. Очеркъ заканчивается характеристикой англійскаго парламента въ началѣ XIV вѣка. Цѣнность книги, какъ пособія для изученія конституціонной исторіи Англіи XIII в., тѣмъ выше, что важнѣйшіе конституціонные документы эпохи не только подвергнуты тщательному анализу въ текстѣ, но и даны полностью въ приложеніи, притомъ въ двухъ видахъ: въ латинскомъ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ автора.

В. Волгинъ. *„Русскія Вѣдомости".*

„Книжка Д. М. Петрушевскаго является превосходнымъ введеніемъ въ методологію исторіи, выясняя на конкретныхъ примѣрахъ движенія силы историческаго процесса. Авторъ ищетъ ихъ, эти силы, въ классовыхъ интересахъ: „то, что идеологу представляется какъ борьба принциповъ, ихъ логическая игра,—говоритъ онъ,—въ дѣйствительности представляетъ собою борьбу реальныхъ интересовъ общественныхъ группъ, въ теоретическихъ положеніяхъ находящихъ лишь свое выясненіе и болѣе или менѣе точную формулировку".

„Современный Міръ".

Петрушевскій, Д. Возстаніе Уота Тайлера. 2 руб. 75 коп.

Трудъ профессора Петрушевскаго по содержанію своему гораздо шире своего заглавія и представляетъ собой научное изслѣдованіе процесса разложенія феодальнаго строя въ Англіи. Особенно ярко выразился этотъ процессъ въ возстаніи 1381 года, когда крестьянская масса почти единодушно поднялась на защиту своихъ правъ. Однимъ изъ вождей возстанія былъ Уотъ Тайлеръ, на долю котораго выпала честь дать свое имя всему движенію. Возстаніе, вскорѣ подавленное, представляетъ историческій интересъ не какъ

отдѣльный эпизодъ, но какъ показатель того экономическаго положенія, въ которомъ находилась Англія до конца XIV вѣка. Именно съ этой точки зрѣнія и разсматриваетъ это возстаніе проф. Петрушевскій, и анализируя требованія, выдвинутыя мятежниками, находитъ здѣсь полное и яркое выраженіе тѣхъ экономическихъ нуждъ, разрѣшеніе которыхъ было насущной задачей того времени. Книга проф. Петрушевскаго представляетъ собой болѣе чѣмъ интересную работу, при чемъ автору удалось соединить легкость изложенія съ глубоко-научнымъ содержаніемъ и тщательной разработкой матеріала.

Книга снабжена географической картой и весьма цѣнными библіографическими указаніями.

„Утро“, Харьковъ.

Владиміръ Розенбергъ. Лѣтопись русской печати (1907 — 1914). 70 к.

Въ заглавіи этой книжки скромно поставлено слово „лѣтопись“. Съ полнымъ основаніемъ оно могло бы быть замѣнено болѣе выразительнымъ — „мартирологъ“. Правда, авторъ изображаетъ судьбы русской печати въ пору ея „свободы“, послѣ той грани, которую торжественно проводили слова Высочайшаго указа о „незыблемыхъ основахъ гражданской свободы, однимъ изъ условій коей является свобода слова“, и объ устраненіи „примѣненія въ области періодической печати административнаго воздѣйствія“. Но какъ разъ за этою гранью стала развертываться, что ни годъ, то шире, во всей печальной грандіозности, та картина, которую г. Розенбергъ вѣрно опредѣляетъ, какъ „цензурную реакцію, окутанную легкой дымкой красивыхъ фразъ о свободномъ словѣ“. Съ каждымъ шагомъ впередъ отъ грани дымка становилась все тоньше, все выразительнѣе и рѣзче проступали черезъ нее черты реакціи, пока, наконецъ, и послѣдній флеръ былъ прорванъ, и министерскій законопроектъ оголилъ правду. Этапы этого попятнаго движенія въ темныя дебри цензуры и всяческой легальной и сверхъ-легальной борьбы съ „излишествами печати“ хорошо прослѣжены, по годамъ, въ этюдѣ г. Розенберга, особенно — начиная съ іюня 1907 г., когда распустилась такимъ пышнымъ цвѣтомъ штрафная система.

„Рѣчь“. Петроградъ.

Сакулинъ, П. Изъ исторіи русскаго идеализма. Князь В. Ѳ. Одоевскій. 5 р. 50 к.

Среди изслѣдованій, посвященныхъ реставраціи забытыхъ цѣнностей нашей литературы XIX вѣка, недавно вышедшій трудъ П. Н. Сакулина, — „Изъ исторіи русскаго идеализма“. Князь В. Ѳ. Одоевскій. Мыслитель-писатель, — занимаетъ исключительное мѣсто: такой фактической напряженности, богатства и свѣжести матеріала, такого обилія разнородныхъ возбужденій мы давно не встрѣчали. Привлекшій вниманіе немногихъ спеціалистовъ и почти неизвѣстный огромному большинству занимающихся литературой, кн. В. Ѳ. Одоевскій выступаетъ теперь передъ нами въ такомъ всестороннемъ освѣщеніи, обрисованъ съ такой изумительной полнотой, что смѣло можно сказать объ его подлинномъ воскрешеніи изъ мертвыхъ... Каждое положеніе изслѣдованія П. Н. Сакулина внушительно подкрѣплено цитатами изъ неизвѣстныхъ или забытыхъ сочиненій Одоевскаго, рукописныхъ замѣтокъ, статей, ссылками на самые разнообразные источники, нерѣдко свидѣтельствующіе о такой эрудиціи изслѣдователя, что приходится изумляться...

Н. Бродскій. *„Русскія Вѣдомости“*.

Москва.— 1915.
ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА.
Петровка, д. 26. Тел. 1-31-34.